МЕДВЕДЕВ

Теодор Гладков

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Жизнь замечательных людей

Серия биографий

ОСНОВАНА
В 1933 ГОДУ
М. ГОРЬКИМ

ВЫПУСК 10
(657)

Теодор Гладков

МЕДВЕДЕВ

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1985

63.3(2)722.58
Г 52

Гладков Т. К.

Г 52 Медведев. — М.: Мол. гвардия, 1985. — 304 с. — (Жизнь замечат. людей. Сер. биогр. Вып. 10(657)).

В пер.: 1 р. 50 к. 150 000 экз.

Книга о жизненном пути видного чекиста, одного из руководителей партизанского движения в годы Великой Отечественной войны, писателя, Героя Советского Союза Д. Н. Медведева. В центре повествования — партизанское движение в годы Великой Отечественной войны. Книга основана на обширном документальном материале, в значительной степени архивном или малоизвестном советскому читателю.

Г $\frac{4702010200-261}{078(02)-85}$ Без объявл.

ББК 63.3(2)722.58
9(С)277

ЧАСТЬ I

РЕВОЛЮЦИЕЙ ПРИЗВАННЫЙ

БЕЖИЦА

В трехстах пятидесяти километрах к юго-западу от Москвы находится крупный промышленный город и областной центр Брянск. Когда-то здесь обитали славянские племена вятичей и радимичей. Рядом, в широкой пойме Десны, жили северяне. Когда Киевская держава распалась, здесь образовалось самостоятельное Брянское княжество.

Впервые Брянск упоминается в Ипатьевской летописи под 1146 годом. Считают, что нынешнее название города происходит от более древнего наименования «Дъбрянск», прямо указывающего на былые здешние лесистые долины. По другой версии, оно восходит от слова «дебрь», которое означало также овражистую, холмистую местность, поросшую мелколесьем.

Со временем Брянск приобрел особое значение как крупный центр ремесел и торговли. Путешественники XVIII века отмечали, что в Брянске и его окрестностях много чугунных, железных, стекольных и иных заводов. При Петре здесь на высоком берегу Десны было налажено строительство гребных галер и барж. Стекольное дело вскорости захватило в свои цепкие руки семейство Мальцевых. В Орловской, Калужской и Пензенской губерниях принадлежали ему десятки фабрик.

В 1752 году в Брянске был основан крупный металлургический завод, тогда же началось строительство артиллерийского завода, где изготавливали лучшие в России стальные орудия.

Когда сегодня мы пишем и говорим о Брянске, то зачастую на самом деле имеем в виду и другой промышленный город, возникший от Брянска в нескольких верстах, там, где невидная Болва сливается с красавицей Десной, — Бежицу. Именно на этом месте разбогатевший на поставке шпал кулак Губонин основал завод. Дело показалось перспективным, но своих средств и связей

у Губонина не хватало. Тогда вместе с богатым подрядчиком Голубевым он учредил в 1873 году «Акционерное общество Брянского рельсопрокатного, железоделательного и механического завода для добывания металлов и минералов, для выплавки чугуна, выделки железа и стали и приготовления из них изделий на продажу».

В качестве технического руководителя предприятия Губонин и Голубев пригласили влиятельного человека князя Тенишева, который считался одним из самых видных русских инженеров. Брянский завод стал крупнейшим металлургическим, машиностроительным, а затем и паровозостроительным предприятием страны. По производственной мощности он уступал только Путиловскому заводу в Петербурге.

В начале тридцатых годов писатель Василий Ильенков в романе «Ведущая ось» так описал становление гиганта русской индустрии: «Некогда, кутаясь в дым и смрад, в котловине бурливой реки, на песок, нанесенный тысячелетиями, неожиданно легли три мрачных и грозных постройки. Они растревожили извечный покой хвойных лесов: все дальше и дальше в лесную глубь уходили медвежьи тропы; глухари, прилетавшие сюда на привычные старые токовища, в самый разгар весенней песни взрывались, устрашенные неслыханным грохотом. Лишь по-прежнему в строгом молчании стыли высокие курганы...

Это было грозное наступление железа и стали; поля уходили вдаль, волоча к горизонту худосочные нивы... Лес отступал в беспорядке, усеивая путь отступления желтыми трупами сосен и могучими пнями, не истлевшими до сегодня. К небу вместо мачтовых сосен поднялись красные стволы труб, раскинувших ветвистый дым...

Завод гремел день и ночь, застилая черной копотью небо; плавил, мял, тянул сталь и звенящими канатами рельсов вязал непокорную землю. Деревни, отодвинувшись за реку, испуганно окопались в оврагах, нахлобучив соломенные шапки, бурчали, отсиживались годами, но, сломленные упорством противника, сдались. Бросив поля, люди потекли в дымные цехи, меняя жизнь. Завод обрастал тысячами домиков, широкими улицами, казармами, набитыми до отказа людьми».

Кадры свои Губонин черпал из разоренных крестьян. Они радовались даже тому, что не помирали голодной

смертью. Это очень точно подметил А. Н. Некрасов. В поэме «Кому на Руси жить хорошо» есть такие строки:

А ныне, милость божия!
Досыта у Губонина
Дают ржаного хлебушка,
Жую — не нажуюсь!

В 1879 году Брянский завод произвел треть всей стали, выплавленной в России. Продукция предприятия отличалась исключительно высоким качеством, и завод получил почетное право клеймить свои изделия государственным гербом Российской империи.

На Всероссийской выставке в 1882 году всеобщее изумление и восторг вызвала демонстрация доставленного из Бежицы экспоната — то был обыкновенный рельс: его свивали штопором, но в металле не появлялось ни единой трещины. Из брянской стали были сооружены конструкции мостов через Днепр и Амударью, фермы Киевского вокзала в Москве. Плуги Брянского завода на российских и международных выставках получили несколько десятков золотых медалей. Паровоз серии «Б» справедливо считался долгое время самым быстроходным и экономичным отечественным локомотивом. Палубной броней, выделанной бежицкими мастерами, выстланы были палубы легендарного броненосца «Потемкин».

Расширялся завод, стремительно росла и Бежица. На рубеже XX века здесь проживало уже 20 тысяч человек. Появился водопровод, телефон, электрическое освещение. Заводовладельцам нужны были образованные люди, поэтому в Бежице открылось несколько начальных училищ, церковно-приходская, министерская и городская школы, а также школа ремесленных учеников.

Все население Бежицы в той или иной степени было связано с заводом, поэтому многие знали друг друга. Семья сталевара Медведева пользовалась всеобщим уважением. В черный от копоти корпус губонинского завода Николай Федорович пришел еще подростком. Родом он происходил из мещан города Орла, где отец его владел небольшой лавкой. Торговое дело пришлось пареньку не по душе, и в тринадцать лет он сбежал из дома. Громадный завод (на Губонина уже тогда гнуло спину семь тысяч человек) потряс его. Новенького определили в сталелитейную мастерскую. В обязанности мальчика входило поднимать и опускать тяжелую заслонку, когда рабочие забрасывали в горловину печи шихту. Жил, как все,

вначале в землянке, потом в заводской казарме на общих нарах.

Женился Николай Федорович молодым. Заработок имел приличный, как квалифицированный рабочий — подручный сталевара — был на хорошем счету у инженеров. Положения такого он добился исключительно благодаря своим профессиональным достоинствам и добросовестности. Не только у инженеров и техников (которых, кстати, на весь многотысячный завод насчитывалось всего-навсего... двенадцать человек!), но и среди рабочих Медведев почитался за знание дела и честность.

Ольга Карповна, урожденная Губанова, происходила из крепостных. Двенадцати лет от роду ее определили в няньки к новорожденному отпрыску управляющего помещичьим имением в селе Любохна. Господский младенец был болезненным, часто плакал, малолетняя нянька не всегда могла выдержать бессонную ночь у люльки, случалось, засыпала прямо на табурете.

Поначалу молодожены жили в бараке для семейных, потом, скопив денег, построили на Брянской улице собственный одноэтажный дом. Когда семья разрослась, к этому дому пристроили углом второй [1]. Жизнь Медведевы прожили дружно, в любви и уважении друг к другу.

Оба — и Николай Федорович, и Ольга Карповна — выделялись высоким ростом, статью и красотой. Такими же выросли и дети. Их у супругов родилось тринадцать. Четверо умерли в младенчестве, остальным родители дали имена (по старшинству): Мария, Александр, Полина, Клавдия, Анна, Алексей, Дмитрий, Екатерина, Михаил. По официальным документам следует, что сын Дмитрий родился 22 августа (по новому стилю) 1898 года.

Трое старших сыновей вымахали в отца. Рост Дмитрия Николаевича был 187 сантиметров, к тому же он с юношеских лет обладал великолепной выправкой. Не раз потом приходилось ему выслушивать вопрос: не из бывших ли он гвардейских офицеров? Случалось, не верили, услышав в ответ, что офицером старой армии, тем более гвардии, Медведев никогда не был.

Жила семья по сравнению со многими другими в достатке, потому как с годами Николай Федорович вышел

[1] Эти дома не сохранились. Брянская улица ныне носит имя Медведева. На месте домов в послевоенные годы построена средняя школа № 16. Перед школой растет старая липа — единственное на всей улице дерево, сохранившееся с дореволюционных времен.

в обер-мастера литейного цеха. Славился тем, что за пятьдесят лет беспрерывной работы в сталелитейной мастерской ни разу не упустил плавку. Советовались с Медведевым не только рабочие, но даже и главные инженеры завода. По этой причине ему, единственному из всех обитателей Брянской улицы, установили в доме телефонный аппарат.

Однако Медведев никогда к начальству не подлаживался, держал себя независимо и с достоинством. Рабочие это видели и относились к мастеру с глубоким почтением, частенько даже побаивались его, потому как был он справедливый и очень строгих правил человек. Когда грянула первая русская революция, Николай Федорович оказался единственным мастером, которого бежицкие рабочие не изгнали с позором с территории завода.

Свержение самодержавия, а затем Октябрьскую революцию Николай Федорович принял с удовлетворением. По возрасту он не мог участвовать в революционных событиях и гражданской войне, но все последующие годы с исключительной добросовестностью работал в своем цехе. Ему было присвоено звание Героя Труда. Отмечен был Медведев также именными золотыми часами, которые принял из рук Михаила Ивановича Калинина. В 1941 году часы эти были сданы с немногими медведевскими ценностями и облигациями государственных займов в Фонд обороны.

В доме Медведевых праздности не терпели, авторитет отца и матери у детей был незыблем, но робости домостроевской перед старшими не было и в помине. Всю педагогическую премудрость родителям заменяли доброта, строгость и справедливость. Подрастая, старшие дети принимали на себя, как нечто само собой разумеющееся, часть отцовских и материнских забот о младших. У каждого из сыновей и дочерей был твердый круг обязанностей — от колки дров до мытья полов и посуды. При доме имелся сад и огород, овощи, фрукты, ягоды служили немалым подспорьем для семьи, где за стол садилось одиннадцать едоков. Большой деревянный дом требовал постоянного ухода. Под началом Николая Федоровича все работы осуществляли сыновья, с детства обученные плотницкому, столярному и слесарному делу.

Ольга Карповна и Николай Федорович к знаниям и образованности относились с почтением. Дать детям хорошее образование было мечтой и целью жизни родителей. Для этого не жалели ни сил, ни средств. В доме Мед-

ведевых имелись хорошие книги. Особенно пристрастились к чтению сыновья. Первой книгой, которую осилил самостоятельно Митя Медведев, был «Овод» Этель Лилиан Войнич, полученный в подарок от старшего из братьев (он родился в 1893 году) Александра. История Артура произвела на мальчика большое впечатление. «Овод» во многом определил дальнейшее развитие его духовного облика, круга интересов и склонностей.

В комнатке за кухней, где жили мальчики, у них была своя библиотечка: несколько полок книг отечественной и зарубежной классики.

В доме существовал и много лет поддерживался хороший обычай семейного чтения. По вечерам собирались в гостиной, усаживались вокруг большого круглого стола, накрытого белой вязаной скатертью, и кто-нибудь из детей читал вслух книгу. Читали не отрывками, а непременно от начала и до конца, даже если уходил на это месяц. Особенно любила эти вечера мать. Митя не раз слышал, как она, сама не умевшая читать, пересказывала содержание книг соседкам. Круг чтения Дмитрия во многом складывался под влиянием брата Александра.

После «Овода» Митя прочитал еще несколько книг, героями которых были сильные, смелые, самоотверженные люди, поднявшиеся на борьбу за освобождение и счастье народа. Особенно полюбил юный Митя стихи Н. А. Некрасова. Гневные и печальные строки великой поэмы «Кому на Руси жить хорошо» прямо перекликались с рассказами матери о временах крепостного права, а о каторжном труде рабочих на Мальцевых и Губониных он уже знал лично.

Надолго запомнился Мите рассказ Александра о крестьянском восстании Ивана Болотникова, который в 1606 году отсюда, с Брянщины, во главе пятидесятитысячной мужицкой армии двинул на Москву. Одна из волостей, особо активно участвовавшая в восстании, называлась Комарицкой. От нее и пошла по Руси песня о лихом «сукином сыне, комарицком мужике».

С раннего детства Митя Медведев видел вокруг себя беспросветную нужду, тяжкую, до надрыва, работу на заводе, где что ни день — несчастный случай, нередко с увечьями, а то и гибелью рабочих.

От безысходной тоски слободские — а почти вся Бежица была, в сущности, именно большой заводской слободой, тяжело пили, отводя душу, били под пьяную руку жен и детей, калечили и друг друга в бессмысленных и

жестоких драках. Так жили не только в Бежице и Брянске — по всей фабрично-заводской России.

Незадолго до рождения Дмитрия Бежицу потрясли трагические события, надолго врезавшиеся в память горожан. Об этом бунте Мите часто рассказывала мать, которая была его очевидицей от начала и до конца. На троицу случился внезапный и яростный бунт. Какой-то мальчишка возле продуктовой лавки швырнул камнем в пробегавшую мимо собаку. Владельцем пса оказался находившийся тут же рядом сторож. Не раздумывая долго, хозяйский прихвостень сорвал с плеча заряженную берданку и выпалил в мальчонку.

Улицей проходили заводские мужики, возвращавшиеся с традиционной ярмарки из Брянска. Рабочие, ставшие свидетелями дикого убийства, с криком: «В детей наших стреляешь, сволочь!» — бросились на сторожа. Тот помчался искать спасения к дому пристава. Увидев толпу, пристав напугался и скрылся. Тогда сторож побежал к проходной завода и проскочил за ворота. Толпа и здесь не остановилась, под ее неудержимым напором затрещали на петлях и запорах, а потом рухнули наземь тяжелые кованые створы. Меж тем сюда уже бежали со всех близлежащих улиц мужики, выворачивая на ходу колья, прихватывая топоры и каменья. И крик — безжалостный, исступленный: «Выпускай красного петуха! Поджигай!»

Полетели в окна и на крыши низких прокопченных мастерских пылающие пучки соломы и промасленные тряпки. И вот уже загудело, забилось на ветру жаркими искрами жадное мятежное пламя.

До утра бушевала, высвобождая годами накопленную ярость, Бежица. Все крушила, ломала, сметала со своего пути. В слепом бешенстве жгла богатые дома, разносила вдребезги лавки и питейные заведения купцов Забалуева, Мурзина и Авраамова.

Утром в Бежицу, громыхая по булыгам тяжелыми сапогами, с винтовками наперевес вступили две роты Каширского пехотного полка. Началось усмирение «бунтовщиков». Пошли обыски, аресты, массовые увольнения и суд над зачинщиками. Состоялся громкий процесс. Рабочие понесли тяжелые наказания, хотя защищать их вызвались безвозмездно хорошие адвокаты, в том числе знаменитый Ф. Н. Плевако.

Общий подъем рабочего движения в России последнего десятилетия XIX века не мог миновать такого крупного промышленного района, как Брянск с Бежицей.

На Брянском заводе также прошли волнения, однако первые требования недавних крестьян были более чем скромными: выдавать в бане бесплатные веники и завести в общественном стаде заводского быка.

Однако вскоре на заводе произошла уже не стихийная, а подготовленная стачка, в ходе которой были выдвинуты настоящие пролетарские требования, хотя пока и сугубо экономического характера: сокращение рабочего дня и повышение заработной платы. Стачкой, как установило жандармское управление Орловской губернии, руководила организация социал-демократического направления «Союз сознательных рабочих». Он объединил до 500 рабочих, при нем была создана и касса взаимопомощи. Организатором «Союза» был приехавший из Петербурга слесарь Григорий Корхов. В Питере Корхов был близок к революционерам Степану Халтурину и Виктору Обнорскому.

Стачка продержалась девять дней, в ней участвовало 11 тысяч человек! Такое событие не могло остаться незамеченным не только в губернии, но и во всей империи.

В 1902 году в городе был создан Брянский комитет Российской социал-демократической рабочей партии. После завершения в Лондоне II съезда РСДРП он был реорганизован в Объединенный Орловско-Брянский комитет, стоявший в основном на большевистских позициях. Возглавил комитет близкий соратник В. И. Ленина Иннокентий — Иосиф Дубровинский. Связь орловских социал-демократов с брянскими революционерами поддерживал Владимир Русанов, ставший впоследствии известным полярным исследователем.

...От русско-японской войны у Мити Медведева сохранились воспоминания самые смутные: надрывные звуки гармошки — в соседнем дворе кто-то наигрывал «Разлуку», рисунки в иллюстрированных журналах, изображавшие бой «Варяга» и «Корейца» с вражеской эскадрой, зловеще свистящее слово «Цусима». Но спустя некоторое время грянула революция 1905 года.

В феврале—марте в ответ на расстрел рабочих на Дворцовой площади Санкт-Петербурга в Брянске разразилась грандиозная забастовка. Она длилась месяц, причем в ходе стачки рабочие выдвинули в первую очередь политические требования. Имел отношение к событиям и Александр Медведев — он стал организатором забастовки учеников ремесленного училища в поддержку родителей и старших братьев-рабочих.

Вторая революционная волна всколыхнула город после пресловутого царского манифеста. 22 октября в Брянске на Соборной площади состоялась демонстрация, на которую вышло почти все рабочее население обоих городов.

Семилетнему Мите Медведеву, естественно, полагалось в этот день сидеть дома. Однако, впервые не послушав мать, он с братом Алексеем (в детстве они не расставались) и еще несколькими приятелями очутился на Покровской горе, на которой возвышался главный храм города — Покровский собор.

Огромная площадь уже была до краев заполнена возбужденной толпой. Кое-где виднелись самодельные флаги красного цвета.

Такое скопище людей Мите раньше доводилось видеть лишь в дни ярмарок. Но там всегда было шумно и весело: гремела музыка, звучали песни, слышались пронзительные крики зазывал в балаганах и торговцев-коробейников. Теперь же народ стоял тихо, никто не пел, никто не толкался в праздничной суете, не лузгал семечек. Все словно ждали чего-то в тревожной тишине. Общее напряжение передалось и мальчикам, они заробели и притихли, устроившись возле соборной ограды.

Несколько мастеровых приволокли откуда-то два деревянных ящика и взгромоздили их один на другой. На эту шаткую трибуну поднялся коренастый мужчина средних лет и, сняв перед народом уважительно шапку, стал что-то говорить.

— Кубяк! Николай Кубяк, из большевиков, — сказал кто-то в толпе.

Что означает слово «большевик», Митя не знал, из доносившихся обрывков речи не понял почти ничего. Единственное, что разобрал, так это последние слова: «Долой царя Николая Кровавого!»

Кубяка сменил на ящиках молодой человек в черной студенческой шинели. Его тоже узнали — Васильев, из технического училища. Слов Васильева Митя вообще уже не услышал — такой вдруг поднялся гомон и крик. Мальчики увидели, как мимо них из проулков, выходящих на площадь, не разбирая дороги, подбадривая себя грубой бранью, бежали бородатые, в смазных сапогах и суконных поддевках крепкие мужики. Один, с дикими, прозрачными глазами, высоко над головой держал портрет царя Николая, второй размахивал иконой с изображением Спаса Нерукотворного. Остальные тоже сжимали в ру-

ках — уже не портреты и не иконы, а увесистые палки, обрезки железных труб и цепей...

С пьяным ревом лавочники, приказчики, слободские хулиганы врезались в безоружную толпу, обрушивая направо и налево удары со всего маха, от плеча... Потом негромко хлопнули подряд четыре револьверных выстрела. Кто стрелял, откуда — так никто и не установил. С ужасом увидел Митя, как, согнувшись, рухнул с трибуны студент Васильев...

Послышался дробный цокот копыт, и, повинуясь незримому сигналу, а может, сигналом и стали эти выстрелы, из-за домов с гиканьем вылетела казачья сотня. Следом за казаками, тяжело топая по булыжной мостовой пудовыми сапогами, бежали грузные городовые, придерживая руками шашки. Один на ходу отбросил Митю в сторону, рявкнул свирепо:

— А ты марш домой, покуда цел!

Растерянный Митя узнал квартального, который два раза в год — под рождество и на пасху — заходил в ним в дом. «Поздравлял» вежливо с праздником, распушив усы, выпивал рюмку водки и, получив серебряный рубль, степенно удалялся... В следующий дом, где его уже ждали.

Зажмурив глаза, Митя увидел, как знакомый полицейский яростно и расчетливо ударил ножнами шашки по голове тоже немолодого мастерового. Тот рухнул на землю, даже не охнув...

Мальчики побежали... Задыхаясь, роняя шапки, мчались они к Брянской, а в ушах все звучали крики избиваемых нещадно людей, мерещился свист крученых казацких нагаек. В родном доме никто почему-то братьев не обругал, не накинулся на них с положенными расспросами, почему ушли без разрешения, где пропадали. Мелькнула в сенях встрепанная сестра Анна, громыхнув пустым ведром, вылетела на улицу, на братьев даже не взглянула.

Из распахнутой двери донесся вдруг тяжкий, сдавленный стон. С ужасом Митя и Алеша признали голос отца. Не раздеваясь, только кинув как попало пальтишки, ребята бросились в комнату. Николай Федорович в порванной рубахе, бессильно закинув голову, с закрытыми глазами лежал на кровати. Лицо его и руки были покрыты ссадинами и кровоподтеками. Ольга Карповна и сестры непрестанно меняли примочки.

— Папа... — похолодев, прошептал Митя.

Каким-то чужим, незнакомым голосом Ольга Карповна выдохнула:

— Ироды, как есть настоящие ироды!

Сестры рассказали братьям, что днем в одном из укромных уголков безлюдного цеха отца подстерегла и жестоко избила группа черносотенцев.

Не обладай Николай Федорович отличным здоровьем, оставаться бы ему калекой. А он через две недели поднялся с постели, а там и вышел на работу.

Кровавая расправа над рабочими — были убиты студент Васильев и мастеровой Ручкин, еще около пятидесяти человек получили ранения — не запугала пролетарское население Брянска и Бежицы. Когда в Москве разразилось Декабрьское вооруженное восстание, в Бежице, по примеру Пресни, была создана боевая дружина. Командовал ею Николай Кубяк, профессиональный революционер-большевик, в прошлом рабочий Брянского завода. Под охраной своей дружины бежицкие рабочие 9 января 1906 года отслужили в церкви панихиду по жертвам прошлогоднего Кровавого воскресенья. После панихиды состоялась демонстрация, на которой, по подсчетам шпиков, пронесли шестнадцать красных знамен.

Боевая дружина была настолько сильной, что в страхе перед ней власти убрали из Бежицы полицейский пост. Несколько месяцев жизнью в слободе управляли фактически сами рабочие под руководством большевиков, чей штаб расположился в здании Каменного училища. Когда последние баррикады на Пресне были разбиты артиллерийским огнем и царские каратели начали расстреливать их защитников, некоторые повстанцы, сумевшие вырваться из огненного кольца и покинуть столицу, нашли убежище в Бежице.

Детство каждого человека заполнено чрезвычайными и необыкновенными происшествиями, яркий отблеск которых подчас сохраняется на всю жизнь. Одно происшествие из детства Мити Медведева должно быть причислено по праву к числу значительных, а именно: он одним из первых совершил... прыжок с парашютом! Правда, прыжок был не совсем добровольным. Д. Н. Медведев так описал этот случай в своем дневнике 28 мая 1942 года, когда проходил на подмосковном аэродроме парашютную подготовку: «Только что вспомнил о том, что я парашютист с «дореволюционным стажем». Когда мне было семь лет — на Николу (9 мая 1906 года) отец созвал к себе родственников и друзей — рабочих Брянского завода в Бе-

жище, чтобы отметить свой день ангела. Воспользовавшись суматохой в доме, я тихонечко стащил со стола бутылку водки, набрал в карман колбасы и другой закуски и пошел на каланчу к пожарному. Тот меня хорошо принял и начал пить водку и закусывать...

Я о многом расспрашивал пожарного, и он охотно отвечал на мои вопросы. Заметив у него огромный брезентовый зонт, какие обыкновенно бывают у торговок на базаре, я спросил, зачем он у него. Пожарный ответил, что если начнется пожар на каланче, то по лестнице он сойти из-за огня не сможет, откроет зонт и прыгнет с ним вниз, чтобы не сгореть.

Пожарный закурил. Свернул и мне козью ножку. Я вышел из «фонаря» и, попыхивая, начал расхаживать по площадке и рассматривать сверху свою Бежицу. Я и раньше любил приходить сюда. Каланча возвышалась посреди улицы неподалеку от нашего дома, и отец заметил меня снизу. Он взял палку, погрозил ею мне и направился к каланче, намереваясь подняться наверх и вздуть меня за курение. Я перепугался. Положение казалось мне безвыходным. Внизу уже слышны шаги отца, идущего вверх по лестнице. Вспоминаю о зонте. Решение приходит мгновенно: не говоря ни слова пожарному, хватаю зонт, выскакиваю на площадку, раскрываю его и прыгаю вниз — на крышу магазина, пристроенного к пожарной каланче. Ушиб ногу, но, не теряя времени, прыгаю и с крыши. Бросаю зонт и бегу от каланчи...

Всю ночь я не приходил домой — боялся отца. Ночевал в соседнем лесу. Было страшно. Когда вернулся, отец меня не тронул. Он наказал меня уже через несколько дней за какую-то другую провинность, заодно вспомнил и курение, и прыжок. Таков был мой первый прыжок с парашютом».

Эпизод так и остался бы просто забавным, хотя и небезопасным происшествием, если бы не проявилась в нем достаточно заметно одна черта характера Мити Медведева — решительность. В описании этого происшествия Дмитрий Николаевич отметил, что, хотя ему и было страшно, ночевал он в соседнем лесу. Дело в том, что дом Медведевых стоял на длинной Брянской улице. Почти сразу за последним строением начинался лес. В его чащобах и на полянах проводили Митя, Алеша и некоторые их приятели каждый свободный час. Лес был любимым местом их ребячьих игр, сюда же они приходили по грибы, ягоды, орехи. Митя и сам не заметил, как

научился свободно ориентироваться в лесу, различать всякие травы и растения, и целебные, и ядовитые, как познал повадки дикого зверя и птицы. Он умел в любую погоду с одной спички разжечь костер, быстро соорудить из ветвей и листвы шалаш, какой не пробивал и проливной дождь, с легкостью настоящего егеря, словно открытую книгу, читал следы зверей.

Никто в доме не удивился, когда восьмилетний Митя заявил однажды, что, когда вырастет, станет непременно лесничим. Однако профессию эту до революции можно было получить лишь в Лесном институте в Петербурге — привилегированном учебном заведении полузакрытого типа, куда принимали преимущественно детей помещиков. Чтобы попасть в Лесной институт, требовалось закончить классическую гимназию или реальное училище, которых в Бежице тогда еще не было.

В 1908 году Дмитрия Медведева отдали в городскую школу. Так уж случилось, что, хотя Алеша был на год старше Мити, учиться они начали одновременно, сидели на одной парте и были друзьями. Вторым близким другом детства стал живой и энергичный одноклассник Саша Виноградов. Еще через два года родители отправили Митю и Алешу в губернский город, в Орловское реальное училище.

Братья учились легко, хотя ни одному предмету особого предпочтения не отдавали. Мите одинаково нравились и математика, и гуманитарные дисциплины. Трудно было на первых порах с иностранными языками. Большинство учеников были детьми зажиточных родителей, и немецкий, и французский они изучали с детства, с домашними учителями. Братьям Медведевым угнаться за ними было трудно, помогало самолюбие.

Жили ребята на одной квартире с Александром, реалистом-старшеклассником, и его двумя товарищами. Год в Орле стал для Мити и Алеши очень важным периодом в их жизни. Повседневное общение с революционно настроенной молодежью, невольное присутствие на оживленных дискуссиях по различным злободневным и всегда крамольным вопросам (пускай ребята и не все понимали) способствовали их взрослению. Только через много лет Митя узнал, что тогда уже Александр находился под негласным надзором полиции.

В ноябре 1910 года Александр выехал в Ясную Поляну для участия в политической демонстрации учащейся молодежи в связи со смертью и похоронами великого

писателя Льва Толстого. Это событие пробудило в Мите интерес к творчеству автора «Войны и мира» — этот роман он тогда и начал читать впервые.

В 1911 году в Бежице была наконец открыта мужская гимназия, и братья Медведевы смогли вернуться из Орла в родной город. Содержать двух сыновей в гимназии родителям было весьма накладно, старший Александр помогать им был еще не в состоянии — он уехал в Петербург, где поступил в политехнический институт и едва сводил концы с концами. Чтобы как-то помочь отцу, категорически запрещавшему сыновьям бросить учение, Митя стал искать собственный заработок — в классической для российской учащейся молодежи форме репетиторства. Случалось сплошь и рядом, что репетитор был всего на год-два старше своего подопечного, но требования к нему все равно предъявлялись как к взрослому. Получал репетитор до пяти рублей в месяц, к тому же было принято приглашать его к столу.

Между прочим, сама идея давать уроки появилась у Мити после того, как он научил читать собственную мать. Ольга Карповна грамоты не знала и очень этим тяготилась. Идти немолодой женщине, матери большого семейства, в вечернюю школу для взрослых было немыслимо. И тогда сын Митя, да еще в секрете от других детей, вызвался обучить ее чтению и письму и преуспел в этом весьма. Ольга Карповна не только научилась свободно читать, но и пристрастилась к книгам. До самой своей кончины в 1940 году отдавала она чтению все свободное время.

Репетиторством Митя Медведев нисколько не тяготился, более того, находил это занятие полезным и для себя. Уроки вырабатывали выдержку, такт, обязательность.

Летом ученики разъезжались на каникулы. И тогда Митя охотно менял труд умственный на физический. Два лета подряд он по нескольку месяцев работал слесарем у отца на заводе. Рабочих, многие из которых знали сына обер-мастера сталелитейной мастерской с рождения, звание гимназиста, то есть почти барича, нисколько не смущало. Парень в их глазах был свой, рабочий, никакой черной работы не чурался, опасаться его в разговорах откровенных между собой не приходилось. Что же касается гимназии, не все же господским сынкам выходить в инженеры, доктора да адвокаты. Рабочему человеку только лучше будет, если среди людей образованных окажутся и такие, как сыновья мастера Николая Федоровича.

Впервые Митя и Алеша попали на завод, когда им было лет по десяти. Отец привел их в свой цех, чтобы показать, как варят и выпускают сталь. Стоял июль, жара на улице доходила до тридцати градусов. В мастерской было еще жарче. В девяти печах полыхало гудящее пламя в полторы тысячи градусов. Более часа провели ребята в сталелитейной, завороженные волшебным зрелищем расплавленного металла. А когда вышли на изнывающую от зноя улицу, то... замерзли. Невольно братья задумались: каково-то их отцу выстаивать у печей каждый день по десять-двенадцать часов кряду?

Теперь Дмитрий приходил в цех на правах взрослого рабочего. Он и зарабатывал не меньше иных взрослых — до 27 рублей в месяц, нехватку опыта и навыков возмещал сметливостью. Деньги полностью отдавал матери и от нее уже получал на свои расходы — главным образом на кино, которое любил всю жизнь.

Однажды в день получки к Медведеву подошел молодой слесарь по кличке Басок. Ростом он был Дмитрию по подбородок, но в плечах вдвое шире и пользовался репутацией первого на всю Бежицу кулачного бойца. Сейчас он выглядел непривычно растерянным, смущенно попросил:

— Мить, будь другом, вроде зелененькой не хватает...

Подросток сразу понял, в чем дело. Как и многие другие рабочие, Басок был неграмотным. Бумажные деньги различал по цвету: красненькая — десятка, зелененькая — трешка, серебряные — по монетам. Тридцать копеек — два пятиалтынных, двадцать — два гривенника, семь копеек — пятак и семишник...

На листке бумаги Дмитрий со слов слабого в арифметике слесаря быстренько подсчитал его заработок. Большого труда обнаружить, как мухлевал с расценками нарядчик, для него не составило. Поняв, в чем дело, потемневший от злости Басок кинулся разыскивать нарядчика. О чем они разговаривали, на каком языке — секретом не осталось. Впредь слесари стали получать на рубль-два больше, чем раньше, Дмитрий же рабочими был окончательно принят в свои.

Частенько кто-либо из рабочих обращался к Медведеву как к грамотному человеку с просьбой объяснить непонятное место в газете. Порой после этого разгорался спор, и Дмитрий не всегда выходил из него победителем. У него, конечно, были знания, какими не располагали то-

варищи по цеху, но даже самые малограмотные из них знали о жизни что-то такое, что ему пока было неведомо.

Однажды Дмитрий стал свидетелем, как в саду Общества трезвости два хулигана приставали к одинокой девушке. Он вступился за нее, и хулиганы ретировались. Однако у ворот сада его встретила уже целая ватага. Вожак пошел на Дмитрия с ножом... Медведев спокойно сказал:

— Ну ударь!

Тот опустил руку... Видно, было что-то такое в серо-зеленых глазах высокого подростка, что смутило даже отпетого хулигана. Позднее, правда, уличная шпана все-таки отомстила Дмитрию. Его подкараулили в глухом безлюдном месте, ослепили сильным фонарем, набросили на голову мешок и избили до потери сознания.

В четырнадцать лет Дмитрий убежал из дома, чтобы прийти на помощь уже не одинокой обиженной девушке, а... крохотной далекой Черногории, поднявшейся против турецкого владычества на Балканах. Еще и двух товарищей увлек за собой. Разработал, как ему казалось, вполне реалистический маршрут: сначала пешком до Брянска, потом поездом до Одессы (конечно, «зайцами», денег у ребят было — кот наплакал), затем на лодке в Болгарию, оттуда до Черногории уже рукой подать.

Добраться ребята сумели только до Орла. Тут безбилетников изловили кондукторы. Домой беглецов вернули с полицией. В тот же день Николай Федорович, изрядно переволновавшийся за бессонную ночь, выпорол сына — второй и последний раз в жизни. Дмитрий прощения не просил, наказание терпел молча, но когда отец упрекнул его, что не пожалел он родителей, убежав из дому, выкрикнул с досадой:

— А черногорцев, которые там одни за свободу дерутся, тебе не жалко?

И Николай Федорович отбросил ремень в сторону...

4 апреля 1912 года на Ленских золотых приисках в Сибири солдаты расстреляли бастовавших с февраля рабочих. По всем промышленным центрам страны тотчас прокатилась волна стачек протеста. Осенью сотни тысяч рабочих бастовали уже в ответ на смертный приговор, вынесенный царским судом семнадцати матросам Черноморского флота.

Политические стачки, демонстрации, митинги 1912 года означали новый подъем революционного движения в России. Пражская конференция РСДРП 1912 года сфор-

мулировала позицию большевиков в этих условиях так: партия берет курс на демократическую революцию и на перерастание ее в социалистическую.

Как раз тогда усилиями Александра Медведева, Михаила Иванова, Григория Панкова и других большевиков на Брянском заводе была восстановлена партийная организация, разгромленная в период реакции. В Брянск приехал участник работы Пражской конференции Николай Кубяк. На нелегальном собрании в лесу близ озера Орлик он рассказал товарищам о решении конференции. Кубяк привез с собой и первые номера новой большевистской газеты «Правда». Ленинская газета стала регулярно поступать во все цеховые партячейки. Рабочие Бежицы собирали деньги на ее издание, регулярно посылали в редакцию корреспонденции о тяжелых условиях заводской жизни.

В первую годовщину Ленского расстрела большевики организовали и провели на заводе стачку памяти жертв жестокой расправы, в которой участвовало 11 тысяч человек. На многих заводах были расклеены большевистские листовки. Текст гласил: «Знайте, тираны, что каждая капля пролитой вами народной крови породила героев, которые гордо бросают вызов и говорят: «Стреляйте, вешайте, казните, купайтесь в крови. Ничто не может остановить народную месть. Ваш час уже пробил».

Мите было доподлинно известно, что к распространению этой листовки Александр имел прямое отношение, потому что видел у брата изрядную пачку прокламаций. Видимо, подозревали о том и власти, так как на следующий день после стачки, а точнее — ночью в дом Медведевых впервые нагрянула полиция. Всех подняли на ноги, несколько часов обыскивали комнаты, чердаки, чуланы. Митя и Алеша сидели в горнице и с ненавистью взирали на полицейских, шаривших по ящикам комодов, выворачивающих из сундуков вещи, заглядывающих, к негодованию Николая Федоровича, даже за иконы.

Полицейские так и не нашли ничего крамольного, но брата все-таки увели. Правда, через день Александра освободили. Прекрасный конспиратор, он не дал властям ни малейшего повода упечь себя под суд или административную высылку, хотя и состоял уже давно под негласным надзором полиции. В доме Медведевых или в сарае почевали иногда незнакомые люди. Саша никогда не говорил, кто они, делал вид, что ничего особенного в этом нет. Николай Федорович, удивительное дело, ни разу не выразил

своего недовольства по поводу незваных гостей. Однажды только, заглянув в комнату младших сыновей, сказал строго:

— Если кто будет спрашивать, что за люди ночевали, вы знать ничего не знаете, слыхать не слыхивали и видеть не видывали...

Ночные обыски в доме Медведевых повторялись регулярно вплоть до Февральской революции. Они стали настолько привычными, что Дмитрий приспособился даже во время их проведения учить уроки — все равно спать не дают.

Первое пробуждение интереса к политике, хотя и невольное, еще никак не вступало в противоречие с гимназической жизнью Мити Медведева. Он организовал в гимназии литературный кружок, руководил им и даже сам писал стихи, увлеченно участвовал в любительских спектаклях — играл, к примеру, Хлестакова в «Ревизоре», занимался модной тогда «сокольской» гимнастикой. В гимназическом оркестре Митя играл, и неплохо, на мандолине, гитаре и трубе-баритоне.

Закон божий был в гимназии обязательным предметом и единственным, к которому Дмитрий не испытывал ни малейшего почтения, равно как и к его преподавателю-священнослужителю. По субботам и воскресеньям гимназисты должны были непременно присутствовать в церкви на обедне. Дмитрий и Алексей, однако, частенько пропускали службы, за что наказывались «безобедом» или карцером. Это не действовало, и тогда классный наставник нашел более верное средство воздействия: он пригрозил, что если Медведевы будут по-прежнему манкировать богослужениями, не видать им разрешений гимназического начальства на посещение спектаклей и концертов.

Все же однажды произошел почти что скандал, по счастью для Дмитрия, все обошлось без последствий. Брат Алексей спустя много лет так описал это происшествие: «Уроки закона божия Дмитрий недолюбливал. Правда, эти уроки вдохновляли его на писание стихов, и за это он чуть не поплатился исключением из гимназии. Когда поп объяснял, что «бог вездесущ и всемогущ», Дмитрий написал стихотворение о том, как бог из закрытого наглухо и запертого на замок сундука, используя свое всемогущество, выползает через замочную скважину, и пустил его по классу. Нашелся художник, который нарисовал бога с большой бородой выползающим из сундука и приписал: «Пищит, но лезет». Этот стих с карикатурой обошел весь

класс, и на каждой парте гимназисты хихикали, улыбались и следили, какое впечатление произведет он на других. Таким образом урок закона божия, всегда строгий, превратился в самый веселый. Поп был в недоумении, некоторых не в меру развеселившихся учеников поставил к доске, но это еще больше всех развеселило. Когда стихотворение вернулось к Дмитрию на заднюю парту, он не выдержал и так громко стал смеяться, что не заметил, как к нему подошел поп. Поп стал отбирать листок, Дмитрий не отдавал, у них чуть не дошло до драки.

Класс загудел от смеха, не ожидая такой дерзости от Дмитрия. Урок был сорван. Поп вышел и вернулся с директором гимназии, но Дмитрий так и не отдал своего сочинения. Он не мог этого сделать, чтобы не подвести «художника».

Дмитрию Медведеву было пятнадцать лет, когда началась мировая империалистическая война. Большевики сформировали к ней свое отношение так: «Война войне!» В пролетарской Бежице мало кто поддался шовинистическому угару. Рабочий люд в массе своей понимал, что ему война ничего, кроме горя и страданий, не сулит.

В день объявления войны Брянский комитет РСДРП выпустил прокламацию, в которой заклеймил начавшуюся бойню. В Бежице на площади, где торжественно зачитывали царский манифест о мобилизации, большевики подняли красный флаг. Потом большая группа рабочих под этим флагом с пением революционных песен направилась к станции. Возле гостиницы Мурзина демонстрантов встретила полиция. Произошла стычка.

Газеты писали о коварных тевтонах, о моральном долге России перед братьями-славянами, о союзнических обязательствах и т. п. Вся эта трескотня на Дмитрия впечатления не производила. Куда острее впечатляло другое.

Однажды на улице он встретил старого товарища Александра. Тот с угрюмым выражением лица читал приклеенный к забору листок с очередным военным приказом.

— Видел? — кивнул он, даже не поздоровавшись.

Дмитрий прочитал: приказ сообщал о предстоящей реквизиции скота. Что именно вызвало такую гневную реакцию у Сашиного товарища, не понял и спросил об этом.

— Не понял? — переспросил тот и разъяснил: — Ты последние строчки читай. То, что для армии мясо нужно, это ясно. То, что для этого придется скотину забивать, тоже ясно. Но ты заметь — освобождается от реквизиции

племенной скот, производители и принадлежащий земским союзам. Ты хоть у одного мужика племенного быка видел? Нет? Я тоже... Выходит, реквизируют скот крестьянский, а помещичий трогать не моги.

Когда в первый день занятий Дмитрий и Алексей пришли в гимназию, им показалось, что они попали на праздник. Духовой оркестр из пожарного депо без пауз исполнял гимны союзнических стран, даже крамольную «Марсельезу». У главного входа стояли в парадных сюртуках, при орденах директор и инспектор гимназии. Гимназисты приготовительного и первого классов держали в руках букетики гвоздичек, подобранных по цветам русского флага. Преподаватель закона божьего надел по такому случаю новую шелковую рясу. Все сияли...

Господин директор произнес высокопарную речь, которую завершил здравицей государю императору и всему царствующему дому. Изо всей этой речи Дмитрия заинтересовало только одно место — директор сообщил, что группа гимназистов старших классов вступила добровольно в армию, кто направлен непосредственно в войска в качестве вольноопределяющихся, кто в школы прапорщиков. Еще было сказано о введении нового предмета — военного строя...

Уже в классе Митя узнал, что на гимназистов и гимназисток возложен сбор пожертвований, они парами должны обходить дома и собирать доброхотные подаяния в специальные опечатанные кружки. Он было чертыхнулся, но тут выяснилось, что есть возможность уклониться от этого дела. Участники оркестра струнных инструментов могли не принимать участия в сборе пожертвований, поскольку им предстояло давать концерты в лазаретах для раненых и увечных воинов. Играть на своей мандолине для раненых Мите было больше по душе, чем собирать двугривенные.

Сказанное вовсе не означает, что такое событие, как начало войны, оставило Медведева равнодушным, этого, конечно, быть не могло. Юноша регулярно и внимательно читал сводки с театров военных действий, завел дома карту с флажками и остро переживал первые поражения и неудачи русской армии. И конечно же, он, как и все гимназисты, хотел бы, чтобы победу одержала Россия и ее союзники.

Глаза на подлинную суть войны, ее причины, антинародные цели с обеих сторон ему помог раскрыть Александр, вернувшийся, так и не закончив Петроградский

политехнический институт, в Бежицу и работавший теперь в крановом цехе. Митя, конечно, не мог знать, что Саша — один из руководителей брянских большевиков, однако понимал, что брат является участником подпольной организации.

Как-то Митя заговорил, не слишком, впрочем, уверенно, что все-таки войну развязал кайзер Вильгельм, а не русское правительство.

Александр поморщился, сказал сердито:

— Сказочки для взрослых и полувзрослых, вроде тебя. Очень полезные для царских министров, господ Рябушинских и Путиловых. Немцы точно такие же придумывают для своих михелей. Пойми и запомни: в этой войне нет безвинных стран и правительств. Эта война несправедливая и захватническая со всех сторон. Остальное — болтовня для оправдания перед народом. И немецких, и английских, и французских, и наших министров и капиталистов волнует один и тот же пирог, и все хотят отхватить от него кусок поболее. Пирог этот — в первую очередь колонии, затем — рынки сбыта своих товаров, вложения капитала. А правительства — лавочники, которые дерутся между собой, чтобы разорить конкурента.

— Но все-таки немцы первые напали, — продолжал упорствовать Митя.

Александр рассмеялся.

— Ты совсем как Бобчинский-Добчинский. Ну какая разница, кто первым сказал «э-э!». Просто один разбойник напал на другого раньше, чем тот сам вытащил нож.

— А что будет, если Россия проиграет войну? — спрашивал Митя. — Разве можно допустить такое?

— Ну, — спокойно ответил брат, — если царь эту войну проиграет, то вовсе не потому, что мы с тобой это допустим, как ты выразился. Самодержавие давно прогнило насквозь. Эта война для царской власти начало конца. Военное поражение, а оно неизбежно, понесет не наша с тобой Россия, а царизм, и чем оно будет сильнее, тем легче народ его свергнет.

Ход рассуждений Саши был понятен Мите, но одна мысль все же его глубоко мучила.

— Но на фронте гибнут наши русские солдаты, они-то ни в чем не виноваты!

Александр помрачнел. Тяжело вздохнув, сказал тоскливо:

— Вот тут ты, к сожалению, прав. Солдаты гибнут... А кто они? Те же рабочие и крестьяне, только одетые ца-

рем-батюшкой в суконные шинели. Народу от войны одно истребление, горе и разорение. Потому и кончать надо с нею быстрее...

Вскоре Митя и Алеша стали помогать большевикам в их нелегальной деятельности среди бежицких пролетариев. Они разносили по тайным адресам прокламации и литературу, выполняли другие поручения. По заданию Саши Дмитрий часто встречался с австрийским пленным Федором Сокалем и передавал ему большевистские листовки, отпечатанные на немецком языке, для работавших на заводе пленных германской и австро-венгерской армий.

Похоже было, что большевики рассчитывали не на одни лишь прокламации. Однажды Дмитрий и Алексей по просьбе Александра закопали в саду под яблоней несколько револьверов и пачек с патронами. У Саши, кстати, уже больше недели были все основания ожидать ареста, возможного осуждения по крайней мере к ссылке. На фронт его отправить не могли, так как еще в детстве он сильно повредил правую ногу и с тех пор заметно хромал. Саша предупредил ребят, что если с ним что-нибудь случится, оружие можно будет отдать только тому человеку, который обратится к ним с фразой: «Ну, медвежата, как дела на огороде?»

Это оружие пролежало в земле до самого февраля.

Чем дальше шла война, тем труднее становилось рабочему люду сводить концы с концами. В лавках не хватало не только мяса и молока, но уже и хлеба. Снова начались забастовки, жестоко подавляемые властями по законам военного времени. Активных стачечников теперь не просто увольняли — их направляли на фронт, в штрафные роты.

Первые волнения в Бежице вспыхнули уже в апреле 1915 года и связаны были с приездом в город царя, соизволившего посетить завод, выпускавший не только паровозы, рельсы, плуги, вагоны и другую традиционную продукцию, но также в большом количестве артиллерийские снаряды. Рабочие забурлили, когда узнали, что владельцы завода истратили на прием монарха и его свиты четыреста тысяч рублей! Огромные деньги были выброшены на гирлянды, цветы, подарки и банкет, в то время как рабочий получал в месяц тяжелого труда немногим больше сорока быстро обесценивающихся рублей.

Самая грандиозная за всю войну стачка потрясла Бежицу весной 1916 года. Начали ее рабочие механического, молотового, котельного, вагонного и плужного цехов. Че-

рез три дня бастовало уже шестнадцать тысяч человек, почти весь завод. Экономическими претензиями стачечники не ограничились, вся забастовка проходила под политическим лозунгом: «Война нам не нужна! Она нужна только хозяевам, они на ней наживаются!»

В первые дни стачки младшие Медведевы и Саша Виноградов распространяли в городе листовки. В последующие — Митя и Алеша собирали среди гимназистов и других учащихся деньги, табак и продовольствие в фонд стачечного комитета.

Директор завода Буховцев обещал рабочим удовлетворить все их требования. На самом деле он обманывал забастовщиков, тянул время, чтобы к городу подошли войска. В мае генерал Чердынцев, которому было поручено подавить забастовку на заводе, имевшем немалое военное значение, подкатил как-то на пролетке к группе рабочих, среди которых было и несколько гимназистов, в том числе и братья Медведевы, одетые в домашнюю одежду.

Генерал попытался завести с пикетчиками доверительный разговор, из которого, разумеется, ничего не вышло. Тогда он выругался, показав в сторону березовой рощи:

— Вы что, дожидаетесь, когда мы вас на этих березах вешать начнем?!

Молодой рабочий, в котором Митя узнал Баска, крикнул генералу в ответ:

— А ну, попробуй! Не оглянешься, как сам на березе болтаться будешь!

После этих слов в генеральских рысаков дружно полетели камни и комья земли.

Только 23 мая забастовка была подавлена. Пятьсот рабочих уволили без права обратного поступления на завод. Две тысячи лишили отсрочки от призыва и отправили на фронт.

В стране сложилась революционная ситуация. Царизм был обречен. Династия Романовых была сметена волей восставшего народа со сцены русской и мировой истории всего за восемь дней — 23 февраля — 2 марта 1917 года по старому стилю.

ДЕЛО КАЖДОГО ИЗ НАС...

Конец февраля был заполнен важнейшими событиями. В газетах по-прежнему печатались длинные списки убитых, раненых и пропавших без вести на фронте. В Брянск поступали вести о бурных событиях в Петрограде.

28 февраля здесь уже знали, что накануне почти вся столица находилась в руках восставших солдат и рабочих. Прошло несколько томительно долгих дней, и 3 марта в конце последнего урока гимназия словно взорвалась криками, оглушительным грохотом крышек парт, пронзительным свистом... Это кто-то принес в классы весть, что накануне ночью в Пскове император Николай II отрекся от престола.

Братья Медведевы и еще несколько старшеклассников сняли со стены актового зала гимназии громадный, во весь рост, портрет императора Николая II в золоченой раме.

Того же 3 марта в цехах Брянского завода прошли первые выборы в состав Временного Совета рабочих депутатов. А на следующий день в здании театра пожарного общества Бежицкий Совет принял обращение к населению об оказании содействия в его деятельности. В обращении, в частности, говорилось: «Старая власть, веками мешавшая России свободно развиваться, более не существует. Рождается новая, свободная Россия. Дело каждого из нас напрячь все свои силы, чтобы помочь России наиболее безболезненно, наиболее правильно выйти на новый путь».

Занятия в гимназии стали чистой формальностью. По многолетней привычке гимназисты и преподаватели аккуратно являлись в классы. Уроки, однако, теперь более походили на митинги. Гимназисты с горящими глазами шумно, перебивая друг друга, дискутировали, горячо обсуждая бурные события. Впрочем, азартные споры в стенах класса очень быстро надоели Дмитрию, тем более что он уже испытал радость сопричастия к настоящему делу, когда вместе с Алексеем принимал участие в разоружении жандармов и полицейских. Вчетвером (с ними было еще двое рабочих) братья Медведевы пробились под огнем на чердак здания, где засели с пулеметом несколько жандармов, обезоружили и арестовали их. Полицейские участки в обоих городах были разгромлены еще раньше.

Перебивая друг друга, размахивая руками, Митя и Алеша вечером живописали Александру, как полыхал ненавистный участок, как выволакивали на улицу и разбивали шкафы и письменные столы, раздирали руками серо-желтые папки с жирными черными надписями «Дело» и «Секретно», как взвивались с дымом и развеивались по ветру полицейские бумаги, фотографии «государственных преступников», протоколы допросов...

К крайнему изумлению братьев, Александр рассердился:

— Что же вы наделали, дурьи головы!

— Но почему?! — Митя ничего не понимал, более того, он чувствовал себя глубоко оскорбленным. — Спалить все, чтобы и следа не осталось от этого оплота царского режима! — с искренним пафосом заявил он, даже не замечая, что говорит словно на митинге в классе.

— Да большей услуги этому самому старому режиму, чем поджоги и уничтожение архивов охранки и полиции, вы и нарочно придумать бы не могли!

— Но почему?! — снова повторили братья свой вопрос.

Александр взял себя в руки. Он видел, что Дмитрий и Алексей, как, впрочем, и большинство рабочих, громивших участки, искренне не понимают, в чем, собственно, заключается их ошибка.

— Запомните, ребята, — растолковывал Саша, — государственные бумаги любой власти — это достояние народа, а не толпы, и не меньшей ценности, чем золото и музейные сокровища. Вот ты, — он обратился к Мите, — восторгался, как красиво горели бумаги в участке. А там ведь были списки полицейских шпиков и провокаторов, с тайными кличками, расписками в получении денег за свои подлости, и тому подобное. А теперь эти мерзавцы могут спать спокойно и благодарить твой революционный гнев. Тоже мне герой, стулья ломать!

Дмитрий опустил голову.

— Знаешь, Саша, — выговорил он, — я теперь припоминаю, что когда мы ворвались в участок, несколько мужчин сразу стали орать, что надо все немедленно спалить. У них, похоже, уже заранее были приготовлены и тряпки промасленные, и спички.

— Должно быть, ты прав,— согласился Александр.— Скорее всего это были либо переодетые полицейские, либо шпики и доносчики.

Этот урок Дмитрий Медведев усвоил на всю жизнь.

...Меж тем в стране развернулась ожесточенная борьба за власть. Первое время народ искренне верил, что вот-вот будут воплощены в жизнь лозунги февраля: мир, хлеб, свобода. Буржуазное Временное правительство, однако, и не думало осуществлять эти чаяния измученного войной и голодом народа. Кровопролитная бойня продолжалась под лозунгом «Война до победного конца!». Не получили трудящиеся и хлеба, фабрики и заводы по-

прежнему принадлежали капиталистам, земля — помещикам.

Первое собрание большевиков Бежицы прошло в марте. В нем участвовало одиннадцать человек. Большевики собрались не тайком за знаменитой «второй трубой» в двух верстах от города, а легально, в приподнятом настроении.

Через несколько дней Дмитрий Медведев познакомился с человеком замечательным, сыгравшим в революционных событиях в Брянске центральную роль...

Им оказался Игнат Иванович Фокин. Он родился в 1889 году в Киеве в семье рабочего, машиниста. Когда ему было пять лет, семья переехала в большое село (впоследствии город) Людиново Калужской губернии. На Людиновском паровозостроительном заводе Игнат начал работать чертежником, здесь же включился в революционную деятельность. Уже в семнадцатилетнем возрасте Фокин входил в состав Брянского комитета РСДРП.

В 1907 году Фокин был приговорен к трем годам заключения в крепости. Впоследствии он входил в Петербургский комитет РСДРП, был членом Русского бюро ЦК партии. Февральская революция застала Игната в Новониколаевске[1] по пути в туруханскую ссылку. По возвращении оттуда Фокин был введен в Московское областное бюро РСДРП, которое в апреле и направило его в Брянск.

Сохранилась групповая фотография делегатов Брянского уездного съезда Советов. Среди делегатов худой, с напряженным лицом и горящими глазами Александр Медведев и, чуть постарше на вид, но тоже очень молодой Игнат Фокин. В точно таких же, как Александр, очках в тонкой металлической оправе. Лицо спокойного, уверенного в своей правоте и внутренней силе человека. Среди рабочих косовороток, суконных рубашек, солдатских гимнастерок выделяется его аккуратный костюм, белая сорочка с пуговками в углах воротничка, галстук... Внешность сельского интеллигента, скорее земского врача или учителя, нежели несгибаемого профессионального революционера, каковым Игнат Фокин был на самом деле.

Можно предположить, что когда производилась эта съемка, Дмитрий Медведев находился где-то поблизости, потому что с винтовкой в руке охранял съезд Советов.

[1] Ныне Новосибирск.

Все месяцы между февралем и октябрем он по возможности не оставлял брата и Фокина, сопровождал их на митинги и собрания. Слушал, внимал, запоминал. И не только. Большевистские взгляды он активно пропагандировал среди своих однокашников.

Надо сказать, что хотя единомышленников у него в гимназии было немного — как-никак гимназия все же привилегированное учебное заведение, но Дмитрий пользовался среди сверстников авторитетом и популярностью. На общем собрании учащихся учебных заведений Бежицы его избрали членом комитета учащихся. В комитете оказались рядом совсем разные ребята: и дети рабочих — ученики, главным образом, ремесленных школ, и гимназисты. С молодежью из богатых семей Дмитрию и его товарищам приходилось схватываться каждодневно и на заседаниях комитета, и на митингах. Иногда теоретических аргументов для спора у сторон недоставало, тогда, случалось, дело доходило до потасовок. Кончалось все тем, что революционно настроенные учащиеся во главе с Дмитрием Медведевым из этого комитета вышли и образовали свою собственную организацию.

Весна и лето 1917 года внесли в жизненные планы Дмитрия Медведева и его сверстников серьезные поправки. Гимназию он, правда, закончил благополучно, но о поступлении в Лесной институт теперь не приходилось и думать. Мечту о высшем образовании пришлось отложить до лучших времен...

29 сентября Брянский Совет заявил о своем неподчинении Временному правительству. А уже 20 октября Совет фактически располагал всей реальной властью в городе. Из здания на Московской улице, ранее принадлежавшего офицерскому собранию, большевики руководили восстанием.

Каждый день Игнат Фокин, Александр Медведев, Яков Алкснис, Николай Анишкин, Михаил Иванов, Антон Карпешин и другие брянские большевики выступали на митингах, разъясняя рабочим, солдатам, горожанам политическую обстановку и разоблачая контрреволюционную линию Временного правительства.

Дмитрий и Алексей Медведевы, Саша Виноградов и другие ребята постарше из революционной организации учащихся стали бойцами вооруженной охраны членов ревкома во время их выступлений на митингах.

Известие о том, что в Петрограде произошло вооруженное восстание, что Временное правительство низло-

жено и образовано новое, рабоче-крестьянское правительство — Совет Народных Комиссаров — во главе с В. И. Ульяновым (Лениным), пришло в Брянск в одиннадцать часов вечера 25 октября. По приказу ревкома отряды Красной гвардии немедленно заняли почту, телеграф, казначейство, склады с оружием и боеприпасами, вокзалы. На все стратегически важные участки были назначены комиссары-большевики.

Глубокой ночью молодой прапорщик, в прошлом учитель Лифляндской губернии, а ныне руководитель солдатской секции Брянского Совета Яков Алкснис[1], позвонил по телефону руководителю ревкома Игнату и доложил, что Советская власть в городе установлена.

По предложению председателя ревкома Игната Фокина было опубликовано воззвание к жителям города. В нем говорилось: «В связи с событиями в Петрограде, Москве и других городах в нашем г. Брянске уже слышно шипение... черных гадов. Они уже распускают всевозможные слухи и запугивают население... Товарищи граждане! Будьте спокойны. Не обращайте внимания на эту провокацию и будьте уверены, что Революционный комитет Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских депутатов стоит на страже, охраняя полный порядок и безопасность всех граждан Брянска и его уезда».

Брянские большевики, придя к власти, начали с главного: установления полного и действенного контроля над мощными производственными предприятиями города и округи. На бурном заседании в городской думе 29 октября Фокин, буквально разгромив ораторов-меньшевиков, рассуждавших о событиях не иначе как европейских масштабов и некоей абсолютной свободе, четко разъяснил позицию большевиков:

— Для рабочих и крестьян свобода без материального обеспечения — ничто, и шагом революции было дать им материальные ресурсы. Эти вопросы могли поставить и разрешить лишь рабочие и сознательная беднота, почему большевики и говорят: «Вся власть Советам», представляющим именно эти круги и имеющим реальную силу...

Слова Фокина запомнились Дмитрию. Реальная сила... Медведев стал понимать, что политическая власть, даже если находится она в руках самых честных и бес-

[1] Я. Алкснис станет героем гражданской войны, а впоследствии — командующим Военно-Воздушными Силами и заместителем наркома обороны СССР.

корыстных людей, лишь первый шаг, хотя и чрезвычайно важный, к завоеванию реальной силы. Иначе власть не удержать, иначе революция не сможет победить своих многочисленных и пока еще могущественных врагов.

Новая власть остро нуждалась в образованных людях. Вот почему, в частности, Игнат Фокин назначает Дмитрия Медведева секретарем приемной Брянского Совета. Собираясь впервые выйти на работу, Дмитрий задумался: что надеть? Гражданской одежды, кроме домашних рубашек, у него не имелось, явиться же в Совет в гимназической форме казалось неуместным, да и надоела она, признаться, ему за долгие годы. Александр мало чем мог помочь — за лето Дмитрий сильно вытянулся и перерос брата. Подошла лишь одна рубашка Саши, брюки же пришлось надеть гимназические, как и шинель, с которой, впрочем, Митя уже давно спорол блестящие казенные пуговицы.

Совет заседал в ту напряженную пору почти ежедневно. На его многолюдных собраниях присутствовали представители городов и волостей уезда, бурно обсуждались десятки вопросов. Непрестанно приходили люди: делегаты с заводов и фабрик, ходоки-крестьяне из ближних и далеких сел, наконец, горожане-просители со своими заботами и хлопотами. Совсем недавно каждый проситель точно знал, в каких случаях следует обращаться к полицмейстеру, а когда в земство, что решает воинский начальник, а что фабричный инспектор. Теперь горожанин знал единственный адрес: Совет, куда и обращался по всякому вопросу.

К концу первого рабочего дня, завершившегося глубокой ночью, столкнувшись с десятками людей, жалоб, прошений, с сотней проблем, о которых не имел до того ни малейшего понятия, Дмитрий почувствовал себя очень усталым. От беспрестанного мельтешения лиц в прокуренной до сизого тумана комнате кружилась голова. Заработная плата для рабочих «Арсенала» (задолженность конторы достигала многих тысяч рублей)... Дрова для сиротского приюта... Прошение престарелой вдовы, матери убитого на турецком фронте поручика о выдаче ей вспомоществования — все пенсионные документы утеряны... Выделение двадцати винтовок и патронов бежицким красногвардейцам, несущим охрану на вокзале станции Болва... Учреждение поста народной милиции на базаре, где имели место случаи ограбления крестьян, доставлявших в город провизию. Или вот еще, к примеру,

вопрос: о нехватке медикаментов и перевязочных средств в аптеках. Еще несколько дней назад всего было в достатке, а теперь даже настойка йода и нашатырный спирт бесследно исчезли. И так далее, и тому подобное — несть числа. Было от чего голове пойти кругом, но хлопотливая и неблагодарная вроде бы работа секретарем в Совете стала для Дмитрия отличной жизненной и житейской школой. Она научила его разбираться в людских характерах. Много дало и повседневное общение с Игнатом Фокиным и другими старшими товарищами. Никто из них прежде не имел какого-либо опыта государственной службы. Поэтому каждый теперь учился у каждого, чтобы справляться с нелегкими задачами построения новой народной власти.

Тут только открылось Дмитрию, как много светлых умов способна порождать рабочая среда, когда к тому появляется нужда, общественная потребность — и возможность проявления. Вчерашние литейщики, сталевары, слесари, токари, машинисты, а то и чернорабочие вели сегодня городские и заводские дела ничуть не хуже старорежимных чиновников и хозяйских управляющих. Случались, конечно, и ошибки, и просчеты, и опрометчивые решения, но главное — эти рабочие, принявшие бремя власти на свои плечи, каждый день и час успешно доказывали всем и каждому, а также и самим себе, что они способны не только Россию завоевать, но и Россией — что гораздо важнее и труднее — управлять!

В Совете Медведев проработал несколько недель, а затем его перевели делопроизводителем в комитет важнейшего, влиятельного в Бежице профсоюза металлической промышленности. Когда Дмитрий узнал, что его посылают в профсоюз, то особого восторга не выразил. Заметив разочарование в глазах юноши, Игнат Иванович сказал ему доверительно:

— Это верно, что каждый ищет в революции свое место. Но куда важнее другое — революция тоже ищет для каждого из нас то место, где он способен, а значит, и должен принести ей наибольшую пользу.

Эти слова произвели на Дмитрия большое впечатление. До него, попросту говоря, дошло, что он стал пускай не в такой, конечно, степени как Игнат, необходим революции и Советской власти, что ему не только доверяют, на него и рассчитывают. Так в юноше зарождалось чувство революционной сознательной дисциплины, ответственности за каждое порученное дело. И еще — работая

в профсоюзе, он остро ощутил свое кровное родство с рабочими, внутреннее слияние с их интересами и тревогами.

Меж тем буквально с первых дней существования РСФСР буржуазия при тайной, а то и явной поддержке правительств Антанты и даже недавнего военного противника — кайзеровской Германии начала плести сеть заговоров, вооруженных мятежей, актов саботажа против государства рабочих и крестьян.

Первое время охрану революционного порядка, борьбу с контрреволюционными вылазками, бандитизмом и т. п. вели отряды Красной гвардии и рабочая милиция. К слову сказать, Бежицкий Совет, председателем которого был Александр Медведев, еще летом разогнал местную милицию, стоявшую на позициях Временного правительства, и создал свою собственную, рабочую. Начальником штаба назначили рабочего-большевика Михаила Иванова. Это сразу сказалось на порядке в городе. В Бежице поубавилось хулиганов, воров, грабителей. Милиционеры сумели ликвидировать и опасную банду, зверски вырезавшую семью паромщика Шерстова и наводившую ужас на горожан.

Однако новое обострение классовой войны, активизация контрреволюции, не брезговавшей даже подначиванием на разгром винных складов отпетых уголовников, выпущенных из тюрем Временным правительством, усиление деятельности иностранных шпионов, а также резкий рост бандитизма и спекуляции — все это вынудило Советскую власть создать специальный орган для подавления врагов.

6(19) декабря 1917 года, обсудив сообщение Военно-революционного комитета, исчерпавшего свои полномочия по этому вопросу, Совет Народных Комиссаров РСФСР поручил в срочном порядке — всего за один день — товарищу Ф. Э. Дзержинскому разработать проект особой комиссии для осуществления экстренных, чрезвычайных мер борьбы с контрреволюцией. Незадолго до следующего заседания Совнаркома его председатель В. И. Ульянов-Ленин послал Ф. Э. Дзержинскому записку, где не только дал глубокое обоснование этих мер, но и наметил ближайшие практические задачи большевистской партии и Советского государства в данном вопросе.

В записке, датированной 7(20) декабря 1917 года, в частности, указывалось:

«Буржуазия, помещики и все богатые классы напрягают отчаянные усилия для подрыва революции, которая должна обеспечивать интересы рабочих, трудящихся и эксплуатируемых масс.

Буржуазия идет на злейшие преступления, подкупая отбросы общества и опустившиеся элементы, спаивая их для целей погрома. Сторонники буржуазии, особенно из высших служащих, из банковских чиновников и т. п., саботируют работу, организуют стачки, чтобы подорвать правительство в его мерах, направленных к осуществлению социалистических преобразований. Доходит дело даже до саботажа продовольственной работы, грозящего голодом миллионам людей.

Необходимы экстренные меры борьбы с контрреволюционерами и саботажниками...»

В этот же день по докладу Ф. Э. Дзержинского Совнарком постановил создать новый орган диктатуры пролетариата по защите государственной безопасности Советской страны, который получил название Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем. Председателем ВЧК был утвержден выдающийся деятель партии, близкий соратник В. И. Ленина Феликс Эдмундович Дзержинский.

Это была ответная, вынужденная мера диктатуры пролетариата по отношению к врагу, развязавшему жестокую и беспощадную тайную войну против трудящихся.

Через неделю, 15 (28) декабря, ВЧК опубликовала обращение «Ко всем Советам на местах» с призывом немедленно приступить к организации чрезвычайных комиссий для борьбы с контрреволюцией. Получилось так, что в Брянске, однако, ЧК была создана со значительным опозданием. Первоначально Брянский Совет образовал так называемый «комиссариат по гражданским делам». Тем не менее население сразу стало называть его ЧК. Комиссаром по гражданским делам стал член РСДРП(б) с 1912 года А. Н. Медведев.

Новая должность заставила Александра Николаевича сменить место жительства и оставить отчий дом: от Бежицы до здания, где разместилась ЧК, было слишком далеко. Вместе с женой Анной Ивановной он переехал в Брянск и поселился в доме № 6 на Петропавловской улице, принадлежавшем известному и уважаемому в уезде земскому деятелю Николаю Павловичу Шевцову. Вместе с ними на новой квартире поселился и Дмитрий.

В первые недели своего существования уездная ЧК

была малочисленной. Если требовалось провести какую-либо операцию, чекисты обращались за помощью к красногвардейцам, рабочей милиции, солдатам местного гарнизона. Во многих эпизодах подобного рода участвовал и Дмитрий Медведев. Это происходило как бы само собой, совершенно естественно. В самом деле, если вдруг посреди ночи Александра поднимал нарочный, потому что где-то объявилась банда, он тоже вскакивал с постели, торопливо одевался и выбегал на улицу.

Присутствие брата на боевых операциях стало для Александра настолько привычным, что он держал для него при себе второй браунинг. Дмитрий Медведев участвовал в изъятии оружия у тех, кому владеть им было не положено. Изобилие в городе пистолетов, револьверов, винтовок, а то и пулеметов стало к началу 1918 года настоящим бедствием. Брянский арсенал считался вторым по мощности предприятием подобного рода в стране после знаменитого оружейного завода в Туле. Охрана арсенала за месяцы правления Временного правительства пришла в упадок. В результате огромное количество оружия растеклось по домам.

В свое время был в этом и положительный момент: Красная гвардия и народная милиция Брянска не знали проблемы с вооружением бойцов. Однако после того как власть перешла к Совету, множество огнестрельного оружия попало в опасные руки. Целые склады его захватили анархисты, в изобилии владели им и затаившиеся контрреволюционные элементы, и обыкновенные уголовники. Нужно было навести порядок, и Совет вынес постановление, обязывающее жителей в кратчайший срок все оружие сдать.

В целом население правильно поняло декрет и охотно избавлялось от ненужных и опасных предметов. Однако случился и неприятный инцидент. Неподалеку от арсенала патруль милиционеров встретил двух молодых людей, обвешанных револьверами, тесаками, гранатами, за спиной у каждого к тому же болтался стволом вниз и кавалерийский карабин. Один из них, растягивая мехи двухрядки, лихо выкрикивал частушки:

Эх, яблочко, куда ты котишься?
Эх, мамочка, мне замуж хочется,
Да ни за штатского, ни за военного,
А за Распутина, благословенного!

Парням предложили расстаться с богатой экипиров-

кой. Гармонист, не возражая, стал расстегивать портупею. Но второй с грубой бранью выхватил наган, открыл пальбу и ранил прохожего. Один из милиционеров в порядке самозащиты вынужден был застрелить буяна.

Рядом с местом происшествия находился большой дом, который когда-то занимал начальник арсенала, а теперь захватила федерация анархистов. Из него высыпала толпа возбужденных обитателей и подняла крик, что большевики не только узурпировали власть, но уже убивают настоящих революционеров. Оказалось, что убитый — анархист. Обстановка накалилась, слышались даже призывы «двинуть всем миром» на Петровскую гору — громить комитет большевиков.

Подоспевшие на пролетке Александр и Дмитрий Медведевы с трудом успокоили людей. В ходе потасовки, предшествовавшей благополучному разрешению инцидента, Дмитрию изрядно перепало.

Анархисты облюбовали Брянск для пропаганды своих идей и деятельности еще до войны. Среди этой публики были и честные люди, искренне убежденные, что все зло в мире — исключительно от государства как такового, что свержение царизма будет означать не только ликвидацию российской монархии, но и немедленную отмену всякой власти, даже народной, вообще. В качестве основного метода борьбы большинство анархистов признавало только террор. Это влекло к ним разных авантюристов...

И все же главной заботой брянских большевиков в эти первые месяцы пребывания у власти был завод. Громадное предприятие, обеспечивающее работой семнадцать тысяч человек, имевшее значение для всего народного хозяйства России, стояло. Не было топлива и металла, рабочие уже которую неделю не получали денег, а потому бедствовали. Правление акционерного общества Брянского завода находилось далеко — в Петрограде, а его доверенные лица, то есть администрация, в Бежице ничего предпринимать не собирались, иначе говоря, занимались настоящим саботажем.

В Совете и комитете профсоюза прошло несколько бурных заседаний, на которых присутствовал и Дмитрий. Как и все бежицкие рабочие, он не мыслил жизни родного города без завода. Для него не существовало иного решения, как пустить завод!

Большевики выдвинули в Совете предложение о национализации. Эсеры и меньшевики выступили против. Они утверждали, что национализация завода равнознач-

на его гибели, поскольку Советская власть не располагает ни деньгами, ни материальными ресурсами, ни кадрами специалистов для управления сложным производством. Большевики понимали, что добровольно держатели акций денег на возрождение завода, явно уплывающего из их рук, не дадут, помощи в управлении сложным производством тоже не окажут. Впрочем, последняя и не очень-то требуется — заводу нужны не члены правления в Петрограде, а высококвалифицированные специалисты на месте. Но таковые имелись! Далеко не все инженеры и техники относились к Советской власти враждебно. Некоторые из них охотно отдали бы свои знания и опыт народу. Ну а дальше появятся свои собственные специалисты из рабочих и крестьян.

Дмитрий Медведев знал положение в цехах, известно было ему и мнение рабочих, в том числе высококвалифицированных, как его отец, и просто не видел основательных причин, почему завод не может обойтись без капиталистов. Деньги, ясное дело, нужны, но ведь власть в стране принадлежит народу, который вправе распоряжаться и всеми финансами.

Решить вопрос о национализации на месте оказалось невозможным. Тут нужно было решение на высшем уровне. В Петроград направили делегацию, в которую вошел и А. Медведев. От брата Дмитрий и узнал потом, как все было.

В Питере посланцы рабочей Бежицы встретились с председателем правления акционерного общества генералом А. Поливановым. Генерал, как следовало ожидать, на все предложения рабочих мог только развести руками. Тогда делегаты направились по другому адресу — в Смольный. Здесь их встретил и поддержал нарком торговли и промышленности Леонид Борисович Красин. В результате после всестороннего обсуждения вопроса Брянский завод в Бежице был объявлен всенародным достоянием. Позднее (тогда в Петроград приезжала вторая, в ином составе делегация из Бежицы) предприятию в присутствии председателя Совнаркома В. И. Ульянова-Ленина была утверждена смета в размере 17 миллионов рублей. Еще раньше — 19 апреля 1918 года — по распоряжению Владимира Ильича Брянскому заводу для покрытия долгов и на неотложные расходы было выделено 20 миллионов 345 тысяч рублей. Нарком продовольствия А. Д. Цюрупа направил рабочим Брянска продукты питания, в первую очередь хлеб.

Постановление ВСНХ о национализации Брянского завода было принято 17 февраля 1918 года, а уже 3 мая завод дал первую продукцию.

Далеко не сразу, однако, на заводе наладился нормальный производственный ритм. Нашлись противники строгой трудовой дисциплины. Выискались анархиствующие бузотеры, которые кричали, что не для того они проливали кровь, дабы теперь снова подчиняться инженерам и мастерам. Крикуны-саботажники пользовались негласной поддержкой эсеров и меньшевиков.

Всем бежицким коммунистам и активистам профсоюза, в том числе и Медведеву, пришлось немало поработать, чтобы разъяснить людям: теперь, работая на себя, нужно поддерживать трудовую дисциплину не менее, а даже более строго, нежели раньше. По инициативе самих рабочих в мае были разработаны и утверждены новой администрацией и фабрично-заводским комитетом профсоюза «Временные правила внутреннего распорядка», покончившие с разгильдяйством, анархией и саботажем, четко определившие регламент всей жизни завода, права и обязанности дирекции и трудящихся и т. д.

Предварительно «Правила» обсуждались на многолюдных собраниях рабочих, в некоторых из них участвовал и Дмитрий Медведев. Принятие «Правил» стало важным событием не только местного, но и всероссийского масштаба. Они дошли до Москвы, куда к тому времени переехало Советское правительство, их одобрил В. И. Ленин. В письме к конференции национализированных предприятий он рекомендовал, чтобы эта конференция «одобрила или, посредством резолюции, узаконила внутренний распорядок по типу брянских правил в интересах создания строгой трудовой дисциплины».

К сожалению, недолго Брянскому заводу пришлось выпускать мирную продукцию — уже в конце мая из его ворот, тяжело прогибая рельсы, выкатился грозно ощетиненный стволами орудий и пулеметов бронепоезд «Брянский Совдеп» № 1, вся команда которого была укомплектована из рабочих Брянска и Бежицы.

Мирные предложения Советского правительства были отвергнуты и странами Антанты, и кайзеровской Германией. 18 февраля 1918 года, нарушив условия перемирия, германские войска начали наступление. 21 февраля Совнарком обратился к народу с написанным В. И. Ле-

ниным воззванием «Социалистическое Отечество в опасности!».

С тревогой читал Дмитрий суровые строки: «...мы считаем необходимым предупредить вас, рабочие, крестьяне и солдаты, что германские империалисты могут не остановиться ни перед чем в своем стремлении сломить Советскую власть, отнять землю у крестьян, восстановить власть помещиков, банкиров и монархии. Мы хотим мира, мы готовы принять и тяжкий мир, но мы должны быть готовы к отпору, если германская контрреволюция попытается окончательно затянуть петлю на нашей шее... Все свободные от производительной деятельности рабочие и крестьяне, сознательные и мужественные борцы революции, должны немедленно строиться в ряды Красной Армии».

Дмитрий поспешил к Фокину.

— Тебе что? — Игнат поднял воспаленные от усталости глаза. Перед ним лежал еще сырой от свежей типографской краски экземпляр воззвания.

— Прошу отпустить меня в армию, — заявил Дмитрий, — я вполне сознательный, к тому же, — с иронией добавил он, — я свободен от производительной деятельности.

Фокин вздохнул.

— Вижу, документ ты прочитал. Только похоже, не до конца.

— Как так? — удивился Медведев.

— А вот так. — Игнат привычным жестом поправил очки и прочитал раздельно, водя пальцем по строке, словно подчеркивая ее: — «Необходимо напрячь все силы к упорядочению транспорта и улучшению продовольственного дела. Буржуазия, которая при царе и Керенском отлынивала от тягот войны и наживалась на ее бедствиях, должна быть привлечена к выполнению своего долга самыми решительными и беспощадными мерами...»

Фокин отложил бумагу в сторону и жестом предложил Дмитрию сесть. Потом продолжил:

— Кто, по-твоему, будет выполнять эту часть декрета Совнаркома? Упорядочивать работу заводов, транспорта, продовольственное дело? Наши брянские заводы сам знаешь, не только плуги выпускают. Война не на один месяц. Фронту потребуются не только бойцы, но и бронепоезда, и орудия, и снаряды. Кто будет налаживать их производство? Анархисты, что ли?

Дмитрий поник головой. Он уже понял, что Фокин его никуда не отпустит, во всяком случае, сейчас. Словно угадав его мысли, Игнат улыбнулся и примиряюще сказал:

— Сочувствую тебе, но, верь мне, фронт от тебя, к сожалению, не убежит. Успеешь навоеваться. Сегодня нет задачи важнее, нежели пустить завод на полную мощность, и каждый работник, от которого это хоть в какой-то степени зависит, будет считаться мобилизованным Советской властью по регламенту военного времени. А теперь иди...

На этом и закончилась первая попытка Дмитрия Медведева вступить в Красную Армию. Он продолжал работать в комитете профсоюза и выполнял отдельные поручения Фокина, избранного в конце мая председателем уездного исполкома.

Примечательным событием в жизни Дмитрия стало участие в ликвидации попыток брянских анархистов поднять в городе вооруженный мятеж. Анархисты вносили опасную дезорганизацию в жизнь страны. Они не признавали национализацию, требуя передать заводы в непосредственную собственность рабочих этих предприятий, выступали против создания регулярной Красной Армии, отказывались подчиняться какой-либо дисциплине. Лишь отдельные из них сотрудничали с Советской властью и участвовали в защите революции от ее врагов. Под предлогом защиты свободы анархисты стали создавать вооруженные отряды. Только в Москве группы «Черная гвардия», «Ураган», «Борцы» и другие захватили около двадцати особняков. Под черные знамена анархии потянулись авантюристы вроде актера Мамонта Дальского, контрреволюционеры, психически неуравновешенные люди и настоящие уголовники.

Весной 1918 года Москву, Петроград и другие города России захлестнула волна вооруженных грабежей, сопровождавшихся насилиями и убийствами, и каждый раз следы неуклонно вели к анархистам. Терпеть такое Советская власть больше не могла. В ночь на 12 апреля только в Москве чекисты и красноармейцы арестовали около четырехсот человек. Выяснилось, что подлинно анархистов среди них — не более тридцати человек. Остальные — замаскировавшиеся враги Советской власти, а также матерые бандиты и убийцы, хорошо известные в преступном мире дореволюционной России.

23 апреля были разоружены анархисты в Петрогра-

де, а затем и других городах. Правда, одна группа сумела завладеть бронепоездом и прикатила на нем под черным знаменем в Брянск, рассчитывая, видимо, на поддержку местной федерации своих единомышленников. Затея провалилась. Брянские железнодорожники загнали бронепоезд на тупиковый путь, блокировали его там, после чего чекисты и красноармейцы без потерь обезоружили банду.

В середине лета 1918 года брянские чекисты получили данные, свидетельствующие, что анархисты собираются поднять в городе вооруженное восстание. Внедренный в федерацию чекист своевременно сообщил детальный план заговорщиков: захватить Совет, банк, почту, телеграф, тюрьму. И провозгласить... «Брянскую анархическую республику»! Об этом авантюрном, но опасном плане комиссар по гражданским делам доложил на заседании Брянского комитета партии.

Ночью накануне мятежа вооруженные отряды солдат и рабочих окружили здание федерации анархистов на Покровской горе и захватили его обитателей в тот момент, когда они готовились приступить к осуществлению своего замысла. Группы анархистов были арестованы и в других местах города. В составе отряда бежицких рабочих участвовали во взятии помещения федерации Алексей и Дмитрий Медведевы.

События показали — создание сильной ЧК в Брянске затянулось. Комиссариат по гражданским делам выполнял слишком много функций и просто не в состоянии был уделять должное внимание борьбе с контрреволюцией. Чтобы поправить дело, из Москвы в Брянск был командирован член партии с 1905 года, следователь при президиуме ВЧК Игнатий Антонович Визнер. В короткий срок он провел соответствующие организационные мероприятия. Главной заботой было подобрать с помощью партийных ячеек надежных товарищей для работы в ЧК. 5 сентября 1918 года состоялось заседание Брянского исполкома, на котором и было принято постановление об организации местной чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией. Председателем Брянской ЧК был назначен Александр Медведев.

Вскоре брянские чекисты приняли участие в ликвидации еще одной антисоветской акции. В Москве контрреволюционно настроенные церковники сколотили заговорщицкую организацию под невинным названием «Совет объединенных приходов». Церковными делами

«Совет» занимался лишь для маскировки, на самом деле оказывал упорное и активное сопротивление проведению в жизнь декрета об отделении церкви от государства. Руководил «Советом», куда вошли видные протоиереи, богатые московские купцы, черносотенцы, губернский предводитель дворянства и крупнейший помещик А. Д. Самарин.

Когда контрреволюционная деятельность «Совета объединенных приходов» была изобличена, Самарин из Москвы бежал. Но его все же сумели опознать и задержать на брянском вокзале местные чекисты во главе с Александром Медведевым. Выяснилось, что Самарин с подложным паспортом на имя Зарецкого пробирался на Украину, где правил немецкий ставленник гетман Скоропадский. При обыске у Самарина были изъяты документы, убедительно раскрывающие подлинное лицо контрреволюционеров в рясах.

Несостоявшиеся благодаря бдительности чекистов выступления анархистов в Брянске и других городах подозрительно совпали во времени с преступными террористическими акциями эсеров. В Петрограде они убили наркома внутренних дел Петроградской коммуны и и председателя Петрочека М. С. Урицкого. В Москве на митинге во дворе завода б. Михельсона эсеровскими отравленными пулями был тяжело ранен Владимир Ильич Ленин.

ВЦИК, заслушав сообщения Я. М. Свердлова о выявленных обстоятельствах преступления, принял суровую резолюцию: «На белый террор врагов рабоче-крестьянской власти рабочие и крестьяне ответят массовым красным террором против буржуазии и его агентов».

До сентября 1918 года ВЧК не расстреляла ни одного политического врага Советской власти — эта крайняя мера применялась только к схваченным на месте преступления убийцам, бандитам, шпионам, да и то казнено было только двадцать два настоящих изверга. Лишь тогда, когда контрреволюция встала на путь открытого белого террора, Советская власть вынуждена была прибегнуть к смертной казни, как к высшей мере, но не наказания, как тогда очень точно было сформулировано, а социальной защиты.

2 сентября исполком Брянского Совета принял постановление: «Угроза террором и открытое вооруженное выступление анархистов против Советской власти, быстро подавленное, еще теснее сплотило ряды революционного

пролетариата города Брянска, который не остановится ни перед чем, чтобы подавить контрреволюцию в «корне». Одной из чрезвычайных мер стало полное изгнание из всех Советов меньшевиков и правых эсеров, а также создание временного ревкома во главе с И. Фокиным, наделенного расширенными полномочиями.

После злодейского покушения на В. И. Ленина Дмитрий пришел к твердому заключению, что работа в профсоюзе для него занятие слишком спокойное, когда вокруг разворачиваются столь грозные события. Медведев в октябре 1918 года поступил вольнонаемным делопроизводителем в штаб 3-й Орловской бригады 4-й стрелковой дивизии.

Весной 1919 года начали новое наступление по 2000-километровому фронту войска адмирала Колчака. РКП(б) и Советская власть обратились к народу с призывом: «Все на борьбу с Колчаком!»

Откликнулся на призыв и пролетариат Брянска. Рабочим было трудно. Последние месяцы в уезде остро не хватало хлеба — его давали по четверти фунта и то не каждый день. И все же бежицкие оружейники выпускали до 20 тысяч винтовок ежемесячно, много пулеметов и снарядов. Обсудив призыв ЦК о массовой мобилизации коммунистов на Восточный фронт, Брянская уездная парторганизация постановила мобилизовать двадцать процентов своего состава.

Через два дня в Бежице состоялся чрезвычайный съезд профсоюзов и фабзавкомов Брянского промышленного района. Съезд постановил мобилизовать и послать в качестве самостоятельного отряда на Восточный фронт три тысячи человек. На этот раз очередное заявление Дмитрия Медведева было удовлетворено. Из вольнонаемных его перевели в кадровые и назначили «для поручений» при командире 3-й Орловской бригады. Он стал полноправным бойцом Рабоче-Крестьянской Красной Армии...

Радость омрачило горе: 19 апреля, после возвращения из Москвы, где он участвовал в работе VIII съезда РКП(б), умер руководитель брянских рабочих тридцатитрехлетний Игнат Фокин. В дороге он заболел тифом. Организм, изрядно подорванный годами тюрем и ссылок, непомерной работой на износ, голодом, не выдержал жара тифозной горячки.

Могилу Игнату выкопали в Семеновском сквере в центре города. На похороны вышло на улицы свыше

двадцати тысяч человек — половина общего населения Брянска и Бежицы. Приезжавший в Брянск первый нарком просвещения А. В. Луначарский писал позднее, что похороны И. И. Фокина «носили столь грандиозный характер, что не только Брянск, а, может быть, даже Россия редко видела нечто подобное».

Среди множества венков, возложенных к могиле Фокина, был и венок от красноармейцев 3-й бригады. Вместе с новыми сослуживцами его нес Дмитрий Медведев...

В последний раз Дмитрий видел Фокина за месяц до смерти. В середине марта левые эсеры снова предприняли ряд вооруженных выступлений против Советской власти. Они использовали серьезные трудности с продовольствием. Снабжение города хлебом, и без того скудное, ухудшилось из-за кулацких мятежей в Великотопальской и Лакомобудской волостях. Эсеры сумели подбить на мятеж малосознательных, лишь недавно мобилизованных в армию из деревни солдат 34-го и 35-го полков брянского гарнизона, размещенных в Льговских казармах верстах в трех от Брянска. Момент подстрекатели выбрали расчетливо — деникинские конные разъезды уже маячили в каких-нибудь тридцати верстах.

Волнения в казармах, умело инспирированные проникшими в гарнизон эсеровскими агитаторами и переодетыми белыми офицерами, начались 12 марта. В случае успеха заговора деникинцы могли без боя овладеть важным стратегическим центром, являющимся к тому же крупной оружейной мастерской страны.

Опасность была велика. Пять тысяч озлобленных, взвинченных солдат метались по Льговскому поселку, готовые в любой момент взорваться в необузданном приступе бессмысленной ярости. Первый комиссар бригады, присланный из Москвы слесарь-большевик Жилин, пытался урезонить разбушевавшуюся толпу. Он почти преуспел в этом, когда из-за серошинельных солдатских спин раздался выстрел из нагана...

Тем временем в Брянске большевики Игнат Фокин, Семен Панков и Александр Медведев спешно решали, что делать, как прекратить мятеж. Быстро вооружили роту добровольцев, среди них был и Дмитрий Медведев.

Рота добровольцев сумела без единого выстрела обезоружить находящийся в городе караульный батальон бригады, завладела его пулеметами и, разделившись на два отряда, залегла у Черного моста и на берегу речки

Снежки. Сколько времени могла продержаться эта застава против пятитысячной солдатской массы, в распоряжении которой к тому же имелся и артиллерийский дивизион?

Нет, ни в коем случае нельзя было допустить вооруженного столкновения. Это означало бы не только полное истребление верной Советской власти горстки бойцов, но и потерю города... Тогда Игнат Иванович Фокин решился на шаг, показавшийся бы просто бессмысленным, более того — самоубийственным любому кадровому офицеру, но абсолютно в данных условиях естественный для настоящего большевика. Без сопровождающих и оружия, с одним только кучером на козлах он в дрожках переехал через Черный мост на противоположный берег, где недобро притихла ощетинившаяся стволами винтовок толпа.

Такова была духовная сила, исходившая от этого человека, худенького, в быту застенчивого, что никто не осмелился помешать ему обратиться к солдатам с гневной и в то же время обжигающе проникновенной речью. Уже после смерти Фокина на его похоронах кто-то повторил несколько запавших в душу фраз, последних слов Игната.

— Сегодня вы можете убить меня, завтра убьете еще кого-нибудь, но Советской власти вам не убить!

Выслушав Игната, солдаты медленно построились в неровные колонны и вразброд зашагали обратно, в сторону Льговских казарм.

Тот день на всю жизнь запомнил Дмитрий Медведев, потому что впервые понял по-настоящему, какая сила может заключаться не в пушках, не в пулеметах, не в винтовках, а всего лишь в словах.

Часть подстрекателей поспешила скрыться, часть была арестована. С бойцами провели разъяснительную работу, и уже через несколько недель красноармейцы принесли присягу на воинскую верность Республике Советов. Вместе со всеми бойцами, выстроенными на плацу перед казармами, где совсем недавно принял мученическую смерть комиссар Жилин, Дмитрий Медведев повторял слова торжественной клятвы: «Я, сын трудового народа...»

После короткой подготовки бойцы 3-й Орловской бригады в середине мая были отправлены на Восточный фронт в район Симбирска.

В рядах Красной Армии Дмитрий Медведев пробыл

ровно год, воевал и на Восточном фронте против Колчака, и под Петроградом против Юденича. Будущий начальник медико-санитарной части отряда «Победители» А. В. Цессарский со слов Медведева записал такой эпизод из его фронтовой жизни.

«Под Мелекессом 3-й Орловской бригаде пришлось вести тяжелые многодневные бои с превосходящими силами противника. Батальону, в котором находился Медведев, предстояло овладеть небольшим степным хутором в тылу у белых, чтобы во время наступления бригады прикрывать ее с фланга. Не обладая опытом, не умея читать карты, Дмитрий вызвался пойти в разведку и едва не погубил весь батальон.

Сперва все шло хорошо. Медведев со своим напарником ночью пробрались к хутору. Было тихо, и им показалось, что белых здесь нет. Едва рассвело, Дмитрий смело, не таясь, вошел в хутор, чтобы порасспросить местных жителей. И сразу же наткнулся на офицера. Разведчиков обнаружили. Поднялась стрельба. И Дмитрий с товарищем еле ушли от погони. При этом они спутали направление и до темноты блуждали во вражеском тылу. Только поздно ночью они снова вышли к тому же хутору, где белые, встревоженные появлением разведчиков и передвижением наших частей, уже организовали оборону и выдвинули засады. Наш батальон, который должен был этой ночью войти в хутор, мог попасть в кинжальный пулеметный огонь. А если хутор останется в руках белых, это поставит под угрозу всю наступательную операцию.

Медведев говорил, что никогда в жизни не испытывал он большего отчаяния, чем в ту ночь. Как он проклинал себя за мальчишеское фанфаронство, за непростительное легкомыслие!

Батальон должен был подойти с минуты на минуту. И Медведев решил любым способом немедленно предупредить своих. В темноте он пробрался к колонне белых, готовящейся выступить из хутора, и швырнул гранату в самую середину. Взрыв!.. Поднялась беспорядочная стрельба. Только бы наши услышали!

Наступил серый рассвет, и разведчики обнаружили, что лежат в самой середине хутора. Их заметили. Окружают. Белые сосредоточивают на них огонь. Неужели конец?

Издалека доносится «ура-а!», белые бегут, наши занимают хутор. Дмитрий и его товарищ спасены.

— Чудом тогда уцелел, — говорил потом Медведев, — но урок извлек на всю жизнь: воевать нужно умеючи».

Брат Алексей также воевал на Восточном фронте в составе 1-го Карачаевского кавалерийского полка. Сызрань, Самара, Бузулук, Оренбург, прикаспийские степи, пыльный городок Гурьев на Каспии — таков был его боевой путь. Закончил гражданскую войну Алексей Медведев на Туркестанском фронте, потом еще почти два года сражался с бандами басмачей в Средней Азии.

Осенью 1919 года 3-я бригада была переброшена с Восточного на Петроградский фронт, где в составе 19-й дивизии 7-й армии приняла участие в боях с войсками генерала Юденича. Здесь с Дмитрием случилась беда: в середине октября пассажирский поезд, на котором Медведев ехал из Царского Села в свою часть в Лугу, был на станции Вырица захвачен белогвардейцами. Там же, на станции, Медведев бежал и двенадцать суток блуждал, скрываясь от белых. На тринадцатый его поймали и посадили, за отсутствием тюрьмы, на гауптвахту, откуда на шестой день ему снова удалось бежать и благополучно добраться до своей части, которая воевала уже под Гдовом.

Последующие месяцы Дмитрий Медведев воевал под Лугой и Гдовом. В бою за станцию Плюсса он был контужен.

Затем пошли болезни — сначала сыпной, а затем и возвратный тиф. В тифозных бараках провалялся почти два месяца. Каждое утро санитары выносили умерших за ночь. Медведев выкарабкался, помогло железное здоровье. Ему дали отпуск для поправки — две недели. Домой он приехал, что говорится, кожа да кости, еле ноги передвигал. Ольга Карповна и та не с первого взгляда узнала в тощем, остриженном наголо солдате с глубоко запавшими глазами родного сына...

Для лучшего понимания последующих поступков Дмитрия Медведева, определивших навсегда его дальнейшую жизнь, нам следует вернуться на несколько месяцев назад, в сентябрь 1919 года...

25 сентября в помещение Московского комитета РКП(б) в Леонтьевском переулке во время заседания, на котором собирался, но не смог присутствовать В. И. Ленин, была брошена бомба. От сильнейшего взрыва, разрушившего здание, погибло двенадцать человек, в том числе секретарь Московского комитета, старый большевик В. М. Загорский.

Как установили московские чекисты, подлое преступление, всколыхнувшее всю партию и пролетариат России, было делом так называемых «анархистов подполья» и левых эсеров. От заговорщиков в Москве ниточка потянулась и в Брянск. Выяснилось, что именно местные анархисты похитили со склада арсенала 60 пудов пироксилина. Взрывчатку частично переправили в Москву. Здесь, в подмосковном дачном поселке Краскове, из нее и была изготовлена бомба, взорванная в Леонтьевском переулке.

От Ф. Э. Дзержинского в Брянск пришло указание ликвидировать гнездо заговорщиков. Брянские чекисты четко выполнили приказ председателя ВЧК. Предприняв энергичные меры, они изобличили и похитителей пироксилина, и их пособников, разыскали и обезвредили мастерскую, где заговорщики хранили взрывчатку и изготавливали новые бомбы. Как выяснилось, эти взрывчатые снаряды предназначались для отправки в столицу, где анархисты и левые эсеры намеревались с их помощью взорвать правительственные здания Московского Кремля.

Именно тогда Дмитрий Медведев сумел заехать на три дня в Брянск, проведать родителей. Но вышло так, что в родном доме провел он всего несколько часов. Остальное время вместе с братом участвовал в ночных облавах и ликвидации контрреволюционного подполья в Брянске и его окрестностях.

Уезжая в свою бригаду, Дмитрий высказал твердое намерение после того, как военные действия закончатся, стать чекистом.

И вот Дмитрий Медведев вернулся... 18 мая 1920 года он был демобилизован. В тот же день написал два заявления... Почти одновременно Дмитрий Николаевич Медведев был принят кандидатом в члены Российской Коммунистической партии (большевиков) и зачислен в штат Брянской чрезвычайной комиссии.

ЧАСТЬ II

В СТРОЮ ЧЕКИСТОВ

ЧЕРНОРАБОЧИЙ РЕВОЛЮЦИИ

В ходе гражданской войны для Советской власти выявилась практическая необходимость создать чекистские органы в вооруженных силах — для борьбы с иностранными шпионами и контрреволюционерами, проникавшими в действующую армию. Для руководства деятельностью армейских чрезвычайных комиссий был создан Военный отдел ВЧК, который возглавил член РКП(б) с 1901 года Михаил Сергеевич Кедров.

Военные чекисты успешно очищали фронтовые части, штабы, тылы Красной Армии и флота от шпионов, предателей, заговорщиков, сами вели разведку в расположении войск противника. К началу 1919 года аппарат военной контрразведки окончательно сформировался и получил наименование Особого отдела ВЧК, возглавляемого все тем же М. С. Кедровым, являющимся одновременно и членом Коллегии ВЧК.

Особые отделы были созданы не только в армии, но и в территориальных органах ЧК. Помимо борьбы со шпионажем, контрреволюцией и должностными преступлениями военнослужащих, на них была возложена организация работы в местностях, занятых интервентами и белогвардейцами. Деятельность территориальных Особых отделов (сокращенно ОО) и армейских тесно переплеталась, ее и осуществляли большей частью одни и те же сотрудники. Людей в Особые отделы отбирали преимущественно из числа лиц, не только проверенных и надежных, но и обладающих военным опытом. Дмитрий как раз и отвечал всем требованиям, почему и был зачислен именно в военную группу Брянской ЧК на скромную должность помощника уполномоченного. Так он стал «чернорабочим революции», как с гордостью и очень точно именовали себя первые чекисты.

Вернувшись в Брянск, Дмитрий снова поселился у Шевцовых, правда, переехавших в другой дом. С Нико-

лаем Павловичем, лет пятнадцать проработавшим в брянском земстве и много сделавшим для развития в уезде здравоохранения и просвещения, и его дочерью Ольгой Дмитрий Николаевич поддерживал дружбу всю жизнь. Рассказ О. Н. Шевцовой о брянской поре службы Медведева — единственное свидетельство, дошедшее до наших дней.

«Дмитрий Медведев вместе с семьей старшего брата Александра поселился у нас в конце 1917 года и жил до самого своего ухода на фронт в мае 1919 года. У нас в доме (первом, до переезда) было шесть комнат. Две занимали Александр и Анна Медведевы с двумя дочками, две Федор Бутин, он тоже был сотрудником ЧК, а вообще-то питерский рабочий, с женой Клавдией, в двух жили мы: папа, мама и я.

Почти напротив нашего дома находился исполком, он располагался в двухэтажном особняке богатейшего купца Могильцева. В нем же жил и председатель — Игнат Иванович Фокин. Если не было особых дел, то вечера Игнат Иванович проводил у нас.

В центре разговоров всегда оказывались Игнат Фокин и Александр Медведев. Фокин был чудесный человек, он для меня на всю жизнь остался эталоном настоящего большевика. Очень был светлый человек, принципиальный, умница и добрый. На формирование мировоззрения и характера Мити он оказал огромное влияние. Иначе и быть не могло... Фокин любил людей, и его в Брянске не просто любили, а, можно сказать, боготворили.

У всех братьев Медведевых — и Александра, и Дмитрия, и Алексея, и Миши глаза были поразительного зеленого цвета, я таких больше за всю жизнь ни у кого не видела.

Митя обладал хорошим слухом, любил музыку и прекрасно играл на мандолине. Он любил и петь под собственный аккомпанемент две вещи: песню «Грустные думы студента» и романс «Раненый орел» модного тогда композитора Пресовского.

В Брянске есть такое место — Соловьев перевоз, очень живописное было когда-то, это ближе к Бежице. Там в роще обитали соловьи, так Митя иногда ездил туда верхом специально, чтобы послушать их пение. Митя очень любил возиться с лошадьми.

В нашем большом саду Митя учил меня стрелять и сам тренировался. У нас в доме была старая берданка, а у Мити наган.

Дмитрий всегда выглядел щеголеватым, чуть ли не франтом. А между тем на самом деле он одевался очень скромно, можно сказать, даже бедно. Носил тогда только черные сатиновые косоворотки, так ходили все рабочие в Бежице, костюма у него не было.

Вот считается, что Митя пришел на службу в ЧК в мае двадцатого года, после того, как он вернулся с фронта. Но у меня в памяти осталось, что он в ЧК был с самого начала, гораздо раньше. Я знаю, что он участвовал во многих операциях, которые проводили брянские чекисты: в ликвидации мятежа анархистов, и выступления солдат 35-го полка, и других заговоров, и в уничтожении всяких банд. Товарищи не раз говорили, что в боевой обстановке он очень храбр. Один раз мне довелось в этом убедиться самой.

У меня была подруга, ее отец работал на железной дороге, и жили они в районе Риго-Орловского вокзала. Однажды я пошла к ней за продуктами — ее отец выменял для нас немного муки и еще чего-то. Было уже поздно, я замерзла и вошла в зал ожидания вокзала погреться. До нашего дома самый короткий путь — через дамбу, это несколько верст. На вокзале, конечно, множество людей. И вдруг поднялась кутерьма, все забегали, закричали, появились вооруженные люди и всех пассажиров, в том числе и меня, затолкали в какое-то помещение. Потом слышу, и в зале ожидания и на улице стреляют: из винтовок, револьверов, даже из пулемета. Потом в комнату, где я находилась, заглянул человек в матросской одежде, я его узнала. Это был чекист Роберт Мартынов, он к нам заходил. Он меня тоже узнал и спросил удивленно, что я здесь делаю.

Я рассказала, и в свою очередь спросила, что происходит. Он отвечает: «С Медведевым бандитов ловим». Я спросила:

— С Александром Николаевичем?

— Нет, — говорит, — с младшим.

Я его попросила сказать Мите, что я здесь.

Через несколько минут приходит Дмитрий, возбужденный, но уже взявший себя в руки. Рассказал, что чекисты устроили облаву на банду, которая готовилась здесь, на вокзале, к налету. Захватили четырех бандитов, но остальным удалось прорваться и уйти.

Вместе мы вышли на привокзальную площадь, и тут я увидела четверо розвальней, запряженных парой лошадей каждая. В одни розвальни усадили четырех связан-

ных бандитов, во вторые уселись двое чекистов, помню, что один был комендант ЧК Ян Петрашис, очень храбрый парень. Митя усадил меня с собой. Четвертые сани пошли пустыми. Остальные чекисты остались на вокзале. Когда подъехали к дамбе, было уже совсем темно. Вдруг Митя велел всем остановиться и сказал:

— Здесь ехать нельзя, наверняка бандиты устроили нам засаду, чтобы отбить своих дружков.

Подумал немного и добавил решительно:

— Поедем рекой, там нас никто не ждет.

Мы спустились на Десну. А надо сказать, что дело шло к весне, лед был уже рыхлый, опасный, был риск, что он не выдержит и мы провалимся. Однако расчет Мити оказался правильным. С дамбы нас действительно обстреляли из пулемета и винтовок. Не спустись мы на лед, все погибли бы: на дамбе розвальням не развернуться.

На всю жизнь я запомнила, как Митя бросил мне вожжи, крикнул: «Держи!», а сам стал хладнокровно отстреливаться из нагана. То ли у бандитов не было саней, то ли не рискнули они спуститься на лед, но, во всяком случае, погони не было, стреляли, правда, нам вслед долго».

...Гражданская война вступила в свою завершающую фазу. Мирная передышка после разгрома Колчака и Деникина продержалась считанные недели. Антанта и российская контрреволюция организовали новый поход против Республики Советов. На сей раз они избрали своей ударной силой армию белопанской Польши и остатки деникинских войск под командованием Врангеля, засевших в Крыму.

Белополяки вторглись на Украину и захватили Киев. Советское правительство вынуждено было ввести военное положение в губерниях европейской части страны. Коснулось оно и Брянска, до которого от Киева — рукой подать. С возобновлением военных действий город приобрел чрезвычайно важное значение. В Брянске формировались воинские части, здесь располагались штабы, склады оружия и боеприпасов. Сотрудники Особого отдела должны были надежно прикрыть, защитить их от проникновения вражеских лазутчиков. Забот прибавилось, а людей в Брянской ЧК стало меньше — многие сотрудники были направлены на польский фронт. Некоторых контрразведчиков заслали на нелегальную работу во вражеский тыл для выявления каналов заброски агенту-

ры противника в Красную Армию, установления методов ее работы.

В прифронтовую зону с чрезвычайными полномочиями от ЦК РКП(б) был направлен председатель ВЧК и одновременно (после перевода М. С. Кедрова на другую работу) ее Особого отдела Ф. Э. Дзержинский. В июле в связи с перегруженностью Ф. Э. Дзержинского ЦК освободил его от обязанностей председателя Особого отдела ВЧК. На эту должность был назначен его заместитель В. Р. Менжинский.

Первой задачей особистов во фронтовых и прифронтовых районах стало выявление вражеских шпионов, заговорщиков, обеспечение безопасности складов и военных учреждений, улучшение охраны железнодорожных путей, мостов, других военных объектов. Еще до начала военных действий белопольская разведка стала формировать в тылу Красной Армии вооруженные подпольные группы так называемой «Польской организации войсковой» — ПОВ. Эти группы занимались не только шпионажем, но также диверсиями и террористическими актами против партийных и советских работников. За несколько недель напряженной работы сотрудники особых отделов ликвидировали ряд шпионско-диверсионных групп ПОВ (они назывались «комендатуры») в Харькове, Киеве, Одессе, Белой Церкви.

Расположенные в Брянске штабы, его военные предприятия, железнодорожная станция стали объектами притяжения вражеских шпионов и диверсантов. Для их своевременного обезвреживания требовалось крайнее напряжение физических и душевных сил каждого сотрудника ЧК. Дмитрий Медведев исключением не был. Тревожное лето и осень 1920 года стали для него настоящей чекистской школой.

Однажды в Брянск пришло из Москвы сообщение о том, что, возможно, в одном из пассажирских поездов через город проследует крупный польский разведчик. Приметы неизвестны. Вместе со своим помощником (сам он уже был уполномоченным) Медведев сел в Брянске в поезд, а через несколько часов сумел-таки обнаружить по более чем скудным ориентировочным данным и обезвредить польского шпиона и его спутника.

Ошибиться означало для Дмитрия не просто не выполнить приказ, но, что гораздо хуже, упустить опасного врага. С годами у Медведева выработается и четко сформулируется твердое правило: «Если ошибок делать нель-

зя, их нельзя делать ни при каких обстоятельствах». Забвение этого чревато для чекиста самыми серьезными последствиями, вплоть до гибели.

И еще одного правила будет придерживаться всю жизнь чекист Дмитрий Медведев: не преувеличивать своих заслуг, тем более не выдумывать несуществующих. А соблазны такие в работе встречались, и не каждый мог перед ними устоять. Через полгода, уже на Украине, он ознакомится с приказом руководителя украинских чекистов В. Н. Манцева и запомнит его на всю жизнь: «Задача чрезвычайных комиссий, особых отделов заключается в борьбе с врагами революции, решительной расправе с ними, но отнюдь не в создании «врагов революции» там, где их нет. Горе тому чекисту, особисту, который станет на этот путь...»

И летом и осенью дела шли непрерывным потоком: крупное и злостное хищение на военном продовольственном складе; шпион, бывший царский штабс-капитан, проникший в качестве военспеца в штаб кавалерийской бригады; поставка в одну из пехотных частей бракованных патронов; попытка устроить взрыв в железнодорожном депо и т. п. Однажды нервы подвели...

Медведев допрашивал бывшего офицера Стеблова, против которого имелись сильные, но далеко не достаточные подозрения в шпионаже. Бывший офицер язвительными репликами вывел не спавшего три дня и три ночи Медведева из себя, и тот сорвался: наорал... На шум заглянул проходивший мимо секретарь партячейки, все мигом понял и знаком дал понять Дмитрию, чтобы тот прервал допрос. Когда они остались вдвоем, секретарь выговорил Медведеву, что говорится, по первое число.

— Он наглец, — пытался объяснить свой всплеск Медведев.

— Ничего подобного, — возразил секретарь, — я его знаю. Это умный и воспитанный человек. А раскочегарил он тебя умышленно, именно для того, чтобы ты взорвался и выложил в запале те козыри против него, которыми располагаешь... Что у тебя осталось про запас?

Выяснилось — почти ничего.

— Вот видишь, — с упреком сказал товарищ, — теперь тебе придется начинать с нуля. Но дело не только в том, что ты сорвал допрос, ты по своей молодой горячности и наши чекистские нормы нарушил. А это недопустимо. Получишь взыскание. По первое число...

Получив «по первое число», Медведев начал работать.

Стеблов служил в Брянске около четырех месяцев. Дмитрий поднял все дела о шпионаже, проведенные его товарищами за эти четыре месяца, и нашел показания одного арестованного связника, который мимоходом поминал какого-то «хромого», от которого получал информацию в числе других лиц. Определить тогда личность этого человека не удалось. Между тем Стеблов слегка прихрамывал — от раны в ногу, полученной еще в мировую войну. Новый допрос в Брянской тюрьме, проведенный Медведевым, дал все основания полагать, что «хромой» точно Стеблов. Связнику незаметно показали бывшего офицера, и он его опознал. Затем Дмитрий постарался определить неслужебные связи Стеблова.

Выяснилось, что иногда он встречался с машинисткой штаба кавалерийской бригады Куракиной. Дмитрий допросил Куракину. Когда назвал фамилию Стеблова, та очень смутилась, стала говорить какие-то невразумительные вещи. У нее произвели обыск и нашли... свадебную фотографию, датированную апрелем 1916 года, на которой были изображены она и Стеблов. Машинистка призналась, что Стеблов точно ее муж, его настоящая фамилия Куракин. В личных вещах женщины были обнаружены копии секретных документов, с которыми работал ее муж, составляя шпионские донесения, средства тайнописи иностранного производства, которыми он пользовался. Нашлись зашифрованные адреса и клички двух помощников Куракина, также бывших офицеров, служивших военспецами в Красной Армии. Их арестовали, от них потянулись ниточки к другим участникам заговорщицкой организации, руководителем которой являлся Стеблов-Куракин.

Через две недели Медведев вызвал к себе арестованного, коротко извинился за допущенную резкость и спокойно, вежливо предъявил ему доказательства преступной деятельности. Дело было успешно завершено и передано в трибунал. Полученный же урок чекистской этики запомнился на всю жизнь.

Кроме дел, проходящих по Особому отделу, Дмитрию Медведеву приходилось участвовать в операциях, осуществлявшихся аппаратом Брянской ЧК в целом. Прежде всего это относилось к напряженной, тяжелой и опасной для всех участников борьбе с бандами. Крупные и мелкие, местные и залетные банды терроризировали уезд, рассыпавшись на отдельные группы, проникали даже в сам Брянск, чтобы, совершив очередное злодейство,

исчезнуть, оставляя после себя трупы убитых, ограбленные кассы, спаленные дома и разоренные крестьянские дворы.

Шли в банды кулацкие и купеческие сынки, скрывавшиеся контрреволюционеры всех мастей — белые офицеры, бывшие жандармы, правые эсеры, черносотенцы, дезертиры, анархисты, уголовники.

Политический бандитизм стал характерной, специфической формой вооруженной борьбы контрреволюции, орудием террора по отношению к местным органам и активистам Советской власти, устрашения населения. Банды различались между собой: на Правобережной Украине, скажем, преобладали кулацко-петлюровские, националистические, на Левобережной — анархо-бандитские, махновские. Но главным врагом для бандитов всегда была Советская власть. В составе руководства банд встречались замаскированные царские и белые офицеры, в том числе бывшие жандармы и контрразведчики.

Кулацкие, с большой примесью дезертиров и анархистов, бандформирования представляли летом 1920 года серьезную угрозу для тыла Красной Армии, ведущей упорную борьбу с Польшей и Врангелем.

Ликвидация банд была делом изнурительным, требующим крайнего напряжения всех сил. Среди вожаков-анархистов было много лиц с патологическими изменениями психики. Именно в анархию ударяли чаще всего настоящие садисты, истерики, наркоманы, кликуши, алкоголики и др.

Три подобных типа еще в восемнадцатом году играли заметную роль в Брянской федерации анархистов. Все трое объявились в городе неизвестно откуда. Один, некто Емельянов, высокий и худой человек с мутными глазами кокаиниста, был эмиссаром тогда еще малоизвестного Махно. Он являл тип фанатика анархистской идеи и убежденного сторонника террора. Вместе с ним повсюду появлялся человек-кубышка, низкорослый мужчина лет сорока, в неизменной клетчатой детской кепочке на огромной бугристой голове. Себя он называл в третьем лице: «товарищ Тиль». Выступал он с длинными, маловразумительными, но всегда экзальтированными по характеру речами.

Третий анархист, Васько Богдан, отличался прямо-таки бешеным нравом. Всегда обвешанный оружием, носил бескозырку, тельняшку, бушлат и брюки клеш. В то же время какие-то неуловимые штришки давали основание

предполагать, что моря этот «альбатрос» и не нюхал. Пешком Васько Богдан не ходил — носился по городу на огромном вороном жеребце. На черной попоне красным шелком был вышит лозунг: «Дух разрушающий есть дух созидающий!» Жеребца Васько кормил овсом, замоченным в водке, отчего тот мчал своего хозяина по брянским улицам только сумасшедшим карьером. Самого Богдана трезвым тоже никто никогда не видел. Городские обыватели матроса боялись, рассказывали о нем всякие страхи.

Во время мятежа Емельянов и «товарищ Тиль» в числе других анархистов были убиты. Богдан же бесследно исчез. Почти два года о нем никто не слыхивал, и вот теперь, летом двадцатого, в округе объявилась банда, которой предводительствовал какой-то матрос, очень похожий по описанию на Васько Богдана.

Методично и последовательно Медведев стал искать банду. Круг сужался, однако на поиски ушла бы еще не одна неделя, если бы не помог случай, вернее — авторитет, каким пользовалась ЧК у населения. В комендатуру явилась монахиня-старообрядчица. Стала жаловаться на каких-то супостатов, которые выгнали ее и сестер. Дежурный мало что понял из ее бестолкового рассказа, но, уяснив, что речь идет о какой-то вооруженной группе, немедленно вызвал в комендатуру уполномоченного Медведева, который, как он знал, занят поисками опасной, хотя и немногочисленной банды.

Дмитрий пришел и внимательно выслушал старую женщину. Он понял, что это схимница из старинного женского скита, затерявшегося в густой чащобе близ села Дубровка.

Сестра Поликсения рассказала, что с неделю назад в скит заявились какие-то вооруженные люди на лошадях. Сестер из келий выгнали, молельню осквернили бражничаньем и непотребным поведением. Сестры пребывают в страхе и отчаянии. Она, Поликсения, ушла тайком из скита, обратилась за помощью в сельсовет в Дубровке. Там сказали, что помочь не могут, и посоветовали идти в город, в чека...

— А кто у них главный, у супостатов, матушка? — осторожно спросил Медведев и насторожился, услышав ответ:

— Главный супостат черный, рубаха на нем полосатая и шапка с лентами...

Матрос! Не иначе, Матрос!

— Вот что, мамаша, — обратился к схимнице Медведев. — Мы вас от супостатов избавим, только вы нам помочь должны, проводить к скиту такой дорогой, чтобы никто не заметил.

— Проведу, милый, проведу непременно! — Старушка мелко и часто закивала головой, обрадованная, что высоченный молодой начальник согласился развести их беду.

Медведев немедленно собрал группу чоновцев — человек пятнадцать, на трех подводах тут же отправились в неближний путь. К скиту добрались к вечеру, с ходу ворвались, половину бандитов уничтожили в перестрелке, нескольких повязали. Со стороны чекистов жертв не было. Однако главаря захватить не удалось. Он ушел, воспользовавшись тем, что Медведев по неопытности бросил на захват скита практически весь свой отряд, оставив только двух коноводов. Вместе с Матросом растворились в чащобе и трое его приближенных. Винить Дмитрию за неудачу, кроме себя, было некого. Некому, по его справедливому мнению, было и исправлять ошибку. Это он должен был сделать сам.

Отправив арестованных под охраной в Брянск, Медведев с оставшимися у него бойцами решил преследовать Матроса. Он настиг остатки банды уже в Полесье. На сей раз не спешил, установив, что Матрос укрылся на хуторе, средь болот, разведал все подходы, возможные пути бегства. Лишь после того, как предпринял все меры по обеспечению операции, приступил к ликвидации. На сей раз из кольца не вырвался никто, но никто и не сдался живым... Когда скоротечный, но яростный бой завершился, Дмитрий подошел к убитому главарю в залитой кровью тельняшке и перевернул его на спину. Это точно был Васько Богдан...

Дальнейшим расследованием установлено, что Матрос никакого отношения ни к Черноморскому, ни к Балтийскому флотам никогда не имел. Зато имел отношение к разведке польского генерального штаба. Захваченные при нем документы позволили чекистам обезвредить нескольких иностранных и врангелевских шпионов в Брянске и других городах.

Поздней осенью в составе оперативной группы под командованием чекиста Петра Емельянова Дмитрий был командирован в Севский район, где участвовал и отличился при этом в ликвидации очень опасной банды бывшего белого офицера, кулацкого сына Сенина.

Итогом первых месяцев работы Медведева в ЧК для него самого было активное накопление опыта. При этом не только позитивного, но и негативного. «Начальный курс обучения» в ЧК Дмитрий прошел успешно и быстро. Осенью 1920 года его выдвинули на должность заместителя начальника Особого отдела и ввели в состав коллегии Брянской ЧК с правом решающего голоса.

...Завершилась война с белополяками. В третью годовщину Октября Красная Армия овладела Перекопом, а затем очистила от врангелевцев Крым. Но чекисты передышки не получили. Уходя, белые и интервенты оставляли свою законспирированную агентуру, которая занималась шпионажем, устраивала диверсии, акты террора. Бывшие эксплуататорские классы перешли при поддержке реакционных кругов Запада к тайной войне против Советской власти.

В эмиграции оказались сотни тысяч бывших царских сановников, помещиков, заводчиков, чиновников, офицеров. В Париже, Берлине, Белграде, других столицах создавались организации, всем смыслом которых была подготовка нового крестового похода против Страны Советов. Они тесно сотрудничали со спецслужбами империалистических держав, поставляли им кадры шпионов и диверсантов. Из-за кордона в пределы Советской России, Украины, Белоруссии забрасывались и отдельные контрреволюционеры, и целые банды.

Требовалось усилить, укрепить органы государственной безопасности. Партия и правительство предприняли для этого ряд мер. Одной из них стало изменение статуса сотрудников ЧК. До сих пор чекисты считались обычными гражданскими служащими. В качестве таковых они, например, могли на общих основаниях призываться в Красную Армию. Было признано, что такое положение мешает обеспечению государственной безопасности, и 17 сентября 1920 года В. И. Ленин подписал постановление Совета Труда и Обороны, по которому сотрудники ЧК приравнивались во всех правах и обязанностях к военнослужащим РККА. 24 октября руководство ВЧК в этой связи указало: «Работа ЧК отныне рассматривается как выполнение боевых задач в военной обстановке на внутреннем фронте».

...Между тем осенью 1920 года в крайне тяжелом положении оказались чекистские органы Украины. Не хватало надежных, опытных кадров. Руководство УССР обратилось к правительству РСФСР с просьбой помочь

укрепить органы безопасности республики проверенными и надежными товарищами. Призыв встретил понимание. По согласованию правительств двух братских республик начальником Центрального управления чрезвычайных комиссий Украины (Цупчрезкома) был назначен один из руководителей Московской ЧК В. Н. Манцев.

Сотни чекистов из разных губерний России выразили желание отправиться на работу в чрезвычайные комиссии Украины. Среди добровольцев был и ответственный сотрудник Брянской ЧК Дмитрий Медведев. Его заявление было удовлетворено. Через несколько дней Медведев и его сослуживцы Петрашис и Померанцев выехали в Харьков. Здесь Дмитрий получил назначение: Донбасс, Донгубчека...

В ДОНБАССЕ

К запорошенному снегом дощатому перрону Бахмутского вокзала харьковский поезд прибыл ранним утром. Ополоснув лицо тепловатой водой из фляжки (в вагонном титане не то что горячей — и холодной не было ни капли), Медведев съел яблоко, единственное, что оставалось у него из еды после долгой, хотя и недлинной, если мерить на версты, дороги, вдел в рукава долгополую кавалерийскую шинель, натянул на лоб фуражку, поправил голенища сапог, которые благоразумно на ночь не снимал, и вышел из вагона.

Было еще совсем темно, единственный тускло желтеющий во мгле фонарь не в силах был осветить что-либо, кроме тумбы. Народ, невзирая на ранний час, на площади толкался. Уже который год вокзалы и станции являлись больше даже, нежели базары и рынки, центрами жизни десятков и сотен таких вот провинциальных городков, разбросанных по необозримым просторам бывшей Российской империи.

Что знал он прежде о Бахмуте [1]? Пожалуй, что ничего.

Пролетарскую улицу долго разыскивать не пришлось, как туда пройти, толково указал первый же встречный. Что-что, а где располагается Донгубчека, привокзальная публика знала. Закинув за плечи тощий вещмешок, из тех, что давно уже заменили канувшие в небытие солдатские ранцы и получили неизвестно почему наименование «сидор», Дмитрий зашагал в указанном направлении.

---

[1] Ныне город Артемовск Донецкой области.

Пройдя два-три квартала, приметил, что в одну с ним сторону топают еще несколько человек, все одного с ним примерно возраста. Двое были в потрепанной военной форме, один в матросском бушлате, но в лохматой папахе, еще один в гражданском. И у каждого за плечами точно такой же полупустой сидор, как и у него. Только матрос нес в руке фанерный сундучок с круглой фанерной же дверкой на проволочной петельке сбоку.

К длинному двухэтажному дому на Пролетарской улице они подошли почти разом и один за другим шагнули в дверь, прикрытую треугольным железным козырьком. Видать, не один Дмитрий Медведев прибыл этим промозглым утром в распоряжение Донецкой губчека, переведенной сюда, в бывший уездный город Бахмут, вместе с другими губернскими учреждениями из Луганска в силу сложившихся в Донбассе чрезвычайных обстоятельств.

Только очутившись внутри здания, Медведев понял, что донецкие чекисты вовсе не так уж беспечны, как это могло ему показаться, поскольку часовой у подъезда их и не думал останавливать. Все подходы к дому отлично просматривались из комнат, примыкавших к прихожей, свет в которых по ночам специально не зажигали. Барьер сразу за дверью был устроен так, что ворваться в здание с ходу было невозможно, равно как невозможно было сразу разглядеть и дежурного. Его пост так располагался, что вошедший обязательно оказывался к нему несколько сзади и правым боком. Чуть дальше находился второй постовой, который мог хорошо видеть входящих уже в лицо.

Проверив документы приезжих, комендант Донгубчека провел их в просторную комнату, посреди которой стоял большой стол и десяток разнокалиберных стульев, зажег двенадцатилинейную керосиновую лампу, сработанную в виде мрачного Мефистофеля со светильником во лбу. Потом комендант принес едва не ведерный жестяной чайник с кипятком и чуть поменьше — с морковной заваркой. Поставив чайники на стол, извлек из нагрудного кармана тяжелые часы на массивной цепочке, какие носили когда-то железнодорожные кондукторы, щелкнул тугой крышкой и зычно объявил:

— Заправляйтесь чаем, грейтесь. Председатель прибудет через сорок минут. Хлеба, не взыщите, нема. Пайки получите днем.

Наскоро перезнакомившись, вновь прибывшие чекисты вывалили на стол что у кого нашлось, позавтрака-

ли. Нацедив остатки кипятка, Медведев успел и побриться. Едва он убрал в мешок бритвенный прибор, как в комнату вошел крупный и грузный человек с темной бородкой-эспаньолкой на несколько одутловатом лице. Поднеся крупную ладонь к козырьку кожаной фуражки, он прогудел глуховато:

— Здравствуйте, товарищи. — Затем, подумав, добавил: — Моя фамилия Карлсон, и я есть председатель Донгубчека.

Это и был знаменитый Карл Мартынович Карлсон (Огриетис), член РКП(б) с 1905 года, бывший рабочий-печатник и профессиональный революционер. Впрочем, старому большевику было в ту пору всего-навсего тридцать три года. Не один Медведев прибавлял Карлсону на глаз добрых два десятка. Такие уж тридцать три выпали на долю этого человека, что выглядел он действительно много старше.

Карлсон обменялся с каждым крепким, грубоватым рукопожатием, предложил всем сесть. Обвел чекистов тяжелым темным взглядом и спросил негромко, с явственным прибалтийским акцентом:

— Вы знаете, почему вас сюда прислали?

Кто-то поспешил ответить:

— Продолжать службу.

Карлсон отрицательно покачал головой.

— Вы ответили на другой вопрос — для чего. А я спросил — почему. — И сам же себе ответил, жестко, словно вырубая каждое слово: — Потому что Советская власть на пороге топливной катастрофы. То, чего не добились ни Колчак, ни Деникин, ни Врангель, может случиться из-за того, что Донбасс, всероссийская кочегарка, вот-вот сожжет, если уже не сжег, чтобы вскипятить этот чайник, — он ткнул в сторону стола толстым пальцем, — последний фунт угля.

Карлсон помолчал, потом продолжил:

— Конечно, рабочий класс Донбасса этого не допустит. Он выполнит свой долг перед страной. Ну а мы, чекисты, не должны допустить, чтобы ему в этом помешали наши враги. Вот почему партия послала вас в Донбасс. А не просто продолжать службу.

В словах Карлсона не было, к сожалению, и грана преувеличения. Да, положение с каменным углем, основным тогда видом промышленного топлива, соответствовало словам председателя Донгубчека, и очень скоро

Ольга Карповна и Николай Федорович Медведевы.

Дмитрий Медведев.
1919 год.

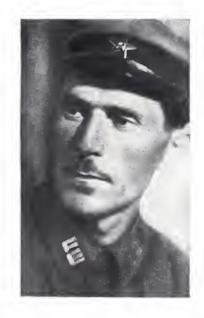
Александр Медведев. 1917 год.

И. И. Фокин. 1917 год.

Михаил Медведев.

Алексей Медведев.

Д. Н. Медведев.
Одесса. 1925 год.

Отряд донецких рабочих по борьбе с бандитизмом.

Первый день Коммуны. Крайний справа Д. Н. Медведев, 1933 год.

Коммуна в 1935 году. В центре Д. Н. Медведев.

Д. Н. Медведев.
1935 год.

Т. И. Медведева.
1935 год.

Начальник штаба отряда «Митя» Д. Староверов.

После возвращения в Москву. Слева направо: Герой Советского Союза М. И. Сипович, комиссар отряда Г. Н. Кулаков, Д. Н. Медведев, адъютант командира Н. Ф. Королев.

Чекист В. А. Дроздов. Начало 30-х годов.

Заместитель начальника отряда «Победители» по разведке А. А. Лукин.

Комиссар отряда «Победители» С. Т. Стехов.

Лейтенант госбезопасности Александр Творогов.

Д. Н. Медведев. Май, 1942 год.

Группа бойцов отряда «Победители» перед забросом во вражеский тыл. Июнь, 1942 год.

Здание бывшей гимназии в Ровно, где в годы оккупации размещался рейхскомиссариат Украины (ныне краеведческий музей).

Николай Кузнецов — учащийся Талицкого техникума.

Разбор операции во вражеском тылу.

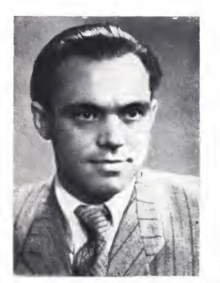
Николай Кузнецов —
лейтенант
Пауль Вильгельм Зиберт.
1942 год.

Личная запись (перевод трофейного донесения) Д. Н. Медведева об одном из эпизодов деятельности Н. Кузнецова во Львове.

„31.1.1944 года около 17 часов 30 минут во Львове в здании Военно-воздушных сил был застрелен подполковник Ганс Петерс.
Около 17-ти часов ~~[illegible]~~ в здание вошел неизвестный в форме капитана без разрешения посетил указанное здание.
Он был задержан охраной здания и отправлен к подполковнику Петерсу... При проверке его командировочного ~~удостоверения~~ предъявления мнимый капитан, который назвался Паулем Зи~~[illegible]~~бертом — вдруг раздался выстрел в упор, застрелил подполковника Петерса. Мнимый капитан сумел незаметно скрыться..."

Разведчик отряда «Победители» Герой Советского Союза Н. Т. Приходько. Фото 1940 года.

Разведчик Н. А. Гнидюк. Послевоенный снимок.

Изготовленное в отряде немецкое удостоверение личности на имя пекаря Яна Богинского. Под этим именем Николай Гнидюк жил в Ровно.

VORLÄUFIGER AUSWEIS

Name *Boginski*

Vorname *Jan*

Wohnort *Rowno*

Strasse *Mylowarna str. 19.*

Geboren am *25.12.1917.*

in *Kresohow, Gebiet Kostopol.*

Beruf *Bäcker*

Religion *Katolisch*

Siegel

Rowno, den *19.8.* 194*3*

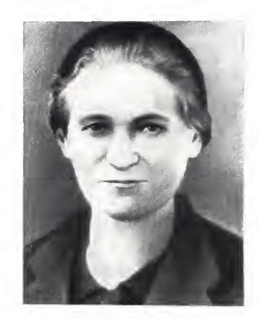
Der Gebietskommissar

Unterschrift

Разведчик К. Е. Довгер.

Командир радиовзвода
отряда «Победители»
Л. Шерстнева (Мухина).

Разведчица
М. И. Струтинская.

Д. Н. Медведев
в немецком тылу,
отправляется в гости
в соединение Ковпака.
Фото корр. «Правды»
Л. Коробова.

Дмитрий Медведев получил возможность в том убедиться лично.

В те самые дни, последние дни уходящего 1920 года, когда VIII Всероссийский съезд Советов, собравшийся в давно не топленном огромном зале Большого театра в Москве, обсуждал, а затем и принимал фантастический, по мнению западного мира, план ГОЭЛРО, который В. И. Ленин полагал второй программой партии, советские республики буквально замерзали. Герберт Уэллс назвал свою знаменитую книгу «Россия во мгле».

Из-за отсутствия топлива в первую очередь, а также сырья, продовольствия, квалифицированной рабочей силы стояли заводы, фабрики, не отапливались жилые дома, школы, учреждения. Часть шахт Донецкого бассейна была взорвана или затоплена. Из общего числа 1816 выдавали на-гора уголек, да и то не в полную мощность и низкого качества, менее половины. Что же касается металлургических предприятий, то лишь на Петровском (Енакиевском) заводе еле-еле выплавляла чугун одна-единственная доменная печь.

Чтобы не помереть с голоду, многие шахтеры разбрелись по селам, где все-таки прожить было легче. Да и две войны унесли многие тысячи коногонов, забойщиков, крепильщиков.

С горечью заметил в эти дни В. И. Ленин: «Донецкий бассейн подвергнут такому разорению, о котором мы не имеем и понятия». Правительство приняло крайнее решение: срочно для покрытия самых насущных нужд закупить за границей на золото 18,5 миллиона пудов угля.

Стране требовалось, чтобы Донбасс увеличил угледобычу по крайней мере вдвое, а пока что больше половины от того количества, что, невзирая на трудности, все же добывалось, разворовывалось.

В одной из чекистских сводок той поры сказано: «С приближением холодов стало увеличиваться и хищение угля. На шахтах и на складочных местах, погрузочных пунктах и на жел. дороге таковое хищение, безусловно, чем дальше будет возрастать. Беда в том, что имеющиеся в Донбассе части для борьбы с хищением и охраны угля не могут быть привлечены... за отсутствием обмундирования. Ощущаемый недостаток в обмундировании столь велик, что явствует из нижеследующего характерного обстоятельства: когда потребовался батальон для продработы, то из целой бригады удалось вы-

делить 180 человек мало-мальски одетых. Все остальные разуты и голые. Если не будут приняты срочные меры в смысле снабжения обмундированием, то положение в отношении борьбы с хищением станет критическим. Группой по борьбе с хищением угля и соли за отчетный месяц конфисковано соли 3665 пудов, мешков 600, арестовано спекулянтов 124 чел.».

Карлсон рассказал чекистам, что совсем недавно по постановлению ЦК в Донбасс дважды приезжал Дзержинский. 4 февраля 1921 года он лично провел здесь, в Бахмуте, совещание с сотрудниками Донгубчека. В Донбасс потянулись из ближних и дальних губерний эшелоны с продовольствием, теплой одеждой, строительными материалами, техническим оборудованием. Из Красной Армии откомандировывались командиры и бойцы, владеющие шахтерскими профессиями.

— Сообщаю вам, — сказал в завершение первой беседы Карлсон, — что решением Совета Труда и Обороны борьба с хищением донецкого минерального топлива возложена на органы ВЧК. Перевозки угля приравнены к перевозкам военных грузов. Эшелоны с топливом будет сопровождать вооруженная охрана...

В тот же день все новые сотрудники ознакомились с соответствующим приказом по Донгубчека, в котором, в частности, говорилось: «Безудержное хищение минерального топлива, столь необходимого для промышленности и транспорта, должно быть искоренено самыми решительными мерами, диктуемыми революционной необходимостью, без всяких колебаний...»

...Итак, меры, и энергичные, для восстановления работы шахт и металлургических предприятий Донбасса, облегчения невыносимо тяжкого материального и бытового положения шахтеров и их семей предпринимались. Но этому активно и эффективно препятствовали многочисленные и сильные банды, бесчинствовавшие на территории края. Бандитизм...

После освобождения Крыма и фактического завершения гражданской войны на европейской территории страны в очередной раз изменил Советской власти Махно. Мариупольские чекисты установили, что 24 ноября 1920 года батька отдал по своей армии секретный приказ возобновить борьбу с Красной Армией и в первую очередь захватить важные в стратегическом отношении населенные пункты Синельников, Павлоград, Юзовку, Гришино.

При всей авантюристичности этого плана предательские действия атамана могли причинить много бед. И Цупчрезком принял постановление: «Исходя из нарушения Махно соглашения немедленно под личную ответственность председателей губчека провести обыски и арестовать махновцев-анархистов».

В ночь на 26 ноября в разных местах было арестовано 346 видных анархистов. И все же Махно удалось вторгнуться в пределы Донбасса. Началась затяжная и изнурительная борьба чекистов и частей Красной Армии по окончательной ликвидации махновщины, участвовать в которой пришлось и Дмитрию Медведеву.

Батька метался. Ненависть и страх, надежда и отчаяние гнали его редеющие с каждым днем банды от села к селу, из уезда в уезд. Его люди превратились в обыкновенных бандитов, люто ненавидящих Советскую власть. Всюду за ними тянулся густой кровавый след. Врываясь в населенные пункты, махновцы устраивали кровавые бани, убивали не только коммунистов, советских работников, членов комитетов незаможних (бедноты), но и их семьи. Берегли патроны, а потому захваченных рубили шашками и топорами, сжигали заживо в избах.

Появление в Донбассе махновцев оживило и деятельность банд местного происхождения. Части Красной Армии вместе с чоновцами не давали бандитам передышки ни днем ни ночью.

В январе 1921 года Махно появился на севере губернии, в Бахмутском и Славянском уездах. 29 января Бахмут был даже объявлен на осадном положении. При попытке перейти железную дорогу у станции Переездная (дата и место перехода были своевременно установлены чекистами) Махно понес большие потери, бросил обоз с ранеными и ушел на юг, к Азовскому морю.

Еще несколько месяцев, словно загнанный зверь, будет метаться Махно по юго-западу Украины, с каждым днем теряя силы. Общеукраинская амнистия, объявленная в марте 1921 года, отмена продразверстки и замена ее твердым продналогом, новый декрет о земле, позволивший деревенской бедноте проводить передел кулацких угодий, оторвали от него многих заблуждающихся и раскаивающихся, а то и просто уставших от многолетнего кровопролития крестьян. В конце концов в августе с горсткой приближенных — таких останется всего 77 человек — Махно уйдет за Днестр, в королевско-боярскую

Румынию, чтобы еще много лет влачить на чужбине жалкое существование...

В такое тяжелое время начал службу в Донгубчека Дмитрий Медведев, определенный Карлсоном уполномоченным в Особый отдел. В боевую работу ему пришлось включиться едва ли не на следующий день. Именно боевую — схватки чекистов с хорошо вооруженными, подвижными бандами следовали одна за другой.

Должность уполномоченного Особого отдела была ниже той, которую Дмитрий занимал в Брянске. Впрочем, Карлсон приглядывался к новому особисту не так уж долго. Уже 19 марта его вызвали к председателю, и тот без лишних предисловий ознакомил его со своим очередным приказом по Донгубчека. Под параграфом 2 было лаконично записано: «Председателем Старобельской УЧК назначается тов. Медведев».

Крохотная примета времени: в ту пору в разного рода официальных документах почему-то не принято было указывать ни имени, ни даже инициалов. Просто фамилии. Так мы и знаем сегодня некоторых самых давних сослуживцев Медведева лишь по фамилиям, без имен и отчеств.

В городе Старобельске[1] и Старобельском уезде (из числа самых крупных в губернии) сложилась чрезвычайно опасная обстановка. Крупные и мелкие банды различного происхождения и численности буквально терроризировали уезд. В одном из военных донесений той поры прямо указывалось: «Советская власть существует здесь лишь вдоль линии железной дороги на расстоянии орудийного выстрела из бронепоезда». А вот выдержка из чекистской оперативной сводки: «В Старобельском уезде в течение месяца рост бандитизма, как местного значения, так и организованных банд, увеличился, вследствие чего Советская власть в уезде почти не существует».

Не встречая должного организованного сопротивления, бандиты наглели с каждым днем. 5 марта в Старобельске одна из банд совершила дерзкое нападение на съезд комнезамов, в числе убитых были председатель ревкома Зайко и председатель комнезама Скачко.

Самой серьезной из всех действовавших на территории уезда, а точнее — всего севера губернии была банда некоего Каменюки, выдававшего себя за идейного

[1] Ныне Ворошиловградской области.

анархиста, а на самом деле лишь прикрывавшегося лозунгами махновского толка. У Каменюки был многочисленный отряд, он располагал большим количеством пулеметов и несколькими орудиями. Каменюка знал толк в военном деле, был решителен, дерзок, хорошо изучил местность, имел своих лазутчиков во многих селах, обладал звериным чутьем на опасность и такой же изворотливостью, что помогало ему не раз выходить из, казалось бы, безнадежных положений.

Следует разъяснить, что в описываемый период чрезвычайные комиссии в уездах на Украине были упразднены — ввиду отсутствия достаточного количества подготовленных работников. Их заменили так называемые политбюро, входившие на автономных началах в милицию. Уездные ЧК были сохранены только в немногих, особо важных центрах, к примеру, в Мариуполе[1]. Руководили УЧК поэтому всегда известные работники, часто направленные на свой пост с достаточно высоких должностей в аппарате губчека.

Учитывая особое значение Старобельска в губернии и всю серьезность положения в нем, Цупчрезком Украины отдал распоряжение учредить в этом городе вместо политбюро уездную чрезвычайную комиссию, причем прежний руководитель был из уезда отозван.

Карлсон оказался в трудном положении, когда ему необходимо было срочно подобрать председателя вновь учрежденной УЧК. Самый сильный, пожалуй, его сотрудник — будущий краснознаменец (так в те годы называли кавалеров ордена Красного Знамени) Дмитрий Патрушев уже работал, и очень успешно, в не менее серьезном, нежели Старобельск, центре — Мариуполе. Между тем дело не ждало. И тут Карлсон пошел на известный риск — решил назначить председателем УЧК в Старобельск одного из новых в аппарате, то есть фактически мало известного ему человека.

За назначение Медведева был его почти годичный опыт работы в Брянской ЧК, причем — даже в составе коллегии, пребывание в Красной Армии и участие в боях, партийность. Наконец, уже здесь, в Бахмуте, Медведев, по словам начальника Особого отдела Островского, при ликвидации бандгруппы (а дело дошло до самого страшного вида ближнего боя — рубки) проявил себя с самой лучшей стороны. Чувствовалась в нем и хватка,

[1] Ныне город Жданов Донецкой области.

и собранность, и хорошая школа. Наконец, Карлсону был известен и такой случай...

Прибыв из Брянска в Харьков, Дмитрий Николаевич и два его спутника вынуждены были две недели из-за отсутствия жилья ютиться на вокзале. При этом они столкнулись с рядом серьезных недостатков со стороны и железнодорожного начальства, и здешнего отделения транспортной ЧК. Кончилось все тем, что Медведев написал письмо в более чем резких выражениях на имя начальника Цупчрезкома Украины В. Н. Манцева. Письмо было признано хотя, быть может, излишне запальчивым, но, по существу, правильным и справедливым, по нему незамедлительно приняли крутые меры. Обо всем этом Карлсон слышал от самого Манцева.

Такой шаг не мог не импонировать Карлу Мартыновичу. Он ценил и уважал людей, обладающих достаточным гражданским мужеством, чтобы честно высказать начальству правду в глаза, какой бы неприятной она ни была. Примечательно, что дальнейшие отношения Медведева с Карлсоном складывались отнюдь не самым безоблачным образом. Однажды Дмитрий Николаевич с резкими критическими замечаниями обрушился и на Карлсона. Однако никогда Карл Мартынович не пожалел о своем выборе, когда выдвинул двадцатидвухлетнего Дмитрия Медведева в число ответственных работников украинской ЧК. Кстати, постановлением ВУЦИК от 30 марта 1921 года после значительного укрепления органов государственной безопасности республики вместо Цупчрезкома была воссоздана, но уже в новом качестве Всеукраинская чрезвычайная комиссия. Председателем ВУЧК был назначен Василий Николаевич Манцев, его заместителями Ефим Георгиевич Евдокимов и Карл Мартынович Карлсон...

Прочитав приказ о своем новом назначении, Медведев растерялся. Даже в самых смелых предположениях Дмитрий никак не думал, что руководство пошлет его на столь ответственную работу. И он честно заявил Карлсону, что не считает еще себя готовым к должности председателя уездной ЧК.

Карлсон внимательно посмотрел Медведеву в глаза и, словно не слыша его слов, глухим голосом сказал:

— Неделю назад Каменюка ворвался в Старобельск. Триста сабель при восьми пулеметах... Банда бесчинствовала в городе два часа. В числе убитых секретарь уездного комитета партии Петр Нехороший и наш сотрудник

Вишневский. Цель налета ясна — Каменюка решил поднять свой бандитский престиж и продемонстрировать свою неуязвимость. Ваша задача как председателя УЧК?

— В кратчайший срок ликвидировать банду Каменюки, — четко, не раздумывая, ответил Медведев.

— Правильно. Теперь о деле...

Беседа председателя Донгубчека с Медведевым продолжалась долго.

— Имей в виду, сейчас весна — самое благоприятное время года развития банд, — говорил Карл Мартынович, расхаживая по тесноватому для его крупной фигуры кабинетику. — Поэтому от тебя потребуется полная мобилизация всех здоровых сил уезда. Необходимо самым решительным образом ликвидировать все очаги бандитизма в тех местностях, которые им заражены. И в первую очередь там, где разрушен советский аппарат. Есть решение партийной организации мобилизовать на борьбу с бандитизмом каждого второго коммуниста. На них и опирайся в первую очередь. И еще: не зная броду, не суйся в воду. Помни, что ты чекист. Ставь широкую разведку. Для этого в первую очередь привлекай честнейших и безусловно преданных Советской власти членов комнезаможа [1]. Через них собирай и анализируй сведения о лицах, поддерживающих бандитов...

С таким напутствием и отправился Медведев в Старобельск.

До революции это был не очень крупный, но достаточно известный в России торговый город на реке Айдар. Когда-то здесь ежегодно устраивалось пять ярмарок, на которые съезжались купцы из Москвы, Харькова, Белгорода, Воронежа и других мест. В огромном количестве — до миллиона пудов зерна и муки в год — вывозили отсюда отменную пшеницу «арнаутку». В городе была и кое-какая промышленность: пятиэтажная вальцовая мельница, пивоваренный завод, большие склады бензина и керосина, некогда принадлежавшие «бр. Нобель», мыловаренное предприятие и множество лавок и лабазов. Из достопримечательностей — лишь дом, в котором прошли детские годы известного писателя В. М. Гаршина.

Людей, мягко говоря, не симпатизирующих Советской власти, и в городе, и в окрестных селах хватало. Они-то и составляли опору свирепствовавшего в уезде

[1] Комитет незаможных селян — так на Украине называли комитеты бедноты.

бандитизма. Однако куда более волновало нового председателя УЧК другое: как найти в этом, тогда обывательском городе, изведавшем все беды гражданской войны, терроризованном бандитами, таких людей, которые, презирая угрозу смерти, стали бы его опорой и надежными помощниками?

Такие люди, конечно, в уезде были. О том свидетельствовали факты. Так, в отчаянный, неравный бой с бандой Каменюки вступил комсомольский чоновский отряд, которым командовал начальник уездной милиции И. Лысенко. В живых от всего отряда осталось лишь пять израненных бойцов. Неужто же он, Дмитрий Медведев, не найдет путей к таким людям, без помощи которых не выполнить ему приказа партии и ЧК?

Познакомившись с сотрудниками Старобельской УЧК, Медведев направился в уком партии. Здесь его встретил неожиданно молодой паренек, явно моложе его, Медведева.

— Завенягин, Авраам, — представился он, крепко пожимая руку. — Садись, рассказывай, кури. — Секретарь укома придвинул гостю пачку моршанской махорки.

Аврaамию Павловичу Завенягину[1], точно, было в ту пору всего двадцать лет, но партийный стаж его исчислялся с 1917 года, и в губернии он считался работником опытным и сильным. Дмитрий понял, что секретаря укома сейчас интересуют не факты его биографии, а первые шаги на посту председателя УЧК.

— Самые пораженные бандитизмом места уезда, — начал Медведев свой доклад, — это Белокуракино, Новый Айдар, Беловодск, Мостки. Там я решил создать опорные участки, их возглавят уполномоченные УЧК. Они должны наладить связи с населением, подобрать себе помощников, в первую очередь из бедняков, демобилизованных красноармейцев. Партийцы и комсомольцы должны поддержать их.

— Поддержат, — кивнул головой Завенягин и черкнул что-то карандашиком в своем блокноте. — Что дальше?

— А дальше самая работа только и начнется. Нам известно, что атаманы скрывают от своих людей документы об амнистии, замене продразверстки налогом, изменениях в земельном законодательстве.

---

[1] Авраамий Павлович Завенягин — впоследствии дважды Герой Социалистического Труда, заместитель Председателя Совета Министров СССР.

— И правильно делают, — откликнулся Завенягин. — Если рядовые бандиты и дезертиры, попавшие в банды по малосознательности, узнают о новых декретах, они порвут с контрреволюцией и вернутся домой.

— Точно. Значит, нужно распространить эти документы в первую очередь в тех селах, откуда крестьяне пошли в банды.

Завенягин одобрил и эту меру. Порекомендовал Медведеву людей, которые в больших и малых селах могли оказать чекистам помощь. Потом задал вопрос, который, как понял Дмитрий, интересовал его особо:

— Когда намерен ликвидировать Каменюку? После того, что он тут натворил, люди утратили в нас веру...

Медведев помрачнел. Он понял, что имеет в виду Завенягин.

— Каменюка нам пока не по силам. Только потери понесем. Без разведки и подготовки его не уничтожить. На это нужно время.

Авраамий посуровел:

— Значит, будешь выжидать?

Дмитрий предвидел этот вопрос и был готов ответить на него:

— Ни в коем случае! К очистке уезда приступаю немедленно. Уничтожив мелкие банды, мы лишим Каменюку его баз, заручимся широкой поддержкой населения, завяжем связи. Политические меры начнут приносить свои плоды. А Каменюку разобьем, как только окрепнем, непременно разобьем!

Начал Медведев с широкого разъяснения крестьянам политики партии большевиков и Советской власти в земельном вопросе, и не только земельном. В селах, откуда, как он знал, особенно много людей подалось в банды, он выступал на сходках сам. Однажды уполномоченный УЧК предупредил Медведева, что на сходе, по его сведениям, будут присутствовать среди крестьян трое или четверо «из леса».

— Может, снимем их, товарищ председатель? — предложил он.

— Не нужно, — отказался Дмитрий Николаевич. — Пусть послушают. А там, глядишь, они своим расскажут, о чем говорилось на сходе. Может, кто и задумается, явится с повинной...

В ряде случаев Медведеву действительно удалось обойтись без кровопролития. Так случилось с Гавришем. Дмитрию Николаевичу при посредничестве надежного

помощника удалось убедить этого атамана в бессмысленности борьбы с Советской властью. Гавриш добровольно сдал свою банду без сопротивления. Но чаще приходилось неделями гоняться за бандами по лесам, выявлять их стоянки, опорные базы, связи в селах.

Создание опорных пунктов полностью себя оправдало. Уже к концу апреля Дмитрий Николаевич мог с уверенностью сказать, что обладает всей достоверной информацией о бандах, существующих в Старобельском уезде, да и в сопредельных тоже. Как-то он получил донесение уполномоченного УЧК по Беловодскому району о том, что, по сведениям, полученным от верных людей в комнезаможе, здесь действует хорошо законспирированная контрреволюционная организация, поддерживающая тесные связи с бандами и обеспечивающая их всем необходимым.

Изучив полученную информацию, Медведев с тремя сотрудниками выехал на место, лично встретился в обстановке полной секретности с одним членом организации, давно тяготившимся своей преступной деятельностью, установил тщательное наблюдение за всеми активными заговорщиками и в одну ночь их арестовал. При допросе задержанных он установил, в частности, что патроны бандиты получали от своих сообщников на Луганском патронном заводе. Эти лица были выявлены и обезврежены уже луганскими чекистами.

Перед отъездом в Старобельск Медведев получил разрешение сформировать при УЧК роту с кавалерийским взводом. Но где взять бойцов? Все взвесив, Дмитрий Николаевич объявил набор добровольцев. Кое-кто даже из чекистов сомневался, что из этого что-нибудь получится. Ну кому еще после семи лет империалистической и гражданской захочется воевать? Однако через несколько дней в распоряжении Медведева было сорок пеших и семеро конных бойцов. Мало, конечно, но для начала неплохо.

Первой успешной боевой операцией стала для Медведева в Старобельске ликвидация банды Тяпкина, которая насчитывала около сорока человек. Дмитрию Николаевичу удалось под видом дезертира внедрить в эту банду своего сотрудника. Использовав поступившую от него своевременную информацию, Медведев с отрядом чоновцев навязал банде бой в невыгодных для нее условиях — у реки, где не было путей к отступлению или бегству. Почти все бандиты, в том числе и главарь Тяпкин, были перебиты.

Эта первая победа имела одно важное и вполне объяснимое в местных условиях последствие: резко возрос приток добровольцев в чекистский отряд. Дмитрий Николаевич принял в него даже нескольких явившихся с повинной рядовых бандитов, оказавших уже ему помощь и выразивших желание искупить свою вину перед народом. Теперь отряд стал настоящей полнокровной ротой из трех взводов, при нескольких пулеметах, отбитых у банд. Это была серьезная сила, с нею удалось быстро ликвидировать несколько средних банд и обеспечить безопасность уездного города от налетов.

Затем Медведев получил информацию о точном местопребывании крупной — в несколько сот сабель — банды, состоящей в основном из злостных дезертиров. Уничтожить ее силами одной роты было, конечно, невозможно. Правда, банда вела себя довольно пассивно, явно избегала открытых столкновений, налеты на села совершала большей частью в целях захвата провизии. Обдумав информацию, Дмитрий Николаевич пришел к выводу, что, по-видимому, у банды нет сильного главаря. Исходя из этого, он и составил план ее ликвидации.

Одним из добровольных помощников Медведева в Старобельске был высокий, очень худой мужчина средних лет с необычной фамилией Басня. В прошлом сельский учитель, он в годы мировой войны дослужился до штабс-капитана, еще до революции демобилизовался по тяжелому ранению. Басня обладал от природы поразительным обаянием и редкими организаторскими способностями.

Несколько ночей Медведев и Басня готовились в обстановке строгой конспирации к операции. Потом Басня исчез из города... А потом произошло почти невероятное. Действуя в точном соответствии с инструкцией Медведева, Басня внедрился в банду и, опираясь на группу быстро выявленных им людей, проявивших благоразумие, за четыре дня убедил бандитов в необходимости добровольной сдачи Советской власти. На пятые сутки Басня привел банду почти в полном составе — свыше трехсот пятидесяти вооруженных людей! — сдаваться. Места во дворе для всех не хватило, и участники банды, теперь уже бывшей, терпеливо и спокойно ждали своей очереди, чтобы сложить оружие...

Подобное внедрение чекистов в банды (а только так и можно было их ликвидировать с наименьшими потерями и в кратчайшие сроки) всегда было связано со смертельным риском. То была кропотливая работа, в которой не суще-

ствовало мелочей и второстепенных деталей, потому что малейшая неточность, пустяковый просчет грозили гибелью чекисту и провалом операции в целом. На такие задания шли самые отчаянные смельчаки, и действовать им приходилось на самом краю мучительной гибели. Впрочем, одной смелости для достижения успеха недоставало. От чекистов требовались и выдержка, и находчивость, и умение мгновенно принимать единственно верное решение, и актерский талант. Чего стоило одно только поддержание личной или бесконтактной связи с Медведевым или уполномоченным УЧК в условном месте, когда подозрительные, как правило, до предела атаманы, не доверяя никому и ни в чем, устанавливали в своих бандах круглосуточную слежку каждого за каждым, особенно за новичками.

Был тяжелый случай, когда бандиты сумели раскрыть одного из таких добровольных помощников Медведева, местного комсомольца-чоновца. Обезображенный труп Миши со вспоротым животом, отрезанными ушами и языком, выколотыми глазами был обнаружен в лесу. Рядом с телом стояли обутые в залитые кровью солдатские башмаки-«австрияки» обрубленные ступни... И все же бандиты не ушли от расплаты за свое злодейство. Сведения, которые успел перед гибелью передать герой, помогли ликвидировать и эту банду.

Неделю Медведев не мог спать: стоило закрыть глаза, как перед мысленным взором вставала страшная картина гибели чекиста...

Шло время. За несколько месяцев под руководством и при непосредственном участии Дмитрия Медведева в Старобельском уезде было ликвидировано пятнадцать банд. И вот пришел день, когда председатель УЧК доложил уездному комитету партии, что он готов наконец приступить к уничтожению банды Каменюки.

Долгое время этот атаман считался неуловимым. Действительно, порой он начисто выпадал из поля зрения чекистов, неделями не удавалось обнаружить его следов. Каменюка отсиживался за пределами уезда, а то и в соседней губернии, зализывал раны, набирал новых людей вместо выбывших, запасался боеприпасами и провиантом, добывал лошадей. Потом снова обрушивался на уезд, неся повсюду смерть, разорение, пожары.

8 июня 1921 года Каменюка как всегда внезапно налетел на село Пески и учинил здесь зверскую расправу над членами комнезаможа, затем последовал налет на се-

ло Закопное. В селах Колядовка, Волкодавово, Ново-Александровка, на хуторе Михайликов его бандиты убили почти всех советских работников и активистов. В селе Никифорове Каменюке удалось захватить три орудия.

Мир и спокойствие опять покинули вздохнувший было с облегчением уезд. Особенно после того как Каменюка объединил свои силы с другой крупной бандой — атамана Ленивого. Правда, и советские отряды стали уже значительно сильнее, нежели раньше. Набралась боевого опыта рота уездной ЧК, ее хорошо поддерживал прибывший в уезд батальон Красной Армии под командованием Александра Ротермеля. Прибыло еще подкрепление — кавалерийская истребительная группа и рота 3-го Заволжского полка.

Перед решающим столкновением с самым серьезным своим противником Медведев основательно почистил уезд. Так, в районе Масловки старобельские чекисты разбили банду петлюровца Волоха. Самого атамана в бою зарубили вместе с его ближайшими сподвижниками. Затем Медведев ликвидировал банду Огнева. Эта бандгруппировка отличалась одной особенностью: люди Огнева после каждой кровавой вылазки рассыпались по домам и лесам — до очередного приказа атамана выйти из подполья. Этим и воспользовался Медведев. Бандитов, числом до сотни, захватили у хутора Семикозова в момент сбора. Точное его место и дату Медведев знал заранее, потому что сам их и определил. С помощью своих сотрудников, внедренных в банду.

Прежде чем взяться за отряд Каменюки, Медведев провел тщательную разведку. Затем распространил по округе слухи о том, что он якобы уехал на совещание в Бахмут. Это усыпило настороженность атамана, и банду удалось настигнуть врасплох. Чекисты, красноармейцы и чоновцы уничтожили в бою около сорока бандитов, оказавших сопротивление. Остальные сдались. Было захвачено все вооружение банды и даже черное знамя атамана. Однако самому Каменюке и на сей раз удалось вырваться из кольца и в сопровождении 28 всадников уйти на Дон, где он вскоре снова организовал бандгруппу. 19 октября на Богдановском хуторе возродившуюся банду разбил отряд красноармейцев Петропавловского гарнизона. И снова Каменюка с остатками банды сумел бежать, по словам очевидцев — в одной гимнастерке. На сей раз атаман укрылся на время в Воронежской губернии.

Настиг и добил Каменюку Медведев уже в новой

должности — руководителя органов ВУЧК в Шахтах. Операция по полной ликвидации этого опаснейшего врага Советской власти готовилась тщательно. Были выявлены все связи атамана, его базы, точно установлена численность банды и ее огневые средства.

Близ села Осинова чекисты обрушились на банду внезапно, предусмотрели, чтобы и щелочки не осталось, куда бы мог ускользнуть атаман или кто-нибудь из его преступного воинства. Сопротивлявшиеся бандиты были уничтожены, остальные сдались. Не ушел и главарь Каменюка, убитый в бою. Труп Каменюки был доставлен в Старобельск, а затем и в Бахмут, чтобы мирные жители могли воочию убедиться в ликвидации считавшегося неуловимым бандита.

В конечном итоге за время работы Д. Н. Медведева в Старобельске бандитизм в уезде был ликвидирован окончательно. В отчете Дмитрий Николаевич счел необходимым отметить: «В этой работе я, безусловно, многим обязан сотрудникам Старобельской УЧК, без коих я не был бы в состоянии ее проделать».

28 ноября 1921 года коллегия Донгубчека вынесла постановление: «Ходатайствовать перед коллегией ВУЧК о награждении золотыми часами бывшего предуездчека тов. Медведева, пред. Мариупольской УЧК Петрушева за умелую и усиленную борьбу с бандитизмом, благодаря чему был уничтожен бандитизм в Старобельском и Мариупольском уездах». 17 декабря коллегия ВУЧК удовлетворила это ходатайство. Первая в жизни Дмитрия Медведева почетная, очень высокая по тем временам награда — именные золотые часы — была вручена ему уже в следующем, 1922 году.

Работая в Шахтах, Медведев лично выявил филиал крупной контрреволюционной организации белоказаков, центр которой находился в Ростове-на-Дону. Затем вскрыл и ликвидировал большую группу крупных расхитителей угля и соли (так называемый «Несветаевский куст»). Выявлены были не только воры и спекулянты, но и каналы, по которым уходило драгоценное топливо с шахт и железнодорожных станций, определены были и каналы сбыта, а также способы «замазывания», то есть маскировки способов хищения. У одного перекупщика поваренную соль, в ту пору почти универсальную на селе «валюту», обнаружили в... колодце, в железных, тщательно обмазанных глиной бочках.

Наконец, в станице Каменской Медведев сам руково-

дил ликвидацией крупной уголовной банды. После ее разгрома чекисты изъяли у главарей огромную сумму денег, валюты, а также объемистый кожаный чемодан, набитый золотыми изделиями и драгоценными камнями.

Последние пять месяцев своего пребывания в Донбассе Медведев снова работал в Бахмуте — уже в должности начальника Особого отдела Донгубчека. В служебной характеристике 1922 года отмечено: «Вполне работоспособен, добросовестный, взаимоотношения с начальством нормальные, выдержанный, спокойный, круг знакомств товарищеский... Чекистски вполне подготовлен».

В августе 1922 года Дмитрий Медведев получил новое, весьма серьезное назначение. Его откомандировали на ответственную должность в город, тогда особо трудный для чекистов во всех отношениях, — Одессу.

...В декабре 1922 года ВУЧК доложила VI Съезду Советов Украины, что политический бандитизм на территории республики ликвидирован. В Донбассе одна за другой вступали в строй действующих, начинали выдавать на-гора лучший в мире антрацит шахты, возвращалась жизнь к домнам и мартенам, спокойно, не опасаясь бандитских нападений, вели эшелоны машинисты, засеивали поля золотой «арнауткой» крестьяне. И во всем этом была доля нелегкого чекистского труда Дмитрия Медведева и его товарищей.

ТВЕРДОСТЬ

8 сентября 1922 года, сдав в Донбассе дела своему преемнику, Дмитрий Медведев прибыл для продолжения службы в распоряжение Одесского ГПУ. Во всем особенный — от свежего аромата пропитанного запахом левкоев и морской солью воздуха до своеобразного говора жителей, — город очаровал Дмитрия Николаевича сразу и навсегда. Спустя десятилетия он с доброй улыбкой и охотнее, чем любые другие, вспоминал годы, проведенные в Одессе, с радостью использовал каждую возможность снова побывать в этом городе.

Щурясь под слепящими лучами солнца, на краю перрона вкусно и ловко лузгал каленые семечки долговязый рыжий парень в парусиновом пиджаке и таких же широченных брюках. Безмятежно предаваясь нехитрому заня-

тию, рыжеволосый лениво пропускал мимо себя поток пассажиров, но точно подметил того, кого поджидал:

— Вы Медведев будете?

Дмитрий Николаевич этого факта отрицать не стал. Незнакомец протянул щедро усыпанную веснушками руку:

— Я Паша, из комендатуры. Пожалуйте к фургону...

То был особый одесский шик. Хотя до известного каждому одесситу здания на Маразлиевской от вокзала было, в сущности, рукой подать, любого нового сотрудника, прибывшего в город, встречали на перроне и непременно подавали экипаж. В дальнейшем, правда, чекисту приходилось полагаться в основном на собственные ноги.

— На квартиру сначала или на службу? — разбирая вожжи, спросил Паша.

— Сначала в ЧК.

— Не в чека, а в ге-пе-у, — назидательно поправил возчик и, звонко цокнув языком, тронул лошадей с места.

— Ну давай в ГПУ, — охотно согласился Медведев.

За мимоходным разговором стояло многое. Изменение наименования отражало глубокие перемены во внешнем и внутреннем положении страны. Переход к мирному строительству поставил новые задачи перед органами госбезопасности.

На одном из заседаний состоявшегося в декабре 1921 года IX Всероссийского съезда Советов В. И. Ленин говорил о ВЧК: «...это то учреждение, которое было нашим разящим орудием против бесчисленных заговоров, бесчисленных покушений на Советскую власть со стороны людей, которые были бесконечно сильнее нас...

Без такого учреждения власть трудящихся существовать не может, пока будут существовать на свете эксплуататоры, не имеющие желания преподнести рабочим и крестьянам на блюде свои права помещиков, свои права капиталистов».

Отметив заслуги ВЧК в ходе революции и гражданской войны, В. И. Ленин указал на необходимость подвергнуть ее реформе, определить функции и компетенцию в новых условиях, и прежде всего — ограничить ее деятельность задачами сугубо политическими. В том же выступлении В. И. Ленин сказал: «Чем больше мы входим в условия, которые являются условиями прочной и твердой власти, чем дальше идет развитие гражданского оборота, тем настоятельнее необходимо выдвинуть твердый лозунг

осуществления большей революционной законности, и тем уже становится сфера учреждения, которое ответным ударом отвечает на всякий удар заговорщиков. Таков результат опыта, наблюдений и размышлений, который правительство за отчетный год вынесло».

В соответствии с партийной линией 6 февраля 1922 года ВЦИК принял декрет, по которому ВЧК и ее органы на местах упразднялись. Для решения тех задач, которые раньше исполняла ВЧК, прежде всего подавления открытых контрреволюционных выступлений и бандитизма, борьбы со шпионажем, охраны путей сообщения, охраны государственной границы и т. п., в системе Наркомата внутренних дел учреждалось Государственное политическое управление — ГПУ.

После того как в декабре 1922 года все советские народы объединились в Союзе ССР, для обеспечения безопасности в пределах всей страны образовано Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ) при Совете Народных Комиссаров СССР. Председателем ОГПУ был назначен Ф. Э. Дзержинский, его первым заместителем В. Р. Менжинский. Тогда же в связи с пятой годовщиной создания органов ВЧК — ОГПУ Ф. Э. Дзержинский дал интервью корреспонденту «Правды», в котором осветил и путь, пройденный ВЧК, и задачи, стоящие ныне перед ее преемником — ОГПУ.

Медведев долго держал на своем письменном столе под стеклом вырезку из газеты, не раз перечитывал эти слова Дзержинского: «В самый разгар гражданской войны, когда нас сжимало огненное кольцо блокады, когда нас давили голод, холод и разруха, когда внутренние белогвардейцы и заграничные империалисты подбирались к сердцу республики, ВЧК и ее органы на местах развивали самоотверженную героическую работу.

Длинной шеренгой тянутся раскрытые заговоры и восстания. Зоркий глаз ВЧК проникал всюду. ВЧК была орудием диктатуры трудящихся. Пролетариат выделил для работы в органах ЧК лучших сынов своих. И неудивительно, что враги наши люто ненавидели ЧК и чекистов. Их ненависть вполне заслуженна. ВЧК может гордиться тем, что она была объектом неслыханной травли со стороны буржуазии. ВЧК гордится своими героями и мучениками, погибшими в борьбе.

Закончилась война. Наступила полоса мирного строительства. Явилась необходимость перестроить наши чрезвычайные органы. Организовывается ГПУ. Теперь нам

нужно особенно зорко присматриваться к антисоветским течениям и группировкам.

ГПУ сжало свой аппарат, но оно укрепило его качественно. ГПУ сознает, что задачи, которые оно должно разрешить, огромны, но доверие широких пролетарских масс дает работникам ГПУ твердую уверенность в том, что они свое дело сделают».

Итак, на смену ЧК пришло ГПУ. В дальнейшем органы государственной безопасности еще трижды сменят свое наименование, но слово «чекист» сохранится навсегда. До конца дней своих будет с гордостью называть себя чекистом и Медведев.

...Новое назначение Дмитрия Николаевича никак нельзя назвать обычным перемещением по службе. Руководство органов госбезопасности направляло в Одессу только сильных сотрудников, способных самостоятельно решать сложные задачи. Чекист, успешно проработавший в Одессе, рассматривался центром как прошедший серьезную школу и в случае перевода в другой город почти всегда повышался в должности.

Специфика оперативной обстановки в Одессе и в описываемый период, и в последующие годы объяснялась всей предыдущей историей города, его трудной судьбой в период революции и гражданской войны.

Председатель Одесской ЧК, затем ГПУ Макс Абелевич Дейч оставил нам описание города той поры: «Город, политикой царского правительства поставленный в положение уездного, а по своему развитию обогнавший многие губернские центры, город этот служил точкой притяжения целого ряда поколений, бросивших насиженные места за границей и обосновавшихся здесь. Отсюда колоритность местного населения с примесью авантюристического элемента, населения интернационального по своему обличью и строго патриотичного в отношении других таких же пришельцев.

Рост Одессы, развивающийся экспорт, увеличивающийся импорт, проект перестройки гавани — все это в конечном счете пленяло воображение даже дальних ее соседей».

Здесь, в благодатном краю, многие десятилетия жили рядом украинцы, русские, молдаване, евреи, греки, итальянцы, немцы, болгары, турки. В их общении выработался особый, мгновенно узнаваемый и неповторимый одесский говор, неотъемлемым элементом которого был своеобраз-

ный и чрезвычайно выразительный юмор. Это был город рыбаков и поэтов, портовых биндюжников и уличных музыкантов, роскошных особняков Дерибасовской и трущоб Сахалинчика. В этом городе одинаково знамениты были миллионер Маразли и налетчик с Молдаванки Виницкий по кличке Мишка Япончик. Но существовала и Одесса пролетарская, город давних и сильных революционных традиций. Она и направляла многих своих сыновей и дочерей на службу в органы ВЧК — ГПУ.

Перед революцией население города едва превышало 200 тысяч человек. Однако к моменту окончательного освобождения Одессы Красной Армией в феврале 1920 года в ней находилось до полумиллиона обитателей. Сюда стекались беженцы из числа «бывших» со всей России: сенаторы и вице-губернаторы, помещики и заводчики, фрейлины императорского двора и полицмейстеры, владельцы доходных домов и великосветские кокотки. И конечно же, офицеры царской и белой армий всех чинов и званий. Часть этой публики бежала вместе с интервентами, но часть не успела или не смогла.

По данным ЧК, в Одессе после ее освобождения насчитывалось свыше тридцати тысяч бывших офицеров, не считая тех, кому удалось скрыть свое золотопогонное прошлое. К тому же в городе имелись многочисленные группы профессиональных бандитов. Причем именно налетчиков, то есть вооруженных грабителей, к тому же организованных в банды со строгой иерархией и дисциплиной. Деликатные ширмачи, а попросту карманники и обладатели прочих «тихих» уголовных профессий в эти цифру не включались.

— Оружием владеете хорошо? — Это был один из самых первых вопросов, которые задал Медведеву заместитель председателя ГПУ в ходе беседы-знакомства. Получив утвердительный ответ, приказал: — Пистолет носите всегда, и с досланным патроном...

Наконец Медведев узнал еще об одной особенности Одессы: в ней проживало полторы тысячи лиц, обладавших иностранными паспортами. Кто из них есть кто, почему не стал эвакуироваться из города накануне прихода красных, хотя имел на то и право и возможность, чекистам предстояло разбираться долго. Знакомясь с данными по этому контингенту, Медведев даже присвистнул от удивления: подавляющее большинство иноподданных были родом из Киева, Балты, Херсона, той же Одессы. Но обходиться с ними требовалось тем не менее в высшей

степени деликатно: начинался долгий и болезненный процесс нормализации дипломатических отношений Советской власти с капиталистическими государствами.

Как заведено международной практикой, для защиты интересов иностранных граждан и подданных в Одессе, как и во многих крупных портах, существовали консульства ряда государств, временами их число доходило до двух десятков. На лучших особняках и гостиницах города красовались гербы Северо-Американских Соединенных Штатов, Великобритании, Франции, Бельгии, Швеции, Италии, Греции и даже Аргентины.

Доподлинно было известно, что многие из генеральных консулов, вице-консулов, просто консулов и в царское, и в белогвардейское, и в советское время на самом деле представляли разведку своих государств. Теперь, понятно, число консульств поубавилось, однако род занятий их, по данным ГПУ, существенно не изменился. Дмитрий Медведев узнал, когда приступил к исполнению своих обязанностей руководителя отдела ГПУ: в период белогвардейщины и интервенции в солнечной Одессе действовало до тридцати вражеских разведок!

Американскую представляли аппарат бывшего военного атташе в Петрограде подполковника Риггса, «миссия» некоего мистера Соуэра, «экономическая миссия»; французскую — «Международная миссия» посла Нуланса, ряд других лиц; английскую — «миссия» полковника Вейда. итальянскую — подполковника Тонини и т. д.

В городе «работали» деникинская контрразведка военного генерал-губернатора Одессы Гришина-Алмазова (начальник подполковник Логвинский), контрразведка командующего войсками Добровольческой армии в районе Одессы (полковник Глобачев), «Азбука» — деникинская разведывательная организация во главе с известным монархистом В. В. Шульгиным (ее руководящие деятели носили псевдонимы по названиям букв старой русской азбуки, так, сам Шульгин укрывался под кличкой «Веди»), украинская контрразведка князя Кочубея, французская контрразведка полковника Порталя (в нее, между прочим, удалось проникнуть внуку парижского коммунара чекисту Жоржу Лафару), контрразведка английского военного командования (в ней активно подвизался Сидней Джордж Рейли, уроженец Одессы), контрразведка штаба войск главноначальствующего Новороссийской области генерал-лейтенанта Шиллинга и др. Существовала даже «частная» контрразведка некоего поручика Брауде.

От некоторых из этих учреждений к 1922 году сохранилась только дурная память. Но другие продолжали свою антисоветскую деятельность в новых условиях и, соответственно, новыми методами.

В Одессе имелись православные соборы, церкви и монастыри, католические костелы, лютеранские кирки, иудейские синагоги, мусульманская мечеть, греческая церковь, какие-то непонятные молитвенные дома и, естественно, множество священнослужителей, подавляющее большинство которых симпатий к Советской власти не испытывало.

В городе сохранилось также много бандитских притонов, воровских «малин», тайных домов терпимости, квартир, где можно было с одинаковой легкостью сбыть партию кокаина, приобрести маузер или бразильский паспорт. По-прежнему жили в Одессе крупные негоцианты, ворочавшие с давних пор всей контрабандой на юге России. У них имелись свои люди по обе стороны границы, тайные склады, давние и широкие связи, перевалочные пункты на суше и воде. Контрабандисты поддерживали тесные отношения с уголовным миром, влиятельными лицами из корпорации ломовых извозчиков, именуемых в этом городе биндюжниками, и закордонными спецслужбами.

Подпольный мир Одессы был опытен и изворотлив. Его посыльные проникали в советский аппарат губернии и города, захватывали важные хозяйственные посты и должности, им удавалось иногда втереться и в уголовный розыск, и даже в ЧК. Если это не удавалось сделать, они стремились отыскать морально неустойчивого человека, которого подкупали взятками и дорогими подарками, а порой брали и шантажом. И всегда за уголовниками, бандитами, контрабандистами маячили тени антисоветчиков и шпионов. Это обстоятельство осложняло работу чекистов в Одессе, как ни в одном другом городе.

Порты часто называют морскими воротами страны. В описываемую пору эти ворота, применительно к Одессе, можно сказать, были без надлежащих засовов. Пограничная охрана побережья только налаживалась, ей не хватало надлежащего количества плавсредств. Имеющиеся в распоряжении пограничников катера были дряхлыми тихоходами. Конечно, ни контрабандисты, ни тем более вражеские агенты с «того берега» не были настолько сумасшедшими, чтобы высаживаться на одесский причал прямо напротив «главного трапа» города — подножия

знаменитой Потемкинской лестницы. Но уже в районе Аркадии или дачи Ковалевского принять глухой ночью на борт или, наоборот, спустить на сушу пассажира особого труда не составляло.

Наконец, чекистам приходилось считаться и с наличием одесских катакомб — выработанных штолен, где добывался многие десятилетия ракушечник — камень, из которого были построены почти все дома в городе. Протяженность катакомб, по слухам, достигала едва ли не ста верст. Точного их плана никто никогда не составлял. Эти рукотворные пещеры представляли надежное убежище всем, кому требовалось на время укрыться от уголовного розыска или ЧК.

К моменту прибытия Медведева в Одессу местные чекисты уже уничтожили крупнейшие городские банды, возглавляемые «королями» Молдаванки Михаилом Виницким, Николаем Масальским и Симеоном Сторожинским. Но их остатки еще долгое время продолжали держать в напряжении население города, изрядно отравлять ему жизнь и пополнять агентуру обосновавшихся за кордоном белогвардейских центров и иностранных разведок.

По ордеру коменданта ГПУ Медведев поселился на улице Бебеля, 4, на втором этаже высокого дома, в котором жили многие одесские чекисты. Холостяки образовывали своеобразные поэтажные коммуны. Медведеву, однако, предоставили отдельную квартиру — потому что в Одессу он приехал из Бахмута уже семейным человеком. Его жена, Марьяна Александровна, к поре их знакомства тоже работала в ЧК, машинисткой.

Обставить мебелью две комнаты с высоченными потолками Дмитрию помог новый сослуживец Марк Штаркман. Невысокого роста, худощавый, темноволосый парень был коренным одесситом, отличался живостью характера и энергией. В свои двадцать лет Марк был комсомольцем со стажем, успел повоевать на польском фронте, получил там ранение в ногу. Теперь он уже второй год работал в Одесском ГПУ.

Жизнь в доме на улице Бебеля была веселая и шумная, иногда даже слишком шумная, потому что народ в нем обитал молодой и заводной. Но соседи Медведеву нравились. Он и сам в быту был человеком общительным, любил шутку и ценил юмор в других. Да и кому неведомо, что человеку, лишенному чувства юмора, жить в Одессе, даже если ты работаешь в таком серьезном учреждении, как ГПУ, никак невозможно.

До службы было из дома-коммуны рукой подать. Стоило только выйти из подъезда, свернуть налево к Канатной и на стыке ее с улицей Бебеля войти через комендантскую в служебную дверь. И вот оно — огромное, на целый квартал здание, бывший доходный дом Гойнинген-Гюне, в котором размещалось ГПУ. Почти рядом, налево через Канатную, в особняке — клуб чекистов. Напротив ГПУ — Михайловское подворье, тайное скопище враждебно настроенных церковников и контрреволюционеров. Левее — сильно запущенный Александровский сад, еще совсем недавно одно из самых опасных мест города, где могли запросто раздеть и ограбить не только с наступлением темноты, но и средь бела дня.

...Незаметно пролетела первая неделя пребывания Дмитрия в новом городе и в новой должности. Она прошла в долгих основательных беседах с председателем, его заместителями, руководителями основных отделов и своими сотрудниками. Он побывал в губкоме партии, у пограничников, в некоторых советских учреждениях, с которыми ему предстояло контактировать в дальнейшем. И конечно же, сразу, хотя и не детально — это еще впереди, — ознакомился с делами своего отдела. Сегодня он специально задержался в кабинете после окончания основного рабочего дня, чтобы подвести итог первым впечатлениям.

Да, его предупредили еще в Харькове, что Одесса — не только повышение по службе, не только жизнь в большом интересном городе. Он знал, что его ожидало, но всетаки не представлял в полной мере, с какими сложными делами придется теперь иметь дело, с каким сильным врагом бороться.

Работая в Старобельске и Бахмуте, Медведев хорошо изучил повадки кулацких банд, тактику и методы белогвардейских заговорщиков, в основном — вчерашних деникинских строевиков, ушедших в подполье, деятельность скрытых саботажников, спекулянтов хлебом. Но он еще ни разу не имел дело с настоящим иностранным шпионом, прошедшим профессиональную выучку в специальной школе в Берлине, Лондоне или Париже. Тайные офицерские организации в Одессе также существенно отличались от тех, с какими ему пришлось сражаться в Донбассе. Тамошние пытались бороться с Советской властью изза угла средствами довольно примитивными. Здесь совсем другое дело. В Одессе в подполье заправляли умелые конспираторы, офицеры белых разведок и контрразведок, иногда чины царской охранки и жандармерии, то есть

опять же профессионалы с опытом, знаниями, оснащенные даже иностранного производства специальными техническими средствами.

Дмитрию в который раз вспомнилось дело «Азбуки», которое он успел пролистать, — оно едва вмещалось в добром десятке пухлых томов. Ничего не скажешь, широко разветвленная (филиал даже в Киеве) организация Шульгина была поставлена грамотно. Конспиративные квартиры, явки, каналы связи, методы вербовки новых членов, их проверка и перепроверка, многочисленные источники информации, собственная внутренняя контрразведка и охрана руководителей — все на высшем профессиональном уровне. Настоящие симпатические чернила иностранного происхождения, а не обычное молоко, сложные шифры, управиться с которыми по зубам только обученному дешифровщику, не то что бандитские записки, в которых атаманы щуси и струки хитроумно именовали патроны семечками, а гранаты огурцами в глубоком убеждении, что подобная тайнопись в случае перехвата чекистами окажется для них тайной за семью печатями.

Или вот еще пример.... Утром Медведев читал показания активного участника монархической организации, которому было поручено следить за видным красным командиром. Старик, работавший филером с девяностых годов прошлого века, был настоящим профессором наружного наблюдения. Взяли его совершенно случайно — шпика опознал на улице старый партиец, помнивший его хорошо по собственному аресту незадолго до мировой войны. Прочитав протокол допроса, Дмитрий Николаевич вник в такие тонкости сыска, о которых и не подозревал.

Он проанализировал еще раз свои беседы с руководителями Одесского ГПУ — с ним говорили самым уважительным тоном, как с уже сложившимся и перспективным ответственным сотрудником. Несомненно, здесь было известно и об именных золотых часах от коллегии ВУЧК. Но как же нелегко будет ему оправдать свою высокую репутацию, а на старых заслугах далеко не уедешь.

От выкуренной за день пачки папирос «Сальво» и мигающего света горящей вполнакала лампы разболелась голова. Дмитрий подошел к мраморному умывальнику, стоящему в углу кабинета, и с удовольствием сполоснул лицо холодной водой. Потом причесался перед зеркалом. Неожиданно подумал: а зачем, собственно, ему усы? Он отрастил их, когда пришел в ЧК, чтобы выглядеть по-

солиднее своих двадцати лет. Теперь смешно — разве в усах дело?

Медведев точно решил, что сделает завтра с утра — придет на службу часом раньше положенного, чтобы, используя «лишние» шестьдесят минут, тщательно, в деталях, изучать старые дела коллег именно под углом зрения повышения своей чекистской квалификации. И будет так поступать каждодневно. Что же касается усов, то он их сбреет незамедлительно, то есть завтра утром. Точнее, сегодня утром, потому что большие часы с медными гирями в виде сосновых шишек уже пробили полночь...

Через несколько дней при добивании остатков крупнейшей некогда на Одесщине банды атамана Заболотного Медведеву представилась возможность показать, что он умеет вести себя должным образом под пулями. Личная храбрость в чекистской среде ценилась, хотя и воспринималась не как достоинство, а как нечто само собой разумеющееся. Одобрили товарищи, хотя виду и не показали, его выдержку, образованность, доброжелательность. Что же касается повышения уровня профессионального мастерства, багажа специфических знаний и опыта, то возможности для всего этого Одесса предоставляла каждому чекисту предостаточно.

В Одессе и на Одесщине в те годы работали выдающиеся разведчики и контрразведчики. Самой яркой фигурой был М. А. Дейч, которого, к сожалению, Медведев застал уже «на излете» — вскоре его перевели в столицу республики. Ученик портного в захолустном местечке царства Польского, Дейч подростком принял участие в революционных событиях начала века, за убийство пристава был приговорен царским судом к смертной казни, замененной ему по малолетству каторгой. С каторги Дейч бежал, много странствовал по заграницам, в дальних краях познакомился с выдающимся революционером Артемом (Ф. А. Сергеевым), под его влиянием стал марксистом. В Россию Дейч вернулся после февраля 1917 года, вступил в партию большевиков и лично Дзержинским (который слышал о его необычайной храбрости еще в 1905 году) был приглашен на работу в ЧК. За активное участие в ликвидации в 1921 году крупнейшего петлюровского заговора, так называемого «Всеукраинского центрального повстанческого комитета» («Цупкома»), он одним из немногих тогда чекистов был награжден орденом Красного Знамени.

Интересными личностями были и другие руководители

и сослуживцы Дмитрия Медведева: старый большевик Петр Подзаходников, Семен Дукельский (талантливый пианист, он закончил Одесскую консерваторию), Владимир Гарин.

Из Николаева наезжал Валерий Кудельский. Участник студенческих беспорядков в Одессе в годы первой русской революции, он был вынужден эмигрировать и вернулся в Россию после свержения самодержавия. Во Франции Кудельский познакомился с А. В. Луначарским, который, в свою очередь, представил его Анатолю Франсу и Ромену Роллану. О творчестве Франса Валерий Михайлович впоследствии напишет книгу. В 1917 году Кудельский сотрудничал в одесской солдатской газете «Большевистская мысль» и стал известен в городе под псевдонимом В. Горожанин. Псевдоним со временем вытеснил его настоящую фамилию. Горожанин вырастет со временем в видного чекиста, а пока Медведев учился у него мастерству тонкой комбинационной игры с противником.

...Переход к новой экономической политике многими партийцами был воспринят весьма болезненно. В самом деле, в то время как в Одессе стояли из-за нехватки сырья и энергии предприятия, бездействовал торговый порт, голодали, питаясь отбросами, по крайней мере 70 тысяч человек, на Дерибасовской, Ришельевской, Пушкинской, Екатерининской снова засияли витрины магазинов и лавок, ресторанов и кафе, где подавали все, что только могли пожелать посетители с деньгами, — от белужьей икры до воздушных пирожных «от Печесского». За столиками возродившихся знаменитых кафе Рабина и Фанкони снова объявились личности в канотье и белых манишках, деловито обсуждающие курсы франков и долларов, фунтов и лир. Если и упоминались рубли, то не обесцененные дензнаки, а золотые, то есть николаевской чеканки десятки и пятерки. Вскоре, однако, была проведена денежная реформа, исчезли дензнаки, появились золотые червонцы.

Сначала робко, потом все более откровенно и нагло стал выползать частник, и не только мелкий — в Одессе хватало по-настоящему богатых людей, сумевших пережить самые трудные для них времена. Появились на улицах и лихачи-извозчики, и красавицы легкого поведения. По вечерам гремели в бесчисленных злачных местах мелодии танго, только что объявившегося чарльстона и модной местной песенки «Ужасно шумно в доме Шнеерзона».

Эти, как тогда говорили, «гримасы нэпа» породили смуту во многих умах. Вчерашние красноармейцы, рабо-

чие и крестьяне впадали в растерянность. Не все могли сразу понять подлинный смысл нэпа. Между тем такие меры, как замена продразверстки продналогом, разрешение под строгим контролем государства частной торговли, мелких капиталистических предприятий, замена натуральной зарплаты денежной по количеству и качеству труда и другие способствовали укреплению союза рабочего класса с крестьянством. При условии сохранения командных высот Советским государством, нэп способствовал восстановлению народного хозяйства, его социалистической перестройке. Это была вынужденная, временная мера перед решительным наступлением на частный капитал во всех сферах народного хозяйства.

Но даже тем, кто разумом все понимал, сердцем трудно было смириться с этим всполохом наглого богатства на фоне всеобщей бедности. Был характерный случай — зимой 1923 года Медведев осуществлял руководство операцией по ликвидации серьезной контрреволюционной группы. Оставалось лишь выявить до конца всех ее участников. Но вдруг все застопорилось, заговорщики стали с неожиданной легкостью уходить от наблюдения. Довести дело до конца Дмитрий Николаевич сумел, но на это ушло больше времени, чем он рассчитывал. Что произошло, он сумел выяснить лишь после ареста контрреволюционеров. Оказывается, достаточно опытные конспираторы уходили от наблюдения благодаря тому, что легко определяли сотрудников ГПУ по... примелькавшейся паре «безразмерных» теплых ботинок, которую передавали, сменяясь, друг другу подчиненные Медведева. Второй пары зимней обуви в отделе ни у кого не имелось, как и второй теплой тужурки.

На собрании комячейки один молодой чекист задал вопрос: как совместить деятельность ГПУ со всеми этими частными лавочками, концессиями, с легализацией новой «советской» буржуазии и т. п.? В зале зашумели — вопрос вызвал искреннюю тревогу у многих. Когда страсти накалились до предела, послышался ироничный голос Дейча:

— А ты не переживай! Чека в концессию не сдается!

Поднявшись на трибуну, председатель Одесского ГПУ разъяснил глубинный смысл и цели нэпа, задачи в этой связи органов госбезопасности как вооруженного отряда диктатуры пролетариата. Фраза стала крылатой, в ней оказалось сформулированным главное: временное экономическое отступление не означает никаких политических уступок со стороны Советской власти ни старой, ни «но-

вой» буржуазии. Чекистский же аппарат как и прежде будет подавлять все попытки врага реставрировать капитализм и самодержавие в нашей стране.

Всего через несколько месяцев по прибытии в Одессу Медведева избирают членом бюро партячейки (а затем и заместителем секретаря), в марте 1923 года за большие заслуги в борьбе с контрреволюцией Одесский губисполком награждает его серебряным портсигаром, наконец, в июне того же года его назначают начальником отдела.

Между тем Дмитрию Николаевичу приходилось нелегко: исполнение служебных обязанностей, деятельность в партячейке, преподавание в погранишколе, собственное учение... А тут прибавились хоть и радостные, но все же дополнительные заботы и в семье — родился сын, названный Кимом. Такой ритм жизни стал скорее нормой для чекистов, нежели исключением.

К описываемому времени внутриполитическое положение СССР значительно окрепло. Победоносно завершилась гражданская война. Подавлен организованный политический бандитизм. Прекратили свое политическое существование мелкобуржуазные партии эсеров, меньшевиков, анархистов и их национальные разновидности, поддерживавшие контрреволюционные устремления отечественной и зарубежной буржуазии. Однако самые активные эсеры и меньшевики все глубже погрязали в болоте подрывной антисоветской деятельности.

Тайная война мирового империализма с Советской страной не прекращалась. Ее главными организаторами стали спецслужбы ведущих европейских держав и США. Перейдя, по сути, на их довольствие, активизировали свою деятельность из-за кордона белогвардейские и буржуазно-националистические организации и центры.

Учитывая изменившуюся обстановку, враги меняли методы. После перехода страны к мирному социалистическому строительству контрреволюция делает ставку на развал экономики СССР, замаскированное вредительство и диверсии. Продолжается шпионская работа в ожидании и в предварении скорого, как полагали белоэмигранты, очередного «крестового» похода против Советской России.

Подстрекателем и организатором вредительства, шпионажа и диверсий был не только иностранный капитал, но и заграничное объединение русских промышленников — так называемый Торгово-промышленный комитет (Торгпром), располагавший немалыми средствами.

В Берлине обосновался Высший монархический совет, мечтавший о реставрации дома Романовых и Российской империи. По своим задачам и целям к нему примыкал РОВС — Российский общевоинский союз, объединявший бывших белых офицеров и унтер-офицеров. Во главе РОВСа, имевшего отделения во многих странах Европы и Азии и поставленного на военный лад, стояли генералы П. А. Врангель и А. П. Кутепов.

Из Варшавы и Парижа руководил деятельностью так называемого Народного союза защиты родины и свободы Б. В. Савинков. Развили за рубежом бурную деятельность украинские буржуазные националисты. Их главари — Симон Петлюра, Евген Коновалец и Андрей Мельник. Все они, кто раньше, кто позже, станут платными агентами иностранных спецслужб. Их будет активно поддерживать, и отнюдь не только словом божьим, львовский митрополит униатской церкви Андрей Щептицкий, в прошлом офицер австро-венгерской армии.

С территории Турции, Югославии, Румынии, Германии, Франции, Болгарии, Польши, Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы, а на Дальнем Востоке и Китая, где явно, а где тайно действовали против СССР десятки шпионских и диверсионных организаций.

Эти центры обладали немалыми денежными суммами, техническим снаряжением, оружием и людскими ресурсами — одних только бывших офицеров насчитывалось в эмиграции несколько сот тысяч. Оставалась еще у контрреволюции и определенная опора внутри СССР: те же бывшие царские и белые офицеры (хотя и далеко не все, многие либо отошли от политической деятельности, либо честно служили в Красной Армии), бывшие помещики, буржуазные националисты, кое-кто из верхушки технической интеллигенции, тесно связанной с крупным капиталом, сановники и чины царской администрации, полиции и жандармерии, а также бандиты и заправилы уголовного мира.

22 января 1924 года умер Владимир Ильич Ленин. Смерть основателя Коммунистической партии и Советского государства явилась непоправимой утратой для трудящихся. В стане же врагов революции она пробудила надежды на реставрацию капитализма, создала иллюзию новых благоприятных возможностей для шпионско-подрывной работы. Объединенное государственное политическое управление направило своим полномочным представительствам в республиках и краях, губернским, транс-

портным и особым отделам ОГПУ телеграмму Ф. Э. Дзержинского, в которой всем предлагалось мобилизоваться, повысить бдительность, сохранять полное спокойствие, еще теснее сплотиться вокруг партийных органов.

Как личное горе переживал смерть Ленина и Медведев. Как задание на всю оставшуюся жизнь — обеспечивать надежно и прочно безопасность государства — принял к исполнению телеграмму Дзержинского.

...В сентябре 1924 года пограничники на месте преступления задерживают известного контрабандиста Боруха Байдера по кличке Аэропланчик при попытке переправить на правый берег Днестра подозрительного человека. Аэропланчик, выстреливая тысячу слов в минуту, клянется и божится, что перебежчика не знает, взялся переправить на румынскую территорию за деньги. Хотел подзаработать, вот черт и попутал. Медведев с группой сотрудников расследует дело. Опыт, хорошее знание обстановки на границе, наконец, правильный подход к задержанному позволили ему установить: Аэропланчик не обычный контрабандист, каких на Одесщине множество. Он давний агент румынской военной разведки и политической полиции — сигуранцы. По их заданиям переправляет на советскую территорию и в обратном направлении иностранных агентов (и не только румынских) спецслужб. В результате предпринятых оперативных мер Медведев выявляет адреса явочных квартир в Одессе и в других местах. Их можно было бы ликвидировать немедленно.

Однако Дмитрий Николаевич предлагает повременить с решительными шагами. У него есть несколько вариантов, как использовать ситуацию в интересах советской контрразведки. После обсуждения принимается вариант, признанный оптимальным. В перспективную операцию включаются новые чекисты. Уже им предстоит сыграть главную роль в комбинации, для которой арест контрабандиста послужил отправной точкой. Аэропланчика, к его немалой радости, осуждают лишь как контрабандиста. Это чтобы не спугнуть раньше времени его хозяев по ту сторону Днестра.

В том же 1924 году в результате кропотливой оперативной работы, анализа множества разрозненных и вроде бы случайных фактов, изучения многолетней давности полицейских архивов удается разоблачить и арестовать крупного провокатора царской охранки Александра Ляховецкого по кличке Черный. Выявляются спустя долгие

годы причины тяжелых провалов в революционных организациях Одессы. Но дело не ограничивается далеким прошлым. От Черного тянутся нити уже к нынешней контрреволюционной группе, готовящей и террористические акты. Ядро ее составляют бывшие чины жандармерии и охранки. Связаны они и с зарубежными разведками. Все заговорщики были арестованы чекистами.

...Под станцией Кавуны банда останавливает и грабит поезд. Следы ведут в село Благодатное. Здесь чекисты совместно с сотрудниками уголовного розыска выявляют опасную банду «Бим-Бом». Состоит она из местных кулаков-украинцев и еврейских налетчиков. Бандиты оказывают вооруженное сопротивление, их обезвреживают. Схвачены главари — кулак Филька Телегин, профессиональный грабитель Абрам Лехер, их ставленник Гришка Рошковский, которого кулачье протащило на пост председателя сельсовета.

Последнее обстоятельство насторожило Медведева особо. У него уже собралось несколько фактов аналогичного характера. Быть может, совпадение? Дмитрий Николаевич позволяет себе в этом усомниться. Он тщательно изучает следственные материалы по ряду дел и с несомненностью устанавливает, что бандиты, приноравливаясь к новым условиям, разработали для прикрытия своей преступной деятельности новую тактику. Они стали протаскивать на ответственные посты в местные Советы своих людей. Ставленники бандитов осведомляли их о намечаемых милицией операциях, обеспечивали документами и т. д. Бандиты запугивали крестьян, терроризировали их семьи, заставляя на сходках голосовать за своих приспешников.

На основании материалов, подготовленных чекистами, советские и партийные органы пресекают подобную преступную практику.

Через некоторое время вскрывается изуверство контрреволюционеров-церковников. Об этом деле долго с возмущением говорила вся Одесса. В подворье католического костела удалось обнаружить тайный застенок. Его узниками, месяцами не видевшими солнечного света, были дети и подростки. Голодом, истязанием, запугиванием жестокой карой на том свете за непослушание, одуряющими молениями «святые отцы» готовили из них религиозных фанатиков с отчетливо антисоветской ориентацией. Пришлось арестовать двух ксендзов, старший из которых оказался ко всему еще и резидентом польской

разведки. Он поддерживал тесные связи с контрреволюционно настроенными священнослужителями иных одесских храмов, в том числе и нехристианских.

Самым трудным в этом деле стало вовсе не изобличение изуверов ксендзов и их прислужников. Чекисты были всерьез обеспокоены физическим и душевным состоянием десятков детей, находившихся долгое время под воистину сатанинским воздействием «слуг божьих». Дети были измождены, страдали нервно-психическими расстройствами и другими болезнями. Девочки успели превратиться в истеричек, способных слепо исполнить любое, даже преступное приказание своих «духовных пастырей».

Детей разместили по лучшим лазаретам и больницам Одессы. Без чьего-либо распоряжения чекисты взяли над ними шефство. По всему городу для них собирали одежду, постельное белье, игрушки. Жены сотрудников из скромной зарплаты мужей выкраивали деньги для того, чтобы купить ребятишкам на одесских базарах овощи и фрукты. Бюро партячейки ГПУ меж тем решало более кардинальный вопрос — что делать с детьми после их излечения. Большинство из них были сиротами или же не имели никакого представления о родителях.

Дмитрий Николаевич объехал несколько детских домов и пришел к выводу, что этих детей туда передавать никак нельзя.

— Хлопчики там уж больно боевые, — откровенно сказал он тогдашнему заведующему отделом народного образования Потемкину, — из беспризорных. А наши забитые, в развитии отсталые...

Владимир Петрович и сам это понимал прекрасно. Не совсем ясно ему было другое: почему устройством детей занимается не кто-либо из его инспекторов, а этот высоченный загорелый чекист с чеканным профилем и строгим взглядом зеленоватых глаз. А впрочем, оно и хорошо... Судьбой детей с подворья нужно и следует заниматься особо.

— Вы правы, товарищ Медведев, — сказал Потемкин. — Обычный порядок направления детей в воспитательные учреждения тут не годится.

Совместно нашли нужное решение: ребят после излечения определить в Детский городок имени Коминтерна, причем поначалу образовать для них специальные группы и лишь со временем, когда новые воспитанники

полностью освоятся в обстановке, перестанут дичиться, перевести их в обычные группы.

Детгородок имени Коминтерна был создан по инициативе Потемкина на территории бывшего кадетского корпуса, дач «Аркадия» и общества «Самопомощь». По мысли Владимира Петровича, он должен был стать моделью детского учреждения нового типа, советского, принципиально отличающегося от печальной памяти «воспитательных домов» царской России. Первым директором Детгородка стал знаменитый в пролетарской Одессе Дед Трофим — старый революционер Андрей Васильевич Трофимов.

Прямо из кабинета Потемкина Медведев поехал в Детгородок, встретился и с Дедом Трофимом, и с другими воспитателями. Общими усилиями педагогов и чекистов были созданы условия, чтобы освобожденные из церковного застенка дети выросли нормальными людьми.

Новые методы подрывной работы врага требовали совершенствования методов деятельности и органов госбезопасности. Теперь шпионы, диверсанты и вредители маскировались куда более изощренно и тщательно, нежели прежде. Чекисты стали постепенно проникать во вражеские организации различной окраски — белогвардейские, мелкобуржуазные, националистические и прочие — с целью выявления их участников, замыслов против СССР и разложения изнутри. Классическими примерами таких действий стали ныне хорошо известные чекистские операции «Трест» и «Синдикат-2».

В этих условиях первый заместитель председателя ОГПУ В. Р. Менжинский (ставший после смерти в 1926 году Ф. Э. Дзержинского его преемником) потребовал от чекистов уделять особое внимание «тонкости методов работы ЧК ввиду бессилия контрреволюции в СССР и явного заграничного шпионского происхождения контрреволюционных организаций последнего времени, живущих на средства иностранных разведок».

Требование «тонкости» для практических оперативных работников, каким был и Медведев, означало прежде всего необходимость повышения своей квалификации, уровня профессиональных знаний и навыков. Дмитрий Николаевич глубоко изучает структуру и методы иностранных разведок, их историю, сведения о руководящем составе, формы работы белогвардейских военных, монархических, буржуазно-националистических, контррево-

люционно-церковных и прочих организаций, программные и иные документы антисоветских партий, остатки которых ушли в подполье.

Медведев был человеком хорошо организованным — сотруднику он готов был скорее простить серьезную ошибку, нежели расхлябанность и безответственность. Лучшим отдыхом для Медведева были часы, проведенные на море. Одного-двух часов, проведенных на пляже, было ему достаточно, чтобы зарядиться бодростью на всю рабочую неделю. На время отпуска он никогда из Одессы не уезжал. Дмитрий Николаевич познакомился с одним старым рыбаком и за скромную плату снимал у него глинобитный домик на берегу между Ланжероном и спуском от Французского бульвара. У хозяина была и своя шаланда под парусом с названием «Миля» на носу — у одесских рыбаков было в давнем обычае давать своим лодкам женские сокращенные имена. Здесь, в малолюдном тогда уголке побережья, проводил Дмитрий Николаевич отпуск, а в рабочую пору выходные дни. Рыбачил, жарил на ароматном подсолнечном масле бычков, загорал, купался до звона в ушах.

Еще Медведев любил возиться с малышом Кимом, читать, играть в волейбол. Иногда он позволял себе сходить в театр — знаменитая одесская опера после пожара вновь открылась 8 октября 1926 года. По-прежнему любил ходить в кино, посещал и футбольные матчи. Не чурался и дружеских вечеринок, что устраивались изредка в доме на улице Бебеля или в клубе на Маразлиевской. Крепких спиртных напитков Медведев не употреблял никогда, но с удовольствием выпивал порой пару пива «Тип-Топ» в прохладном погребке на Большой Арнаутской.

У Дмитрия Николаевича всегда было несколько постоянных поручений от партийного бюро. С особым удовольствием он выполнял нелегкие обязанности партприкрепленного к комсомольской организации аппарата ГПУ, может быть, потому, что и сам еще, в сущности, был очень молод. Авторитет его среди сослуживцев возрастал год от года. В характеристиках последних двух лет работы Медведева в Одессе читаем: «Является фактическим руководителем, проявлял инициативу... Особенно настойчив в проведении принятых решений...» И наконец: «Он нам известен как хороший, вполне соответствующий своему назначению работник».

Последняя строчка связана с выдвижением Дмитрия

Николаевича на более ответственный пост уже в Одесском окружном отделе ГПУ.

Одно обстоятельство иногда затрудняло работу Медведева за пределами здания на Маразлиевской — очень уж приметная внешность. Высокий рост, статная фигура, красивое с классическими чертами лицо невольно запоминалось всем, кто хоть раз встречал этого человека.

Как-то произошел курьезный случай. Дмитрий Николаевич явился на службу, изрядно озадаченный и даже расстроенный. Тут же пригласил к себе Пашу.

— Ты знаешь фотографию Лурье на Торговой улице?

— Знаю. А что случилось с этим Лурье? На него есть материалы?

— У меня на него материала нет, зато у него есть мой портрет.

— Откуда известно? — поинтересовался Павел.

— Сам видел. Размером в квадратный аршин. Висит в витрине.

Чекист помчался на Торговую. Действительно, в витрине салона красовался огромный портрет улыбающегося Медведева. Это было неприятно: фотография одного из ответственных сотрудников ГПУ выставлена на всеобщее обозрение. Подписи, правда, никакой нет, но это почти не меняло сути дела. Стоит хоть одному прохожему узнать изображенного на снимке, завтра об этом узнает весь город. Одесса!

Паша быстро разобрался в загадочной истории и выяснил, что, слава богу, никакого криминала в ней не было. Все объяснилось до смешного просто. В Одессе со времен изобретения фотографии существовал и существует поныне милый обычай: профессиональные фотографы снимают на улице прохожих, а потом вручают им свои визитные карточки — на случай, если те захотят выкупить снимки. Один из таких уличных «пушкарей» и снял без всякого злого умысла Дмитрия Николаевича на Соборной площади. «Пушкарь» работал от Лурье. Увидев контрольный отпечаток, владелец салона смекнул, что увеличенный портрет случайно попавшего в объектив рослого красавца может послужить прекрасной рекламой его заведения. Так фотография Медведева очутилась в витрине рядом с изображением томной опереточной дивы.

Происшествие изрядно развеселило чекистов, но фотографию начальника одного из ведущих отделов ГПУ с витрины все-таки постарались быстренько убрать.

К середине двадцатых годов одесские чекисты успешно проникали в центры вражеских разведок на сопредельной территории. Им удалось выявить и взять под строгий, хотя и неприметный контроль главные переправочные пункты иностранных и белогвардейских спецслужб на Днестре, в том числе самый важный — близ Аккермана (ныне Белгород-Днестровский) на той стороне и Овидиополя на советском берегу. Под тщательным наблюдением находились и другие «окна» на границе, вплоть до Тирасполя. Фактически румынская и польская разведки, пользовавшиеся этими «окнами», теперь работали впустую. Информация, которую они собирали на советской территории и которой делились (небескорыстно, конечно) со спецслужбами куда более значительных империалистических держав, пользу приносила сомнительную.

Сотрудники ГПУ взяли под контроль и морскую линию Варна — Одесса, которой пользовались врангелевская разведка и британская Интеллидженс сервис. В то время на территории Болгарии находилось до 20 тысяч бывших врангелевских офицеров и солдат. Из этих людей вербовали кадры шпионов и диверсантов.

Большое значение для одесских чекистов имела братская солидарность, практическая помощь, которую оказывали СССР болгарские патриоты. Рабочие-портовики и моряки Варны, выполняя свой пролетарский долг, взяли под контроль передвижения белогвардейских руководителей и их деятельность в районе порта. В результате о каждом намечаемом рейсе шпионов в сторону советских берегов чекисты узнавали заблаговременно.

Проникнув в контрреволюционную среду и разложив ее, одесским чекистам удалось оторвать от антисоветской деятельности ряд бывших офицеров, разочаровавшихся в белом движении, осознавших свои заблуждения и готовых делом искупить вину перед Родиной. Если учесть, что к этому времени значительно окрепла пограничная охрана советского побережья, то можно сказать, что и морская граница в районе Одессы была заперта на надежный замок.

«Проникновение в контрреволюционную среду» — читается просто. На самом деле за этими словами стоит трудная, тщательно разрабатываемая и всегда смертельно опасная для исполнения операция. Вот как проходило, к примеру, осуществленное Медведевым внедрение разведчика под псевдонимом Вяз.

...От чекиста, работавшего в Варне под псевдонимом Луг, пришло важное сообщение. Ему удалось выйти на агента сразу трех разведок: румынской, английской и французской, некоего Плята. Луг сообщал, что Плят имеет связь в Одессе с неизвестным лицом, снабжающим его секретной военной информацией. В прошлом Плят — поручик, офицер врангелевской контрразведки.

Медведев был встревожен. Утечка важной военной информации из такого города, как Одесса, должна быть пресечена немедленно. Дмитрий Николаевич подверг строжайшему анализу все материалы, какими только располагал. Луг больше ничем помочь не мог. По заданию Дмитрия Николаевича он установил только, что связь с Одессой поддерживалась морским путем. Но это «только» уже значило для Медведева многое. Он дал указание Лугу воздержаться от дальнейших контактов с Плятом, чтобы не вызвать у поручика подозрений.

Теперь Дмитрий Николаевич переключился на изучение тех белогвардейских групп, которые были чекистами уже установлены, но по оперативным соображениям еще не тронуты. Сопоставив возможности каждой такой группы, Медведев пришел к заключению, что скорее всего Плят обеспечивает связь иностранных разведок с активизировавшей совсем недавно свою деятельность в Одессе офицерской организацией полковника Гниденко. В период гражданской войны Гниденко служил в контрразведке деникинской, а затем врангелевской армий. Видимо, тогда Плят был его подчиненным.

Так началась осенью 1924 года под руководством Медведева разработка важной операции. Ее ключевым моментом стала подмена при участии болгарских моряков на катере, шедшем из Румынии, связника к Гниденко специально подготовленным чекистом Вязом. Контрразведчику удалось получить пароли и явки, а затем, после высадки на советском берегу, войти в состав подпольной контрреволюционной организации, укомплектованной в основном замаскировавшимися офицерами. Несколько недель отважный чекист жил в Одессе на положении нелегала. Медведев поддерживал с ним связь в высшей степени осторожно.

Когда все участники организации были выявлены, ее ликвидировали одним внезапным ударом. Около сорока опасных заговорщиков были арестованы, несколько убито в перестрелке. Для надежного прикрытия внедренного в организацию чекиста инсценировали его гибель. Медве-

дев сам арестовал шпиона, снабжавшего поручика Плята особо важной военной информацией. Им оказался бывший штабс-капитан, сумевший проникнуть на работу на центральный телеграф Одессы. При обыске у него изъяли подготовленный к передаче связнику из-за кордона совершенно секретный план минирования пограничных вод в районе Одессы. Были выявлены и обезврежены лица, снабжавшие шпиона подобной информацией. Чекист Вяз по представлению Медведева был награжден и переведен руководством ГПУ Украины на службу в другой город.

Тогда же при содействии Медведева были выведены на советскую территорию некоторые видные махновцы. Еще в период гражданской войны в агитотдел штаба Махно был внедрен под именем Матвея Бойченко чекист Марк Спектор. С этим невысоким, очень подвижным пареньком с копной вьющихся волос Дмитрий Николаевич познакомился еще в Старобельске. Тогда Марк помог ему в ликвидации сильной махновской банды Савонова. В свое время у Бойченко завязалась с некоторыми махновцами своеобразная дружба. Теперь чекистам стало известно: в настроении этих сподвижников батьки под влиянием самой жизни произошли серьезные сдвиги, они стали разочаровываться в анархистском учении, да и в своем былом кумире. В этот психологически важный переломный момент и нашли человеческий подход к этим бывшим махновцам одесские чекисты.

Кончилось все тем, что эта группа ночью переплыла реку и добровольно явилась с повинной. В дальнейшем с ними работали, и очень успешно, Горожанин и Спектор. От перебежчиков потянулась первая ниточка к легендарным махновским кладам.

Еще в те времена, когда его банды бесчинствовали на Украине, Махно закапывал в укромных местах награбленные им сокровища — от платиновых колец с бриллиантами до пудовых серебряных паникадил. Один такой клад был случайно найден крестьянами и передан властям. Чекисты позаботились, чтобы слух об этом докатился до переулка близ улицы Ришелье в Париже, где жил в эмиграции Махно. Встревоженный батька отреагировал так, как и требовалось: он направил на Украину своего доверенного человека с заданием спасти уцелевшие клады и переправить хоть часть сокровищ в Париж. Махновского порученца на советской территории встретил «надежный человек» — Матвей Бойченко.

Несколько недель эмиссар и Бойченко-Спектор колесили по уездам, разыскивали спрятанные клады. И повсюду за ними следовала незримо группа прикрытия, которой командовал Дмитрий Медведев. Эмиссар был опытным, осторожным волком, способным на все, и Спектору пришлось нелегко. Досталось и Медведеву. Так, в одном из сел крестьяне опознали махновца и едва не прикончили его на месте за совершенные здесь некогда преступления. Дмитрий Николаевич вынужден был проявить максимум изобретательности, чтобы обеспечить махновцу правдоподобно обставленный «побег» после того, как сам же со своими бойцами с трудом отбил эмиссара и Спектора от разъяренной толпы.

В результате этой операции были обнаружены, изъяты и возвращены Советскому государству огромные средства — свыше полутораста килограммов золотых монет, изделий из золота и драгоценных камней. Многие из этих изделий представляли к тому же чрезвычайную художественную ценность, являлись настоящими музейными редкостями.

...Около четырех лет проработал Дмитрий Медведев в Одессе. Никогда позже ему уже не придется служить так долго на одном месте. Его отозвали в Харьков. С грустью покидал он город у Черного моря.

ПОЧЕТНЫЙ ЧЕКИСТ

Своеобразная стажировка Медведева в центральном аппарате ГПУ столицы Украины продолжалась несколько месяцев. Затем последовало назначение на ответственную работу в Днепропетровск — так назывался теперь в честь «всеукраинского старосты» Григория Ивановича Петровского Екатеринослав. По всему чувствовалось, что Днепропетровск — один из центров индустриализации страны. Это Медведев со свойственной каждому чекисту наблюдательностью подметил даже в трамвае. Вместо обычных рекламных объявлений в вагоне красовался задорный призыв:

Ударник! Бей неутомимо!
Ни одного удара мимо!

Уже в декабре 1925 года XIV съезд ВКП(б) определил генеральную линию дальнейшего развития как курс на социалистическую реконструкцию народного хозяйства на основе его индустриализации. Только так можно было

избежать превращения СССР в придаток капиталистического мирового хозяйства. Индустриализация означала также создание мощной оборонной промышленности, без которой немыслимо было обеспечить безопасность страны в случае новой интервенции со стороны развитых, обладающих современными вооруженными силами главных империалистических государств Европы, а также США и Японии на Дальнем Востоке.

В декабре 1927 года в Москве будет созван XV съезд ВКП(б), который постановит продолжать неослабными темпами индустриализацию страны и поставит в качестве основной задачи партии в деревне объединение и преобразование мелких крестьянских хозяйств в крупные коллективы. Съезд даст указание Госплану о составлении первого пятилетнего плана. А тем временем уже началось сооружение первых гигантов социалистической индустрии: Сталинградского тракторного завода, Туркестано-Сибирской железной дороги, Днепровской гидроэлектростанции в Запорожье, строительство новых и реконструкция старых предприятий в Днепропетровске.

— Ваша задача, товарищ Медведев, обеспечить безопасность промышленных объектов города от возможных актов диверсий, саботажа, террора, оградить от проникновения шпионов, — так сказали Дмитрию Николаевичу руководители ГПУ Украины перед его отъездом к новому месту службы.

Медведев хорошо понимал, что международный империализм, антисоветская часть белой эмиграции, контрреволюционные силы внутри страны будут мешать советским людям спокойно осуществлять намеченную партией грандиозную программу. Следовало ожидать усиления подрывной деятельности врагов, которым фактически на руку играли и антипартийные действия оппозиционного троцкистско-зиновьевского блока и других оппортунистических элементов внутри ВКП(б).

В 1927 году прокатилась волна белого террора против советских зарубежных представительств. В апреле отряд солдат и полицейских китайского буржуазного правительства ворвался в здание советского постоянного представительства (так тогда назывались посольства СССР) в Пекине и разгромил его.

В мае полицейский налет был совершен на помещения советской торговой делегации и Русско-Английского акционерного общества («Аркос») в Лондоне. Правительство тори использовало налет как предлог для разверты-

вания истерической антисоветской кампании. В июне некий Б. Каверда убил советского постпреда в Варшаве П. Л. Войкова.

— Политическая травля СССР — это подготовка новой войны, — говорил Медведеву Горожанин при их встрече в Харькове, где теперь работал Валерий Михайлович. — Обрати внимание на совпадение. В тот самый день 7 июня, когда убили Войкова в Польше, три белогвардейских террориста, проникшие из-за кордона, взорвали две бомбы в Центральном партийном клубе в Ленинграде.

— На совпадение не похоже, — заметил Дмитрий Николаевич.

— Конечно, скорее это сигнал для выступления контрреволюционеров внутри страны.

— Значит, следует ждать увеличения актов саботажа и диверсий со стороны подполья...

— Несомненно, — подтвердил Горожанин, — причем на объектах, указанных из-за рубежа. — Валерий Михайлович раскидал на столе груду иностранных газет, нашел нужную. — Вот послушай, что сказал днями господин Рябушинский. Он утверждает, что свержение коммунизма в России великий подвиг и моральная обязанность человечества.

— Ну, такие призывы мы уже слышали, и не раз.

— Правильно, но Рябушинский не ограничивается моральными категориями. Господ империалистов такими призывами не проймешь. Он сам делец и знает, как обходиться с себе подобными. Нет, он предлагает выгодную сделку, в которой объект торга — наша страна. Рябушинский убеждает иностранных партнеров, что армия в один миллион человек может разгромить нас за шесть месяцев. Это предприятие обойдется Западу всего в сто миллионов английских фунтов.

— И как там отнеслись к его предложению?

— Прямого ответа не дали, воздерживаются пока. А он продолжает убеждать, что нет в мире предприятия, которое было бы хозяйственно более рентабельно, чем освобождение России, потому что принесет доходу пять миллиардов.

— Ты связываешь усиление саботажа с выступлением Рябушинского?

— Да, равно как и с другими акциями подобного рода. На Западе есть дельцы, которым выгоднее торговать с нами, чем воевать. Плохая торговля все же надежнее

любой войны. Рябушинским такие кость поперек горла... Вот соответственно и расценивай каждое контрреволюционное выступление в масштабе, так сказать, общеевропейском. Но рябушинские пекутся не только о доходе европейцев, они будут стараться удержать в своих руках бывшую собственность...

Действительно, в стремительно растущем Днепропетровске Медведеву пришлось столкнуться со всеми, должно быть, разновидностями, методами и средствами подрывной деятельности врагов. Еще в 1924—1925 годах чекисты Екатеринослава раскрыли крупную вредительскую организацию на металлургическом заводе «Югосталь» в Каменском.

После разгрома Деникина правление Южно-Русского Днепропетровского металлургического общества, которому принадлежал завод, бежало в Польшу. На предприятии, однако, бывшие владельцы оставили своего «представителя» инженера Жарковского с заданием сохранить завод до их возвращения. Жарковский организовал вокруг себя группу антисоветски настроенных специалистов. Правление из Польши присылало Жарковскому инструкции и деньги. Через некоторое время Жарковский выехал по службе в Польшу и не вернулся обратно. Его место занял другой подпольщик — Шихов. Несколько лет группа выполняла задания из-за рубежа не только «по сохранению» предприятия, но и прямо вредительского характера. Эти люди не брезговали для своего обогащения и воровством. При аресте заведующего технической бухгалтерией Храповицкого чекисты нашли в его квартире тайник, в котором, кроме советских червонцев и валюты, хранилось три фунта платины. Этот драгоценный металл, применяемый в производстве, принадлежал когда-то владельцам завода и был просто украден бухгалтером.

Процесс широко освещался печатью. Три главных обвиняемых были осуждены к высшей мере наказания, которая, однако, ВЦИК была заменена лишением свободы. К разным срокам заключения были осуждены еще пятеро подсудимых. Трех человек наказали условно.

В последующие годы вредительские организации, хотя и не столь крупные, были раскрыты и обезврежены па других металлургических, трубопрокатных, коксохимических и машиностроительных заводах. Разобраться в этих делах работникам следствия было непросто. Поломки и аварии, иногда с жертвами, происходили в ту пору на предприятиях довольно часто. Кое-кто был склонен во

всех подобных случаях видеть вредительство и диверсии. Между тем причины несчастий зачастую крылись в изношенности оборудования, низкой квалификации и технической малограмотности части рабочих, только вчера пришедших из деревни, и т. п. Каждая авария вызывала на заводе волнение, люди требовали от работников ГПУ немедленно найти и примерно наказать виновных.

На одном металлургическом заводе вышла из строя доменная печь. В аварии заподозрили главного инженера, поскольку его жена была дочерью и сестрой видных петлюровцев, пребывающих в эмиграции. На Медведева нажимали, явно ожидая, что он немедленно арестует специалиста. А он требовал от руководства треста проведения высокоавторитетной технической экспертизы.

— В чем дело, Дмитрий Николаевич, что вам неясно? — спросил Медведева его прямой начальник с ноткой раздражения в голосе.

— Все неясно...

— Почему?

— Я вырос на подобном заводе. Мой отец сорок лет проработал обер-мастером на печах, и я знаю, что домна может выйти из строя не только по вине главного инженера.

— Но у него жена из петлюровской семьи.

— Он женился на ней двадцать лет назад, когда никакого Петлюры и в помине не было...

Медведев в подобных случаях всегда твердо стоял на своем, выявляя причины каждого чрезвычайного происшествия.

За полтора года работы в Днепропетровске Медведеву пришлось иметь дело с вредительством некоторых специалистов, заговорами бывших белогвардейских офицеров, с хитрой антисоветской агитацией католических ксендзов (на заводах в Каменском работало много рабочих-католиков, выходцев из сел западных областей Украины), с иностранными шпионами под разным обличьем, с нелегальными группами и типографиями, нити от которых вели к лидерам троцкизма. Под руководством Дмитрия Николаевича были проведены чекистские операции «Конгломерат», «Домна», «Маскарад» по ликвидации опасных контрреволюционных организаций петлюровской ориентации.

7 ноября 1927 года Д. Н. Медведев «за особо преданную, энергичную и честную работу по борьбе с контрреволюцией, бандитизмом и по установлению революцион-

ного порядка на территории Днепропетровского округа ко дню 10-й годовщины Октябрьской революции» был награжден серебряными часами и Почетной грамотой. Еще через год за выдающиеся заслуги ему вручили именной маузер.

В декабре 1927 года Медведева пригласили в Харьков на празднование десятилетия органов ВЧК — ОГПУ. Как всегда по приезде в столицу, он остановился в гостинице «Красная». На Сумской заглянул в небольшую кофейню известного до революции кондитера Жоржа Бормана, где с удовольствием выпил чашку кофе с любимым своим лакомством — трубочками с кремом, которыми издавна славилось это заведение.

В конце 1928 года Медведев получил новое назначение — Херсон, город, в котором ему неоднократно приходилось бывать в период службы в Одессе. Центр необозримого пшеничного края был одновременно и важным промышленным городом — здесь со времен светлейшего князя Потемкина-Таврического строили военные корабли и торговые суда.

Наступал 1929 год, вошедший в историю нашей страны как год перехода широких крестьянских масс к сплошной коллективизации. Кулаки встретили коллективизацию в штыки. Деревенские богатеи всеми правдами и неправдами сосредоточили в своих руках значительные земельные угодья, большую часть тяглового и прочего скота и инвентаря. Кулак набрал большую экономическую силу.

Меры, принятые государством по ограничению кулацких хозяйств, вызвали настоящее бешенство у этого самого многочисленного эксплуататорского класса. Для начала кулаки организовали саботаж хлебозаготовок 1927—1928 годов. Потом перешли к открытому террору. В течение 1928 года на Украине только кулаки совершили около 500 террористических актов.

Они дезорганизовали рынок, чтобы вызвать недовольство городского населения, породить панические настроения. Правительство вынуждено было ввести карточки на продовольствие. В ряде мест кулаки организовывали настоящие заговоры с далеко идущими целями. При этом они пользовались поддержкой бывших белогвардейских офицеров, затаившихся националистов и прочих врагов Советской власти. Случалось, ниточка, конец которой был схвачен на глухом кулацком хуторе, выводила чекистов

к закордонному разведоргану. Именно с таким разветвленным кулацко-белогвардейским заговором Медведеву пришлось схватиться на Херсонщине. Здесь чекисты вышли на след сильной военизированной организации, носящей громкое название «Возрождение Таврии». Организация, как было установлено следствием, ставила своей целью отторжение от СССР всего Крыма и степной Таврии до Каховки включительно! Был и второй вариант: в случае начала войны (тут заговорщиков очень обнадежил вооруженный конфликт на КВЖД) мятежники должны были напасть на совхоз «Зорянка» и имение Аскания-Нова, захватить выращиваемых здесь великолепных лошадей, затем наступать на Каховку, переправиться через Днепр и действовать в тылу Красной Армии, взрывая мосты, железнодорожные пути, линии связи.

...29 октября 1928 года на Перекопе случилось дерзкое ограбление. Три вооруженных бандита средь бела дня совершили нападение на два легковых автомобиля, следовавших из Симферополя. Налетчики поджидали эти машины у Воронцовского моста довольно долго, не вызывая у проезжавших мимо никаких подозрений: они умело инсценировали ремонт своей поломавшейся брички. В автомобилях ехали заготовители конторы Крымживотноводсоюз и несколько частных скотопромышленников. Бандиты отобрали у них 32 тысячи рублей, после чего сняли с машин магнето и скрылись на бричке в бескрайних таврических степях.

Спустя несколько недель до Мелитопольского угрозыска докатились слухи, что молодой житель Князевских хуторов Александр Плехов из богатейшей кулацкой семьи похвалялся перед своими дружками по пьянке — его провожали на действительную службу в армию, — что ограбление на Воронцовском мосту его рук дело, как и еще одно подобное под Британами. Плехов назвал и своих соучастников, а точнее, руководителей: неких Егора Смагина и Николая Добровольского-Сиременко.

Заслышав эти фамилии, мелитопольские чекисты немедленно дали знать своим херсонским коллегам. Их давно разыскивало Херсонское ГПУ как особо опасных политбандитов. Смагин, до революции молодой помещик, состоял в петлюровском «повстанкоме» Сирко-Скляра, потом бесчинствовал в бандах Иванова, Свища, Черного Ворона. После их разгрома исчез. Примерно такая же «биография» была и у Сиременко.

Прочитав сообщение из Мелитополя, Медведев вызвал

самого подготовленного уполномоченного своего отдела Александра Лукина.

Александру Лукину в ту пору не исполнилось еще и двадцати пяти лет. Но за плечами этого молодого человека с пышной шевелюрой и хитрыми серыми глазами было и участие в гражданской войне, и работа в уголовном розыске, и, наконец, несколько лет службы в ЧК. Одесское происхождение определяло во многом и его характер, и юмор, и жизнелюбие во всех его проявлениях. Как чекист Лукин питал пристрастие к делам запутанным, головоломным, за что и ценил его Медведев.

— Ограбления под Британами и на Воронцовском мосту не обычные уголовные преступления. Это политические цели. Цель — добыча денег для финансирования какой-то организации, нам неизвестной.

— По-видимому, многочисленной, судя по суммам, за которыми они охотились, — заметил Лукин.

— Боюсь, что ты прав. Это подтверждает и точная информированность бандитов. Иметь информаторов в Симферополе может только серьезная организация. Словом, принимай дело... Начнешь с того, что выяснишь все связи семейства Плеховых. Семья многочисленная, родни у них половина Таврии. Известно, что с их хутора расползаются антисоветские слухи.

— А где сейчас Александр Плехов? — осведомился Лукин.

— Служит в Виннице. Я подготовил телеграмму в тамошнее ГПУ, чтобы его секретно арестовали и этапировали в Херсон. Утром должен быть ответ из Винницы. Ты к этому времени подготовь и доложи план оперативных мероприятий.

С каждым днем события разворачивались все быстрее и быстрее. В херсонском допре (дом предварительного заключения) находился под следствием по обвинению в антисоветской агитации кулак Николай Сердюк. Он все категорически отрицал, ссылаясь, в частности, на свою малосознательность и неграмотность. И вот к Медведеву неожиданно пришло заявление от соседа Сердюка по камере Бурко, привлеченного к ответственности за изготовление и продажу самогонки. Бурко писал, что «мирный малограмотный селянин» Сердюк в годы гражданской войны был... офицером белогвардейской контрразведки, а затем адъютантом начальника карательной экспедиции генерала Саликова. Обознаться Бурко не мог: его, попавшего в плен к белым, Сердюк лично порол шомполами,

от коих даже про прошествии стольких лет на спине сохранились явственные следы. Медведев и Лукин направились в тюрьму и встретились с Бурко. Бывший красноармеец, хотя и «оступившийся» по части самогонки, похоже, напраслину на Сердюка не возводил. Его рассказ о карательной экспедиции генерала Саликова точно соответствовал фактам, которые Дмитрий Николаевич хорошо знал. На спине Бурко, когда Лукин сильно потер ее ладонью, отчетливо выступили полосы от шомполов.

Медведев стал изучать окружение Сердюка и выявил, что в его усадьбе на Чернодолинских хуторах последний год подолгу жили, а точнее, укрывались два человека. Один выдавал себя за заготовителя сена, второй — за распространителя швейных машинок. Описание их полностью соответствовало приметам Смагина и Сиременко. При обыске на хуторе Сердюка Лукин нашел оружие, в том числе два пулемета.

Разоблаченный доказательствами преступных деяний, Сердюк признался, что является активным участником антисоветского подполья. Под его началом состояло до тридцати бандитов из числа кулаков и подкулачников. Подобные гнезда заговорщиков выявились также на Понитовских, Бельбекских, Чаплинских, Морозовских, Ново-Петровских и других хуторах Херсонского и Мелитопольского округов. Нащупаны были некоторые связи «тавричан» с Волынью и Житомирщиной, установлены определенные контакты с польским генштабом.

И все же информация, которой располагали херсонские чекисты, была недостаточна для завершения операции. Нужно было точнее выявить планы заговорщиков, их силы, связи, наличие вооружения и т. п. Чтобы все выяснить, требовалось внедрение опытного чекиста в штаб заговора.

Медведев решил, что лучше его это не сделает никто. При этом он вовсе не переоценивал свои силы и возможности, просто точно все взвесил. Учел и то обстоятельство, что, в отличие от других сотрудников окружного отдела, его лично на Херсонщине еще никто не знал.

Один раз Медведев все же использовал свои «гвардейские» данные. Это было в Одессе, когда ему удалось под видом бывшего капитана армии Юденича проникнуть в своеобразный салон некой Елены Родневич — на самом деле штаб-квартиру белогвардейского заговора, которым руководил из Болгарии через связников муж хозяйки

штабс-капитан деникинской разведки Константин Роднevич.

Тщательный анализ разрозненных данных, захваченных Лукиным документов привел Медведева к выводу, что организация связана не только с зарубежным центром украинских националистов и поляками, но и с крупным белоэмигрантским центром — Российским общевоинским союзом. По всему выходило, что осенью 1929 года должен начаться мятеж. Мятежники намеревались провозгласить «правительство Таврии», которое незамедлительно встретило бы, по их расчетам, поддержку и признание на Западе. Все это означало, что медлить с ликвидацией контрреволюционных организаций нельзя. Каждый день промедления был чреват серьезными последствиями.

Путь проникновения в организацию Медведеву подсказал именно широкий характер ее «международных» связей. В самом деле, раз есть выходцы и контакты с закордонными центрами, значит, оттуда, а также из других городов Украины и России должны наезжать и эмиссары.

...Свыше месяца Дмитрий Медведев мотался по степи, наезжал в большие села и отдельные хутора, выдавая себя перед заговорщиками за деникинского офицера, разыскиваемого чекистами и направленного сюда, в Таврию, для налаживания связей. Не сразу удалось ему установить, что оперативный штаб организации укрыт на богатом кулацком хуторе близ Аскании-Нова. Более того, он получил пароль для связи с одним из главарей штаба. На встречу с ним Медведев отправился, подготовившись сыграть роль прибывшего морем из-за кордона эмиссара белогвардейского центра с задачей уточнить окончательный срок и план восстания.

Предварительные косвенные переговоры прошли успешно, и штаб заговорщиков дал согласие встретиться с эмиссаром. К месту встречи Дмитрий Николаевич отправился в сопровождении небольшой группы чекистов, изображавших его охрану. О том, что произошло дальше, со слов самого Медведева записал А. Цессарский.

«Медведев рассчитывал, что на встречу с эмиссаром соберется весь штаб и он сумеет тут же сразу обезвредить главарей. Однако все сложилось иначе.

Еще верст за двадцать до хутора Медведева стали обгонять спешившие во весь опор в том же направлении верховые и запряженные добрыми конями повозки с по-

клажей, прикрытой сеном. И когда Медведев подъехал к хутору, там уже раскинулся целый военный лагерь — съехалось несколько десятков человек с оружием, боеприпасами и харчами. Оказалось, что весть о приезде «пана эмиссара» разнеслась по округе и далеко опередила Медведева. И кулаки приняли его приезд за долгожданный сигнал к восстанию.

Пришлось Медведеву срочно отрядить верхового из своей охраны в ближайшую воинскую часть за помощью. А тем временем он попытался оттянуть встречу...

Медведев остановился в нескольких километрах от хутора и послал туда своего представителя. Приведенный в штаб, тот долго морочил голову заговорщикам, требуя каких-то заверений и гарантий. Возвратился он к Медведеву с представителем штаба. И здесь снова начались переговоры о встрече на «высшем уровне». Наконец, получив извещение о том, что воинская часть уже движется к хутору, Медведев объявил, что едет, и отпустил представителя штаба.

Уже под утро, когда хутор был окружен, Медведев распахнул дверь и шагнул в комнату, где за столом сидел в ожидании эмиссара весь штаб в полном составе. Медведев выхватил пистолет:

— Руки вверх! Не двигаться! Хутор окружен!

В комнату ворвались чекисты. Во дворе заржали лошади. Раздалось несколько винтовочных выстрелов. И этим все кончилось».

По делу «Возрождение Таврии» было арестовано около двухсот контрреволюционеров. Опасный заговор удалось раскрыть в самый критический момент, когда все уже было подготовлено для вооруженного мятежа. За особые заслуги в этой операции и проявленное личное мужество Дмитрий Медведев коллегией ОГПУ был вторично награжден именным оружием — маузером. А вскоре, в октябре 1929 года, Медведев получил новое назначение и уехал в Купянск...

Не следует полагать, что все у чекиста Медведева шло так уж гладко. Случались и неудачи и промахи. Так, на той же Херсонщине несколько раз ускользал из рук Медведева один из главарей заговорщиков. И Дмитрий Николаевич честно и самокритично указывал в одной из автобиографий: «За время службы в органах ВЧК — ГПУ — НКВД имел ряд взысканий за отдельные промахи и упущения в работе, а также имею ряд наград».

Это было характерно для Медведева: он всегда в первую очередь обращал внимание на свои недостатки, и лишь во вторую — на достоинства и заслуги. Примечательно, как меняется содержание и тональность служебных характеристик Дмитрия Николаевича, написанных в разные годы и, естественно, разными начальниками. В первых подчеркивались его личные, можно сказать, достоинства. В более поздних отмечались его приобретенные вместе с опытом деловые качества руководителя, выдвигались на передний план профессиональное мастерство, масштабность талантливого оперативного работника.

Последующие несколько лет Медведев подолгу на одном месте не засиживался. Он последовательно руководит отделами и отделениями ГПУ в Купянске, Бердичеве, той же Юзовке, теперь ставшей как город Сталино настоящей столицей Донбасса, Лубнах, Киеве. Жизнь, полная непрерывных опасностей, участие в многочисленных боевых операциях на протяжении почти пятнадцати лет, частые ночные бдения, огромная личная ответственность не могли не сказаться даже на железном вроде бы здоровье Дмитрия Николаевича. Именно на рубеже 30-х годов в его личном деле появляются записи врачей о достаточно серьезных заболеваниях, последствия которых так никогда и не будут заглажены.

Дмитрий Николаевич не испытывал никаких бытовых неудобств от частых перемещений — за пять лет семь городов! Наоборот, разнообразие мест, людей, ситуаций ему даже нравилось. Он легко обживался на каждом новом месте, включался в ритм местной жизни, быстро устанавливал товарищеские отношения с сослуживцами и подчиненными, партийными, советскими и военными руководителями.

О высоком авторитете Д. Н. Медведева во всех местах его службы говорит уже тот факт, что почти всюду его избирали в состав местных партийных и советских органов. И к этим обязанностям Дмитрий Николаевич относился чрезвычайно серьезно, он вообще не терпел, когда что-либо делалось проформы ради, «для галочки».

Общественная жилка всегда была сильна в Медведеве, она являла существенную часть его натуры. При этом он никогда не волновался, что некоторые ее проявления могут пошатнуть его авторитет. Особенно это проявилось в отношении к спорту, который Дмитрий Николаевич любил с детства. Эту любовь он стремился привить и под-

чиненным, справедливо полагая, что поддержание хорошей физической формы обязательно для каждого чекиста. Слабый телом человек, не подготовленный к высоким нагрузкам, не умеющий, к примеру, ходить на лыжах, хорошо плавать, метко стрелять, означал для него и плохого бойца в будущих сражениях.

Эту точку зрения разделяли многие чекисты. Не случайно именно они по инициативе Ф. Э. Дзержинского еще в 1923 году создали первое добровольное спортивное общество в нашей стране — «Динамо». Д. Н. Медведев лично организовал несколько динамовских ячеек в разных городах и был их председателем. В Купянске он провел первые общегородские лыжные соревнования и сам прошел всю дистанцию. В Лубнах по его инициативе был построен стадион, в Кировограде — спортивный комплекс. Когда потребовалось провести земляные работы, по его предложению было проведено несколько субботников. Накануне первого — 12 апреля 1934 года — он выступил со статьей в местной газете «Соціалістичний наступ», а также на городском слете рабкоров. Председатель окружного отдела ГПУ обратился к собравшейся в зале молодежи с призывом: «Все усилия — людей, транспорт, смекалку, товарищи рабкоры, должны мы с вами бросить на то, чтобы обогатить наш город как можно скорее стадионом».

Дмитрий Николаевич, как все, с топором, ломом и лопатой работал на субботниках, выполнял и функции прораба. А 30 мая того же года на торжественном открытии стадиона под командованием Медведева был проведен первый в истории города парад физкультурников и массовые соревнования спортсменов. Дмитрий Николаевич раньше многих понял значение и принципиально новых технических видов спорта. В тех же Лубнах он создал первый во всей округе кружок по автомотоделу. По его предложению кружковцы собрали автомобиль и научились его водить. В этой работе пригодились и слесарные навыки Дмитрия Николаевича, приобретенные в детстве.

В Сталине (ныне Донецк) Медведев близко сошелся с таким же, как он, «старым», невзирая на молодые годы, чекистом Виктором Александровичем Дроздовым. Совсем юным бойцом Виктор участвовал в гражданской войне в составе 2-й Конной армии. Потом активно боролся с бандитизмом, работал в ЧК и ГПУ в Криворожье, на Херсонщине (где они с Медведевым впервые встрети-

лись), затем в Харькове. Здесь, в Донбассе, Дроздов одно время был начальником милиции и много сделал для очистки донецкого края от бандитов и иного уголовного элемента. Дружеские отношения связывали Медведева и с заместителем начальника оперсектора ГПУ Михаилом Михайловичем Тимофеевым.

Бывший сослуживец Дмитрия Николаевича Я. С. Городецкий вспоминает[1]: «Первое время по прибытии в Сталино Медведев жил в гостинице «Металлург», пока не получил квартиру на 9-й линии — ныне улице Челюскинцев, 55. И с первых же дней занимаемый им гостиничный номер стал центром, где зарождались многие интересные дела. Так, по предложению Дмитрия Николаевича был создан рукописный журнал «Дзержинец», он сам собирал для него материал, заставлял ветеранов ГПУ писать свои воспоминания и т. д. Помню, меня тогда поразило, как тепло, а порой по-настоящему вдохновенно говорил Дмитрий Николаевич о профессиональных революционерах-ленинцах, о старых чекистах.

По его инициативе на Пожарной площади, где располагалось ГПУ, была оборудована спортивная площадка. Мы теперь регулярно играли в волейбол, крокет и даже в кегли — он и кегальбан устроил, дело по тем временам экзотическое. Медведев любил ездить верхом, приохотил к этому и многих сотрудников. Он всегда много читал.

Дмитрий Николаевич был поразительно чуткий и добрый человек, хотя внешностью уже тогда обладал достаточно суровой. Поистине для него не существовало чужих дел, тем более — чужой беды. Помню, сколько энергии он потратил, чтобы устроить в Святогорске (ныне Славяногорск) детский санаторий. Как сейчас вижу его выступающим на проводах первой очереди наших детей — в их числе был и мой сын — на отдых в это прекрасное место. Лицо Дмитрия Николаевича словно светилось...

В короткий срок под его руководством, в частности, была ликвидирована контрреволюционная организация монархического толка во главе с бывшим царским штабс-капитаном, крупная антисоветская ячейка в одном важном институте и другие.

Не только для меня, сравнительно молодого работника, для всего личного состава оперсектора ГПУ авторитет Медведева был незыблем.

И еще хочу подчеркнуть — тогда очень легко было

[1] Запись сделана автором в 1982 году, хранится в его архиве.

ожесточиться. В нашем в основном индустриальном крае дня не проходило, чтобы не поступило откуда-нибудь грозной вести. То в одном селе кулаки убьют чекиста или советского работника, то в другом. Очень много хороших партийцев и комсомольцев мы тогда потеряли. Медведев никогда не позволял ни себе, ни нам ожесточаться, каменеть сердцем».

...Самоотверженная работа чекистов по пресечению подрывной деятельности классового врага в этот период имела огромное значение не только для обеспечения государственной безопасности, но и для всего дела социалистического строительства в СССР. В конце 1932 года страна широко и торжественно отметила 15-летие органов ВЧК—ОГПУ. Был учрежден новый образец серебряного наградного знака «Почетный чекист». В числе наиболее заслуженных работников органов государственной безопасности СССР званием и знаком «Почетного чекиста» был отмечен и начальник отдела Киевского ГПУ Дмитрий Николаевич Медведев.

В начале 1933 года Дмитрий Медведев привычно упаковал чемоданы и заколотил в ящик домашний скарб первой необходимости. Новое назначение — начальником Новоград-Волынского отдела ГПУ Украины и одновременно начальником Особого отдела расквартированной в городе и его окрестностях 14-й кавалерийской дивизии.

Район «горячий». Граница с панской Польшей проходит всего в 18 километрах от города. Населенных пунктов множество, население смешанное, кроме украинцев и русских, здесь жили поляки, евреи, немецкие колонисты. Граница между Украиной и Польшей по Рижскому мирному договору 1921 года прошла по «живому». За кордоном остались земли, коренными жителями которых испокон веков были украинцы, тысячами нитей — историей, традициями, кровными узами связанные с «этой стороной».

Обеспечение неприкосновенности государственной границы было делом чрезвычайно трудным. Жители сел и местечек по обе стороны границы поддерживали постоянное и тесное сообщение. Никто не почитал за грех сходить в соседнее — ныне «польское» село на именины к куму или крестины племянника.

Такое тесное соприкосновение с панской Польшей способствовало процветанию контрабанды, и не только

«крестьянской» по мелочам, но и крупномасштабной, когда за кордон уплывало в значительных количествах золото, другие народные ценности. Между тем еще с одесских времен Медведев крепко помнил: там, где контрабанда, жди и вражеских шпионов.

Главной опорой режима «санации» на польской стороне были так называемые «осадники» — полувоенные поселенцы на исконных украинских и белорусских землях. В основной массе это были унтер-офицеры резерва, получившие лучшие наделы и устроившие на них крепкие хозяйства кулацкого и полупомещичьего типа. Рабочей силой у осадников были безземельные украинские батраки, подвергавшиеся тройному — социальному, национальному и религиозному — притеснению со стороны и хозяев, и польских властей, и католической церкви.

Дома и усадьбы некоторых осадников стали явочными квартирами спецслужб. Здесь их представители встречались со связниками, отсюда начинался их путь через границу в пределы СССР. Пресловутые «офензива» и «дифензива» обслуживали не только польский генштаб — по традиции они делились добытой шпионской информацией с англичанами и французами. После января 1933 года, когда в Германии пришли к власти нацисты, там стали появляться и немецкие шпионы.

Приходилось чекистам иметь дело и с украинскими буржуазными националистами. До Львова — их основного центра от здешних мест — было не так уж далеко, до Ровно — крупного города по «ту сторону» — вообще рукой подать. Еще в 1929 году за рубежом на иностранные деньги была образована «Организация украинских националистов» — ОУН. В организации началась драка за первые роли между матерым Андреем Мельником и молодым, честолюбивым Степаном Бандерой. С годами соперничество между ними и хитрая тактика их хозяев приведут к расколу. Появятся ОУН-М (мельниковцы) и ОУН-Б (бандеровцы). На самом деле «драка» строго контролировалась германскими спецслужбами, поскольку оба «вождя» состояли на платной службе у гитлеровцев, где Мельник проходил под кличкой «Консул-1», а Бандера — «Серый». Националисты завели и свои военно-террористические формирования, и «службу безопасности» — СБ по образцу гестапо.

Направляя Медведева в Новоград-Волынский, руководство ГПУ республики поставило перед ним задачу: укрепить все звенья чекистского аппарата, с помощью мест-

ных организаций и при поддержке населения оздоровить обстановку, поставить заслон проникновению вражеской агентуры, покончить с кулацким бандитизмом, создать условия для спокойной работы и жизни трудящихся города и села. 14-й кавалерийской дивизией, известной в Красной Армии по заслугам в гражданской войне, командовал талантливый военачальник и прекрасный человек Леонид Петровский, сын «всеукраинского старосты» Г. И. Петровского. Отношения у них с самого начала сложились теплые.

Военным делом Дмитрий Николаевич интересовался серьезно. Он был убежден, что чекист в случае необходимости должен быть готов выполнить обязанности строевого командира РККА соответствующего звания. Он часто присутствовал на учениях и командирских занятиях, ходил на стрельбище, вникал с помощью комдива в проблемы тактики и стратегии, читал специальную военную литературу.

Весной 1933 года во многих районах страны стала остро ощущаться нехватка продовольствия, особенно хлеба. В некоторых местностях, в том числе и Украины, дело дошло до настоящего голода.

Пришел голод и в Новоград-Волынский. Его костлявая рука в первую очередь добралась до детей. Их — беспризорных, оборванных, одичалых — собрались здесь сотни. Районные власти сбились с ног, но ничего поделать с беспризорными не могли. После нескольких встреч с ними Медведев буквально заболел. Советская власть предпринимала энергичные меры для ликвидации голода и его тяжких последствий. Чекистским органам, в частности, было вменено в обязанность пресечь кулацкий террор и саботаж, помочь местным властям и колхозникам изъять запрятанные кулаками и спекулянтами запасы товарного зерна. Но эти ребята на улицах... Их надо было спасать немедленно, не дожидаясь общего улучшения положения в стране.

Дмитрий Николаевич решил, что называется, на свой страх и риск покончить с детской беспризорностью в городе и округе. Пример у него был, и высокий, — самоотверженная борьба Феликса Эдмундовича Дзержинского и всего чекистского аппарата с аналогичным злом в двадцатые годы, а также хорошо известная ему деятельность Антона Семеновича Макаренко в детских колониях, нахо-

дящихся под шефством ОГПУ. Этой идеей Дмитрий Николаевич поделился со своими помощниками. Он еще раз напомнил им, как ставил вопрос Феликс Эдмундович. Он не раз указывал, что дети — это будущая опора коммунистического строя, и чрезвычайные комиссии, как органы диктатуры пролетариата, не могут остаться в стороне от заботы о детях.

Два последующих вечера Медведев и Штаркман увлеченно работали над своим проектом, прежде чем представили его товарищам.

Когда все было продумано, Медведев поставил «детский вопрос» на специально созванном собрании чекистов. Разговор был жарким, большинство сотрудников воспринимали беду детей как свою собственную. Правда, нашелся товарищ, который, не возражая в принципе против оказания помощи беспризорным, высказался в том смысле, что-де все это хорошо, но как бы не пострадала служба.

— Значит, вы считаете, что это не дело чекистов, что мы должны остаться в стороне? — спросил Медведев, встав из-за стола. — А вот товарищ Дзержинский полагал иначе.

Он вынул из планшета листок бумаги, развернул и прочитал вслух:

— «ВЧК надеется, что товарищи, работающие в ЧК, поймут важность и срочность заботы о детях, а потому, как и всегда, окажутся на высоте своего положения. Забота о детях есть лучшее средство истребления контрреволюции. Поставив на должную высоту дело обеспечения и снабжения детей, Советская власть приобретает в каждой рабочей и крестьянской семье своих сторонников и защитников, а вместе с тем широкую опору в борьбе с контрреволюцией». — Медведев сделал паузу, давая возможность товарищам продумать услышанное молодыми чекистами, видимо, впервые. Потом добавил: — Это не просто замечательное по глубине мысли высказывание настоящего большевика. Это — параграф из циркулярного письма, подписанного Феликсом Эдмундовичем 27 января 1921 года и адресованного всем органам ЧК. Письмо это, кстати, никто и никогда не отменял. Просто его пункты были своевременно выполнены, и оно как бы ушло в историю, хотя чекисты всегда продолжали заботиться о детях. А ныне, когда навалилась беда, от которой в первую очередь страдают дети, мы, так я полагаю, обязаны считать этот документ полностью вступившим в силу.

Слова Медведева были покрыты дружными аплодисментами. Тут же в ходе собрания были распределены обязанности и составлен план конкретных действий. Одним сотрудникам поручили выявить места скоплений беспризорных, хотя бы приблизительно пересчитать их, другим взять на учет все свободные кулацкие дома и усадьбы.

С планом и решением коллектива Медведев направился в горком партии, членом которого он являлся. И горком, и исполком Совета план одобрили. Для нужд коммуны выделили несколько бывших кулацких домов с хозяйственными постройками и инвентарем, а также необходимую на первых порах одежду, обувь и продовольствие. Отдел народного образования выкроил для будущей школы при коммуне несколько ставок для учителей, учебники и тетради.

Вечером домой к Медведеву приехал Петровский. Оказывается, Леонид Григорьевич со своими помощниками по штабу выискал возможность передать коммуне десяток выбракованных лошадей, которые в строй уже не годились, но для хозяйственного использования были вполне хороши. Чтобы Петровскому передать, а Медведеву принять этих лошадей, потребовалось совершить некоторые формальности, не предусмотренные должностным положением обоих командиров. За это им пришлось вскоре получить внушение от своего начальства.

Дома коммуны нуждались в ремонте. Привести их в порядок было некому, кроме самих инициаторов. И среди чекистов, и среди кавалеристов нашлись мастера всех специальностей. Работая по вечерам и в выходные дни, они перестелили полы и крыши, переложили печи, починили двери и крылечки, застеклили окна. Жены командиров сшили занавеси, скатерти, полотенца, привели в порядок одежду, постарались, чтобы комнаты выглядели уютно.

Медведеву, однако, этого показалось мало. Сам большой любитель музыки, он загорелся идеей, что в коммуне непременно должен быть оркестр. Тут уж никто помочь не мог — музыкальные инструменты своими руками не сделаешь, необходимы наличные деньги, а где их взять? И Дмитрий Николаевич решил провести так называемую «лотерею-аллегри», когда выигрыш вручается счастливцам немедленно, на месте. Призы для лотереи собирали по принципу «кто что может». Главным выигрышем были объявлены новые хромовые сапоги, пожертвованные

самим Медведевым. Потом выпустили несколько сот билетов, их охотно разобрали жители города. Кроме того, чекисты устроили несколько концертов. В них, кроме самодеятельных артистов, приняли участие и профессионалы — актеры и музыканты из Киева и Житомира. Весь сбор, довольно значительный, пошел в пользу коммуны. Вырученных денег хватило, кроме всего прочего, на покупку двух комплектов инструментов — для духового и струнного оркестров. Нашли и музыкального руководителя.

Все эти добровольные хлопоты, естественно, никак не должны были отражаться и не отражались на повседневной чекистской службе. Как раз в эти дни случилось покушение политического характера. Преступник ночью выстрелил через окно в учительницу-комсомолку и тяжело ранил ее. В течение двух дней чекисты сумели установить личность убийцы, нашли место, где он укрывался после покушения, и обезвредили без крови. В ходе следствия были выявлены все связи террориста, опознаны лица из числа влиятельных кулаков и торговцев, которые поручили преступнику расправиться с учительницей только за то, что на своих уроках она рассказывала школьникам о преимуществе коллективных методов ведения сельского хозяйства. Тогда же был разоблачен и задержан с помощью местных жителей крупный агент польской разведки, укрывавшийся за личиной рядового контрабандиста. При обыске у него были обнаружены адреса вражеских шпионов, на связь с которыми он шел.

...Когда все было подготовлено к приему детей, чекисты вместе с милиционерами, работниками школ и группой бойцов 14-й кавдивизии провели общегородскую облаву. На железнодорожной станции, в заброшенных домах и сараях, в стогах прошлогоднего сена, выработанных песчаных карьерах на берегах Случи, садах, просто на задворках они собрали за одну ночь около трехсот голодных, оборванных, в большинстве своем больных ребятишек.

Детей доставили в коммуну, где их встретили жены чекистов и командиров. Первым делом у беспризорных отобрали старую одежду. Большую часть этих лохмотьев пришлось просто немедленно сжечь. Затем ребят остригли и пропустили через баню, после чего они попали в руки врача, отделившего больных и очень уж истощенных. Ну а потом всех облачили в новую одежду, покормили, выяснили наличие родственников. Сиротами оказались да-

леко не все, некоторые имели родителей, но давно утратили с ними связь, а если и знали адреса — скрыли, потому что не хотели возвращаться домой. Самые маленькие действительно не знали ни своих имен, ни возраста. Позднее Дмитрий Николаевич разослал по городам и селам десятки запросов, привлек к розыскам милицию и своих коллег, работавших в различных районах республики. В конечном счете удалось вернуть отчий кров многим.

Никакого собственного опыта руководства детским учреждением ни у Медведева, ни у его сослуживцев, конечно же, не имелось. В какой-то степени им помог опыт чужой. Так, Дмитрий Николаевич постарался вспомнить все, что в свое время он видел в Одессе, в Детгородке имени Коминтерна. Пригодились и встречи в Харькове в клубе чекистов с Антоном Семеновичем Макаренко. О замечательной детской колонии, которую великий советский педагог создал в Куряже, Медведев был хорошо наслышан. Ее основной организационный принцип — полное детское самоуправление — он положил в основу всего порядка в Новоград-Волынской коммуне.

Колония начала жить... Однако многие трудности материального порядка препятствовали устройству нормального быта и учебного процесса. Решить все вопросы на месте оказалось невозможным, и Медведев решил вместе со Штаркманом поехать в Харьков.

В большом здании на Совнаркомовской улице Медведев и Штаркман направились к приемной заместителя председателя ГПУ. Карлсон имел обыкновение руководителей периферийных чекистских органов принимать сразу. За полчаса со всеми делами было покончено. Подписав последнюю бумагу, Карлсон в упор спросил Дмитрия Николаевича:

— Почти все это ты мог согласовать в управлениях. Так что, Медведев, выкладывай, чего приехал...

Дмитрий Николаевич молча положил перед Карлсоном лист бумаги.

Тот быстро прочитал, взглянул на посетителя. Медведев по-прежнему сидел, не раскрывая рта. Карлсон еще раз прочитал бумагу, вздохнул и, тоже не говоря ни слова, толстым синим карандашом наискось листа наложил резолюцию. Положительную. Потом надолго задумался, поднял трубку телефона и попросил помощника соединить его с наркомом просвещения Украины. .

Так Медведев получил для коммуны сто пятьде-

сят пайков, а также зимнюю одежду, белье, обувь и мыло.

По сравнению с Макаренко Медведеву было легче — его найденыши, конечно, не были столь запущенны, как беспризорные периода гражданской войны и послевоенных лет, среди которых было немало малолетних преступников. Однако чтобы привести и этих ребят, как говорится, в благопристойный вид, потребовалось немало усилий со стороны прежде всего чекистов Новоград-Волынского. Дмитрию Николаевичу и его сослуживцам пришлось самим решить много педагогических проблем.

Новоград-волынские чекисты взяли за основу своей деятельности применительно к коммуне принципы великого советского педагога А. С. Макаренко. Вчерашние беспризорные жили полнокровной жизнью: учились в школе, где шли занятия по всем предметам, участвовали в различных кружках художественной самодеятельности, занимались спортом и посильным трудом по хозяйству и на производстве. Кстати, тогда и в голову никому не приходило, что ребята, уже достаточно взрослые, могут существовать на всем готовеньком и не заниматься (с учетом, разумеется, их сил и возможностей) общественно полезным трудом. Проблема так называемого «трудового воспитания», сведенная в основном к взаимному доказыванию педагогов друг другу «пользы труда», появилась много позже. Не будучи школьными работниками, тогда называемыми малоблагозвучно «шкрабами», а может быть, именно поэтому, Медведев и его помощники по делам коммуны прекрасно понимали, что для нормальных ребят нет ничего ненавистней, нежели бесполезная, не приносящая видимых плодов работа ради работы, та ее разновидность, которую в народе справедливо нарекли «мартышкин труд». Поэтому по примеру Макаренко они стали добиваться, чтобы производство у них было не символически-назидательным, то есть показухой, не игрушечным, а самым настоящим, общественно полезным.

Медведев разыскал в Новоград-Волынском деревообделочную фабрику с хорошим оборудованием, которая на неопределенный срок была законсервирована. Он снова съездил в Харьков и через республиканские организации добился, чтобы фабрику со всеми станками, оснасткой и прочим имуществом передали коммунарам. Это стало событием первостепенной важности. Ведь выпуск настоящей продукции, которая предназначалась не для выставочных стендов с умилительными надписями, а шла в

продажу, означал подведение прочного фундамента под все финансовое благополучие коммуны. Кроме того, работа на станках по промышленной технологии означала и приобретение ребятами настоящих специальностей.

На первых порах, пока в республике не были еще преодолены последствия голода, самой главной и трудной проблемой было продовольствие. Часть продуктов шла в котел коммунаров за счет отчислений от довольствия чекистов. Потом появились пайки, которые удалось получить с помощью Карлсона. Но этого не хватало. На участках земли, отведенных коммуне, заложили огороды, и вскоре ребята имели в достатке овощи. С мясом было хуже. Но Медведев и тут нашел выход. Он сколотил группу из любителей охоты и стал лично выводить ее в лес и на болота для... заготовок мяса. Надо сказать, что зверя и дичи тогда еще в тех краях хватало, и кабаны, зайцы, утки, которых приносили чекисты-охотники на кухню коммуны, полностью покрывали потребности детей в мясе.

Все время службы Медведева в Новоград-Волынском коммуна оставалась его любимым детищем. Он проводил в ней свои не столь уж частые выходные дни, праздники, почти каждый вечер заезжал хоть на 15—20 минут узнать новости, выяснить, чем нужно помочь. Его белую лошадь по кличке Розали знали все коммунары, и, завидев всадника еще издали, дежурный мчался к нему навстречу, чтобы принять повод из рук «чекиста дяди Мити». В те дни Дмитрий Николаевич впервые проявил свой дар рассказчика — когда по вечерам рассказывал жадно внимавшим каждому его слову ребятам о революции, гражданской войне, старых чекистах.

Интересно, что многие бывшие воспитанники долгие годы и не подозревали, что создатель их коммуны веселый «чекист дядя Митя» и прославленный партизанский командир периода Великой Отечественной войны Герой Советского Союза Дмитрий Медведев — одно и то же лицо. Узнали они об этом лишь после смерти Дмитрия Николаевича, когда стали известны его книги, опубликованы фотографии.

Около двух лет проработал Дмитрий Медведев в Новоград-Волынском. Потом последовало новое назначение — в Кирово Одесской области (бывший Елисаветград, ныне Кировоград). Провожать его на вокзал, кроме чекистов и командиров 14-й кавдивизии, явился под знаменем и с духовым оркестром, строем, весь состав Новоград-Волынской детской коммуны...

НАКАНУНЕ...

Однажды в горотдел НКВД пришла работница самого крупного по тем временам предприятия Кировограда. Попросила, чтобы ее выслушал «самый главный». Медведев ее принял. Едва ли не в первый день по прибытии в город он предупредил сотрудников, чтобы посетителей из рабочих обязательно приводили к нему, если только он не занят чем-нибудь уж очень важным.

Работнице было лет сорок, она оказалась человеком наблюдательным. Посетительница призналась, что долго переживала, стоит ли обращаться со своими подозрениями в НКВД, а вдруг дело пустячное, лишь бросит тень на невинного человека.

— Если человек честный, никакой тени на его репутации не будет, — успокоил работницу Марию Бойко Дмитрий Николаевич. А про себя подумал, что женщина не похожа на любительниц возводить просто так, за здорово живешь, или, того хуже, чтобы свести личные счеты, напраслину. Такое уже встречалось в его практике, с подобными «бдительными правдолюбцами» Медведев обходился жестко.

Дело оказалось не таким уж пустячным. На одном с Бойко заводе работал в бухгалтерии некий Иван Васильевич Зотов. К нему приходило много людей — и своих, заводских, и из города, и из других мест. Бойко приметила, что с некоторыми из них Зотов, когда полагает, что поблизости никого нет, разговаривает по-немецки. В самом факте, однако, ничего особенного не было. В Кировограде и его окрестностях проживало, как и всюду на Одесщине, много потомков немецких колонистов. Бойко смутило другое: Иван Васильевич считался на заводе русским и никогда никому не говорил, что владеет немецким языком.

Медведев поблагодарил Марию Бойко, предупредил, чтобы она никому о своем приходе в НКВД не сообщала. Расследовать заявление работницы Дмитрий Николаевич поручил Штаркману, который вслед за ним также был переведен в Кировоград. Еще в 1921 году Штаркман участвовал в ликвидации действовавшей на Одесщине банды, которую возглавлял сын белого генерала Козачинский. Банда бесчинствовала в губернии около двух лет. В ее составе была большая группа зажиточных немцев из колоний Мангейма, Страсбурга, Бадена и Канделя под Одессой. Многих из этих бандитов Штаркман знал в ли-

цо или по приметам. Вот Медведев и решил послать Марка на завод под благовидным предлогом, чтобы тот внимательно присмотрелся к Зотову — вдруг этот человек ему знаком.

Штаркман отправился в бухгалтерию с документами фининспектора. В конце дня он буквально ворвался в кабинет Медведева.

— Этот Зотов такой же Зотов, как я сахарозаводчик Бродский! — воскликнул он с порога.

— Неужто узнал?

Отдышавшись, Штаркман стал рассказывать:

— Я его не сразу узнал, все-таки много лет, изменился он сильно, полысел изрядно. Его зовут Рихард Вернер, в банде носил кличку Рысь. Помнится, его осудили к десяти годам заключения.

Медведев немедленно установил наблюдение за Зотовым. На его запрос пришел ответ: Рихард Вернер наказание отбыл, однако фамилию, а тем более национальность по освобождении не менял. Отсюда следовало, что документы на имя Ивана Васильевича Зотова он раздобыл преступным путем.

Наблюдение показало, что круг постоянных знакомств Зотова-Вернера включает примерно сорок человек. Чаще, чем с другими, он встречается с одиннадцатью. К одному из них чекистам удалось найти подход, и он рассказал обо всем. Оказалось, что Вернер создал на заводе и в городе антисоветскую организацию. Судя по тому, что большинство ее составляли бывшие немцы-колонисты, работал Вернер на немецкую разведку.

Чекисты установили, что на дровяном складе люди Вернера прячут около ста килограммов взрывчатки и бикфордов шнур. Выяснилось далее, что эта группа законсервирована немецкой разведкой до... начала будущей возможной войны! Активные действия, кроме сбора шпионской информации, пока в ее задачи не входили. Но по сигналу они должны были совершить диверсии на расположенных в округе аэродромах.

Медведев принял решение — в первую очередь ликвидировать склад с взрывчаткой, но так, чтобы это выглядело «случайно». Он подумал, как это сделать... Возле территории дровяного склада начались строительные работы. Во время рытья котлована под фундамент будущего здания землекопы (это были переодетые саперы) «случайно» обнаружили склад взрывчатки, видимо, оставшейся еще со времен гражданской войны. Так было ин-

формировано население. Взрывчатку саперы осторожно вывезли, а земляные работы продолжались, поскольку на этом месте действительно предполагалось построить жилой дом.

Вскоре стало известно, что Зотов купил через посредника — одного из своих людей — билет в Одессу. На вокзал за ним последовал Штаркман, чтобы там незаметно «передать» чекистам, которые должны были следовать за шпионом дальше. На станции в это время стояло два поезда. С последним ударом колокола Вернер неожиданно для чекиста вскочил на ходу в вагон поезда, отправлявшегося в... Москву. Оказалось, что опытный конспиратор купил и второй билет — в Москву, куда ему в действительности нужно было ехать. Штаркману ничего не оставалось, как без пиджака, без билета, без денег вскочить в следующий вагон. По дороге он дал телеграмму Медведеву и на вокзале в столице «передал» Вернера московским чекистам.

Московские чекисты установили, что Зотов-Вернер в столице имел нелегальную встречу с одним из секретарей германского посольства, от которого получил устные инструкции и деньги, после чего вернулся в Кировоград. Только после этого Медведев отдал приказ ликвидировать фашистскую диверсионную группу.

На следствии выяснилось, что группа носила кодовое наименование... «Рысь», по старой бандитской кличке своего главаря.

Летом 1935 года Медведев получил предписание, которое существенно отличалось от всех предыдущих. Его командировали в Москву на учебу — на курсы для руководящего состава НКВД СССР. Поехал охотно. Очень уж устал Дмитрий Николаевич за последние годы, впервые за все время службы появилось ощущение какой-то неудовлетворенности, смутной тревоги. К тому же не ладилась и личная жизнь. Это бывает, когда два хороших человека соединяют по взаимному чувству свои жизни, а семья, однако, не получается. В конце концов семья Медведевых распалась.

Об этой стороне своей тогдашней жизни Дмитрий Николаевич с друзьями говорить не умел, да и не любил. А близких родственников возле него не было. Жизнь разметала в 20—30-е годы большую семью Медведевых.

Старший брат Александр Николаевич после Брянска возглавил чекистов Новгорода, потом партия направила его на инженерно-хозяйственную работу. Некоторое вре-

мя он стажируется в Германии, нотом работает на ответственных должностях в авиационной и автомобильной промышленности. Заканчивает Промышленную академию. Живет в Москве. К нему переезжают, продав дом в Брянске, и родители, после того как Николай Федорович решается наконец выйти на пенсию. Иногда старики на лето приезжали погостить к Дмитрию Николаевичу. Каждый такой приезд был для него большой радостью.

Алексей Медведев демобилизовался из Красной Армии несколько позже Дмитрия — в 1922 году и тоже поступил на службу в органы ГПУ. В качестве оперуполномоченного работал в Бежице, Одессе, Чернигове, Ямполе. Иногда пути братьев по служебным линиям пересекались.

В том же 1922 году начал свой чекистский путь и самый младший из братьев Медведевых — Михаил. Как и Дмитрию, ему довелось некоторое время работать в Донбассе. Затем его переводили на партийную, профсоюзную, хозяйственную работу. Работала к тому времени в органах госбезопасности и младшая сестра Екатерина, по мужу Сосновская. Вышли замуж и жили своими семьями старшие сестры.

Переписываться, так уж получилось, Дмитрию Николаевичу все было как-то недосуг, встречи же были редкими, особенно в последние годы. Да и не любил Медведев ни в письмах, ни с глазу на глаз особенно распространяться о семейных неурядицах, — тем более о служебных делах. Эта тема попросту не подлежала обсуждению. Между тем некоторые моменты, связанные с чекистской работой, все более и более беспокоили Медведева, как, впрочем, и других ветеранов органов государственной безопасности...

Направление на учебу в Москву было принято Дмитрием Николаевичем с чувством известного облегчения.

На курсах Дмитрий Николаевич пробыл академический год. Большую часть этого времени он проболел. Стало, как выражался Медведев, «пошаливать» сердце. Как водится, стоило появиться одной слабинке в организме, немедленно объявились и другие. Лишь огромным напряжением всех сил, умением сосредоточиваться и мобилизоваться Медведев не позволил себе отстать. Он сумел наверстать пропущенное, успешно закончить курс.

По завершении учебы Медведев получил назначение на ответственную работу в Харьковское управление НКВД.

Между тем над миром все более сгущались тучи мировой войны. При прямом попустительстве Англии, Франции, реакционных кругов США гитлеровская Германия, фашистская Италия, империалистская Япония интенсивно развернули подготовку к развязыванию войны, посредством которой намеревались достичь мирового господства. Подготавливая агрессию, прежде всего против СССР, значительно активизировали свою подрывную деятельность фашистские разведки.

Осенью 1937 года наступили трудные дни и в жизни Д. Н. Медведева, которому к этому времени уже было присвоено звание капитана государственной безопасности [1].

В феврале того же 1937 года Дмитрий Медведев познакомился у своего сослуживца Александра Санина с его дальней родственницей Татьяной Мачерет.

Она закончила индустриальный техникум, стала электриком, некоторое время работала по специальности, потом увлеклась журналистикой и начала сотрудничать в отделе литературы и искусства вечерней газеты на русском языке «Харьковский рабочий».

Накануне празднования XX годовщины Октября они приехали в Москву. Когда праздники закончились, 9 ноября Дмитрий Николаевич и Татьяна Ильинична зарегистрировали брак.

...В конце концов все треволнения завершились благополучно. Медведева назначили на ответственную должность в управление Беломорско-Балтийского канала. Год провел Дмитрий Николаевич в Медвежьегорске. Выполнять свои обязанности он и здесь старался с наибольшей пользой для дела и людей.

Что было совсем хорошо — великолепная природа русского Севера, непроходимые леса, множество озер. Впервые после многих лет Медведев снова стал регулярно ходить на охоту, занимался и рыбной ловлей. Однажды — в первый и последний раз в жизни — он даже заблудился в здешней тайге, вышел к поселку лишь на третьи сутки, когда встревоженные сослуживцы уже начали его искать. Все обошлось, вот только он сильно за-

---

[1] В 1936 году для чекистов были установлены специальные звания. Звание капитана госбезопасности соответствовало званию полковника в Красной Армии, сержанта госбезопасности — лейтенанта, лейтенанта госбезопасности — капитана, старшего лейтенанта госбезопасности — майора, майора госбезопасности — комбрига (генерал-майора).

мерз за трое суток блужданий по лесу. С той поры у него начала развиваться глухота на левое ухо.

Последним довоенным местом службы Д. Н. Медведева стал заполярный Норильск. Попасть туда в ту пору было непросто. Сначала надо было четыре дня ехать поездом до Красноярска, потом на транспортном «дугласе» лететь до Дудинки. Оттуда уже на лошадях можно было проехать до самого Норильска. В дороге укрывались от жгучего ветра пологом из собачьих шкур. В Норильске начальником строительства комбината работал старый друг еще по Старобельску — Авраамий Павлович Завенягин. Он обрадовался приезду Медведева, поселил его по соседству с собой. Завенягин знал цену Медведеву как работнику, они хорошо понимали друг друга.

Осенью 1939 года Медведева вызвали в Москву. В наркомате сообщили об увольнении по состоянию здоровья в запас, на пенсию, с 3 ноября 1939 года.

ЧАСТЬ III

СИЛЬНЫЕ ДУХОМ

★

ВСТАВАЙ, СТРАНА ОГРОМНАЯ...

С утра 22 июня 1941 года Дмитрий Медведев работал на огороде и в саду. В понедельник, 23-го, он собирался ехать в город. Он встретил на площади Ногина харьковского знакомого. Теперь тот занимал видный пост в одном из строительных наркоматов. Узнав, что Дмитрий Николаевич на пенсии, земляк предложил Медведеву поехать на строительство оборонного объекта на Дальнем Востоке. Предложение показалось заманчивым. Дмитрий Николаевич уже встречался с руководящими работниками ведомства и в понедельник должен был явиться в отдел кадров для оформления...

...Дмитрий Николаевич покончил с прополкой и взглянул на часы: почти полдень. Пора приводить себя в порядок. К обеду ждали гостей. Без пяти двенадцать включил висевший на террасе «Рекорд», чтобы послушать последние известия, но черная тарелка громкоговорителя глухо и безнадежно молчала. Опять что-то сломалось, досадно, конечно, но, быть может, кто-нибудь из гостей привезет с собой свежую газету.

К обеду, однако, никто не приехал. Озадаченный и даже немного обиженный, он бродил по участку, подходил к калитке с надеждой увидеть наконец знакомые фигуры... Часа в четыре Татьяна предложила изголодавшимся мужу и тестю Николаю Федоровичу садиться к столу. Пообедали молча.

Все стало ясно, когда вернулась из Москвы домработница Терентьевна, еще накануне уехавшая из Краскова в город навестить родню.

— Война, батюшка Дмитрий Николаевич, война! — с деревенским надрывом запричитала она еще от калитки. — Что-то будет теперь, господи, что-то будет!

...Всю ночь и утром 24 июня Медведев писал докладную записку в наркомат. Исходный пункт: Красная Армия вынуждена отступать под ударами превосходящих

сил врага. Отсюда — неизбежность довольно длительного периода оккупации немецко-фашистскими войсками западных областей СССР. На советской земле, временно попавшей под фашистское иго, разгорится пламя массового, подлинно народного, глубоко патриотического партизанского движения. Возникнут сотни боевых отрядов, в городах и других населенных пунктах начнут действовать подпольные организации. Движение должно достигнуть огромного размаха и сыграть важную роль в разгроме фашистских армий под руководством подпольных же партийных и советских органов. Им необходимо оказывать своевременную и всестороннюю помощь оружием, боеприпасами, медикаментами, снаряжением, средствами радиосвязи и т. п. И главное: Дмитрий Николаевич подробно обосновал идею о благоприятных условиях, которые создает массовое партизанское движение для широкого развертывания и ведения во вражеском тылу активной разведывательной работы при участии чекистов.

Медведев предложил для детальной проверки своей идеи боевой практикой заслать в немецкий тыл небольшую спецгруппу, сформированную из хорошо обученных командиров и бойцов. Ядро — опытные чекисты. На месте группа развернется в достаточно сильный партизанский отряд. Наряду с боевой деятельностью: уничтожением небольших гарнизонов и отдельных групп противника, взрывом мостов, складов, диверсиями на железнодорожном транспорте и коммуникациях, ведением политической работы среди населения — отряд будет решать главную задачу: вести планомерную разведку, собирать сведения о военных, политических, иных мероприятиях гитлеровцев и регулярно передавать эту информацию. Чтобы поддержать устойчивую связь с Центром, отряд надо обеспечить современной малогабаритной, но достаточно мощной радиостанцией. Строевые подразделения отряда будут надежно прикрывать действующую в его составе законспирированную разведгруппу.

Отработав все формулировки, Медведев переписал проект набело и поехал в Москву. Давний сослуживец Петр Петрович Тимофеев принял Медведева сразу. Дмитрий Николаевич не стал тратить времени на предварительные объяснения и молча положил на стол свою записку. Даже беглого прочтения было достаточно Тимофееву, чтобы оценить ее важность.

— Это не по моей епархии, — сказал Петр Петрович, оторвавшись от бумаги. — Но твердо обещаю, что сего-

дня же передам ее товарищу из руководства, которого это прямо касается...

Двадцать четвертого июня за Медведевым прислали из Москвы машину. В наркомате его принял примерно одних с ним лет атлетически сложенный майор государственной безопасности. Крепко пожал руку, потом по-товарищески встряхнул за плечи:

— Ну, здравствуй, Митя...

Это был Виктор Александрович Дроздов, сослуживец Медведева по Донбассу.

Дроздов сразу приступил к делу:

— Твою записку, Дмитрий Николаевич, мы прочитали, и с большим интересом. Многие из этих предложений уже предусмотрены Генеральным штабом и нами. К сожалению, мы не успели осуществить все намеченное к моменту нападения Германии. Но сегодня ворошить прошлое некогда. Ты самостоятельно пришел к тем же выводам, что и руководство. Меня лично это только радует, тем более что некоторые твои предложения сформулированы более конкретно, чем наши. Это, так сказать, пролог... А теперь о тебе лично. Формируется новое управление, которое будет заниматься примерно теми делами, которые обозначены и в твоей записке. Пока называется просто Особая группа. Главное сейчас — подобрать подходящих людей...

С этого дня капитан госбезопасности Медведев снова стал носить военную форму. Местом его новой службы явился старинный Петровский парк и расположенный на его территории Центральный стадион «Динамо». Здесь ускоренными темпами шло формирование Отдельной мотострелковой бригады особого назначения, или ОМСБОН. Ее подразделения должны были пройти специальную подготовку для действий в тылу врага. ОМСБОН создавался в составе двух полков. Командиром бригады был утвержден полковник Михаил Федорович Орлов, комиссаром — Алексей Алексеевич Максимов. Ядро бригады, ее комсостав составляли опытные чекисты, преподаватели специальных школ и военных академий, командиры внутренних и пограничных войск. Некоторых из них Медведев знал по службе.

Бойцы подбирались в ОМСБОН с чрезвычайной строгостью. В бригаду была направлена большая группа молодых рабочих с передовых московских предприятий: 1-го подшипникового завода, 1-го часового завода, автозавода имени Сталина. ЦК комсомола послал добровольцев-сту-

дентов ряда столичных институтов. В бригаду влилось и несколько сот добровольцев-интернационалистов: испанцев, болгар, немцев, австрийцев, венгров, югославов, поляков и др. Многие имели за плечами опыт гражданской войны в нашей стране, а также в Испании.

В ОМСБОН собрался и цвет советского спорта: боксер Николай Королев, штангист Николай Шатов, конькобежец Анатолий Капчинский, знаменитые стайеры Серафим и Георгий Знаменские, гребец Александр Долгушин, боксер Сергей Щербаков, дискоболы Леонид Митропольский и Али Исаев, велосипедист Виктор Зайпольд, гимнаст Сергей Коржуев, борец Григорий Пыльнов, лыжница Любовь Кулакова, группа футболистов минского «Динамо» и другие.

Вскоре на стрельбище «Динамо» близ подмосковной станции Строитель началась напряженная учеба. Полковник М. Ф. Орлов вспоминал: «Главное место в программе боевой подготовки заняли минноподрывное дело, изучение подрывной техники врага, тактика действий небольшими подразделениями, разведка, ночные учения, марш-броски, преодоление водных преград, топография, радиодело и прыжки с парашютом».

Между тем по мере продвижения немецко-фашистских войск по советской земле повсеместно разгоралась партизанская война. 29 июня 1941 года Совнарком СССР и Центральный Комитет ВКП(б) направили партийным и советским организациям прифронтовых областей директиву. В ней, в частности, говорилось: «...В занятых врагом районах создавать партизанские отряды и диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны всюду и везде, для взрыва мостов, дорог, порчи телефонной и телеграфной связи, поджога складов и г. д. В захваченных районах создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать все их мероприятия».

Партия бросила лозунг: «Пусть земля горит под ногами оккупантов!»

18 июля ЦК ВКП(б) принял решение «Об организации борьбы в тылу германских войск», в котором особо указал на необходимость усиления партийного руководства партизанским движением, подчеркивал, что в этом «...нас беззаветно поддержат в каждом городе и в каждом селе и тысячи наших братьев и друзей, попавших теперь под пяту германских фашистов и ждущих с па-

шей стороны помощи в деле организации сил для борьбы с оккупантами». ЦК потребовал развернуть сеть большевистских подпольных организаций на захваченной территории для руководства всеми действиями против фашистских оккупантов. Во главе партийного подполья, указывал ЦК, надо ставить опытных, боевых и до конца преданных нашей партии, лично известных руководителям парторганизаций и проверенных на деле товарищей. ЦК потребовал от коммунистов, направляемых во вражеский тыл, чтобы они вдохновляли на борьбу преданных Советской власти людей личным примером, смелостью и самоотверженностью.

Эти слова партийной директивы стали программой действий коммуниста Дмитрия Медведева на весь период Великой Отечественной войны. Не случайно десять лет спустя свою знаменитую книгу «Сильные духом» Дмитрий Николаевич начнет такими словами: «Есть в жизни у каждого из нас минуты наивысшего подъема всех сил, незабываемые минуты вдохновенья. В моей жизни, жизни рядового коммуниста, минуты эти неизменно связаны с получением заданий партии. Каждый раз, получая очередное задание — а из этих «очередных заданий» и состоит вся биография людей моего поколения, — я испытывал это непередаваемое состояние внутренней мобилизованности».

...Очень скоро оккупанты почувствовали всю силу народного гнева. С каждым днем удары партизан по вражеским гарнизонам, транспортным артериям, коммуникациям связи становились все ощутимее. Такого организованного и мощного сопротивления со стороны населения гитлеровцы не ожидали. Их расчеты поддерживать «новый порядок» на советской земле «обычными», проверенными в Западной Европе мерами не оправдались. И уже 16 сентября 1941 года начальник штаба верховного командования вооруженными силами Германии генерал-полковник Кейтель издает пресловутый приказ «О подавлении коммунистического повстанческого движения». Приведем некоторые выдержки из этого приказа:

«1. С самого начала кампании против Советской России на оккупированных Германией территориях повсюду началось коммунистическое повстанческое движение... Для того чтобы в зародыше задушить недовольство, необходимо при первых же случаях незамедлительно применять самые решительные меры для того, чтобы укрепить авторитет оккупационных властей и предотвратить

дальнейшее распространение движения. При этом следует иметь в виду, что человеческая жизнь в соответствующих странах в большинстве случаев ничего не стоит и что устрашающего воздействия можно добиться лишь с помощью исключительно жестких мер. Искуплением за жизнь каждого немецкого солдата в таких случаях должна служить, как правило, смертная казнь 50—100 коммунистов. Способы этих казней должны еще увеличивать степень устрашающего воздействия. ...В случае недозволенного хранения оружия также следует, как правило, выносить смертный приговор...»

Фашистский вермахт, а не только войска СС, руководствуясь этим страшным приказом, принимал самое широкое и прямое участие в массовом истреблении мирного населения оккупированных областей СССР.

На оккупированной территории в 1941 году осуществляли руководство партизанским движением десятки обкомов, сотни горкомов и райкомов партии, многие тысячи коммунистов. Партизанские отряды и подпольные группы создавались в Карелии, Молдавии, Латвии, Литве, Эстонии, в Крыму, на Украине.

Жесткие задачи, жесткие сроки, жесткие требования. Не десяток особо выносливых, не сотня — тысячи человек успешно прошли подготовку на станции Строитель.

Первый экзамен на зрелость бойцам и командирам ОМСБОН предстояло сдать в суровых осенних и зимних боях на подступах к Москве. Одними из первых сдавали его медведевцы. Таковых оказалось тридцать три человека. Потому что ко времени начала битвы за столицу они уже действовали во вражеском тылу в составе специального партизанского отряда «Митя», которым командовал Д. Н. Медведев. Районом действий отряда была определена родина командира — Брянщина, которая по тогдашнему административному делению входила в Орловскую область. Это означало, что воевать отряду чекистов предстояло на одном из важнейших стратегических направлений наступления гитлеровских войск на Москву.

ШУМЕЛ СУРОВО БРЯНСКИЙ ЛЕС...

В конце июля Медведев уже знал: отряд под его командованием станет первым (если не считать нескольких малочисленных разведгрупп, заброшенных в немецкий тыл с локальными задачами) подразделением из со-

става ОМСБОН, которому в ближайшее время предстоит перейти линию фронта. Боевой опыт «Мити» в некотором смысле послужит моделью, примером для других отрядов, которые уйдут следом за ним.

По убеждению Дмитрия Николаевича, успех будущих действий отряда во многом будет определяться его личным составом. Медведеву было предоставлено право самому отобрать из ОМСБОН нужных людей. В первую очередь, конечно, следовало подумать о комиссаре. Товарищ, которого прочили на эту должность, тяжело заболел, и теперь требовалось быстро найти ему замену. В Военном отделе ЦК ВКП(б) Медведева познакомили с новым кандидатом — инженером-электриком одного из московских предприятий Георгием Николаевичем Кулаковым. Молодой, высокий, с живым взглядом серых глаз, Кулаков сразу понравился Дмитрию Николаевичу. Полковник-инженер Г. Н. Кулаков вспоминал через много лет: «В кабинете работника военного отдела меня познакомили с высоким подтянутым черноволосым мужчиной.

— Медведев, — коротко представился он.

Нас оставили вдвоем. Медведев сел напротив меня в кресло и сказал:

— Ну что, давайте потолкуем.

Так начался наш первый разговор. Он продолжался минут сорок. Я уже не помню точно, какие слова были произнесены, какие вопросы были заданы, какие ответы были получены. Помню только постепенно нарастающую волну доверия к этому человеку, и это доверие сделало меня предельно откровенным. Глядя в его зеленоватые серьезные глаза, я чувствовал себя удивительно спокойно и говорил с ним как со старым другом».

Начальником штаба Медведев взял рассудительного полярника Дмитрия Дмитриевича Староверова. По профессии он был геологом, несколько лет проработал в экспедиции на Камчатке, в юности успешно занимался боксом, был великолепным стрелком, настоящим снайпером.

Дмитрий Николаевич предусматривал возможность продвижения отряда на территории Белоруссии, с которой Брянщина граничит, поэтому он позаботился о включении в отряд белорусов или уроженцев тех мест. Таковые, можно сказать, сами пришли к нему. 25 июня в Москву прибыл международный экспресс Харбин — Негорелое. Бригада проводников во главе с бригадиром Петром Лопатиным, человеком исключительного хладнокровия, физической силы и хозяйственной смекалки, была

направлена в ОМСБОН. Все проводники были родом из Белоруссии, кроме того, они знали порядки на железнодорожном транспорте, что также устраивало Медведева. Петр Лопатин и в отряде остался старшим над своими товарищами — теперь уже в качестве отделенного командира.

С конца июля гитлеровская авиация стала бомбить Москву. Каждую ночь в столице завывали сирены воздушной тревоги. К самому городу благодаря хорошо поставленной службе ПВО удавалось прорваться лишь одиночным самолетам врага. Остальные сбрасывали свой бомбовый груз где попало. Подмосковье стало для местных жителей небезопасным районом. Началась эвакуация населения. В середине августа Дмитрий Николаевич отправил на Урал жену и отца. Еще раньше уехал к своему постоянному местожительству восемнадцатилетний сын Ким — ему предстоял призыв в Красную Армию.

Между тем советские части под натиском превосходящих сил врага с тяжелыми боями отходили на восток. Чтобы предупредить новое наступление гитлеровцев на Москву через Брянск, был образован Брянский фронт во главе с генерал-лейтенантом А. И. Еременко. Войскам фронта пришлось с первого же дня вступить в упорные бои.

22 августа, в свой день рождения, Дмитрий Николаевич последний раз съездил в Томилино. Отобрал несколько личных вещей, закрыл двери террасы на висячий замок и приколол к филенке лаконичную записку для соседей: «Ушел на фронт. Прошу сохранить сад».

23 августа к вечеру на трех потрепанных полуторках отряд выехал на фронт. В Орле Д. Н. Медведев и Г. Н. Кулаков встретились с секретарем Орловского обкома партии А. П. Матвеевым, который информировал их о партизанском движении на Орловщине и Брянщине.

Дальнейший путь к фронту лежал через Брянск. Родной город встретил Дмитрия Николаевича заревом пожарищ — Брянск и Орджоникидзеград (так тогда называлась Бежица) пылали после очередного налета фашистской авиации.

Наконец отряд прибыл в районный центр Жуковку. Здесь он должен был перейти линию фронта. Первые пять попыток (все ночные) закончились безуспешно. Немцы были настороже, непрерывно освещали местность ракетами и обрушивали бешеный огонь по каждой замеченной цели. И Медведев решил перейти линию фронта... днем!

Местом перехода выбрал деревню Белоголовль, разделенную на две части речушкой. По одну сторону водной преграды держали оборону красноармейцы, по другую уже были немцы.

Д. Н. Медведев так и не успел написать книгу о своем первом отряде, но сохранились частично опубликованные воспоминания комиссара Г. Н. Кулакова. Вот как лаконично и просто описал Георгий Николаевич переход «Мити» через линию фронта. 7 сентября 1941 года: «Занятая врагом часть деревни как вымерла — все жители убежали на нашу сторону, а гитлеровцы там жить боялись — только изредка делали вылазки на пасеку за медом. Единственной переправой служила полуразрушенная плотина, пристрелянная гитлеровскими пулеметчиками.

Мы дождались 12 часов дня, когда у пунктуальных гитлеровцев началась раздача обеда, и бесшумно по противотанковому рву подошли к мельнице. Теперь надо было терпеливо ждать...

Солнце поднялось высоко, приблизилось к зениту. У противника все замерло. Видимо, приступили к обеду. Пора... Ползком, друг за другом, мы стали переправляться через плотину. Скользкие, мокрые бревна так и норовят выскользнуть из-под ног. Но все благополучно перебрались. Бесшумно переползли пустую улицу, через пасеку в овраг, затем в лес...»

Первые несколько дней Медведев избегал вступать в бои с противником, хотя бойцы рвались в дело. Командир стремился увести отряд в глубину вражеского тыла незамеченным, оборудовать там базу, осмотреться, наладить связи с местными жителями и лишь затем приступить к активным боевым и разведывательным действиям. Это было правильное, здравое решение, продиктованное задачами отряда и боевой обстановкой.

Только 15 сентября на большаке у Сальниковых хуторов Клетнянского района отряд принял боевое крещение, уничтожив небольшую автоколонну гитлеровцев: легковую штабную машину и бронетранспортер с солдатами. Счет уничтоженным фашистам открыл начальник штаба Дмитрий Староверов, снайперским выстрелом убивший шофера легковушки. В числе убитых оказался немецкий генерал-майор. Находившиеся при нем штабные документы попали в руки партизан. Наиболее важные сведения были немедленно переданы по радио в Москву.

Первый бой имел огромное значение для поднятия настроения всего личного состава, он придал людям уверен-

ность в себе, хотя и обнаружил определенные недочеты, которые могли, естественно, быть устранены лишь с приобретением боевого опыта.

Численность отряда стала возрастать. Этого Медведев ждал. Люди приходили поодиночке и большими группами, местные жители и красноармейцы-окруженцы, безоружные и вооруженные. Некоторые группы являли, в сущности, сложившиеся воинские подразделения со своими командирами. Радуясь пополнению, Дмитрий Николаевич, однако, не забывал, что среди этих людей могут оказаться и вражеские агенты. Его чекистский опыт, незаурядное умение разбираться в людях, улавливать в разговоре малейшую фальшь часто играли решающую роль в определении дальнейшей судьбы приходящего в отряд человека. Так, сразу понравились Медведеву и в дальнейшем боевыми делами зарекомендовали себя с наилучшей стороны политрук Александр Федорович Боголюбов, майор Михаил Иванович Сипович — Герой Советского Союза, заслуживший Золотую Звезду еще в финскую войну при прорыве линии Маннергейма, сотрудник особого отдела одной из воинских частей на западной границе сержант государственной безопасности Александр Федорович Творогов.

Боголюбов оказался храбрым и умелым политработником, он стал правой рукой комиссара Кулакова. Сипович был опытным кадровым командиром, чьи военные знания сослужили добрую службу. Двадцатипятилетний Саша Творогов подкупил Медведева своей жизнерадостностью, добротой и прекрасной профессиональной подготовкой, сочетающейся с природным умом. Со временем Дмитрий Николаевич сделал молодого чекиста своим помощником по разведке...

Летом 1941 года на Брянщине было сформировано 72 партизанских отряда, к началу октября их число возросло до 99. В них сражалось почти четыре с половиной тысячи коммунистов. Это была большая сила, и очень скоро она стала серьезным образом сказываться на положении в тылу немецко-фашистской армии.

...В районе действий группы «Центр» были сформированы и брошены против немецких войск новые партизанские отряды. В Калининской, Брянской и Орловской областях уже в августе в лесах были подготовлены партизанские базы и склады оружия и других запасов, достаточных для ведения боевых действий каждым из отрядов в течение четырех-шести недель. В октябре на эти базы пришли партизанские отряды, усиленные солдатами Красной

Армии, которые оказались в окружении, но избежали немецкого плена. Поэтому возглавили ряд партизанских отрядов имеющие боевой опыт командиры, и появилась возможность передавать этим отрядам оружие и боеприпасы, оставленные войсками Красной Армии. В журнале боевых действий 2-й немецкой танковой армии имеется следующая запись от 4 ноября: «В лесном районе севернее Брянска находятся многочисленные группы партизан, состоящие из бывших солдат-окруженцев и гражданского населения. Их частые нападения наносят нам большие потери».

Именно в эти недели и в этих самых местах и действовал активно специальный чекистский отряд «Митя», показывая пример боевой активности другим местным партизанским отрядам и группам. В одном из архивных документов Брянского облисполкома отмечено: «В ноябре 1941 года через Дятьковский район проходил партизанский отряд особого назначения под командованием товарища Медведева. Этот отряд сыграл существенную роль в жизни Бытошского отряда. Товарищ Медведев проинструктировал руководство Бытошского отряда по развертыванию партизанской борьбы, он указал путь и методы расширения народного движения, порекомендовал создать группы сопротивления в деревнях и селах, подчинить действия этих групп руководству отряда. После этого были созданы боевые группы в населенных пунктах Немиричи, Будочка, Савчина, Старая Рубча и так далее. Всего было создано пятнадцать групп».

Так обстояло дело по всему боевому маршруту отряда «Митя».

21 сентября Медведев был ранен в колено правой ноги. Пуля застряла в суставе, к счастью, не повредив кости. С поля боя его вынес и пронес на руках несколько километров адъютант Николай Королев. Врач Александр Файнштейн прооперировал колено и извлек пулю. Бойцы сделали командиру костыли, и уже на третий день Медведев стал ходить, хотя каждый шаг еще долгое время причинял ему мучительную боль.

Комиссар Кулаков вспоминал: «Дмитрий Николаевич, прихрамывая, шагает впереди отряда. С каждым днем ему становится лучше, но ходить все равно еще трудно. Он идет, тяжело опираясь на костыли, и морщится от боли, когда его никто не видит. Молодец! Все невольно подтягиваются, равняясь на него, — вот что значит личный пример!»

Зимой совсем плохо стало с продовольствием. Доходило до цинги, когда начинали кровоточить десны, расшатывались и выпадали зубы. Население чем могло помогало партизанам, но оно и само голодало — гитлеровцы подчистую грабили деревни и села. В какой-то степени выручал подножный корм: грибы, ягоды, орехи. Но этого, конечно, не могло хватить, чтобы накормить досыта сотни людей, — а отряд к концу своего пребывания во вражеском тылу насчитывал около трехсот бойцов. Выход был один — «стать на довольствие» к оккупантам. Медведев начал специально планировать налеты на фашистские гарнизоны с главной целью — добыть продовольствие. Иногда партизаны захватывали столько зерна, муки, масла, мяса, сахара, соли, что излишки раздавали населению. В качестве неприкосновенного запаса в отряде по возможности держали несколько коров. Молоко шло раненым и больным. Худо было и с одеждой, особенно с обувью. Любые сапоги в условиях жизни в лесу, непрестанной ходьбы в любую погоду по самой что ни на есть пересеченной местности, включая болота, разваливались с неимоверной быстротой. Выручали опять же трофеи. Когда их не хватало, плели лапти.

Медведев и Кулаков постоянно следили за тем, чтобы все бойцы были в курсе событий на фронтах, международной и внутренней жизни. Особое значение это имело для вновь прибывающих партизан, окруженцев и местных жителей. Они большей частью неделями не имели никаких правдивых сведений о том, что происходило в мире, а гитлеровцы между тем настойчиво распространяли лживые слухи, по которым фашистские войска уже дошли чуть ли не до Урала.

На радиста Анатолия Шмаринова была возложена задача не только поддерживать связь с Большой землей, но регулярно принимать и записывать самые важные сообщения и передачи Московского радио. В отряде выпускалась газета «За Родину», в ней был постоянный раздел «От Советского Информбюро». Для распространения среди населения выпускались листовки.

Но в первую очередь выполнялась главная задача — собиралась информация о дислокации и передвижениях вражеских воинских частей, следующих на фронт и с фронта, их номера, вооружение, состояние, сведения о потерях, о местонахождении аэродромов, складов боеприпасов, строительстве оборонительных сооружений и т. п. Все это было необходимо знать командованию Красной Армии

в те дни, когда после возобновления 30 сентября фашистского наступления под кодовым наименованием «Тайфун» началась великая битва под Москвой.

Удачно, в частности, завершилась засада, устроенная партизанами на оживленной клетнянской дороге. Накануне разведчик отряда старший лейтенант И. Починкин получил сведения, что 576-й немецкий отдельный саперный батальон, работавший на участке Варшавского шоссе — главной магистрали, снабжавшей южный участок группы армий «Центр», передислоцируется на новое место. Установлен был и день, когда штаб батальона должен был двинуться в путь. Медведев сразу оценил это сообщение — документы военной строительной части всегда представляют особую ценность, и дал приказ готовиться к операции.

Командовал засадой начальник штаба Староверов. Он же произвел и первый выстрел по шоферу головной машины. При налете было уничтожено около тридцати солдат и офицеров, сожжено несколько машин и мотоциклов. Штаб батальона был полностью разгромлен. Партизаны захватили знамя части, все штабные документы. Они содержали важные секретные сведения о сооружаемых оборонительных объектах и дорожных работах в этой зоне вражеского тыла. Полученная информация была немедленно передана в Москву.

Формы боевых действий партизан по мере роста численности отряда и приобретения опыта, а также налаживания разведки в ближних, а затем и в дальних населенных пунктах множились, развивались. Партизаны научились совершать внезапные налеты на гарнизоны и склады противника, выявлять и уничтожать предателей, бургомистров, старост, полицаев, устраивать засады автоколоннам врага, подрывать мосты и иные объекты, взрывать эшелоны, даже... сбивать низколетящие немецкие самолеты. Опыт не только приобретался — он тщательно изучался, анализировался и обобщался, затем передавался соседям — местным отрядам, с которыми Медведев поддерживал по возможности постоянную связь.

Большое внимание Дмитрий Николаевич уделял изучению фашистской политики на оккупированной территории, экономических и военных мероприятий гитлеровцев. В отряде собирались и классифицировались трофейная документация, аусвайсы, которые выдавались местным жителям, разного рода пропуска, а также удостоверения полицаев, должностных лиц, образчики подписей и

печатей оккупационных властей и т. п. Изучался порядок получения документов, устройства на работу, передвижения между населенными пунктами. Эта информация имела первостепенное значение для советских разведчиков, которым предстояло работать во вражеском тылу.

Еще в начале октября отряд получил приказ вывести из строя железную дорогу на участке Кричев — Унеча. Гитлеровцы круглосуточно гнали по ней к фронту эшелоны с живой силой, танками, артиллерией, боеприпасами. Каждый уничтоженный в эти дни эшелон означал серьезную помощь защитникам столицы. Отряд снялся с места. Новый лагерь был разбит вблизи деревни Батаево, расположенной уже на территории Белоруссии. Задание было выполнено: партизаны взорвали два важных моста, пустили под откос эшелон и разрушили в нескольких местах полотно железной дороги. Термин «рельсовая война» тогда еще не употреблялся, но проведение одновременно пяти диверсий на железной дороге по единому плану для медведевцев явилось началом именно настоящей «рельсовой войны», а не просто очередной операции на «железке».

Видимо, поняли это и гитлеровцы: на поиски и уничтожение отряда были брошены каратели. Отныне и до конца пребывания в тылу врага Медведеву придется думать не только о том, как вести свою боевую работу, но и как уходить от упорного и безустанного преследования превосходящих, как правило, сил противника. Достаточно быстро он понял, что гитлеровцы не преследуют партизан вообще, но охотятся именно за отрядом «Митя», боевой почерк которого они уже научились определять. Как и ожидал Медведев, гитлеровцы начали с разведки, с попыток заслать в отряд своих лазутчиков. К этому он был готов. Впоследствии отряд и его командир приобрели большой опыт борьбы с карательными формированиями врага. Чекисты отряда постоянно собирали информацию о разведывательных действиях немцев, изучали деятельность его спецслужб: абвера, СД, тайной полевой полиции (ГФП) и других, выявляли их агентуру, методику подрывной работы и карательных акций.

11 октября отряд понес тяжелую потерю. В Батаево пошла на разведку группа в составе Дмитрия Староверова, капитана Ильи Луковенко и коменданта штаба Ивана Шауры. Фашистов в деревне не было, и партизаны без опаски вошли в дом местной учительницы, которая по их заданию распространяла среди жителей сводки Совин-

формбюро. Видимо, кто-то навел карателей на разведчиков, потому что внезапно в деревню на большой скорости въехали два грузовика, набитых солдатами.

Начался неравный бой трех храбрецов против взвода автоматчиков, имевших и ручные пулеметы. На предложение сдаться партизаны ответили огнем... Первым был тяжело ранен Староверов, затем две разрывные пули достали Шауру, он потерял сознание. И тогда Староверов приказал Луковенко уходить с Шаурой через прилегающий ко двору овраг к лесу, он же прикроет их огнем из винтовки. Луковенко пробовал протестовать, но Староверов жестко отрезал:

— Приказ есть приказ! Я не привык отдавать его дважды! Не теряй времени, силы у меня на исходе.

Волоча за собой Шауру, по-прежнему не приходящего в сознание, капитан пополз к лесу под прикрытием снайперского огня товарища. Когда кончились винтовочные патроны, Староверов стал стрелять из пистолета. Последнюю пулю он пустил в висок...

Когда в деревне появились медведевцы, они нашли тело раздетого и израненного героя. Его похоронили в лесу, на могилу возложили еловый венок, перевязанный красными лентами. После похорон Медведев объявил, что винтовка погибшего будет вручаться лучшему бойцу отряда. Новым начальником штаба Медведев назначил Сиповича.

Через две недели отряд «Митя» по приказу командования покидал Белоруссию. Перед выступлением у могилы Староверова состоялся митинг. В архиве Д. Н. Медведева сохранилась запись речи, с которой он обратился к бойцам.

— Товарищи партизаны! Последние сообщения Совинформбюро принесли нам печальные известия. Наши части после упорных боев, в которых враг потерял огромное количество живой силы и техники, оставили города Орел и Харьков. Бешеная собака Гитлер, не жалея своих солдат, не обращая внимания на большие потери, решил во что бы то ни стало до наступления зимы взять Москву и Ленинград... План Гитлера на молниеносный успех в войне против СССР провалился... Поэтому он собирает свои последние резервы и бросает их на верную гибель против доблестных защитников наших столиц... Гитлер и его свора распространяют провокационные слухи, а также пишут в своих листовках о том, что Москва и Ленинград пали.

Мы твердо знаем, товарищи, что ни Москва, ни Ленин-

град не сданы фашистам и сданы им никогда не будут. Мы уверены, что весь советский народ сомкнутым строем, своей мощной грудью станет на защиту нашей красной столицы и колыбели пролетарской революции — города Ленина и никогда не отдаст их на осквернение фашистской нечисти. У этих городов миллионы фашистских злодеев найдут себе могилу...

...Сегодня мы выступаем с вами, товарищи, чтобы пойти ближе к фронту, ближе к нашей родной Москве. Не щадя своей жизни, ударами с тыла мы будем мешать дальнейшему продвижению фашистской сволочи к нашей столице. Ближе к фронту, товарищи!

Поклянемся у могилы нашего боевого друга товарища Староверова не складывать оружия до тех пор, пока наша Родина не будет полностью очищена от фашистских полчищ, посягнувших на нашу свободную, счастливую и радостную жизнь.

...Переход отряда осуществлялся в неспокойной обстановке. Медведев чувствовал, что отряд стал объектом пристального внимания со стороны фашистского командования. Гитлеровцы методично суживали кольцо своих поисков. Партизанское охранение уже не раз замечало в окрестностях подозрительных лиц. Однажды был задержан одетый по-крестьянски, но с внешностью горожанина крепкий старик. На вопрос, что он здесь делает, ответил, что ищет заблудившуюся корову. Вскоре его увидели снова: он разговаривал с одним из новых бойцов, ветеринарным врачом по специальности, Сучковым. Творогов допросил Сучкова. Тот объяснил, что со стариком незнаком, видел впервые, тот, должно быть, узнал от кого-нибудь, что он ветеринар, и подошел к нему посоветоваться, что делать с коровой — перестала давать молоко.

Творогов сделал вид, что поверил этому объяснению, но установил за ветврачом наблюдение. Через день Сучков был задержан при попытке бежать из отряда. При обыске у него нашли документы на другую фамилию. На допросе ветеринар показал, что подослан гитлеровцами с заданием установить численность отряда, вооружение, намерения командования и т. п. Старик, «искавший заблудившуюся корову», был связником. Далее Сучков рассказал, что его завербовал в лагере для военнопленных высокий и худой человек, носивший поверх шинели повязку санитара с красным крестом. Человек этот русский, хотя свободно говорит по-немецки.

Перед уходом из Батаева партизаны совершили налет на районный центр Хотимск. Бой был хорошо спланирован. В город ворвались четыре группы партизан, которых вели проводники из местных жителей, две же группы отрезали Хотимск от основной магистрали. Медведевцы сожгли мост, разгромили телефонную станцию и управу.

Через несколько дней отряд вернулся под Клетню, в лесничество с романтичным названием Красный Дворец, где восстановил старые связи с отрядами Семенова и Глебова. Первой операцией по возвращении стал разгром фашистского аэродрома под городом Мглином. При этом было сожжено несколько самолетов. Ответный удар гитлеровцев последовал через день — 13 ноября. Партизан в лагере в этот момент было около семидесяти, карателей — не менее трехсот.

Отбив несколько ожесточенных атак, партизаны сумели организованно отойти в лес. В этом бою Дмитрий Николаевич, отходивший последним, был дважды контужен. И снова ему спас жизнь Николай Королев.

В этом бою погибло пять партизан. Среди них — политрук Александр Боголюбов, проявивший в последний день своей жизни храбрость и самоотверженность. Каратели цели не достигли. Понеся значительные потери, они вынуждены были прекратить преследование.

Отдохнув два дня в расположении партизанского отряда В. Чичканова (отпочковавшегося от «Мити»), медведевцы двинулись дальше, к линии фронта. Это был, пожалуй, самый тяжелый переход в истории отряда. Однажды шли подряд тридцать три часа... Шли голодные, к тому же кончилась соль. Ели несоленой мороженую конину. Когда кончилась и конина, Медведев разрешил почать неприкосновенный запас — трофейное сливочное масло. Ели его мороженым, тоже без соли и, конечно, без крошки хлеба.

Нужно было оторваться от преследователей, сбить их со следа, прийти к месту новой стоянки незамеченными. И медведевцам это удалось. И снова боевая и разведывательная работа. Из множества населенных пунктов стекалась в отряд, анализировалась, проверялась и по радио отправлялась в Москву информация. Потом произошло чрезвычайное происшествие. Из него следовало, что к отряду снова протянулись щупальца СД.

В лагерь явились два оборванных красноармейца. Сказали, что бежали из плена, просили принять в отряд.

Обычное дело. Их зачислили для начала в хозвзвод. Через некоторое время один из них, Федоров, подошел к Медведеву и попросил разрешения поговорить с ним наедине. В землянке Федоров признался, что в плену его вместе со вторым бойцом Гончаровым завербовал представитель СД и устроил им липовый побег. Задание — проникнуть в отряд Медведева. Что делать потом, он не знает, так как старший — Гончаров. Он, Федоров, дал согласие на вербовку лишь для того, чтобы вырваться из плена и вернуться к своим.

Медведев отпустил Федорова и велел привести Гончарова. Второй новичок долго отпирался от всего, но Медведев сумел найти какие-то подходы к его душе. Тогда, махнув на все рукой, Гончаров чистосердечно признался, что в лагере проявил малодушие и позволил себя завербовать. Почему не пришел с повинной? Боялся, смертельно боялся Федорова, при участии которого его избивали в лагере, прежде чем вырвали согласие стать немецким агентом.

Так Медведев разгадал комбинацию СД. Настоящим врагом был «явившийся с повинной» Федоров, в прошлом уголовный преступник. Насильно завербованный в лагере Гончаров нужен был ему лишь для одного: чтобы выдать его партизанскому командиру и завоевать тем самым доверие. Предателя постигло заслуженное возмездие. Во время допроса Гончарова выяснилось, что вербовал его в лагере человек с повязкой санитара, которого при нем называли Николаем Корзухиным. Второй раз всплывала эта загадочная фигура, которая теперь уже обрела имя и фамилию.

По замыслу гитлеровцев, Федоров должен был сколотить в отряде группу изменников, поднять мятеж, уничтожить командира и комиссара, за головы которых ему было обещано вознаграждение в размере 10 тысяч оккупационных марок.

Вслед за этим предателем Медведев и Творогов обезвредили еще несколько фашистских агентов, при этом почти каждый раз либо прямо упоминалась фамилия Корзухина, либо следовало описание его внешности. Не оставалось сомнений: этому человеку, похоже — русскому по происхождению, поручено «взять» командование отряда путем засылки в его расположение своих агентов.

Г. Н. Кулаков вспоминал впоследствии: «Была у нас такая полоса в жизни, когда одного за другим в отряд засылали провокаторов и шпионов. Видимо, гитлеровцы

надеялись, что в конце концов кто-нибудь из агентов да останется в отряде, войдет в доверие к командованию, и тогда с его помощью они легко покончат с нами. В этот трудный для нас период проявилась вся мудрость, жизненный и чекистский опыт Дмитрия Николаевича. Он прекрасно распознавал людей, мог так умело допросить подозреваемого, что тот и не догадывался, что его допрашивают.

Медведев задавал по-настоящему тонкие вопросы и плел из них такую умную словесную сеть, что в нее неминуемо попадался очередной провокатор».

Хорошо написано. Одного только не отметил Георгий Николаевич: сколько душевных мук испытывал при каждом таком разоблачении Медведев. Многолетний чекистский опыт действительно помогал ему разоблачать замаскированных врагов. Но радости это ему не доставляло. В лучшем случае чувство удовлетворения от осознания хорошо выполненного долга. Настоящую радость и гордость он переживал в случаях прямо противоположных, когда сталкивался с поразительными примерами преданности советских людей своей Родине, народу, Коммунистической партии. К счастью, людей, способных преодолеть любые трудности, пройти через неслыханные муки, выдержать их в застенках СД и остаться несломленными, встречалось на его пути куда больше, нежели трусов, паникеров, предателей.

...Новая база отряда располагалась в глубине Брянских лесов в треугольнике Жиздра — Дятьково — Людиново. В первую очередь Медведев установил прочную связь с командованием Жиздринского, Людиновского, Жуковского, других местных отрядов и с партийным подпольем. Развертывание партизанского движения, налеты на штабы и гарнизоны, проведение засад, диверсий на железной дороге и линиях связи наносили большой ущерб наступающему противнику.

Медведев фактически координирует деятельность партизан всей округи. Он добивается, чтобы командиры отрядов планировали проведение совместных операций, обменивались опытом, информацией, помогали друг другу оружием, продовольствием, медикаментами. Командир Людиновского отряда «За Родину» В. Золотухин впоследствии писал: «Партизан — это слово стало для оккупантов синонимом смерти. И боялись они потому, что не одиночки скрывались в лесу, а отряды, целые партизанские соединения действовали в тылу врага. Партиза-

ны были вторым фронтом, планомерно и регулярно разрушающим вражескую армию с тыла.

Наш партизанский отряд «За Родину» участвовал в боевых операциях вместе с отрядом «Митя», которым руководил Д. Н. Медведев. Шел 1941 год — первый год войны. Как раз в это время мы познакомились и подружились. На вопрос: «Что за человек был Дмитрий Николаевич?» — я отвечаю не задумываясь. Во-первых, коммунист-ленинец, во-вторых, чекист-дзержинец, в-третьих, душевный, простой в обращении товарищ... Успех всех боевых операций, проведенных совместно отрядами «За Родину» и «Митя», во многом определил ясный ум Дмитрия Николаевича».

К описываемому периоду «Митя» насчитывал в своем составе свыше двухсот человек. По местным условиям слишком много. Излишний рост отрицательно сказывался на маневренности, управлении, снабжении. Медведев нашел выход в создании новых, «дочерних» отрядов. Их ядром становилась группа партизан-ветеранов, обладавших опытом и организаторскими командирскими способностями. Остальной личный состав комплектовался из местных жителей. Новые отряды получали вооружение из числа трофеев и, по возможности, все необходимое для начала самостоятельной партизанской жизни.

В ноябре у Дмитрия Николаевича произошла нечаянная, а потому особенно радостная встреча. В командире Бежицкого районного партизанского отряда он узнал своего друга школьных времен Сашу Виноградова. Друзьям было о чем поговорить, что вспомнить. Оказалось, что в мирное время Александр Иванович работал начальником ремонтно-механического цеха завода «Красный профинтерн» (так теперь назывался Брянский завод). Когда началась война, он добровольно остался для организации партизанской борьбы во вражеском тылу. Ядро его отряда составляли, естественно, краснопрофинтерновцы, многие из которых прекрасно помнили отца Медведева, а некоторые узнали и его самого.

К сожалению, эта встреча друзей оказалась последней: через несколько месяцев Александр Виноградов пал смертью храбрых. Имя его было присвоено славному отряду, которым он командовал до последней минуты своей жизни.

...В начале декабря завершился оборонительный этап Московского сражения. 5—6 декабря, перемолов в упорных боях отборные немецкие части, войска Красной Ар-

мии перешли в решительное контрнаступление. Враг, потеряв на заснеженных полях и в лесах Подмосковья десятки тысяч солдат и офицеров, огромное количество танков, самолетов, автомашин, орудий, минометов, был отброшен от стен столицы на 100—250 километров. Вдохновленные победами Красной Армии, резко активизировали свою деятельность народные мстители в фашистском тылу.

В самые напряженные дни разведчики донесли Медведеву, что по железным дорогам Рославль — Киров и Брянск — Сухиничи на фронт перебрасываются свежие дивизии и много боевой техники, особенно танков и самоходных орудий, чтобы задержать набиравшее темпы советское наступление и восстановить положение под Москвой.

Дмитрий Медведев вместе со своим штабом разработал план нанесения силами нескольких отрядов одновременного удара по городу Жиздре, станции Судомир (включая взрыв моста западнее станции Зикеево) и железной дороге Рославль — Киров. Вслед за партизанской операцией, которая на какое-то время парализовала бы движение воинских составов и вызвала их скопление, по этому району могла нанести мощный бомбовый удар советская авиация. Москва одобрила план. Операция получила в отряде название «Ночь перед рождеством», потому что намечалось провести ее с 24 на 25 декабря 1941 года.

Замысел Медведева был осуществлен. Почти одновременно группа партизан во главе с Кулаковым и Сиповичем подорвала эшелон с воинской частью гитлеровцев, перебрасываемой на Восточный фронт из Франции, а группы из отрядов Смертина, Пуклина и Бернта разгромили станцию Судомир. Образовалась громадная пробка, в которую попало несколько вражеских эшелонов с живой силой — они застряли здесь из-за взорванного другой партизанской группой моста у станции Зикеево. Между тем основные силы Медведева внезапным дерзким ударом захватили районный центр Жиздру. Был разгромлен полицейский гарнизон, уничтожены все объекты, поставляющие материалы для строительства оборонительных сооружений.

Своевременно предупрежденные советские авиаполки в течение нескольких дней начиная с 25 декабря интенсивно бомбардировали пробки на станциях Рославль, Фаянсовая, Брянск, Зикеево и других. Десятки эшелонов

противника, станционные постройки, оборудование, железнодорожная арматура превратились в груды лома. Работа двух важных железнодорожных магистралей была на длительный срок парализована.

«Ночь перед рождеством» стала прообразом будущих крупных операций, когда партизанские соединения совершали диверсии на транспортных магистралях по прямому указанию командования Красной Армии в соответствии с его планами и замыслами, часто в тесном взаимодействии с регулярными войсками.

При разгроме управы в Жиздре партизаны захватили много различных документов. Один из них особо привлек внимание Медведева. Это было прошение на имя коменданта Жиздры. Текст гласил: «Я представляю при этом прошении свою автобиографию и прошу разрешить мне до конца войны жить и работать в г. Жиздре при местной городской управе.

Я думаю, что репутация моей семьи и моя прошлая деятельность позволят вам удовлетворить мою просьбу. Однако если германское командование либо гражданские власти моей освобожденной от большевиков родины будут считать, что я должен работать в ином месте или на иной работе, я сочту за счастье выполнять любую работу по установлению нового порядка в России. Я думаю, что оправдаю доверие моего народа, работая в духе понимания великой исторической миссии германского народа, предначертанной ему Провидением. Львов».

Некоторые другие бумаги, хранившиеся в управе в том же сейфе, позволили Медведеву прийти к заключению, что «Львов» и «санитар Николай Корзухин», засылавший в отряд лазутчиков, — одно и то же лицо. Дмитрий Николаевич немедленно, пока оккупанты не пришли там в себя, послал в Жиздру группу партизан под командованием лейтенанта Абдуллы (Володи) Цароева с заданием: перевернуть город, но таинственного Львова разыскать. Цароев задание выполнил. На территории госпиталя для военнопленных он обнаружил человека в затрепанной красноармейской шинели с повязкой санитара на рукаве. При нем оказалось удостоверение на имя Николая Владимировича Корзухина и старая групповая фотография. Среди двух десятков бородатых господ в сюртуках и визитках Цароев одного легко опознал: Керенский, последний премьер Временного правительства. Один из министров на фотографии обладал поразительным сходством с «санитаром Корзухиным».

В отряде все выяснилось: изменник и агент СД Николай Корзухин был сыном богатейшего самарского помещика (18 тысяч десятин в трех губерниях!), члена Временного правительства, обер-прокурора Святейшего Синода В. Н. Львова. Львов-младший воевал прапорщиком в армии Колчака. По окончании гражданской войны он сменил фамилию. Лютый враг Советской власти стал японским шпионом. Когда началась война, Корзухина мобилизовали. При первой возможности он сдался в плен и предложил СД свои услуги. На допросе Корзухин признался, что и «ветеринар Сучков», и «старик, потерявший корову», и другие лазутчики были направлены в отряд именно им. Получив радиограмму о захвате этого матерого шпиона, командование прислало за ним самолет.

22 января 1942 года Красная Армия освободила Людиново. Это означало, что медведевцы очутились в тылу... у своих. Противника в округе уже не было, лишь разрозненные группы немецких солдат бродили по лесам в тщетной надежде вырваться из кольца. Их уничтожали местные партизаны. У Медведева еще была возможность увести отряд на запад и продолжить борьбу, но приказ командования гласил: «Прибыть в Москву для перевооружения и доклада».

Перед возвращением Дмитрий Николаевич сформировал еще один дочерний отряд под командованием Петра Лопатина, хорошо зарекомендовавшего себя за четыре месяца (отряд ушел в Белоруссию, где впоследствии развернулся в соединение. Его командир П. Лопатин был удостоен звания Героя Советского Союза).

Своей активной разведывательной и боевой работой, организацией партизанского движения на Брянщине и Орловщине спецотряд «Митя» много сделал для срыва наступления немцев на Москву и последующего их разгрома у стен столицы. Была собрана и передана в Центр для Верховного и фронтового командования Красной Армии важная информация. Наиболее серьезными из полученных данных были: сведения о мероприятиях фашистского командования по обеспечению наступления на Москву на одном из важных стратегических направлений, а затем по срыву его попыток ликвидировать последствия разгрома под Москвой; информация о скоплении в конце декабря в Брянске, Орджоникидзеграде, Жиздре, Жуковке и других пунктах войск и танков противника; о передвижении в тот же период по шоссе,

большакам и железным дорогам в сторону Рославля, Смоленска, Брянска и Гомеля потрепанных под Москвой частей противника; о наличии в районе Брянска крупного аэродрома противника; о подвозе большого количества горючего из Гомеля в Брянск; о происходящих значительных погрузках военной техники в эшелоны на железнодорожной станции Брянск-II; о спешном строительстве немцами сильных укреплений на восточных окраинах Брянска, Орджоникидзеграда, Белых Берегов, в поселках, Городище и Урицкий, по западным берегам рек Десна и Болва, у шоссейных и железных дорог и мостов (в Москву были отправлены схемы и характеристики строящихся укреплений, их вооружения) и т. п.

За 120 дней в тылу врага партизаны-медведевцы провели свыше 50 боевых операций, взорвали три вражеских эшелона, уничтожили двух генералов, семнадцать старших офицеров, свыше четырехсот солдат и офицеров (не считая убитых при взрыве эшелонов), подбили и сожгли 9 самолетов, большое количество автомашин, взорвали 7 шоссейных и 3 железнодорожных моста, несколько промышленных предприятий, захватили большое количество трофейного оружия и т. п.

...В Людинове отряд «Митя» был тепло принят освободившими город подразделениями Красной Армии. Затем через Козельск, Крапивну, Тулу медведевцы были доставлены в Москву.

И вот она за окном — заснеженная, затемненная, морозная и суровая столица января 1942 года...

МЕЖДУ СХВАТКАМИ

Встреча ошеломила... Были цветы, музыка, военные корреспонденты центральных газет. Медведевцев приглашали на столичные заводы, фабрики, в госпитали. Сам Дмитрий Николаевич через несколько дней после возвращения выступил с большой речью в Моссовете. Внимание, которым окружили и командира «Мити», и каждого его бойца, было не только данью уважения к совершенному ими. Нашла подтверждение на практике идея, одним из авторов которой был Дмитрий Медведев: при должном руководстве и организации всенародное партизанское движение становится важным фактором разгрома врага. И в первые же месяцы войны усилиями таких первых же партизанских командиров была доказана ее жизненность и намечены принципиальные пути решения.

Была доказана и возможность плодотворной разведывательной работы чекистов на базе партизанского движения.

Медведев понимал значение рейда «Мити», знал о возлагаемых на него надеждах, был уверен, что надежды эти в основном оправдал, но все-таки он не мог и представить в полной мере, какое значение имела разведывательная и боевая деятельность специального отряда, ее результаты для командования.

Медведева поселили в гостинице «Москва». Гостинице предстояло в годы войны стать обителью многих партизанских командиров и разведчиков, прибывавших в Центр из-за линии фронта.

Отдыха, однако, Медведеву не выпало никакого. Его ожидала работа: напряженная и спешная. Первым этапом ее стал тщательный анализ деятельности «Мити» во вражеском тылу. Самой объективной оценке подвергнуты были все проведенные бои, операции, решения командира. В равной степени изучались и успехи, и неудачи. Еще бы! Боевой опыт «Мити» должен был стать достоянием, своего рода боевой школой для многих отрядов и групп, которые готовились к отправке и отправлялись один за другим в ближний и далекий тыл фашистских войск.

Вместе с Дмитрием Николаевичем занимались этой работой майор госбезопасности Виктор Александрович Дроздов, капитаны госбезопасности Лев Ильич Сташко, Анатолий Семенович Вотоловский, Петр Яковлевич Зубов, лейтенант госбезопасности Саул Львович Окунь, сержант госбезопасности Федор Иванович Бакин, другие ответственные сотрудники Центра. Затем последовал ряд докладов руководству и совещаний. И везде Медведев высказывал и обосновывал мысль: жесточайший полицейский режим, установленный гитлеровцами на оккупированной территории, режим, продуманный карательными органами до мелочей, предельно затрудняет действия небольших разведывательных групп, тем более одиночных разведчиков.

Вывод: успешная, систематическая, глубокая и надежная деятельность разведки в таких условиях возможна только при наличии прочной базы, каковыми должны стать сильные, достаточно крупные партизанские отряды.

Действия «Мити» явились убедительным свидетельством правильности этой концепции. Данную точку зре-

ния разделяло и большинство сотрудников центрального аппарата наркомата, глубоко изучавших (в том числе и на личном опыте) ситуацию в оккупированных районах.

Именно в такие мощные отряды, пополнившись местными жителями и другим контингентом, превратились в короткие сроки боевые группы С. А. Ваупшасова, А. В. Воропаева, Ф. Ф. Озмителя, М. С. Прудникова, Е. И. Мирковского, К. П. Орловского, А. П. Бринского, Н. А. Прокопюка, В. А. Карасева, А. М. Рабцевича. Сам Медведев принимал участие в подготовке семи из двадцати специальных отрядов, ушедших за линию фронта в феврале — марте 1942 года.

К этому времени массовое партизанское движение охватило все республики, области, города и районы, захваченные войсками фашистской Германии и ее союзников. В ряде случаев партизаны и подпольщики устанавливали двустороннюю связь с командованием Красной Армии, оказывали ему существенную помощь и боевой работой и разведданными. Появились и крупные партизанские соединения, способные решать серьезные задачи: С. А. Ковпака и С. В. Руднева, А. Н. Сабурова, А. Ф. Федорова и другие.

12 февраля 1942 года «Правда» поместила на первой полосе статью «Четыре месяца в тылу врага». В ней, в частности, говорилось: «Из глубокого тыла возвратился партизанский отряд, которым командовал тов. Медведев. Отряд пробыл на территории, занятой немцем, четыре месяца и совершил за это время немало славных дел».

За выполнение особого задания командования на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками и проявленное при этом мужество и геройство 17 февраля 1942 года командир отряда Д. Н. Медведев, комиссар Г. Н. Кулаков, а также посмертно начальник штаба Д. Д. Староверов и политрук А. Ф. Боголюбов были награждены орденом Ленина. Ордена Красного Знамени удостоились М. И. Сипович, А. Ф. Творогов, Н. Ф. Королев. Большая группа партизан была награждена орденом Красной Звезды и медалью «За отвагу».

На следующий день «Правда» поместила статью Героя Советского Союза М. Сиповича «Командир отряда». В ней, в частности, говорилось: «С таким командиром нигде не страшно», — часто говорили партизаны. Спит он мало, зато много заботится об отдыхе бойцов, о больных и раненых товарищах. Проверяет несение ка-

раульной службы, чтобы враг не напал неожиданно. Изо дня в день посылает разведчиков, тщательно их инструктирует, напоминает об осторожности. «Осторожность — не трусость», — вот его любимая поговорка. Он поддерживает живую связь с другими партизанскими отрядами, дает им боевые задания».

27 февраля Председатель Президиума Верховного Совета СССР Михаил Иванович Калинин вручил в Кремле большой группе награжденных ордена и медали. От их имени выступил Д. Н. Медведев. Поблагодарив партию и правительство за высокую оценку ратного партизанского труда, Дмитрий Николаевич сказал:

— Я хочу заверить правительство и партию — вся наша жизнь до последней капли крови, до последнего дыхания принадлежит партии, принадлежит народу. Приказывайте — все будет выполнено!

Татьяна Ильинична сообщила мужу в письме скорбную весть о смерти Николая Федоровича в конце 1941 года в Свердловске. Ким Медведев еще летом 1941 года вернулся в Харьков, где и был призван в Красную Армию. О его дальнейшем пути Медведев ничего не знал. Братья Алексей и Михаил призыву не подлежали, оба имели так называемую броню. И оба добровольно ушли на фронт. Михаил, работавший директором завода в Кировограде, вступил в народное ополчение, воевал на дальних подступах к Москве, отличился в боях и был награжден орденом Красной Звезды. Алексей попадает на фронт рядовым бойцом лишь в феврале 1942 года, как раз тогда, когда Дмитрий будет в Москве.

Товарищи в наркомате предложили Медведеву вызвать жену в Москву, обещали в кратчайший срок подобрать и городскую квартиру. 3 апреля Татьяна Ильинична приехала. На первых порах она поселилась с мужем в том же гостиничном номере.

Дмитрий Николаевич продолжал анализировать и обобщать приобретенный боевой и разведывательный опыт. Эта его работа нашла отражение в докладных руководству.

В Центр стекалось множество информации о действиях партизан из больших и малых отрядов, от командования частей и соединений Красной Армии. О силе ударов народных мстителей можно было судить и по захваченным немецким документам. Из последних следовало, что партизаны, особенно их действия на транспорте и линиях связи, стали настоящим кошмаром для оккупантов.

Все большее число регулярных войск гитлеровское командование вынуждено было отвлекать с фронта для охраны своих коммуникаций, складов, мостов.

Командование Красной Армии высоко ценило и успешно использовало данные, добытые партизанскими разведчиками, оно ощущало весомую пользу от боевых действий партизан. Уже намечались серьезные меры по улучшению организации партизанского движения, приведения его в соответствие с тактическими и стратегическими замыслами командования. В этих условиях идеи и предложения Д. Н. Медведева оказались своевременными. Они встретили понимание и поддержку.

Все время после возвращения в Москву Медведев находился на ответственной работе в центральном аппарате наркомата. Но Дмитрий Николаевич был убежден, что его место — «там», то есть за линией фронта. Руководство полагало точно так же. И вскоре Медведева назначили командиром специального чекистского отряда, которому предстояло решать во вражеском тылу разведывательные задачи особой важности. Отряд должен был не рейдировать, а закрепиться вблизи важного для советской разведки города и, не прекращая обычных партизанских действий, стать базой для ведения постоянной разведывательной работы. Город был назван сразу — Ровно, только в 1939 году возвращенный в состав Украинской ССР.

Ровно уже давно интересовал советскую разведку. Прежде всего это был важный узел пересечения железнодорожных линий и шоссейных дорог, через который гитлеровцы осуществляли значительную долю перевозок живой силы и техники на Восточный фронт. К тому же именно Ровно, а не Киев гитлеровцы объявили «столицей» оккупированной ими Украины. Фашисты знали, что почти миллионный Киев контролировать им будет куда труднее, нежели Ровно, население которого до войны не превышало сорока тысяч человек.

Словом, с любой точки зрения Киев как столица, оккупантов не устраивал. Иное дело — Ровно. Город маленький, службам безопасности и полиции просматривать его насквозь будет не так уж сложно. Значительных предприятий нет. Основное население — рабочие мелких заводиков, кустари, торговцы, служащие. Главное соображение, которым руководствовались гитлеровцы, — город Ровно неполные два года знал, что такое Советская власть. И в самом городе, и в округе фашисты

рассчитывали опереться на бывших богачей, кулаков, торговцев, чиновников.

Гитлеровцы расчленили оккупированную Украину на четыре части, и в каждой был установлен особый порядок, имели силу различные документы и даже ходили разные деньги.

Западные области: Львовская, Дрогобычская, Станиславская и Тернопольская были включены в польское генерал-губернаторство, которым из Кракова правил Ганс Франк. Теперь эти области назывались «дистрикт Галиция» с центром во Львове. Управлял «дистриктом» губернатор, профессиональный разведчик эсэсовец Отто Вехтер.

Земли между Бугом и Днестром, а также Буковину под общим названием «Транснистрия» с центром в Одессе Гитлер передал королевской Румынии в качестве платы за ее участие в войне против СССР. Некоторая часть Украины была «подарена» другой союзнице — фашистской Венгрии.

Остальные области УССР (в том числе Волынь и Подолия), а также почти вся Гомельская, части Пинской и Брестской областей Белоруссии и юг Орловской области РСФСР были объявлены рейхскомиссариатом «Украина» (РКУ), центром которого и стал Ровно. Рейхскомиссаром Украины был видный деятель фашистской партии, гаулейтер Восточной Пруссии Эрих Кох.

Сумская, Харьковская, Черниговская области, а также Донбасс и Крым из-за сравнительной близости фронта находились под непосредственным управлением военного командования и лишь номинально входили в РКУ.

Эрих Кох формально, как рейхскомиссар Украины, подчинялся рейхсминистру восточных оккупированных территорий Альфреду Розенбергу, но на деле в силу своего влияния у фюрера пользовался полной самостоятельностью. Рейсхкомиссариат «Украина» делился на шесть генеральных округов. Город Ровно являлся одновременно и центром генерального округа «Волынь». Огромный аппарат РКУ должен был стать объектом пристального внимания разведчиков отряда. В Ровно находились и другие важные учреждения оккупантов, а также многочисленные штабы и военные организации.

В Центре уже знали, что на Волыни и в Подолии развернули свою предательскую, антинародную деятельность украинские буржуазные националисты. При назначении Медведева командиром отряда руководство учитывало,

что Дмитрий Николаевич хорошо знал историю, культуру, традиции украинского народа. Знал он также идеологию и методы работы националистов разного пошиба.

Когда вопрос о новом отряде был решен, определен район и сферы его будущих действий, потребовалось придумать ему подходящее название. А. С. Вотоловский первым произнес: «Победители». Оно и было утверждено — как залог будущих успехов.

Наконец Медведев смог приступить к формированию личного состава «Победителей» — для этого требовалось отобрать примерно сто человек. Дмитрий Николаевич очень хотел, чтобы комиссаром у него остался Кулаков. Но Георгий Николаевич получил иное назначение. Комиссаром отряда был утвержден комиссар 2-го полка ОМСБОН старший лейтенант госбезопасности Сергей Трофимович Стехов, которого бойцы с первого дня стали упорно называть «товарищ майор» на армейский лад. Худощавый, подвижный, кипучий Стехов был сверстником Медведева. Уроженец Северного Кавказа, он начал трудовой путь в 15 лет учеником телеграфиста. В 1918 году Стехов вступил в партию и Красную Армию. Впоследствии Сергей Трофимович долго работал в системе Наркомата связи на Ставропольщине и в Москве, был на партийной работе в Донбассе и Казахстане. В тридцатые годы он был на ответственной должности в редакции популярнейшей на селе «Крестьянской газеты». В 1939 году партия направила его на работу в НКВД.

У личного состава 2-го полка ОМСБОН, а затем и отряда Сергей Трофимович пользовался большим авторитетом. Медведев и Стехов по характерам оказались людьми совершенно непохожими, однако по деловым качествам командир и комиссар в целом удачно дополняли друг друга, что в конечном счете только шло на пользу общему делу.

Начальником штаба отряда командование назначило старшего лейтенанта госбезопасности Федора Андреевича Пашуна.

На всех этапах подготовки Медведеву активно помогал его любимец двадцатипятилетний Александр Творогов. По представлению Дмитрия Николаевича ему за успешную работу в отряде «Митя» и проявленное при этом профессиональное мастерство было присвоено вне-

очередное звание лейтенанта госбезопасности. Медведев сам предложил Творогову должность начальника разведки отряда.

Разведывательная работа должна была занять в отряде «Победители» гораздо большее место, нежели в первом отряде, и вести ее предстояло на более высоком профессиональном уровне. Для этого Медведеву нужны были чекисты с хорошим опытом. При командире была создана специальная группа, состоящая из квалифицированных оперативных работников. Дмитрий Николаевич пригласил на эту работу капитана госбезопасности Александра Александровича Лукина и старшего лейтенанта госбезопасности Владимира Григорьевича Фролова, которых он знал по совместной службе на Украине с двадцатых годов. Вошли в эту группу также лейтенант госбезопасности Константин Константинович Пастаногов и Симона Кримкер (Гринченко), участница гражданской войны в Испании. Симона была дочерью старого друга Дмитрия Николаевича еще по Одессе, в детстве она месяцами жила в разных городах в семье Медведева и фактически была его воспитанницей. Симона была храбрым человеком и прекрасно владела испанским языком. Последнее обстоятельство имело важное значение, поскольку в отряд влилась большая группа ветеранов гражданской войны в Испании: Хосе Гросс, Паулино Гонзалес, Хосе Флорежакс, Антонио Блапко, Антонио Фрейре, Филиппе Ортуньо и другие товарищи.

Из ОМСБОН в отряд пришла группа хорошо подготовленных радистов. Ими командовала Лидия Шерстнева (Мухина), специалист своего дела и, как вскоре выяснилось, человек прекрасной души.

Несколько бойцов и командиров Дмитрий Николаевич взял из старого отряда: Франца Наркевича, Дарпека Абдраимова, Абдуллу Цароева, Григория Волкова, Филиппа Куринного и других. Однако основную массу составили вновь пришедшие из ОМСБОН бойцы и командиры. Некоторые из них уже имели опыт боев, приобретенный на заснеженных полях и в лесах Подмосковья минувшей суровой зимой.

Будущему отряду предстояло действовать в специфических условиях Западной Украины. Поэтому было крайне желательно иметь в отряде уроженцев тех мест. В ОМСБОН таких не нашлось, но капитан госбезопасности Анатолий Семенович Вотоловский разыскал целую группу подходящих кандидатов в... Пензе. Будущих раз-

ведчиков доставили в Москву, где они и прошли полную подготовку.

Среди них выделялся самый старший по возрасту — Михаил Макарович Шевчук, член Коммунистической партии Западной Белоруссии, старый подпольщик, имевший большой опыт конспирации. Остальные были молодые ребята, комсомольцы, в основном железнодорожники: Николай Приходько, Николай Гнидюк, Петр Голуб, Александр Середенко... У некоторых на Ровенщине были даже родственники.

Начальника медицинской части отряда Дмитрию Николаевичу подбирать не понадобилось: он явился к нему сам в обличье высокого, худого, черноволосого и темноглазого парня в военной форме. Звали его Альберт Цессарский, он уже служил во внутренних войсках, но мечтал воевать в тылу врага. У него имелись друзья в ОМСБОН, которые посоветовали ему обратиться к Медведеву. Молодой человек Дмитрию Николаевичу понравился. Между ними завязался разговор, в ходе которого Альберт поспешил сообщить, что он умеет стрелять из винтовки и пистолета, бросать гранату, ползать по-пластунски.

Выслушав Цессарского, Медведев с улыбкой спросил:

— Ну а что-нибудь полезное делать вы умеете?

Спохватившись, Цессарский сообщил, что он закончил медицинский факультет, специализировался в полевой хирургии.

— Вот это уже другое дело, — одобрительно отозвался Медведев, вполне довольный полученной информацией.

По ходатайству Дмитрия Николаевича Цессарский был отчислен из внутренних войск и получил новое назначение — в отряд.

Бойцы и командиры приступили к усиленной и напряженной подготовке по весьма насыщенной программе. Никто из них не знал, что по замыслу Медведева, одобренному руководством, в штат отряда должен был быть зачислен еще один человек. Кадровый разведчик. Профессионал. Которому предстояло работать в Ровно непосредственно в фашистской среде, в форме и с документами офицера вермахта...

Старое Брест-Литовское шоссе — одна из главных магистралей Украины. На 320-м километре от Киева в сторону Львова оно ныряет в низину и только через два километра снова поднимается вверх. В этой низине и расположен украинский город Ровно.

«Если вы подъезжаете к местечку с востока, вам прежде всего бросается в глаза тюрьма, лучшее архитектурное украшение города. Самый город раскинулся внизу над сонными, заплесневевшими прудами, и к нему приходится спускаться по отлогому шоссе, загороженному традиционной «заставой». Сонный инвалид лениво поднимает шлагбаум — и вы в городе, хотя, быть может, не замечаете этого сразу. Серые заборы, пустыри с кучами всякого хлама понемногу перемежаются с подслеповатыми, ушедшими в землю хатками... Деревянный мост, перекинутый через узкую речушку, кряхтит, вздрагивая под колесами, и шатается, точно дряхлый старик...»

Конечно, в Ровно были и другие достопримечательности, кроме тюрьмы, например, собор и костел, поскольку в городе жили и православные, и католики. Или вот еще развалины древнего замка... Или находящееся неподалеку, укрытое в глубине двора вековыми деревьями и декоративным кустарником великолепное двухэтажное здание с шестью колоннами по фронтону. В нем располагалась ровенская губернская гимназия, в которой учился и автор приведенных выше строк — знаменитый писатель Владимир Галактионович Короленко.

Дмитрий Николаевич нашел время прочитать в эти недели и Короленко, и другие, к сожалению, немногочисленные книги, из которых можно было почерпнуть хоть какие-то сведения о крае, в котором предстояло действовать отряду. Строки о гимназии, к слову сказать, он перечитал с особым интересом, поскольку одним из немногих достоверных фактов о нынешнем Ровно была информация, что именно в этом здании разместился рейхскомиссариат Украины.

Перед направлением «Мити» в Брянские леса Медведев главное внимание уделял подготовке отряда. Украину он знал отлично, но на Ровенщине никогда не бывал. Тут требовалось доскональное изучение и местности, и климатических условий, и истории края. Он обложился справочниками, картами, книгами. Встретился с чекистами, работавшими в Ровно и области перед войной.

...Итак, их ожидало Ровно и Ровенское Полесье. Двадцать с небольшим тысяч квадратных километров низины, в значительной части поросшей лесами. Много озер и рек, самые крупные — Горинь, Случь, Стырь. Климат с мягкой зимой (хорошо хоть не грозят лютые морозы, что пришлось пережить партизанам в Брянских лесах) и теплым летом.

Весной 1942 года Центр располагал лишь скупой информацией о положении в городе. Доподлинно было известно — расчеты гитлеровцев на то, что этот край будет спокойным, не оправдались. Партизанское движение в области возникло в первые же дни оккупации. Но было известно и другое — в Ровенской области подняли голову украинские буржуазные националисты.

...В первых числах мая, сразу после праздника, кончилось наконец гостиничное житье Медведевых. Они получили трехкомнатную квартиру на Арбате, в первом этаже дореволюционной постройки приземистого дома, почти напротив известного тогда кинотеатра «Арс».

Военная обстановка на всех фронтах продолжала оставаться крайне напряженной. В апреле завершилось зимнее наступление Красной Армии. За четыре месяца боев гитлеровцев почти повсеместно отбросили на 100—350 километров.

По-прежнему Красная Армия сражалась в одиночестве. Войска союзников вели бои лишь на второстепенных участках театра военных действий. Однако второй фронт все же существовал. Его создали и сами так назвали советские люди во вражеском тылу. В результате значительной активизации боевых действий многочисленных партизанских соединений и отрядов фашистское командование вынуждено было использовать в тылу, а тем самым снять с фронта 24 дивизии, не считая полицейских сил.

30 мая 1942 года Государственный Комитет Обороны образовал при Ставке Верховного Главнокомандования Центральный штаб партизанского движения (ЦШПД). Его начальником был назначен член ЦК ВКП(б), первый секретарь ЦК КП(б) Белоруссии Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко. Штабы партизанского движения были созданы также для оккупированных республик и областей. Украинский ШПД возглавил опытный чекист Тимофей Амвросиевич Строкач. Несколько позднее, уже осенью, был образован нелегальный ЦК КП(б) Украины, в состав которого вошли В. А. Бегма, М. С. Гречуха,

С. А. Ковпак, П. Ф. Куманек, Д. С. Коротченко, Т. А. Строкач, А. Н. Сабуров, С. В. Руднев, А. Ф. Федоров и другие товарищи.

Руководство партизанской войной отличалось большой гибкостью. Уже к июлю 1942 года Центральный и иные штабы руководили 608 партизанскими отрядами и еще с 200 поддерживали регулярную радиосвязь. В дальнейшем обе эти цифры увеличились.

Тимофея Амвросиевича Строкача Медведев знал по работе на Украине, где тот в разные годы занимал ответственные должности в органах внутренних дел республики. Знаком он был и со многими работниками штаба. Что же касается таких выдающихся партизанских военачальников, как Сидор Артемьевич Ковпак, Семен Васильевич Руднев, Алексей Федорович Федоров, первый секретарь Ровенского обкома партии Василий Андреевич Бегма, то с ними он познакомится уже во вражеском тылу.

Партизанские отряды и разведывательные группы, возглавляемые чекистами, в том числе и отряды, сформированные на базе ОМСБОН, действовали в тесном и эффективном взаимодействии с подпольными партийными органами, штабами партизанского движения и местными партизанскими отрядами.

...К началу мая отряд «Победители» был укомплектован и в основном подготовлен. Район десантирования также определился — примерно в трехстах километрах от Ровно. Это означало трудный и длительный переход, но ближе никак нельзя — десант сразу привлек бы внимание гитлеровцев. Обеспокоенные забросом большого числа парашютистов в непосредственной близости «столицы», они наверняка предприняли бы активные действия для их ликвидации. Между тем необходимо было максимально обеспечить и скрытность действий «Победителей» под Ровно.

Готовясь отправиться во вражеский тыл во второй раз, Медведев волновался гораздо больше, нежели когда уходил за линию фронта впервые. Впрочем, тому имелись вполне резонные объяснения. Во-первых, так глубоко в тыл противника — за тысячу с лишним километров — еще ни один отряд из Москвы не забрасывался. Уже само по себе это означало, что уходят «Победители» надолго.

Во-вторых, несравненно сложнее и ответственнее были задачи, поставленные командованием. Действитель-

ность превзойдет ожидания и предвидения Дмитрия Николаевича, но в главном, как показала боевая разведывательная практика «Победителей», он верно угадал то, с чем пришлось столкнуться под Ровно и в Ровно, правильно ориентировал и личный состав.

В те напряженные дни Медведев начал было вести дневник. К сожалению, сделал только несколько записей, но и эти немногие строки позволяют сегодня понять внутреннее состояние Дмитрия Николаевича в конце мая — начале июня 1942 года.

«20 мая 1942. Решил писать дневник... Ведь когда-нибудь после Победы над фашистами, если останусь жив, захочу написать книгу для юношества...»

В этом абзаце — первое и надолго единственное упоминание о желании написать книгу, причем именно для юношества. Больше к этой мысли Медведев не вернется до самого конца войны, ему будет просто не до того. Замыслом, конечно, называть это высказывание никак нельзя, но все же заметить дату — 20 мая 1942 года, как имеющую определенное значение в судьбе уже Медведева-писателя, стоит. Еще две интересные записи на той же странице.

«Я очень жалею теперь, что «разбазарил» свои кадры из моего первого отряда. Я вливал их по 3—5 человек во все отряды, перебрасываемые за линию фронта... Хороший народ! Они, во всяком случае, на первых порах будут незаменимы, т. к. знают обстановку в тылу противника, знают партизанские законы».

Вторая запись — о роли партизанского врача: «Врач в наших условиях — большое дело. Он должен пользоваться непоколебимым авторитетом у бойцов, которые должны быть уверены, что если получат рану или заболеют, им будет оказана квалифицированная медицинская помощь и обеспечен внимательный уход».

Транспортный самолет той поры мог (с учетом дальности полета) взять на борт от силы пятнадцать десантников. Это означало, что для переброски отряда требовалось сделать не менее семи-восьми рейсов. Во главе первой группы должен был лететь Александр Творогов. Людей для первого десанта отобрали из лучших. Из четырнадцати парашютистов четверо были офицерами (это слово уже начинало, пока неофициально, бытовать в армии) и двое радистами.

29 мая Медведев записал: «Выбросили первую группу нашего отряда. Я их сам инструктировал, провожал.

Боюсь за Сашу Творогова — он полетел во главе группы в 14 человек. Придал ему Колю Николаева, Куринного — из моего первого отряда. Всех их отдельно инструктировал, просил быть осторожными, не заниматься лихачеством. Задача: приземлиться в Мозырских лесах, вести разведку, сообщать обстановку, подобрать посадочную площадку для приема всего отряда. Должен утром сообщить, как приземлились. Нервничаю».

Радиограмма на следующий день действительно пришла. Творогов докладывал, что летчики сбросили их на Житомирщине в... трехстах километрах от условленного места сбора — села Мухоеды. К тому же кругом открытые места. Сразу повеяло бедой... Отчего такая ошибка? Триста километров — это не тридцать. Увы, из-за тогдашнего состояния навигационной аппаратуры, помноженного на недостаток опыта в таких полетах у летчиков, подобное еще случится не раз. Впрочем, сам Творогов вовсе не воспринял происшедшее в мрачном свете. Он не сомневался, что дней через 10—15 подойдет все же к месту назначения — Мухоедам. Передал первые полученные разведданные — о наличии в том районе, куда негаданно попал, склада горючего и скопления вражеских танков.

Первая радиограмма осталась и последней. Вернее, была и вторая, а еще вернее — ее начало... Затем связь прервалась навсегда.

В разведке, за редким исключением, связанным, скажем, с отказом техники, такое означает самое худшее...

3 июня Дмитрий Николаевич записал: «С Твороговым связи не было. Беспокойство усиливается. Что могло с ними случиться?.. С группой Творогова произошло какое-то несчастье, иначе и не может быть. Предполагать, что отказала рация, — только успокаивать себя напрасными надеждами. Неужто погибли? Не верю, не хочется верить! Хорошие ребята с ним полетели — в обиду себя не дадут».

Медведев почернел за эти дни. Он был очень привязан к Саше Творогову, высоко ценил его превосходные душевные качества, одаренность, преданность делу. Знал, что и Творогов любит его как отца, верит в него как в командира свято. Но дело, конечно, заключалось не только в их личной взаимной привязанности. Пропала без вести первая разведывательная группа, отборные ребята, авангард будущего большого десанта. Начало не могло быть худшим...

Только через много лет на открытом судебном процессе в Черняховском районе Житомирской области над пятью изменниками-полицаями вскрылись все обстоятельства гибели группы Александра Творогова. Их предали... Выдала вначале женщина, хозяйка двора, где они остановились на ночлег, потом староста, передавший сообщение о парашютистах дальше — начальнику Черняховского жандармского поста гауптвахмистру Паулю Милецкому. Тот поднял тревогу. Для ликвидации десанта на двух грузовиках подъехало пятьдесят эсэсовцев, потом прибыл резерв — еще тридцать полицаев.

9 июня горстка бойцов отряда «Победители» под командованием лейтенанта госбезопасности Александра Творогова приняла жестокий неравный бой у села Торчина на Житомирщине и сражалась до конца... Двенадцать десантников сложили в нем свои головы. Только Филиппу Куринному и испанцу Северино Бургенио удалось вырваться из кольца. Они долго блуждали по лесам, пока не встретили местный партизанский отряд.

Следующей вылетела группа под командованием начальника штаба отряда старшего лейтенанта госбезопасности Федора Пашуна и старшего лейтенанта госбезопасности Владимира Фролова. От нее вообще не поступило никакой радиограммы, словно в воду канула! (Впоследствии обнаружилось, что ее тоже забросили не совсем туда, куда следовало, при этом вышла из строя рация.)

Это было уже по-настоящему тревожно. Нервничал не только Медведев, не находили себе места Дроздов, Сташко, Вотоловский, беспокоилось и руководство Центра. Медведев потребовал, чтобы со следующей группой десантировали его самого. Ему вполне резонно отказали. Вплоть до выяснения обстановки командиру следовало оставаться в Москве.

Было принято самое разумное из всех возможных в такой ситуации решение: впредь группы отряда «Победители» сбрасывать на базу действующей в немецком тылу группы Кочеткова. Старшего лейтенанта госбезопасности, много лет проработавшего в транспортных органах ОГПУ — НКВД, Виктора Васильевича Кочеткова, человека очень нелегкой судьбы, Дмитрий Николаевич знал еще по Украине. В первые дни войны Кочетков добился, чтобы его направили во вражеский тыл. С заданием он справился отлично, по возвращении был награжден, а весной с группой из двенадцати человек был вторично заброшен в тыл к немцам для организации боевой и раз-

ведывательной работы в районе Фастова. Так получилось, что группа Кочеткова тоже приземлилась не там, где намечалось, — очутилась в Пинских болотах. Она долго пробиралась на юг, пока не вышла на линию бездействующей железной дороги Чернигов — Овруч у станции Толстый Лес, где временно и обосновалась. Вот сюда и была направлена третья группа под командованием комиссара Сергея Стехова. В ожидании радиограммы от Стехова Медведев совсем извелся.

В конце концов Стехов благополучно вышел на базу Кочеткова. Только тогда наконец командование разрешило вылететь и самому Медведеву. Вместе с ним заняли места в самолете Александр Лукин, Лидия Шерстнева, Симона Кримкер, несколько бойцов-испанцев. Это было 20 июня 1942 года. Про себя Дмитрий Николаевич подивился совпадению: впервые он отправлялся во вражеский тыл в свой день рождения, вторично — в день рождения Татьяны Ильиничны!

Впоследствии Медведев вспоминал: «Прощание было недолгим. Провожающие знали, что мы летим на запад, что писем от нас скоро не будет, но ни о чем не расспрашивали, лишь желали счастливого пути, счастливой звезды, говорили те привычные, скупые, но полные значения напутственные слова, что надолго западают в сердце. В назначенное время самолет был готов. До свидания, Москва!

...Пролетая над линией фронта, — а она проходила не так далеко, несколько западнее Тулы, — самолет оказался в слепящих полосах прожекторных лучей. Вокруг нас рвутся снаряды немецких зениток. Но самолет счастливо минует опасную зону. Прошел еще час, и последовала команда — приготовиться к прыжку.

...Нас сбросили высоко — метрах в девятистах от земли. Небо ясное, над головой ярко светит луна, внизу, на земле, видны костры, но они удаляются — ветер относит нас в сторону. Кругом парашютисты — вверху, справа, слева. Вот один пролетел мимо меня, обгоняя. Успеваю подумать: парашют раскрылся не полностью, может разбиться человек.

Внизу — лес. По правилам приготовился... Но в тот же миг рвануло воздушной волной, отнесло в сторону и наконец стукнуло о землю. От опушки леса меня отнесло метров на сорок.

Заранее было обусловлено, что я зажгу костер и на огонь соберутся приземлившиеся парашютисты. Но я так

ушибся при падении, что не могу встать на ноги и набрать хворосту для костра. Тогда я подтягиваю к себе парашют, зажигаю его и, держа наготове автомат, отползаю в кусты. Как знать, кто сейчас придет на этот костер!

Слышу чьи-то осторожные шаги. Спрашиваю:

— Пароль?

— Москва!

— Медведь, — отвечаю и громче: — Брось свой парашют на огонь, иди ко мне.

— Есть!

Подходит Лукин, за ним — Лида Шерстнева, потом один за другим появляются остальные...

Собрались все. Последним подошел товарищ, которого я заметил в воздухе. Его парашют раскрылся не полностью, и он неминуемо разбился бы, но, к счастью, ударился ногами о телеграфные провода, протянутые вдоль железной дороги, это смягчило падение.

Я встал, с трудом распрямился.

Компас, звездное небо и железная дорога — этого достаточно, чтобы знать, куда идти. Станция Толстый Лес совсем недалеко.

Итак, мы в тылу врага... за тысячу километров от Москвы».

ОТРЯД ИДЕТ К РОВНО

Первой заботой Медведева после высадки было собрать людей, оценить ситуацию, добиться того, чтобы каждый боец и командир как можно быстрее освоился в непривычной обстановке. Требовалось наладить караульную и разведывательную службу — никто не мог знать, сколько спокойных дней немцы дадут новоприбывшим партизанам и дадут ли вообще.

Медведев сразу же обошел лагерь. Еще в Москве было определено, кто и что должен делать по приземлении. В общем, порядок устройства стоянки соблюдался, но не у каждого все получалось так, как следовало. Это Дмитрий Николаевич предвидел, понимал, что сейчас главное повести себя так, словно ничего особенного не произошло, словно и не во вражеском тылу они вовсе, а в подмосковном лесу, на очередном занятии.

Вот он увидел бойца, который никак не мог разжечь костер, хотя не один раз прекрасно справлялся с этим делом раньше, «дома». Медведев присел рядышком на

корточки, хмыкнул, расшвырял хворост и собрал заново, классической пирамидкой. Чиркнул спичкой, и произошло маленькое чудо — костер разгорелся. Боец смущенно пробормотал что-то. Медведев выпрямился — и чуть не упал от острой боли, пронзившей позвоночник, перед глазами пошли круги... Это длилось какую-то секунду, потом боль прошла, оставив лишь испарину на лбу... Надо взять себя в руки, никто не должен заметить, что с командиром что-то неладно...

Дмитрий Николаевич раскидал ногой занявшийся уже костер.

— А теперь сложи сам, — сказал он бойцу и пошел проверять посты.

Через день над Толстым Лесом была сброшена еще одна группа десантников. Наблюдая за их приземлением, Медведев пришел к выводу, что площадка для приема парашютистов непригодна. Тут и рельсы, и вымощенные булыжником подъезды, станционные постройки и лесной склад, близко подступающие высокие деревья — все это представляло большие опасности для бойцов при приземлении. Не понравился Дмитрию Николаевичу и сам лагерь — он располагался на открытой со стороны леса поляне, где в случае нападения было бы трудно держать оборону. К тому же палатки, натянутые из белого парашютного перкаля, с наступлением темноты буквально светились за десятки метров, словно громадные серебристые пузыри.

В Москву ушла телеграмма — Медведев просил повременить с самолетами. Меж тем вернулись разведчики, посланные осмотреть окрестности. Они принесли тревожные вести. Оказывается, по всем деревням ходят слухи, что над Толстым Лесом каждую ночь десятки самолетов сбрасывают десантников, что из Москвы сюда доставлена уже целая парашютная дивизия. Медведев понимал — эти слухи рано или поздно неминуемо достигнут, если уже не достигли, гитлеровцев.

И командир отдал приказ на переход от станции Толстый Лес в Сарненские леса, к Ровно. На рассвете двадцать третьего июня отряд выступил в поход. В районе станции Медведев оставил на время лишь пятерых бойцов — на случай, если подойдут сюда все же группы Творогова и Пашуна. Оставили и доктора Цессарского.

Отряду предстояло пройти около двухсот километров. Разведчикам же — по крайней мере вдвое больше. По опыту Брянских лесов Медведев знал, и здесь, на Укра-

ине, свято соблюдал первую заповедь партизанского командира: шагу не ступать, предварительно не разведав, что тебя ждет впереди. Нетерпеливым (были и такие, конечно, среди его помощников) не уставал повторять своим чуть глуховатым голосом: «Осторожность — не трусость». Он посылал разведчиков километров на десять вперед. Убедившись, что все спокойно, они возвращались и... еще раз, естественно, повторяли эти десять километров уже вместе с колонной.

Тяготы первого серьезного перехода по лесным чащобам большинство бойцов перенесло вполне удовлетворительно — сказывались недели подмосковных учений и усиленной физической подготовки.

На одном из переходов разведчикам встретилась сторожка лесника. Хозяин — крепкий старик — по просьбе партизан дал им десяток картофелин (в отряде уже ощущалась нехватка продовольствия). А через некоторое время тыловая походная застава задержала неизвестного. Приняв бойцов за полицаев, задержанный просил спешно доставить его к начальнику полиции.

— А зачем? — задали ему наводящий вопрос.

— Ко мне только что заходили партизаны...

Незнакомца доставили к командиру. Но не полиции, разумеется, а отряда. Разведчики опознали в нем лесника. На допросе лесник Николайчук сознался, что направлялся в райцентр Хабное, чтобы сообщить о появившихся в округе партизанах. Предателя расстреляли...

Вскоре отряд нагнали доктор Цессарский и бойцы из оставленного на станции Толстый Лес «маяка». Они сообщили, что поблизости станции появились каратели, они идут по следу отряда и прочесывают лес.

Медведев немедленно послал в сторону Толстого Леса группу под командованием младшего лейтенанта Анатолия Капчинского с задачей наблюдать за противником, в случае необходимости отвлечь его боем и задержать. Разведчики успели отойти всего на полкилометра — на берегу маленькой речки они натолкнулись на карателей и первыми открыли огонь. Это произошло 27 июня 1942 года (дату эту ветераны-медведевцы много лет спустя стали отмечать как день рождения отряда «Победители»).

На помощь Капчинскому была направлена группа бойцов под командованием Стехова. Но тут же загремели выстрелы и с противоположной стороны, значит, каратели обошли стоянку... Туда Медведев послал группу под командованием Кочеткова. Бой длился около двух часов.

Партизаны — их насчитывалось тогда всего 72 человека — вышли из него победителями. Вражеская колонна, в которой, по показаниям пленных, было до двухсот человек, оказалась разбитой. На поле боя осталось около сорока трупов немецких солдат и предателей-полицаев.

В первом бою погибли комсорг подразделения Семен Прохоров, перед самой войной закончивший Московский технологический институт пищевой промышленности, и младший лейтенант Анатолий Капчинский, чемпион и рекордсмен СССР по скоростному бегу на коньках. Убитых похоронили на возвышенном сухом месте, на цветущей поляне. Могилу обложили дерном. Знака никакого не поставили, понимали, что сюда, к месту боя, непременно заявятся гитлеровцы. Если обнаружат захоронение, устроят глумление над мертвыми. Только на карте Дмитрий Николаевич поставил первый крестик... Раненых, после того как доктор Цессарский всех прооперировал, уложили на повозки. И снова в путь.

На одном из хуторов группа разведчиков под командованием Валентина Семенова из засады увидела двух человек. Бойцы затаились. Когда двое подошли ближе, Семенов радостно закричал:

— Наши!

Это были Михаил Шевчук и Дарпек Абдраимов из группы Пашуна. А вскоре появился и он сам с остальными бойцами. Оказывается, группу Пашуна сбросили над станцией Хойники на чужие костры, случайно разложенные в том же порядке, что должны были выложить бойцы Кочеткова. Их жгли местные крестьяне, мобилизованные немцами на дорожные работы. При выбросе погиб самый молодой боец отряда шестнадцатилетний доброволец Толя Пронин. Он был ранен еще в воздухе (гитлеровцы заметили парашютистов и открыли по ним огонь), приземлился без сознания далеко в стороне от других десантников. Его схватили, долго пытали и, ничего не добившись, повесили...

Отряд продолжил рейд. Через несколько дней до Медведева дошли смутные слухи, собранные разведчиками в селах, что где-то не близко, но и не так уж далеко горстка парашютистов (судя по описанию одежды) приняла бой с превосходящими силами карателей. Дмитрий Николаевич понял, погибшие десантники — Александр Творогов и его бойцы. Впоследствии он напишет с горечью, но и с гордостью о своем младшем друге и боевом товарище: «Прошло много времени. Много прошло людей,

много миновало событий, оставивших в душе неизгладимый след. И по-прежнему передо мной не тускнеющий от времени образ Саши Творогова. Я вижу его юное лицо с пушком над верхней губой; чуть нахмуренные брови придают лицу выражение озабоченности, а сосредоточенный, внимательный взгляд отражает напряженную работу мысли. Саша... не успел сделать всего того, к чему был предназначен в жизни».

Идти становилось все труднее. Почти кончились продукты. Бойцы перешли на подножный корм: собирали ягоды, орехи, грибы, иногда попадалась и кое-какая живность. Встречались, конечно, на пути и села. Но крестьяне мало чем могли помочь партизанам: их самих уже давно ограбили оккупанты, полицаи, бандиты-националисты.

Каждый день раскрывал бойцам, большинство которых впервые оказались на оккупированной территории, сущность «нового порядка», который несли советскому народу гитлеровские войска. То была картина неслыханного человеческого страдания и горя...

«Поражала тишина, встречавшая нас в деревнях, — вспоминал Медведев в «Сильных духом». — Ни голосов, ни кудахтанья птицы, ни ржания лошадей. По вечерам деревни казались вымершими. Нигде не видно ни огонька. Изредка послышится одинокий собачий лай, всколыхнет тишину и смолкнет. Чтобы войти в хату, приходится долго стучать... Гремели засовы, и наконец испуганный голос спрашивал: «Кто?»

Оккупанты отбирали у крестьян скотину, птицу, хлеб. Тех, кто сопротивлялся, расстреливали. Заподозренных в сочувствии Советской власти сжигали живьем, вешали, умерщвляли в лагерях и тюрьмах...

В городах и селах Западной Украины появлялось все больше и больше немцев. То были новоявленные помещики, приехавшие из Германии осваивать «восточное пространство», принесшие сюда мрачные нравы крепостничества. На землях, присвоенных ими, трудились украинские крестьяне. Туда же, в немецкие имения, сгонялся отобранный у крестьян скот».

Изрядно лютовали в селах и пособники немецких оккупантов — националисты. Их крестьяне боялись даже больше, чем немцев. Тех хоть можно было иногда обмануть, эти же хорошо знали и местность, и людей, от них не мог укрыться ни сельский комсомолец, ни активист. Среди бандитов преобладали бывшие кулаки, богатеи, сгинувшие было в тридцать девятом году с приходом Со-

ветской власти, и теперь вот снова объявившиеся. Немало было и уголовников, получивших возможность, примкнув к бандам, грабить и мародерствовать. Националисты призывали молодых парней вступать в их воинство, чтобы воевать с «москалями» и... немцами за «самостийную Украину». Кое-кто из крестьян попался на удочку этой пропаганды и вступил в ряды «сичевиков». Никто, однако, и слыхом не слыхивал, чтобы те хоть раз напали на оккупантов.

Двадцать первого июля на одной из коротких стоянок Сергей Трофимович Стехов собрал первое партийное собрание. В отряде тогда насчитывалось пятнадцать членов ВКП(б) и четверо кандидатов. После обсуждения намеченных повесткой дня вопросов слово попросил Валентин Семенов, избранный после гибели Семена Прохорова секретарем комсомольской организации.

От имени комсомольцев отряда Семенов выступил с горячей речью, смысл которой вполне можно было уложить в одну фразу: доколе партизаны будут проходить мимо «живых» оккупантов, не нападая на них, а даже обходя стороной?

Все только того и ждали. Послышались возбужденные голоса;

— Где взрывы? Диверсии? Уничтоженные гитлеровцы? Почему мы отсиживаемся в лесу, когда Красная Армия ведет тяжелые бои?

Медведев знал, что рано или поздно ему зададут эти вопросы, но в душе надеялся, что это произойдет все-таки позднее, когда отряд выйдет к намеченному для постоянного лагеря месту под Ровно. Он не имел права ответить на вопросы, которые так волновали людей, особенно после того, как они своими глазами увидели зверства оккупантов и их пособников на советской земле. Дмитрий Николаевич хорошо понимал их чувства. Он встал и коротко, стараясь сделать это как можно убедительнее, разъяснил, что отряд не должен отвлекаться на мелкие стычки, теряя в них людей, пока не достигнет места, определенного командованием для ведения боевых действий, то есть Сарненских лесов. Его выслушали, никто не возражал и не задал больше никаких вопросов, но он чувствовал, что бойцы разошлись неуспокоенные и ни в чем не убежденные.

Подошел Стехов.

— Дмитрий Николаевич, — прямо сказал он, — я не мог не поддержать тебя на собрании, но наедине скажу,

что не разделяю твою точку зрения. Мы должны предпринять какие-то боевые действия, иначе размагнитим людей, а это плохо. К тому же отряд неминуемо будет расти, и мы не сможем занять всех исключительно разведывательной работой. Давай думать, как быть...

— Что ж, — принял наконец решение Дмитрий Николаевич. — Я полагаю, чтобы поддержать в людях боевой дух, укрепить его, мы в виде исключения можем себе позволить хоть раз по своему выбору места и времени дать немцам жару...

Подходящий случай представился в августе, когда, перевалив через железную дорогу Ковель — Киев, отряд вышел к разъезду Будки-Сновидовичи. От местных жителей разведчики узнали, что немцы заметили переход партизан через магистраль и готовятся напасть на отряд. Поскольку бой был неизбежен, Медведев с чистой совестью принял решение атаковать первым, чтобы момент внезапности оставался на его стороне.

Разведка установила, что каратели пока находятся в эшелоне, стоящем на запасном пути. Для боя Медведев выделил пятьдесят человек, общее командование возложил на начальника штаба.

Ночью партизаны скрытно подползли к самим путям и в упор ударили по вагонам изо всех огневых средств. Прошитая зажигательными пулями, запылала цистерна с горючим. Через мгновение бушующее пламя перекинулось на пульманы. Итог боя Медведев позднее подвел лаконичной фразой: «К рассвету гитлеровцы, собиравшиеся нас разгромить, сами оказались разбитыми». В бою погиб двадцатидвухлетний испанец Антонио Бланко.

Успех под Будками-Сновидовичами, как и предвидели Медведев и Стехов, улучшил настроение партизан. Бойцы повеселели, когда убедились, что могут не только успешно отбиваться от карателей, как было в первом бою, но и сами атаковать.

Меж тем отряд в пути вырос. К нему присоединялись и бежавшие из плена красноармейцы, и местные жители, и небольшие партизанские группы из бывших окруженцев. Всех новичков в отряде тщательно проверяли, выясняли их настроение и намерения. Кое-кого и не приняли. Сразу предупреждали: в отряде поддерживается жесткая воинская дисциплина, командуют им кадровые командиры (и Медведев, и Стехов, и Лукин носили в петлицах присвоенные им шпалы), действуют все уставы. Карточные игры, употребление спиртного категорически запре-

щалось. Самовольное присвоение трофеев, тем более каких-либо продуктов или одежды крестьян, рассматривалось как преступление — мародерство и сурово наказывалось вплоть до расстрела. Не всем новичкам нравились такие суровые порядки, но в отряд принимали только тех, кто подчинялся им безоговорочно.

Разумеется, в целях соблюдения конспирации никто из вновь пришедших бойцов не должен был ничего знать о подлинных задачах отряда особого назначения «Победители». Отряд пришел в Сарпенские леса и стал лагерем неподалеку от большого села Рудня Бобровская в ста двадцати километрах от Ровно, гораздо более многочисленным, нежели выступил со станции Толстый Лес.

Планировка лагеря, разбитого в основном из шалашей, выложенных из густых еловых лап, была продумана с учетом приобретенного уже опыта. В центре располагался штаб. Рядом — медслужба, взвод радистов и штабная кухня. Чуть дальше — подразделение разведчиков, по краям занятого массива устроены были шалаши строевых взводов.

Двадцать пятого августа Медведев принял группу парашютистов под командованием старшего лейтенанта Ивана Соколова. Всех вновь прибывших после общего приветствия перед строем Дмитрий Николаевич просил по одному зайти к нему в «чум» — так в отряде стали называть любое жилое сооружение типа палатки или шалаша — для беседы. Первым зашел командир группы Соколов, сдал почту из Москвы, затем появился улыбающийся старший лейтенант Григорий Волков — ветеран первого отряда. Потом один за другим стали заходить бойцы.

Высоченный, почти одного роста с Медведевым, но куда шире в плечах Николай Приходько. Движения медвежьи, а лицо круглощекое, с добрыми детскими глазами. И улыбка детская — открытая, благожелательная. Приходько родом со станции Здолбуново, в двенадцати километрах от Ровно. Железнодорожник, один из первых здолбуновских комсомольцев. Николаю всего двадцать второй год.

Среднего роста, смуглый, темноволосый, кареглазый Николай Гнидюк. Еще в Москве к нему прочно пристало прозвище «Коля — гарны очи». Гнидюк тоже уроженец Западной Украины и тоже железнодорожник. Жизненного опыта у него поболе, нежели у Приходько. За участие

в революционном движении Гнидюк успел отсидеть два года в польской тюрьме.

Рослый, подтянутый Борис Сухенко, за ним маленький, щупловатый Петр Голуб. Еще один здолбуновец — бывший дежурный по отделению дороги Александр Середенко. ...Десятый парашютист, одиннадцатый, двенадцатый. Наконец, тринадцатый, последний в этой группе. Лет тридцати, росту чуть выше среднего, с правильными чертами лица и прямыми светлыми волосами, аккуратно забранными под чуть сдвинутый к затылку парашютный шлем. Серо-голубые глаза смотрят прямо и спокойно.

— Товарищ командир, боец Грачев в ваше распоряжение прибыл, — четко доложил он, подбросив ладонь к виску.

— Здравствуйте, Грачев, — Медведев крепко пожал ему руку.

Этого человека он ждал...

Бойцы не подозревали, что у сероглазого блондина только имя-то и было настоящим, поскольку на самом деле «красноармейца Николая Васильевича Грачева» звали Николаем Ивановичем Кузнецовым.

Несказанно удивились бы многие партизаны, если бы могли заглянуть в туго набитый вещмешок Грачева. Потому что в нем под обычным имуществом десантника лежало аккуратно завернутое в холстину... полное обмундирование немецкого офицера. Более того, в кармане френча, украшенного Железным крестом первого класса и ленточкой второго, имелась солдатская книжка на имя лейтенанта сухопутных сил вермахта Пауля Вильгельма Зиберта. Были там и другие немецкие документы. Еще в мешке находились: пистолет парабеллум с запасом патронов, толстая пачка рейхсмарок, личные вещи зарубежного производства, вполне обычные для багажа немецкого офицера.

Обладатель всех этих вещей, документов, денег, пистолета и трех фамилий родился 27 июля (по новому стилю) 1911 года в деревне Зырянка Талицкого района Свердловской области. Начальное образование Кузнецов получил в родной Зырянке и Балаире. Осенью 1924 года его отправили в районный центр Талицу продолжать образование в семилетке. И учителя и одноклассники отмечали редкую природную память Кузнецова. За вечер он был способен без видимого напряжения запомнить столько

стихотворений, сколько мог прочитать. В те же школьные годы ярко проявились лингвистические способности Николая Кузнецова. Тут ему повезло — его первая учительница Нина Алексеевна Автократова великолепно знала немецкий язык. Занятиями в классе мальчик не довольствовался. Он подружился с преподавателем труда, осевшим на Урале бывшим немецким пленным. Был в Талице и третий человек, с которым Ника мог практиковаться в разговорной речи, — провизор местной аптеки, тоже пленный, но уже не немец, а австриец. Вот так и получилось, что Кузнецов имел возможность изучить не школярский немецкий, но настоящий живой язык, вплоть до разных жаргонных словечек и выражений, характерных для различных слоев населения Германии.

В 1927 году Кузнецов закончил семилетку и уехал в Тюмень, где поступил в сельскохозяйственный техникум. Но поучиться здесь ему пришлось всего один курс — помешало горе, скоропостижная смерть отца. Нужно было помогать семье, и подросток возвращается поближе к дому, в Талицу, где становится «короедом» — так называли в городке студентов местного лесного техникума, иначе ТЛТ.

Топография, геодезия, топографическое черчение, охотоведение, сугубо лесные дисциплины юноше нравились. Учился он легко, хоть и серьезно. Находил время и для спорта — много и хорошо ходил на лыжах, научился стрелять. Еще в Тюмени он вступил в комсомол, а в Талице же его избрали председателем комитета профсоюза техникума.

Наступил 1929 год, год великого перелома. Повсюду организовывались сельскохозяйственные артели — колхозы. Большую работу по коллективизации сельского хозяйства вел под руководством партии и комсомол. Активно участвовал в этой работе и Кузнецов. В его родном селе также была организована коммуна «Красный пахарь», одна из первых на Урале. Вступила в нее и семья Кузнецовых. Тогда же он впервые использовал на практике полученные в техникуме знания: весной безвозмездно помог односельчанам-коммунарам составить обоснованный план посевных площадей.

Несколько лет Кузнецов проработал в городе Кудымкаре Коми-Пермяцкого округа помощником таксатора по устройству лесов в окружном земельном управлении. За эти годы он исколесил весь округ, все его дремучие тогда леса.

В своих странствиях по деревням Кузнецов изучает очень трудный язык коми. Уже одного этого было достаточно, чтобы завоевать прочное расположение местных жителей. Коми-пермяцкий поэт Степан Караваев, знавший Николая Кузнецова в те годы, в стихотворении, ему посвященном, писал:

...Как нашей Пармы житель коренной,
С открытым сердцем, с дружелюбьем братским
Ты спорил о поэзии со мной
На нашем языке, коми-пермяцком.

Среднее образование уже не удовлетворяет Николая — он поступает на заочное отделение Свердловского индустриального института, а в 1934 году вообще перебирается на постоянное жительство в столицу Урала.

Первое время Николай работает в тресте Свердлес статистиком, потом поступает расцеховщиком конструкторского отдела на знаменитый завод «Уралмаш».

«Уралмаш» — это сердце индустриального Урала. Он стал для Кузнецова не только производственной, но и жизненной школой. Общение с рабочими выработало в нем новые качества характера, укрепило идейную убежденность в правоте великого дела построения нового общества.

На «Уралмаше» Кузнецову представилась возможность совершенствовать знание немецкого языка. В те годы на заводе работало довольно много иностранных специалистов, в том числе из Германии.

Общительный, обаятельный, образованный, знающий и русскую и немецкую литературу, Кузнецов завязал дружеские отношения с несколькими такими специалистами. Говорить с ними предпочитал на их родном языке. Это позволило ему изучить разные диалекты немецкого языка, поскольку в Свердловске работали немцы — выходцы из различных земель Германии. Николай изучал не только язык, но и национальные обычаи, традиции. Будучи человеком наблюдательным, он усваивал манеру немцев одеваться, вести себя в обществе, запоминал их привычки и вкусы.

Нельзя сказать, чтобы окружающие Кузнецова люди одобрительно относились к его знакомствам. Время было сложное, и некоторые сослуживцы предупреждали Николая, что связи с иностранцами до добра не доведут.

— Не волнуйтесь, — смеясь, отвечал Николай Иванович. — Я не зря ношу голову на плечах. Положение

с Германией не из лучших. Скорее всего придется нам с фашистами воевать. И как знать, может быть, знание немецкого языка станет моим оружием.

Блестящие способности и знания Николая Ивановича Кузнецова, его личные и деловые качества, преданность Советской Родине и народу, наконец, превосходное знание немецкого языка были замечены. Весной 1938 года Н. И. Кузнецов отдал свой талант, все свои силы в распоряжение органов государственной безопасности СССР...

Война 22 июня 1941 года застала Николая Ивановича в Москве. Командование решило направить его на работу во вражескую среду либо в саму Германию, либо на советскую территорию, оккупированную гитлеровскими войсками.

Внедрить Кузнецова в какое-либо военное учреждение оккупантов или воинскую часть в короткий срок было практически невозможно, да и не нужно. Такая «настоящая» служба сковывала бы Кузнецова, ставила его в зависимость от фашистского командования, привязывала к одному месту. Стало быть, требовалось придумать для будущего «офицера вермахта» такую должность, которая позволила бы ему сколь угодно часто появляться в Ровно и оставлять его, свободно перемещаться по оккупированной территории, бывать в различных учреждениях оккупантов, не вызывая подозрения.

Разработкой легенды Н. И. Кузнецова занимались опытные чекисты Л. И. Сташко, А. С. Вотоловский, С. Л. Окунь. Они и определили для него прекрасную должность — чрезвычайного уполномоченного хозяйственного командования по использованию материальных ресурсов оккупированных областей СССР в интересах вермахта — «Виршафтскоммандо», сокращенно — «Викдо».

Это было превосходное прикрытие для советского разведчика. Он не был прикреплен ни к какому конкретно учреждению гитлеровцев в Ровно, но имел основания для появления в любом из них. Он никому не подчинялся и ни от кого не зависел. Он мог в случае надобности выехать куда угодно. Наконец, он мог располагать куда большими денежными средствами, нежели обычный строевой офицер.

Соответственно была отработана и вся биография Пауля Вильгельма Зиберта — так должен был именоваться тот немецкий офицер, роль которого предстояло играть Николаю Кузнецову. Зиберт был по документам обер-лей-

тенантом 230-го пехотного полка 76-й пехотной дивизии. По легенде родился 28 июля 1913 года в Кенигсберге в семье лесничего в имении князя Шлобиттена, неподалеку от города Эльбинга в Восточной Пруссии. Отец — Эрнст Зиберт погиб на фронте в 1915 году. Мать — Хильда, урожденная Кюннерт, умерла в середине тридцатых годов. До поступления в военное училище в Берлине Пауль Зиберт служил в том же имении помощником управляющего.

В соответствии с легендой, обер-лейтенант воевал в Польше и Франции, затем в России. Награжден Железными крестами второго и первого класса, а также медалью «За зимний поход на Восток» (немецкие солдаты называли ее непочтительно «мороженое мясо»). Под Курском тяжело ранен и по этой причине временно, до полного выздоровления откомандирован в «Викдо». Таким образом Зиберту обеспечивалась репутация боевого офицера, а не «интендантского героя», которых строевики недолюбливали. Для подтверждения всего этого были подготовлены соответствующие документы. Так, в «Зольдбухе» (иначе называемом солдатской книжкой) было указано, что Пауль Вильгельм Зиберт призван в армию в Кенигсберге, имеет учетный номер 13/18/110, номер опознавательного жетона — Rü — Zn — X-4, группа крови «А» (последнее, должно быть, — единственное, что соответствовало истине).

Все эти документы были абсолютно надежны. Дело в том, что воинская часть, в которой якобы служил обер-лейтенант, была полностью уничтожена под Москвой, а ее штабные документы захвачены Красной Армией. Поэтому проверить личность Зиберта через его часть было невозможно. Оставался один путь — только через Берлин. Но гитлеровцы затеяли бы такую проверку лишь в том случае, если бы Зиберт вызвал у них серьезное подозрение своим поведением, неосторожными высказываниями, но никак не документами. Следовательно, в какой-то степени многое, быть может все, зависело от профессионального мастерства, выдержки, хладнокровия и находчивости Кузнецова. Он твердо усвоил, что не имеет права вызывать и тени подозрения у фашистов, поскольку в этом случае его отличные документы уже не защита от разоблачения и гибели.

Указание, что для выполнения задания он будет направлен в распоряжение капитана госбезопасности Медведева, Кузнецов воспринял с энтузиазмом. Он, как и все

сотрудники НКВД, слышал и читал о блестящей деятельности отряда «Митя» во вражеском тылу.

...25 августа 1942 года Николай Кузнецов приземлился в немецком тылу под Ровно. И вот он уже докладывает о прибытии высокому ладному командиру с орденом Ленина на гимнастерке. Отныне это и его командир — капитан госбезопасности Медведев.

РАЗВЕДЧИКИ ОТПРАВЛЯЮТСЯ В «РИМ»

Группа, прибывшая 25 августа, была особой. Все входившие в нее бойцы, кроме строевых командиров Соколова и Волкова, а также радиста Скворцова, были разведчиками, которым предстояло действовать либо в Ровно, либо в близлежащих населенных пунктах. Бывший разведчик Николай Гнидюк, после войны ставший видным партийным и советским работником на Украине, так описал встречу своей группы с командованием отряда после приземления: «Дмитрий Николаевич рассказал о том, что нам предстоит пройти короткий, но весьма напряженный курс обучения тактике партизанской борьбы и хорошенько освоиться с обстановкой в отряде. И от этой непринужденности, я бы сказал, даже простоватости в обращении с подчиненными мы оживились, почувствовали себя свободно и как бы давно знакомыми с ним».

С этого же дня разведчики начали готовиться к выходу в Ровно, или, как они говорили в целях соблюдения конспирации, в «Рим». С чего следовало начинать? С того, с чего фактически уже начал Медведев: тщательнейшего изучения обстановки на оккупированной территории.

Разведчики, которым предстояло работать и жить в Ровно, передвигаться из одного населенного пункта в другой, устраиваться на какие-то должности, обеспечивать себя пропитанием, должны были в любой мелочи вести себя так, словно они и в самом деле уже более года находились здесь, в центре оккупационного режима. За этот год сложился определенный образ если не жизни, то какого-то существования. Нарушение любой его нормы, неважно, зафиксированной постановлениями властей или устоявшейся сама собой, было чревато изобличением, арестом, гибелью.

Разведчики, которым приходилось бывать в деревнях и селах, доставляли в отряд все распоряжения гитлеровцев и местных властей, какие только могли раздобыть,

равно как газеты на украинском и немецком языках. Все это тщательно изучалось, анализировалось, принималось во внимание и учитывалось. С самых первых дней медведевский штаб стал собирать образцы подлинных документов, печатей, бланков, штампов, подписей должностных лиц, а также названий, адресов, фамилий руководителей важных и второстепенных оккупационных учреждений, штабов и воинских частей, контор, фирм с указанием приемных дней и часов, фамилиями и характеристиками ответственных сотрудников и обслуживающего персонала. Раз начавшись, эта работа никогда не прерывалась вплоть до последних дней пребывания «Победителей» в немецком тылу.

Отряд быстро рос. Чуть не каждый день приходили новые люди, из некоторых сел сразу по десять-пятнадцать человек. В середине сентября пришла, к примеру, насчитывающая человек пятнадцать группа Николая Струтинского, в прошлом шофера. Этот небольшой отряд уже был обстрелян, совершил несколько дерзких нападений на гитлеровцев. Основу его составляла семья советских патриотов Струтинских: отец Владимир Степанович, мать Марфа Ильинична, сыновья Николай (командир), Георгий, Ростислав и младшие дети (первое время они находились в лагере, затем их переправили самолетом на Большую землю). Вместе со Струтинскими пришли лейтенант Федор Воробьев, флотский старшина Николай Киселев, рядовой Алексей Глинко, местный житель Николай Бондарчук и другие товарищи. У Струтинских в Ровно и округе было множество родственников и знакомых. Эти связи оказались чрезвычайно ценными и были использованы командованием отряда в разведывательных целях.

Конечно, принять в отряд всех желающих Медведев не мог. Но как трудно было отказывать людям, которые, испытав горе, муки, унижения, так и рвались в бой. Дмитрию Николаевичу нужны были разведчики не только в отряде. Он стал их подбирать — надежных и преданных — по всей округе, в селах, местечках, городках, на хуторах, железнодорожных станциях. Эти люди стали зоркими глазами и чуткими ушами его разведки. Некоторые были найдены и среди пришедших новичков.

В сентябре радисты приняли ряд важных сообщений из Москвы. Оказывается, в Кремле состоялось совещание партизанских командиров. Из-за линии фронта в столицу прибыли С. Ковпак, А. Сабуров, Д. Емлютин, М. Дука,

М. Ромашин, И. Гудзенко, Г. Покровский, М. Сенченко, Е. Козлов, В. Кошелев. 31 августа их принял Верховный Главнокомандующий. На встрече присутствовали и некоторые члены ГКО. Разговор шел о самых важных и насущных проблемах. Перед партизанами были поставлены задачи стратегического значения. Чувствовалось по всему, что Верховное Главнокомандование и руководство страны хотело досконально изучить все сильные и слабые стороны партизанской армии, ее нужды и возможности, боевые качества, тактику, военные таланты командиров.

Через несколько дней Верховный Главнокомандующий подписал приказ № 00189 от 5 сентября 1942 года «О задачах партизанского движения». Приказ стал важнейшим руководящим документом, в котором применительно к условиям второго года войны получили дальнейшее развитие основные положения постановления ЦК от 18 июля 1941 года.

В приказе отмечалось возрастание значения партизанской борьбы в тот период, когда война приобрела затяжной характер. «Теперь же, когда Красная Армия на фронтах, напрягая все свои силы, отстаивает свободу и независимость своего государства, народное партизанское движение на нашей территории, временно захваченной немецкими оккупантами, становится одним из решающих условий победы над врагом».

Приказ требовал от командиров и политработников «добиться, чтобы партизанское движение развернулось еще шире и глубже, чтобы партизанская борьба охватила широчайшие массы народа на оккупированной территории. Партизанское движение должно стать всенародным».

Д. Н. Медведев, С. Т. Стехов, А. А. Лукин, другие командиры обратили особое внимание на конкретные задачи, перечисленные в приказе: разведка, диверсии, уничтожение оккупантов. Приказ требовал от партизан наращивать удары по вражеским коммуникациям, в первую очередь по железным дорогам, уничтожению живой силы и техники противника, хранилищ горючего, складов, казарм. Одной из важнейших задач было усиление координации боевых действий партизанских отрядов с частями Красной Армии. Приказ указывал на необходимость усилить также политическую работу среди местных жителей, с целью вовлечь в партизанскую борьбу самые широкие круги населения.

В конце ноября в лагерь «Победителей» была доставлена «Правда» от 14 ноября, которая в передовой под заголовком «За всенародное партизанское движение» излагала основные положения приказа. Медведев и Стехов организовали изучение этих важных документов во всех подразделениях отряда, постарались довести его до сведения и населения — надежной опоры партизан.

После войны Дмитрий Николаевич будет много размышлять по этому поводу. Его наблюдения и обобщения отольются в четкие фразы книги «Сильные духом»: «Слухи о появлении в Сарненских лесах целой армии партизан были, по существу, не так уж неосновательны. Хотя отряд насчитывал немногим более ста человек, но в действительности нас было не сто, не двести и даже не дивизия, а гораздо больше. Тем или иным путем, нападая или только сопротивляясь, саботируя немецкие мероприятия, помогая партизанам всюду, где только была к тому возможность, нанося оккупантам урон, все население от мала до велика боролось за свободу и независимость своей Родины — было с нами.

Если бы мы действовали только силами своего отряда, мы ничего не смогли бы сделать: очень скоро мы были бы парализованы или даже уничтожены. Население являлось нашим верным помощником и защитником. На всех этапах борьбы оно было нашей прочной и надежной опорой в тылу врага.

Крестьяне охотно делились с нами скудными своими запасами. Целые деревни собирали для нас продукты — хлеб, овощи. В крупных селах находились наши «маяки» — по восемь-десять партизан. Эти «маяки» жители называли комендатурами, и туда доставляли «харчи для партизан»...

Население помогало нам и в разведке. Якобы для продажи кур, овощей или просто под предлогом, будто идут проведать родственников, местные жители посещали районные центры, ближайшие железнодорожные станции: высматривали, выспрашивали и рассказывали обо всем нам. Особенно отличались девушки, старики и подростки, которых врагу трудно было в чем-либо заподозрить. Местные жители знали дороги, знали людей и приносили отряду неоценимую пользу».

Все новички после проверки проходили военное обучение (кроме, конечно, бойцов и командиров Красной Армии), прежде всего по владению отечественным и трофейным оружием, тактике ведения боя в лесу и сельском

населенном пункте и т. п. Программа была рассчитана на двадцать дней.

Большое значение Медведев придавал внешнему виду бойцов. Во вражеском тылу это имело огромное дисциплинирующее значение и для партизан, и для местных жителей. Примечательно, что все партизаны отряда «Победители» на фуражках и шапках носили не красные ленточки, а звездочки, как бойцы Красной Армии, а командиры — и положенные знаки различия. Сам Дмитрий Николаевич даже в самые трудные дни обязательно ежедневно брился, чистил обувь, носил свежие подворотнички. Бойцы привыкли видеть своего командира всегда подтянутым, аккуратным, даже щеголеватым.

За полтора года в отряде «Победители» побывал не один партизанский командир. И все они отмечали железную дисциплину, строгий порядок, уважительное отношение бойцов друг к другу и к населению, неуклонное соблюдение конспирации и правил разведывательной работы, как один из результатов всего этого — сравнительно малые потери в боях и редкие неудачи в разведке и диверсионной деятельности.

Утвердить этот стиль работы и отношений можно было единственным способом — силой личного примера. И тут уж Медведев себя не щадил. Один из разведчиков отряда Борис Харитонов писал впоследствии: «Дмитрия Николаевича любили в отряде. Любили и побаивались. Недаром между собой партизаны называли Медведева не иначе как «железным полковником».

Именно медведевский стиль, принятый в отряде, позволял в кратчайшие сроки включать в боевую и разведывательную работу новых людей. Не все сознавали, что Медведеву, невероятно занятому командирскими делами, целиком поглощенному руководством разведработой, очень непросто давалась и эта его собственная подтянутость, и поддержание строгого порядка в лагере. Особенно когда начало сдавать здоровье.

Но он никогда не позволял себе расслабиться. Старый чекист, он хорошо знал психологию разведчиков. Понимал, что для этих людей, живущих и действующих в постоянном напряжении, партизанский лагерь — все равно что для него самого Большая земля. Это больше, чем база. Это их оплот и надежда, это маленький плацдарм Советской власти во вражеском тылу.

Делая подготовительные шаги для проникновения в Ровно, Медведев не забывал и о других важных пунктах,

прежде всего о Здолбунове. До войны это был маленький тихий городок. Его уютные улицы летом утопали в зелени каштанов, лип и акаций. Промышленность скромная: цементно-гипсовый, стекольный и пивоваренный заводики, в округе — несколько кирпичных. Однако Здолбуново был весьма заметным железнодорожным узлом. Сюда сходились стальные пути от Львова, Ровно, Шепетовки, Киева, Ковеля, здесь же находилось крупное железнодорожное депо.

Через здолбуновский узел проходила значительная часть всех поездов из Германии, Чехословакии и Польши на Восточный фронт и обратно. Понимая, что сразу в Здолбунове не обосноваться, Дмитрий Николаевич решил начать с двух ближайших к лагерю районных центров — Клесово и Сарны. Заняться ими он поручил Виктору Васильевичу Кочеткову, хорошо осведомленному в железнодорожной специфике и опытному оперативному работнику.

Кочетков сумел быстро подобрать в обоих городах надежных разведчиков, которые принесли большую пользу отряду. Особенно хорошо работал начальник станции в Сарнах, инженер Мурад Камбулатович Фидаров, уроженец Северной Осетии. Пост он занимал ответственный, поэтому немцы за ним следили внимательно, держали под контролем каждый шаг. И тем не менее Фидаров под носом у службы безопасности создал подпольную организацию. Информация об эшелонах, проходящих через Сарны, поступала в отряд с точностью хорошего железнодорожного расписания.

Через Фидарова Кочетков познакомился с двумя работниками Клесовского лесничества — Максимом Федоровичем Петровским и Константином Федоровичем Довгером. Дядя Костя, как вскоре стали называть Довгера бойцы, оказался прекрасным разведчиком. Это был уже немолодой человек, по национальности белорус. Но вся жизнь его прошла на Волыни, поэтому местность знал он очень хорошо.

По заданию Дмитрия Николаевича Довгер съездил в Ровно, такие поездки входили в круг его обязанностей, поэтому никакого подозрения у немцев эта отлучка вызвать не могла. Константин Федорович привез из Ровно свежие фашистские газеты, объявления властей и точные адреса многих оккупационных учреждений, в том числе резиденции Коха. Довгер переговорил в городе со своими старыми знакомыми и заручился их согласием помо-

гать партизанам. В помощницы Довгер привлек и свою семнадцатилетнюю дочь Валентину.

Вслед за Довгером в Ровно побывали два новых бойца из местных жителей — Поликарп Вознюк и Николай Бондарчук, затем Николай Приходько и Николай Гнидюк, а также Николай Струтинский. Почему-то в разведке оказалось много людей с этим именем (вскоре к уже имеющимся присоединился еще один — Грачев). Поэтому иногда Дмитрий Николаевич спрашивал Лукина: «Что слышно от Николаев, но не угодников?», имея в виду разведку вообще.

Самым молодым по возрасту из всех Николаев был Приходько. За свою доброту, готовность в любой момент помочь товарищу, отдать ему последний кусок хлеба Приходько пользовался в отряде всеобщей любовью.

Позднее Медведев напишет о первой командировке Коли в Ровно: «Посылая его, мы учитывали, что он местный житель, знает город, имеет там хороших друзей, знакомых. Там у него родной брат. Но учитывали не только это. Приходько обладал богатырской силой и выносливостью. Ничто не страшило его, он рвался туда, где опаснее. Если на марше разведчикам приходилось ходить втрое больше остальных партизан, то Приходько ходил больше любого разведчика. Получалось так, что он всегда оказывался под руками, когда требовалось выполнить какое-нибудь срочное задание».

В паре с Приходько обычно работал Николай Гнидюк. Внешне и по характеру чрезвычайно живой и подвижный, он был полной противоположностью Приходько.

Разведчики, направляемые в Ровно, должны были обладать недюжинной выносливостью (это помимо, естественно, профессиональных достоинств). Дорога в оба конца насчитывала двести сорок километров, и изрядную ее часть надо было преодолеть пешком.

Уже первые выходы в Ровно дали много интересной информации. Установлены были, в частности, места дислокации штаба командующего вооруженными силами на Украине генерала авиации Китцингера, штаба главного интендантства, хозяйственного штаба группы армий «Юг», штаба командующего так называемыми «Восточными войсками», многих других учреждений оккупантов. Наконец, были установлены определенные связи, намечены квартиры для конспиративных встреч.

Перед тем, как явиться в Ровно, Николай Приходько навестил свою старшую сестру Анастасию Шмерегу, ко-

торая жила в Здолбунове на улице Франко с мужем Михаилом — столяром железнодорожного депо и его братом жестянщиком Сергеем. Оба Шмереги во времена панской Польши подвергались преследованиям за участие в революционном движении. Братья с радостью обещали Николаю оказывать ему и другим разведчикам из отряда любое содействие. Более того, они связали его с местными подпольщиками.

Оказывается — и это предвидел Медведев, — в Здолбунове уже существовала подпольная организация, которую возглавлял бывший старшина железнодорожной милиции Дмитрий Михайлович Красноголовец, нынче для маскировки и заработка он портняжничал. В группу Красноголовца входили Николай Мельниченко, Александр Дигоран, Константин Шорохов, Александр Попков, Дмитрий Скородинский, Петр Бойко, Виктор Азаров, Сергей Яремчук и другие товарищи, в основном железнодорожники. У них имелись хорошие возможности для разведывательной работы. Диверсиями на свой страх и риск они уже занимались...

Дом Шмерег оказался удобным перевалочным пунктом для разведчиков, следующих из отряда в Ровно и из Ровно обратно в отряд. На чердаке дома был устроен тайник, где хранилось оружие и боеприпасы.

Информация от здолбуновской группы стала поступать в отряд в таком количестве, что для ее приема Медведеву пришлось выделить специального связника. Отличала эти данные высокая степень достоверности и важности — речь шла фактически о почти непрерывном движении эшелонов с живой силой, вооружением и боеприпасами врага через одну из самых крупных узловых станций Украины! Позднее здолбуновских подпольщиков стали снабжать компактными магнитными минами замедленного действия, и они стали успешно устраивать крупные диверсии.

В Ровно Николай явился к своему старшему брату Ивану Тарасовичу Приходько, который жил тогда на Цементной улице и работал на немецкой пекарне. По оккупационным временам Приходько был устроен неплохо. Его жена Софья Иосифовна и теща Берта Эрнестовна Грош были по происхождению немками и потому зарегистрированы как фольксдойче, то есть местные жители немецкой национальности. Гитлеровцы считали фольксдойче своей опорой в оккупированных странах и предоставляли им значительные привилегии.

Окончательное согласие содействовать разведчикам Иван Приходько дал после того, как побывал в отряде, где Медведев провел с ним откровенную беседу.

У Ивана Приходько оказалось в городе множество знакомых, в том числе и среди служащих оккупационных учреждений. Некоторые из них сознательно, другие, ни о чем не догадываясь, стали для советских разведчиков важными источниками информации.

Иван Тарасович вообще был человеком предприимчивым. Выросший в буржуазной Польше, он питал склонность к коммерческой деятельности, отсюда и специфичность круга его знакомств. Дмитрия Николаевича это не смущало. Мелкую торговую буржуазию он прекрасно изучил еще в Одессе во времена нэпа, знал, как с ней следует обходиться, чего можно от нее ожидать, чего следует опасаться. Эти знакомства Ивана Приходько использовались разведчиками весьма умело: добывались информация, документы, а также многие дефицитные вещи, в том числе медикаменты, перевязочные материалы, хирургические инструменты, радиодетали и т. п.

Через брата Николай познакомился с человеком, которому предстояло стать соратником Николая Кузнецова до самого их смертного часа. Это был молодой красивый поляк по имени Ян Каминский, он работал пекарем в той же пекарне, что Иван Тарасович. Каминский входил в подпольную польскую организацию, которая, однако, никаких активных действий против оккупантов не предпринимала. Это очень раздражало Яна, который рвался к борьбе, к настоящему делу. Он с радостью принял предложение помогать советским разведчикам. В то время в Ровно и округе жило много поляков, среди них у Каминского были и родственники, и друзья, в том числе и с полезными связями.

Через некоторое время фактически переселился в Ровно на постоянное жительство Николай Гнидюк. Основным его документом являлся аусвайс (удостоверение личности) на имя уроженца города Костополя Яна Багинского, пекаря военной пекарни, проживающего по Мыловаренной улице, 19. Ян Багинский быстро приобрел в определенных кругах репутацию предприимчивого, оборотистого спекулянта. На самом деле эта коммерция не приносила Гнидюку и отрядной кассе ничего, кроме убытков. От банкротства Яна Багинского спасали только дотации от командования в виде так называемых «карбованцев», которые выпускал в Ровно Центральный эмис-

сионный банк Украины. Население имело право пользоваться только этими «карбованцами». Иметь немецкие марки местным жителям запрещалось под угрозой жесточайших репрессий, вплоть до расстрела, но спекулянты тайком все же с ними дело имели.

Поселился в Ровно и самый старший из разведчиков Михаил Макарович Шевчук. У этого невысокого, плотного, не слишком разговорчивого и очень скромного человека был огромный опыт работы в подполье. Шевчук был старым членом Коммунистической партии Западной Белоруссии, восемь лет провел в панских тюрьмах. В Ровно Шевчук был внедрен под именем и с документами коммерсанта Болеслава Янкевича. Ходил «пан Болек» — как его называли знакомые — в солидном темном костюме, носил котелок и очки, в руке по немецкой моде часто держал букетик цветов. Он постоянно толкался возле комиссионных магазинов, посещал рестораны и кафе, словом, бывал всюду, где крутилась темная публика, занимавшаяся спекуляцией, причем порядком выше той, в какой подвизался Ян Багинский. И соседи по квартире, и знакомые спекулянты, и даже агенты уголовной полиции были убеждены, что «пан Болек» — сотрудник фашистской службы безопасности. Поэтому его остерегались, что только шло на пользу делу.

Плодотворным оказалось и приобщение к разведке Николая Струтинского. Этот совсем еще молодой крепыш с вьющимися белокурыми волосами и светлыми глазами обладал многими достоинствами, которые Медведев в нем разглядел. Струтинский был смел, решителен, энергичен, умел легко обзаводиться полезными знакомствами. Конечно, ему не хватало знаний и навыков, но это было делом наживным.

Уже в октябре 1942 года в Ровно начала функционировать еще не очень разветвленная, но достаточно сильная сеть, подобраны надежные конспиративные квартиры, установлены первые связи, намечены пути проникновения во вражескую среду. Из первых докладов побывавших в Ровно разведчиков Медведеву стало очевидно, что в городе существует подполье, возможно даже, что в нем действует не одна, а несколько патриотических организаций. Об этом говорили случаи уничтожения гитлеровских офицеров и чиновников, пожары и взрывы на военных объектах, а также распространение антифашистских листовок и сводок Совинформбюро.

Медведев предполагал наладить со временем связь с

подпольщиками, но делать это не спешил. Он понимал, что за год с лишним оккупации города гитлеровская служба безопасности тоже изучила обстановку, вела наблюдение за населением, тайно выявляла лиц, возможно причастных к подполью. Как профессиональный чекист, Медведев обязан был предполагать, что немцы постараются внедрить в подпольные организации, большинство участников которых, конечно, не обладают навыками конспирации, агентов и провокаторов.

Дмитрий Николаевич не имел права рисковать своими людьми, ставить под угрозу выполнение ими важнейших разведывательных заданий Москвы, поэтому и временил с расширением излишних связей в городе. Впоследствии он неуклонно придерживался правила: любой подпольщик, который в силу своих возможностей и способностей мог быть полезным для ведения активной разведки, из деятельности своей старой организации выключался. Только так можно было обеспечить безопасность разведывательной сети, сохранить людей и связи от провалов.

Подошло время, когда Медведев пришел к выводу, что пора приступать к разведывательной работе и Николаю Васильевичу Грачеву. Дмитрий Николаевич из бесед с Кузнецовым знал о его высокой профессиональной подготовке, кроме того, ему были хорошо известны товарищи, работавшие с Николаем Ивановичем в Москве, их большие знания и опыт. И все же он счел возможным направить Кузнецова в Ровно лишь после того, как продумал тщательно всю информацию о положении в городе, собранную другими разведчиками. Потом вместе с Кузнецовым был проработан весь план первой, а потому особо ответственной поездки Зиберта в столицу РКУ, предусмотрены возможные неприятности, учтены тысячи мелочей, даже погода...

После возвращения Кузнецова из Ровно Медведев долго беседовал с ним, его интересовала каждая мелочь. В конце разговора спросил:

— Вы уверены, что ничем не привлекли к себе особого внимания?

— За поведение, манеры, образ могу поручиться. Но в экипировку придется внести кое-какие изменения, Дмитрий Николаевич.

— Какие именно?

— Пилотки, как я понял, в Ровно носят только заезжие фронтовики. Офицеры, которые находятся в городе длительное время, носят только фуражки. И пистолет... Мой парабеллум выдает командированного фронтовика. Нужно что-нибудь полегче и поизящнее, лучше всего вальтер или браунинг.

Медведев был вполне удовлетворен ответом: молодец Грачев, не упустил мелочей, на которых и зиждется безопасность разведчика. Необходимые поправки в экипировку Николая Ивановича были, конечно, внесены. А через неделю Кузнецов снова выехал в Ровно. Обер-лейтенант Зиберт начал действовать...

Обстановка на фронтах Великой Отечественной войны не оставляла Медведеву и его разведчикам и дня на «раскачку». На огромных пространствах между Волгой и Доном развернулась и достигла уже своего апогея одна из самых грандиозных в истории второй мировой войны — Сталинградская битва.

Информация, прежде всего о передвижениях немецких войск в район Сталинградского сражения, перебрасываемых туда резервах с других направлений, сведения о потерях в живой силе и боевой технике в эти дни приобретала особо важное значение для командования Красной Армии. Отряд «Победители» был одним из звеньев в хорошо налаженной системе советской разведки.

Поле разведывательной деятельности перед Медведевым расстилалось поистине необозримое.

В 1943 году в Ровно дислоцировалось 246 (!) гитлеровских учреждений и штабов центрального подчинения. В городе, кроме того, находились многие сотни различных менее значительных контор, агентств, управлений, фирм, представителей иногородних организаций и т. п. В каждом из этих объектов можно было, а в ряде случаев должно добыть информацию, представляющую военную, политическую или иную ценность для командования Красной Армии и советской разведки.

Эта задача была под силу не разведчикам-одиночкам, а широкой, разветвленной сети. Такая сеть в короткий срок Медведевым и была создана... Из Ровно, Здолбунова, Сарн, а позднее и других мест поступала в отряд, здесь проверялась и анализировалась, а затем передавалась в Центр информация, имевшая большое военное, оперативное и политическое значение.

Исключительно быстро вжился в среду оккупантов Пауль Зиберт. Он стал завсегдатаем лучшего ресторана города «Дойчегофф» на Дойчештрассе, иных мест, где проводили свободное время гитлеровские офицеры и чиновники. Привлекательный, остроумный, скромный, щедрый на угощение обер-лейтенант обзавелся большим числом знакомых и приятелей во всех сферах военного и оккупационного аппарата Ровно, в том числе таких его звеньях, как РКУ, полиция безопасности, иные карательные и разведывательные органы. Особенно интересовало его знакомство с комендантом полевой жандармерии Ришардом. Этот падкий на даровое угощение офицер любил показать свою осведомленность. Умело подогреваемый Зибертом, он сообщал ему о намечаемых в городе и его окрестностях облавах, давал пароли для ночного хождения и т. п. Эти сведения помогали обеспечивать безопасность разведчиков и связных, направляемых в Ровно. Однажды Зиберт сумел узнать, что в партизанских отрядах Волыни и Подолии ловко действует агент СД Васильчевский. Он выдал многих подпольщиков и партизан. Медведев, получив эту информацию, сообщил приметы и иные сведения о провокаторе в Москву. Васильчевский был обезврежен.

Но главным, конечно, в эти дни был сбор информации военного характера. Помимо Кузнецова, ее получали Шевчук, Гнидюк, Приходько, Довгер, Струтинский и многие другие разведчики. Опасным делом была доставка собранных сведений в отряд, который, как уже отмечалось, первое время базировался далеко от города. Связникам приходилось на всем многокилометровом пути преодолевать множество препятствий. Особую опасность представляли жандармские и полицейские патрули, а также вооруженные группы украинских буржуазных националистов. Небольшие сравнительно размеры Ровно исключали возможность Кузнецову и его товарищам пользоваться рацией — ее работа была бы немедленно засечена, а она сама запеленгована. Так что вся тяжесть доставки информации падала на связников.

Дмитрий Николаевич и сотрудники его штаба постарались в пределах возможного обезопасить работу связников. Обычно (в описываемый период) их путь заканчивался на «зеленом маяке» около села Оржево в четырех километрах от станции Клевань и приблизительно в двадцати от Ровно. На «маяке» они вручали свои пакеты постоянным дежурным, отдыхали, получали очередные

задания командования Кузнецову и другим городским разведчикам и отправлялись в обратный путь. Если дежурные по какой-либо причине отсутствовали, то связник или разведчик оставлял донесение в своем личном «почтовом ящике», каковым могло быть дупло старого дерева, расщелина в пне, консервная банка, спрятанная под камень, и т. п. Все лица, следовавшие в отряд из города или в обратном направлении, также проходили через «маяк». Кузнецов, к примеру, покидал лагерь в обычной одежде и только на «маяке» переодевался в немецкую форму. На пути от лагеря до «маяка» и обратно его обязательно сопровождала охрана.

19 ноября начался наступательный период Сталинградской битвы. 23 ноября в междуречье Волги и Дона была окружена огромная группировка врага — 330 тысяч человек! Фашистское командование предприняло отчаянные шаги, чтобы ударами извне вырвать свои войска из огненного кольца. Пришла в движение вся громадная машина гитлеровцев. Немцы гнали под Сталинград новые дивизии. О масштабах перевозок говорит даже такой факт: для переброски из Франции одной только 6-й танковой дивизии потребовались десятки составов.

Все бойцы, особенно разведчики отряда «Победители» и его штаб, в эти дни работали с крайним напряжением. В таких условиях налаженный способ передачи информации (а ее поступало от Кузнецова, здолбуновской и других групп очень много) в отряд, связанный с потерей времени, уже не устраивал командование. И Медведев скрепя сердце, решился на рискованный шаг: засылку в Ровно радистки с рацией. Дмитрий Николаевич прекрасно понимал, сколь велика опасность ее провала, но вынужден был пойти на это. Выбор командования пал на Валентину Осмолову, дочь старого красного партизана. За крутой характер и боевое происхождение Валентина получила от бойцов прозвище Казачка.

Со многими приключениями радистка была доставлена Кузнецовым в Ровно и определена на квартиру Приходько под видом невесты его брата. Здесь в условиях крайнего риска (немцы таки запеленговали станцию и устроили повальные обыски в городе, в том числе обыскали и дом Приходько) она проработала шестнадцать дней, передав большое количество важных разведданных, касающихся, в частности, и действий гитлеровцев по спасению окруженных войск генерал-полковника Паулюса.

Данных с мест поступало в эти дни так много, что

лучшие радисты отряда — сама командир радиовзвода Л. Шерстнева (Мухина), Африка, В. Орлов и другие делали по нескольку сеансов в день, чтобы успеть все вовремя передать в Москву. В соответствии с указанием Медведева, радисты постоянно меняли места передач. Под охраной нескольких бойцов они иногда удалялись от лагеря на двадцать километров. В результате этой предосторожности гитлеровцы так и не смогли точно определить местонахождение базы отряда.

В дни Сталинградской битвы медведевцы предприняли и ряд боевых вылазок. Однажды при очередной встрече с Довгером Кочетков узнал от него, что в Сарнах немцы оборудуют большой дом отдыха для офицерского состава действующей армии. Медведев приказал группе бойцов под командованием Стехова достойно встретить первый эшелон с отпускниками. Партизаны отлично справились с задачей. Эшелон был вначале подорван миной, а затем подвергнут интенсивному обстрелу из пулеметов и автоматов.

Выяснилось, что эшелон вез офицеров — летчиков и танкистов. Убитых и раненых на автомашинах и мотодрезинах отвозили в Сарны, Клесов и Рокитное. В одни только Сарны было доставлено 47 трупов. Из Клесова и Рокитного тела нескольких убитых офицеров высокого ранга отправили самолетом в Германию.

А в канун Нового года, вечером 31 декабря, группа подрывников в составе двадцати человек под командованием инженера Константина Маликова взорвала на участке Ковель—Ровно еще один состав — шестьдесят вагонов с оружием, боеприпасами и прочим военным снаряжением.

С первых же дней нахождения отряда в тылу врага Медведеву пришлось столкнуться с предательской антинародной деятельностью украинских буржуазных националистов разного толка, ставших прислужниками и прямыми пособниками немецко-фашистских оккупантов.

Перед войной, уже находясь на содержании гитлеровской разведки, ОУН стала перебрасывать на Украину подрывные группы и отдельных агентов, прошедших специальную подготовку в шпионских школах абвера и СД. Значительная их часть тогда же была обезврежена советскими органами госбезопасности. Но некоторые оуновцы сумели продержаться в подполье и теперь всплыли на поверхность. Многие националисты явились на украинскую землю вместе с немцами.

Соперничая между собой в преданности фюреру и рейху, националистические группировки прикрывались лозунгами создания «самостийной Украины». Они уверяли, что, дескать, готовы выступить против немцев, но после того как «ясновельможный пан атаман Адольф Гитлер победит большевиков». Именно в западных областях Украины националисты начали формировать вооруженные банды, которым присвоили громкое наименование «Украинская повстанческая армия» — УПА. Фашисты использовали их для кровавых расправ над мирными жителями, уничтожения еврейского и польского населения, привлекали к карательным действиям против партизан. Весной 1943 года националисты окончательно сбросили маску: оуновцы-мельниковцы сколотили из сынков кулаков, торговцев, священников-униатов дивизию СС «Галичина» под командованием... немца, бригаденфюрера СС Фрейтага.

Целый куст националистических организаций обосновался в Ровно. Здесь действовала «Украинская рада доверия», возглавляемая бывшим адъютантом и племянником Петлюры (а с некоторого времени и агентом абвергруппы-204) Степаном Скрыпником, «Украинский допомоговый комитет», центральный орган оуновской организации «Просвита». Своим человеком для националистов был и настоятель ровенского униатского собора «высокопреосвященный владыка» Поликарп. В Ровно и округе издавалось несколько националистических профашистских газет. Скрыпник был первым издателем самой продажной из них — «Волыни». После того как он был неожиданно «возведен» в сан епископа Переяславского и викария Киевской украинской автокефальной церкви под именем Мстислава, его сменил за редакторским столом Улас Самчук.

Главной фигурой среди националистов на Ровенщине был Тарас Боровец, игравший одно время в оппозицию к немцам. Боровец родился на Ровенщине в семье куркуля, владел каменоломней, занимался и торговлей. После сентября 1939 года Боровец оказался на территории Польши, оккупированной немцами, прошел обучение в абверовской школе штаба «Валли» в Варшаве и работал в зондерштабе-Р («Россия»). На территории Ровенщины объявился в июле 1941 года в качестве коменданта фашистской службы безопасности по Сарненскому и Олевскому округам. Тогда же он фактически по заданию гитлеровцев создал вооруженную банду УПА

«Полесская сечь» (позднее переименованную им в УНРА — «Украинскую народно-революционную армию») и присвоил себе псевдоним «Тарас Бульба». По приказу оккупантов бульбаши принимали участие в уничтожении еврейского населения в Сарнах и Дубровицах, но убивали также и поляков, и украинцев, выступавших против «нового порядка».

Банды Бульбы терроризировали население ровенского Полесья, части Пинской области Белоруссии и Олевского района Житомирщины. Отсюда отряды УПА совершали карательные вылазки против партизан и выходивших из окружения красноармейцев. Бульбаши были серьезной помехой для развертывания отрядом «Победители» разведывательной работы на Ровенщине. Прямого военного столкновения с бандами Медведев не опасался — жизнь показала, что настоящих боев бульбаши не выдерживают и обращаются в бегство. Но бандитские засады представляли реальную угрозу для связных и разведчиков отряда, передвигавшихся по оккупированной территории в одиночку или малыми группами.

Медведев долго размышлял, каким образом хотя бы на время и без кровопролития обезвредить атамана, чтобы сосредоточить все силы для борьбы с главным, сильным, опасным, умным и изворотливым врагом — гитлеровскими захватчиками. Усиливать боевые действия против бульбашей по месту дислокации отряда было нецелесообразно. Атаман немедленно побежал бы к немцам за помощью, те направили бы против «Победителей» крупную карательную экспедицию. В конце концов Дмитрий Николаевич пришел к выводу, что есть смысл попробовать обезвредить бульбашей путем соглашения о нейтралитете.

Надо сказать, что идею переговоров Медведеву подсказал... сам атаман, который первым прислал «Командующему советскими партизанскими силами» записку с приглашением встретиться. Дмитрию Николаевичу было ясно — Бульба рассчитывает получить отказ, чтобы потом использовать его как доказательство того, что большевики, дескать, отклонили его помощь в совместной борьбе с немцами. Медведев взвесил и другой вариант — Бульба пойдет на переговоры, но лишь для того, чтобы разведать силы и намерения партизан.

Медведев принял приглашение. Самому Дмитрию Николаевичу Москва категорически запретила идти на встречу, как он хотел первоначально. Ведение переговоров

он поручил своему фактическому заместителю Александру Александровичу Лукину.

Встреча состоялась 17—18 сентября 1942 года на одиноком хуторе близ села Бельчаки-Глушков. Хутор был оцеплен тройным кольцом вооруженных бандитов. Лукина сопровождала группа из пятнадцати автоматчиков под командованием Валентина Семенова.

Итогом первой встречи стала внушительная и впечатляющая демонстрация атаману силы Советской власти и партизан, как ее законных и единственных представителей в условиях временной оккупации. Полностью потерпели неудачу все дипломатические попытки Бульбы использовать сам факт переговоров для достижения каких-нибудь собственных коварных целей.

Двадцать восьмого октября состоялась вторая встреча Лукина с атаманом. В конце концов Бульба принял все требования Медведева: запретить «сичевикам» вступать в какие-либо военные столкновения с партизанами, дать возможность группам и отдельным партизанам беспрепятственно передвигаться по территории, контролируемой отрядами атамана, установить для этого общий пароль.

Слову атамана Медведев не верил. Он понимал, что имеет дело с пособником оккупантов, политическим авантюристом и двурушником, вынужденным пойти на временную уступку более сильному, чем он, противнику, а также под воздействием сложившейся неблагоприятной для него обстановки. Через своих разведчиков Медведев знал, что Бульба одновременно ведет переговоры с шефом СД Волыни и Подолии Питцем и руководителем политического отдела СД Йоргенсом. Кончились переговоры тем, что Бульба 15 марта 1943 года подписал с гитлеровцами секретное соглашение о совместной борьбе с «большевистскими партизанами Полесья». Полный текст этого документа, изобличающего предательство националиста, стал достоянием советской разведки, а впоследствии и опубликован в печати. И все же переговоры были победой Медведева и Лукина.

В «Сильных духом» Дмитрий Николаевич так писал об этом: «...«нейтралитет» все же связывал руки атаманам. Нам же он облегчал работу. Мы многое выгадывали, открыв себе доступ в те села, где «секирники» имели свою агентуру, и мы могли теперь работать среди населения, уже не опасающегося зверской расправы за общение с партизанами. Мы могли теперь вести разъяснитель-

ную работу и среди самих бульбашей. Многим из них, шедших за атаманом по заблуждению, мы должны были открыть глаза на то, в какую преступную авантюру их вовлекли».

Лукин и сопровождавшие их разведчики занимались не только «переговорами». Они многое увидели, многое услышали, успели завязать некоторые контакты с людьми из окружения атамана, раскусившими его предательскую политику пособничества оккупантам. Нащупали они и ходы к агентуре Бульбы в различных населенных пунктах Ровенщины, что помогло ее дальнейшему обезвреживанию.

Впоследствии, когда бульбаши нарушили перемирие, отряды Бульбы были фактически ликвидированы партизанами и частями Красной Армии. Сам Бульба бежал с оккупантами и впоследствии работал в гитлеровской шпионской школе. После войны атаман, подобно другим пособникам оккупантов, переметнулся на службу американской разведке...

С хорошим настроением встречали Медведев и его боевые друзья Новый, 1943 год. Этому способствовали и победы Красной Армии на фронтах Великой Отечественной войны, и собственные успехи в разведывательной и боевой работе во вражеском тылу.

В январе 1943 года неожиданно для этих мест ударили двадцатиградусные морозы. Лагерь Медведева к такому был малоприспособлен. Встал вопрос о выборе села, где можно было бы если не перезимовать, то хотя бы переждать период сильных холодов.

«Лично я, — впоследствии писал Дмитрий Николаевич, — всегда стоял за то, чтобы жить в лесу. В лесу в случае опасности мы, если находили ненужным принять бой, могли незаметными тропками покинуть лагерь. В лесных лагерях партизаны всегда находятся в боевой готовности, тогда как пребывание в теплых хатах — так по крайней мере казалось мне — размагничивает людей. Другое дело, что и в лесу мы должны создать себе нормальные, «оседлые» условия жизни. В лесу бойцы ограждены от эпидемий, с началом немецкой оккупации свирепствовавших в селах. Наконец, нельзя не учитывать и того, что, живя в деревнях, мы неизбежно подвергаем мирное население опасности налета карателей. Все эти соображения заставляли меня отнестись очень сдержанно к перспективе переезда на зиму в село. Но что было делать с таким морозом?

Мы выбрали село Рудню-Бобровскую, решив, что пробудем там только то время, пока стоят лютые холода. Село было надежное. Там давно находился наш «маяк», разведчики организовали самооборону из крестьянской молодежи.

Девятнадцатого января отряд двинулся из лесного лагеря в Рудню-Бобровскую».

Это большое село стало на время настоящей партизанской «столицей». Здесь снова вступили в законные права все нормы советской жизни. Для населения регулярно устраивались политинформации, по вечерам на сельских улицах и в крестьянских хатах звучали песни. Вокруг Рудни-Бобровской по многим селам Сарненского, Рокитнянского, Людвипольского районов были созданы «маяки». Ежедневно из села отправлялись в разные стороны на выполнение боевых заданий группы разведчиков и партизан. Бойцы громили в окрестностях фольварки новоявленных немецких помещиков, захваченное продовольствие и имущество раздавали местным жителям, они взяли под свой контроль предприятия, в результате, по словам Медведева, вся округа стала полностью партизанской.

В пятидесяти километрах от села Медведев создал крупный оперативный «маяк», где под руководством Владимира Григорьевича Фролова шло формирование и обучение местных партизанских отрядов, включавшихся, по мере готовности, в вооруженную борьбу с оккупантами. Возле Рудни-Бобровской был оборудован аэродром, здесь же по ночам принимали грузы из Москвы, сбрасываемые с парашютами: оружие, боеприпасы, магнитные мины, теплую одежду, свежие московские газеты.

Очень выгадали от перемещения в село радисты: для них многочасовая работа ключом на морозе была делом невыносимо трудным. К тому же, когда стыли пальцы, снижалась скорость передачи, появлялись ошибки. Между тем работы для радистов прибавлялось, потому что неуклонно увеличивался объем поступающей информации.

Передышка на теплых зимних квартирах, как и предполагал Медведев, не оказалась чересчур продолжительной. Уже в конце января он получил сведения, что гитлеровцы готовят против его отряда крупную карательную экспедицию, для чего стягивают воинские подразделения не только с Ровенщины, но также из Киева и Житомира. Он предпринял ответные меры: вокруг сел, где находились «маяки», и прежде всего самой Рудни-Бобровской, парти-

заны с помощью местных жителей устроили и заминировали завалы, после чего покинули село. Вместе с ними ушла и большая часть жителей, устроившая в лесу «гражданский лагерь». Когда каратели, преодолев завалы и минированные участки, вошли в село, отряд успел отойти на значительное расстояние и находился в относительной безопасности. Произошло лишь несколько быстротечных стычек партизанских групп с карателями, причем в одной из них, как стало известно позже, был убит командовавший всей экспедицией.

Переходы, бои, маневрирование силами отряда не смогли помешать связи с Москвой — сказалось и высокое мастерство отрядных радистов, и постоянная забота о них со стороны Медведева и всего штаба. Сеансы проходили в положенные часы, разведданные поступали в Центр бесперебойно. Вот одна из многих радиограмм, переданных «Победителями» в Центр в феврале 1943 года: «На аэродроме в 8 километрах от города на хуторе Малые Омельяны базируется более 100 боевых и транспортных самолетов». Через несколько дней советские бомбардировщики нанесли по аэродрому мощный бомбовый удар...

Радиосвязь не подводила, но по-прежнему трудным и опасным делом, отнимавшим, кстати, и много времени, оставалась доставка информации в отряд, а также передача разведчикам, действовавшим в Ровно и иных местах, распоряжений и приказов штаба. На всем долгом пути от города до «маяка» связник ежеминутно рисковал. Погиб на нем и любимец всего отряда Николай Приходько.

Накануне большого праздника — 25-й годовщины Красной Армии Николай доставил на кудринский «маяк» под Тучином очередное донесение Кузнецова, получил для него распоряжение и поспешил обратно в Ровно. Веселый и ребячливый, Приходько очень любил провести в отряде или на «маяке» день-другой, каждый такой приезд становился для него настоящим праздником. Но, получив приказ, он словно преображался. От ребячливости не оставалось и следа. И никогда Николай не делал и попытки отложить очередную труднейшую ходку. Так было и на этот раз. Приходько следовал в город на подводе. Под сеном у него был спрятан автомат и гранаты. Но до Ровно он не добрался... А вскоре до отряда и городских разведчиков докатились слухи, что у села Великий Житень какой-то человек вступил в жестокий бой с немцами, сам погиб, но и врагов положил немало. Этим человеком мог быть только Николай Приходько...

Еще не зная никаких подробностей, Медведев обязан был исходить из самого худшего — что пакет, предназначенный для Кузнецова, попал в руки гитлеровцев. Кроме того, немцы могли опознать Приходько как местного жителя в недавнем прошлом, арестовать в Ровно его брата, других родственников и выйти на разведчиков и в городе, и в Здолбунове. Медведев приказал группе, связанной с Кузнецовым и Приходько, немедленно покинуть Ровно. О случившемся несчастье и возможных последствиях сообщили в Центр. Москва одобрила принятые меры и рекомендовала предупредить брата Приходько, разработать для него правдоподобную линию поведения в случае ареста.

Переполошившиеся немцы быстро поняли, что погибший — не простой местный партизан. Жандармерия и подразделения службы безопасности закрыли все дороги, сплошь проверяли документы, устраивали обыски. В Ровно были доставлены дополнительные полицейские отряды. Установить личность погибшего гитлеровцам так и не удалось, хотя они и выставили его тело для опознания, объявив за это солидное вознаграждение. А вскоре Медведев получил исчерпывающую информацию о последнем подвиге Николая Приходько. В выяснении обстоятельств гибели его принимал участие и Кузнецов.

2 марта 1943 года Медведев сообщил в Центр: «Точно установлено, что П. 22 февраля в 18 часов, проезжая по Тучинскому шоссе у села Великий Житень, был задержан заставой из 6 немцев и 6 полицейских. Чтобы не дать обнаружить врученный ему пакет, открыл огонь из автомата, убил 10 человек, но сам был ранен. Отстреливаясь, погнал лошадей вперед, через несколько метров встретился с немцами, ехавшими на грузовой машине и открывшими по нему стрельбу. П. был ранен еще два раза. Убив еще 6 немцев, он отбежал на 300 метров, сжег пакет и был убит. Немцы под страхом расстрела запретили жителям рассказывать этот эпизод.

П. геройски выполнил задание. Он достоин присвоения звания Героя Советского Союза. Прошу возбудить об этом ходатайство перед правительством».

В отряде тяжело приняли сообщение о героической гибели Приходько. На митинге в память погибшего товарища несколько партизан изъявили желание заменить Приходько на посту связного. Была выпущена листовка под названием «Подвиг», которую написал Кузнецов.

Оперативное и аналитическое мастерство Медведева блестяще проявилось при решении важной задачи, связанной с установлением местонахождения полевой ставки Гитлера. Было известно, что фюрер перевел ее куда-то на Украину, но куда именно? Установить адрес ставки было делом чрезвычайным. Медведев понимал, что ставка не может находиться близ старой границы — иначе просто не было никакого смысла переводить ее из Германии. По логике можно было предвидеть, что Гитлер не появится и в опасной близости к фронту. Вряд ли следовало искать ставку и в районах, охваченных особо активной партизанской борьбой, или близ крупных городов и важных стратегических центров — из-за опасения случайно попасть под бомбардировку советской авиации.

После внимательного анализа обстановки Медведев пришел к выводу о необходимости ограничить круг поисков тремя географическими пунктами: Ровно, Луцк, Винница. Конечно, ставку следовало искать не в этих городах, а в их окрестностях. Наверняка она будет хорошо замаскирована и сильно охраняться. Сильно, но не навязчиво — чтобы чересчур явными мерами предосторожности не привлечь внимания советской разведки.

Первым из короткого перечня было вычеркнуто Ровно. Разведчики отряда уже хорошо изучили город и округу и ничего похожего на ставку не обнаружили. Вскоре отпал и Луцк. Оставалась Винница. Изучить ее непосредственно было трудно, так как отряд от этого города отделяли 450 километров захваченной врагом территории.

Все началось с кропотливой аналитической работы. Возможно, ниточка потянулась от очередного доставленного в отряд номера издаваемой в Ровно на украинском языке газеты «Волынь». Достаточно хорошо известно, что скрупулезное чтение вражеской печати дает разведчику много полезных сведений. Самое невинное на первый взгляд сообщение, проскочившее мимо взора военного цензора именно из-за своей явной безобидности, может скрывать важную информацию. В упомянутом номере на видном месте было напечатано составленное в льстивых выражениях сообщение о том, что на днях в Виннице состоялось представление оперы Рихарда «Тангейзер», на котором присутствовал генерал-фельдмаршал Вильгельм Кейтель. Возник вопрос: почему оказался Кейтель в скромном украинском городе? Через некоторое время Кузнецов доставил в отряд другую газету — выходившую в Луцке на немецком языке «Дойче Украинише Цайтунг». В разделе

хроники Медведеву бросилось в глаза еще одно сообщение из Винницы: на сей раз концерт артистов Берлинской королевской оперы почтил своим присутствием «наци номер два» рейхсмаршал Герман Геринг. Поставленные рядом два эти сообщения уже кое о чем говорили, хотя еще и не слишком убедительно. В конце концов это могло быть и совпадением, которых история разведки знает множество, в том числе и самых, казалось бы, немыслимых.

Однако теперь Дмитрий Николаевич проявлял к Виннице самое пристальное внимание. Вскоре он узнал еще один любопытный факт. В отряд влилась большая группа бежавших из плена красноармейцев. Один из них, Василий Неудахин, бежал из лагеря, находившегося неподалеку от Винницы. Он рассказал, и его рассказ потом подтвердили другие бойцы, что летом 1942 года под Винницей немцы вели какое-то большое строительство. Что именно там строили, Неудахин не знал. Но ему было твердо известно: на строительство послали несколько тысяч человек, из которых обратно не вернулся никто. Ходили слухи, что всех их расстреляли.

Затем Кузнецов сообщил Медведеву, что один из его приятелей-офицеров рассказал ему, что рейхскомиссар Эрих Кох на несколько дней выехал в Винницу. Из других источников Медведеву стало известно об одновременном и тоже срочном выезде в Винницу генеральных комиссаров Магуниа из Киева и Оппермана из Николаева. Кох регулярно проводил совещания с подчиненными ему генеральными комиссарами, но, естественно, всегда в Ровно. Наконец, от того же Кузнецова пришло сообщение, что другой его приятель, сотрудник СД Гейнрих, был вызван в Житомир, где располагалась полевая ставка рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера, но не застал его там, поскольку тот, в свою очередь, был вызван в Винницу. Но вызвать куда-нибудь всемогущего главаря всех СС и начальника германской полиции мог только один человек — Гитлер.

На этом этапе цепь умозаключений уже замыкалась в кольцо. Теперь ни Медведев, ни его ближайшие помощники не сомневались, что ставка фюрера находится в окрестностях Винницы. Оставалось выяснить, где именно, что она собой представляет, как охраняется, поискать к ней подходы и т. п. Решить эту задачу окольным путем было нельзя. Требовались точные, абсолютно достоверные данные. Такие, по мысли Дмитрия Николаевича, можно было получить от хорошо информированного «длинного

языка». Брать такого в Ровно было нецелесообразно по многим причинам. Прежде всего, отдаленность лагеря от города ставила большие проблемы по транспортировке пленного. Но, главное, в случае неудачи угроза нависала над лучшими разведчиками отряда.

И тогда у Медведева зародилась идея использовать для этой цели «подвижную засаду», или, как образно назвал ее Кузнецов, «охоту на индюков».

...В безрадостный зимний день из леса неподалеку от села Рудня-Бобровская сразу после полудня выехало пять фурманок. На передней фурманке, зябко кутаясь в шинель, сидел немецкий обер-лейтенант, на остальных фурманках — полицаи.

Кружным путем фурманки направились к шоссе Ровно — Киев и свернули влево, в сторону Корца. Похоже, то была команда полицаев под началом немецкого офицера, направлявшаяся заготовлять продовольствие или наводить «порядок» в какое-нибудь село. Постепенно начало смеркаться.

И вдруг где-то далеко впереди надсадно, по-комариному запел мотор легкового автомобиля, потом запрыгали огоньки подфарников. Тут же полетели в снег недокуренные цигарки. Настороженно выпрямился офицер, поправил автомат на груди. Два полицая соскочили с фурманки и побежали вперед.

Из-за поворота на большой скорости вылетела легковая машина. Как только она поравнялась с двумя полицаями, один из них выхватил из-за пазухи тяжелую гранату и точным броском послал ее под колесо машины. «Опель» подбросило, завертело и кинуло в кювет мощным взрывом. И тут же его бока прошили автоматные очереди. Били с фурманок сразу несколько полицейских. Первым к дымящейся груде исковерканного металла подбежал обер-лейтенант. На ходу бросил команду:

— Забрать документы и оружие!

Едва переодетые полицейскими партизаны выполнили приказ, как из-за поворота выскочила еще одна автомашина — многоместная, полубронированная. Водитель, видимо, уже понял, что впереди засада, но решил не разворачиваться, а прорываться, полагаясь на скорость и броню. Бессильно забарабанили по кузову, лишь сбивая краску с брони, винтовочные и автоматные пули. Но тут невысокий коренастый партизан, бивший с фурманки из ручного пулемета, видно, вспомнив что-то, мгновенно сменил диск и выпустил вдогонку автомобилю длинную оче-

редь — уже бронебойными... И сразу закидало из стороны в сторону мощную машину, пока не бросило радиатором, закрытым стальными пластинами, на ствол могучей сосны.

Подбежавшие партизаны обнаружили в салоне несколько трупов. Лишь два пассажира, прикрытые бронеспинкой, подавали признаки жизни. Один из них судорожно сжимал ручку большого желтого портфеля...

Так завершилась наиболее удачная из нескольких проведенных в декабре 1942-го — феврале 1943 года «подвижных засад». Командовал ею Николай Кузнецов. В операции участвовали также Михаил Шевчук, Николай Гнидюк, Николай Струтинский, Петр Дорофеев, Алексей Глинко, Сергей Рощин, Николай Бондарчук, Иван Безукладников, Валентин Семенов, Виктор Семенов, Николай Приходько и другие бойцы.

Путая следы, партизаны долго петляли по лесу, пока не добрались до Кудринских хуторов, где жила семья связанного с отрядом местного жителя Вацлава Жигадло. Взятые в плен оказались действительно «длинными языками». Одним из них был советник военного управления РКУ майор фон Райс, вторым — военный чиновник Гаан. Оба оказались также высокопоставленными связистами. Подполковник Гаан получил несколько ранений, Райс, похоже, был только контужен.

Узнав от связного, что дала «подвижная засада», Медведев, чтобы не терять времени, срочно командировал из отряда на хутор радиста Виктора Орлова, переодетого полицаем, в сопровождении охраны.

Допросы дали ценные результаты. В частности, была расшифрована захваченная в числе других документов карта с важными данными о состоянии железных, шоссейных и грунтовых дорог и линий связи на территории всей Украины, сведениями о действующих и взорванных мостах и т. п. Райс дал показания и о подземном кабеле, проложенном вдоль Киевского шоссе на участке Ровно — Звягель. Бронированный кабель предназначался для обслуживания ставки Гитлера, закодированной под названием «Вервольф» — «Оборотень» и расположенной, как выяснилось, на восьмом километре от Винницы в сторону Киева, в Коло-Михайловском лесу близ сел Якушинцы и Стрижавка.

Данные, полученные от Гаана и Райса, Медведев передал в Москву. Мощные удары Красной Армии, разгромившей окруженную группировку под Сталинградом, вы-

нудили Гитлера перевести свою ставку из-под Винницы в район Растенбурга в Восточной Пруссии (ныне территория ПНР). Здесь она получила название «Вольфшанце» — «Волчье логово». Но и «Вервольф» не был забыт. Летом 1943 года Гитлер проводил в Виннице совещание с командованием Восточного фронта. Винницкие подпольщики, связанные с отрядом «Победители», видели его проезжающим по улицам в черном «майбахе». Символично, что заседания проходили на территории городской... психбольницы.

Отряд «Победители» был не единственным крупным партизанским соединением, действовавшим на Ровенщине. В разное время здесь проходили рейдами соединения и бригады А. Федорова, А. Сабурова, М. Наумова, Ф. Маликова, Я. Шкрябача, Юзефа Собесяка. В феврале 1943 года здесь появились ковпаковцы, совершавшие свой легендарный рейд по Правобережной Украине. О появлении путивльских партизан Медведев прочитал в одном сообщении из Ровно: «Фельджандармерия и каратели сильно обеспокоены каким-то крупным партизанским отрядом под командованием Ковпака. Немцы и немки с ужасом рассказывают, что Ковпак везде появляется неожиданно, истребляет немецкие гарнизоны, взрывает мосты и поезда. Боятся, как бы он не нагрянул в Ровно...»

Ковпак тоже, как выяснилось, уже слышал о партизанском отряде Медведева и постарался установить с ним связь. Непосредственно это сделали начальник ковпаковской разведки Петр Вершигора и прикомандированный к соединению корреспондент «Правды» Леонид Коробов. Знаменитый репортер, награжденный за храбрость орденом Ленина еще в войну с белофиннами, записал тогда: «Наконец привелось увидеть этого таинственного Медведева. Это высокий человек в валяных сапогах, заячьей шапке. Подтянут. Глаза очень хитрые и создают такое впечатление, будто всверливаются в тебя, стараясь разгадать затаенные мысли. В разговоре нетороплив, дипломатичен и, как разведчик, собран, сосредоточен, со скрупулезной педантичностью следит за разговором. Выводов этот человек не делает, для него важны факты, за которые цепляется, точно рысь».

Вершигора и Коробов от имени Ковпака пригласили Медведева посетить их лагерь и вместе отметить 25-ю годовщину Красной Армии. Дмитрий Николаевич, еще не знавший ничего о гибели Николая Приходько, принял это приглашение...

Ковпаковцы простояли рядом с медведевцами несколько дней, и командиры встречались между собой неоднократно. На обеде Ковпака поразило обилие сортов колбасы па столе. Еще больше он удивился, когда узнал, что все эти аппетитные круги — и «московской», и «краковской», и «чайной», и сосиски, и окорока произведены здесь же, в отряде. «...Не ради роскоши или прихоти занялись мы этим делом, — писал Медведев. — Разведчики уходили из отряда на неделю, на две. По нескольку человек постоянно дежурили на «маяке». Им надо было питаться, а заходить в села за продуктами не разрешалось. Что можно было им дать с собой, кроме хлеба? Вареное мясо быстро портилось, и люди жили впроголодь. Производство колбасы явилось блестящим выходом из положения. Специалисты-колбасники нашлись заправские. Все это я и рассказал Сидору Артемовичу».

Дед не ограничился только восторгами — он немедленно отдал распоряжение, чтобы несколько его партизан послали на выучку к медведевским мастерам по колбасной части.

У Ковпака была еще одна просьба к Медведеву: он недостаточно был осведомлен о положении на Западной Украине и очень нуждался в информации. Медведев и в этом вопросе помог Деду. Он тут же дал указание Лукину предоставить в распоряжение Вершигоры все нужные для штаба Ковпака данные. Александр Александрович терпеть не мог делиться с кем-либо информацией, ревниво берег секреты от стороннего взгляда. Медведеву пришлось даже «нажать» на своего заместителя по разведке. И тут произошло нечто вроде маленького чуда. Вершигора, по его собственным словам, был буквально поражен, когда полноватый, с несколько ленивыми движениями человек, нисколько не похожий на разведчика, не заглядывая ни в одну бумажку, стал засыпать его идеально сформулированной информацией десятками имен, географических названий, цифр, прочих точных данных...

Не терял времени даром в те дни и Леонид Коробов. Невзирая на строгий запрет, он исхитрился все же и сделал прекрасную фотографию Дмитрия Николаевича. Дмитрий Николаевич снят в зимней одежде полулежащим в санях, запряженных парой лошадей, захваченных, к слову сказать, при налете партизан на бывшее имение графа Потоцкого. (В этом «преступлении» Коробов сознался Медведеву лишь через одиннадцать с лишним лет, когда подарил снимок Дмитрию Николаевичу.)

После того как разведчики изучили основательно Ровно, Медведев поставил задачу вовлечь в сферу разведывательной работы второй по значению город Волыни и Подолии — Луцк. Дмитрий Николаевич не исключал, что гитлеровцы вынудят непрерывными карательными экспедициями покинуть насиженные места. В этом случае отряду не мешало иметь как бы резервное пристанище, таковое он и решил поискать в окрестностях Луцка. С этой целью и была послана туда группа из шестидесяти пяти бойцов под командованием Фролова — дяди Володи, как называли его партизаны. Группе предстояло пройти в два конца в условиях тяжелого бездорожья четыреста километров.

Накануне к Медведеву пришла Марфа Ильинична Струтинская и стала настойчиво просить включить ее в состав группы. Она была уже далеко не молода, на ее плечах лежала забота о большой семье, да и в отряде у нее дел хватало. Ко всему прочему, как знал Медведев от доктора Цессарского, Струтинская была не совсем здорова. Однако Марфа Ильинична стояла на своем, причем убедительно аргументировала просьбу. Она хорошо знала Луцк, в котором имела и родственников, и друзей. При своей безобидной внешности могла, не вызывая подозрений, встретиться с людьми, которые, в свою очередь, связали бы разведчиков с подпольем. И Медведев разрешил Марфе Ильиничне пойти на задание, в чем никогда не раскаивался, но о чем всю жизнь горько сожалел...

Группа Фролова благополучно достигла окрестностей Луцка, встала лагерем в двадцати пяти километрах от города и выслала туда разведчиков. Однако как раз в эти дни лопнул «нейтралитет» бульбашей. Как и предвидел Медведев, «рано или поздно это должно было произойти. Рано или поздно атаман по требованию своих хозяев должен был возобновить открытую борьбу против партизан. Сами националисты не могли не понимать, что они делают это себе на погибель. Одно дело — «воевать» с безоружным населением: тут они были храбрые, другое дело — драться с партизанами. Чем кончаются столкновения с партизанами, это предатели не раз испытали на собственной шкуре.

Но хозяевам их, гитлеровцам, надоело смотреть на бездействие своих лакеев. Хозяева потребовали от националистов активных выступлений».

Одновременно возобновились с умноженной силой и фашистские карательные экспедиции. Возникла реальная

угроза, что, если немцы и националисты перекроют дороги, группа Фролова окажется отрезанной от базы. Медведев передал Фролову приказ срочно возвращаться.

Группа вернулась, но со значительными и очень чувствительными потерями. Марфа Ильинична с партизанкой Ядзей Урабанович установила нужные связи в Луцке. Именно тогда дошли до отряда смутные слухи о появлении в Луцке под усиленной охраной нескольких вагонов с химическими снарядами. Струтинская должна была еще раз пойти в город (предполагалось, что к этому времени удастся уточнить сведения о химическом оружии), когда пришел приказ о возвращении.

У села Богучь близ реки Случь группа Фролова попала в засаду. В ходе боя партизаны потеряли шесть человек убитыми, но прорвались. Марфа Ильинична и еще несколько бойцов остались под Луцком, там-то их и настигла беда... Струтинская все же сходила в город, получила от подпольщиков важные документы и вернулась в лес, на хутор Вырок, где ее ждали специально оставленные Фроловым партизаны. Ночью хату окружила банда националистов в сорок человек, одетых в черные эсэсовские шинели и стальные шлемы. Видимо, это было подразделение из дивизии СС «Галичина». В неравном бою часть бойцов была убита, лишь двоим удалось уйти в лес.

Недаром говорится, что беда не приходит одна. Настигла она еще одного замечательного человека — Константина Ефимовича Довгера. К этому времени Довгер, пользуясь своим привилегированным положением фольксдойче, выполнил ряд важных заданий. Константин Ефимович побывал в Ровно, Луцке, Львове и даже в Варшаве. И никогда не возвращался с пустыми руками. Как отметил Медведев, в частности, дядя Костя установил, что в Варшаве существуют две псевдоподпольные польские офицерские школы. В каждой из них обучается по триста человек. Школы эти субсидируются из Лондона эмигрантским польским правительством. Кого же готовят в школах? Ответ на этот вопрос давало одно обстоятельство, которое удалось выяснить Константину Ефимовичу. Субсидии в виде американских долларов, получаемые из Лондона, шли в карман гитлеровцам. Да, гитлеровцам! Гитлеровцы же — генералы, офицеры и гестаповцы — являлись преподавателями в школах. Нетрудно было понять, что за кадры готовили эти «учебные заведения», чему там учили и к чему предназначали обученных офицеров».

3 марта, получив очередное задание, Константин Ефимович и два его попутчика, также разведчики отряда, лесничий Максим Петровский и поляк-журналист Олек Петчак, направились в Сарны, чтобы оттуда выехать в Ровно. Видимо, националисты уже держали их на подозрении и следили за ними. Иначе трудно объяснить, почему по дороге их без всякой видимой причины схватили, обыскали и препроводили в штаб — хату на берегу Случи. Всем троим связали руки за спиной кусками колючей проволоки и стали пытать. Разведчиков били шомполами, кололи иглами и гвоздями, резали ножами. Перед рассветом, ничего не добившись от пленных, их поволокли к реке, с которой еще не сошел лед. Здесь уже была готова прорубь. Несколько бандитов схватили отбивающегося ногами Довгера и засунули его живым под лед... Его сопротивление отвлекло их внимание от Петровского и Петчака. Воспользовавшись этим, они бросились бежать. Вдогонку загремели выстрелы. Почти сразу рухнул на землю Петчак. Петляя по снегу, чтобы избежать прицельного огня, Петровский продолжал бежать и ушел-таки от страшной смерти в ледяной купели. Три часа босой, с руками, стянутыми за спиной колючей проволокой, весь истерзанный, добирался он до лагеря партизан... От него и узнали бойцы о мученической гибели всеми почитаемого дяди Кости. К вечеру того же дня партизаны до последнего бандита перебили отряд националистов, повинных в страшном преступлении. Тело Довгера было извлечено из-подо льда и захоронено с почестями.

Через несколько дней в отряд пришла его дочь — потемневшая от горя семнадцатилетняя Валя. Девушка попросила дать ей оружие. Вспоминая тяжелый разговор с нею, Медведев писал: «Есть часто употребляемое выражение «глаза горят ненавистью». У Вали глаза горели ненавистью в прямом, буквальном значении этих слов».

Успокоив Валю, Медведев решил оставить ее пока в отряде, поручив заботам новой радистки Марины Ких. Дмитрий Николаевич сделал это с тонким психологическим расчетом. Марина была значительно старше Вали, обладала большим жизненным опытом, отличалась душевностью и тактом. Уроженка Львовщины, выходец из крестьянской семьи, Марина уже в начале тридцатых годов стала коммунистом. В 1936 году на похоронах убитого польскими жандармами товарища Марина была ранена, арестована и осуждена к шести годам тюрьмы. Освободила ее из заключения Красная Армия. Ких была избрана

в Народное собрание Западной Украины. Вместе с другими депутатами она принимала участие в исторических сессиях Верховных Советов УССР и СССР, принявших решение о воссоединении этих земель с Советской Украиной. Когда началась война, Марина поступила добровольцем на курсы радисток и теперь прибыла в отряд вместе с другой радисткой, Аней Беспояско, и двумя новыми бойцами, московскими студентами Григорием Шмуйловским и Максом Селескириди.

Когда Валя Довгер через некоторое время пришла в себя после гибели отца, встал вопрос о ее дальнейшей судьбе. Посоветовавшись со своими помощниками, Дмитрий Николаевич пришел к решению, которое показалось поначалу кое-кому странным, но впоследствии полностью себя оправдало: вместе с матерью девушку отправили в город. И тут худенькая, хрупкая, совсем юная девушка проявила и твердость характера, и находчивость, и волю. Она сумела завязать в Ровно полезные знакомства, подыскала для себя и матери, Евдокии Андреевны, дом па Ясной улице [1], добилась как дочь «погибшего от руки партизана фолькcдойче» прописки и работы продавщицей. Дом на Ясной стал одной из самых удобных и надежных квартир, где всегда мог найти убежище Кузнецов.

Вскоре в отряд начала поступать информация от новой разведчицы — Валентины Довгер.

РЕЙХСКОМИССАР КОХ И ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ ЗИБЕРТ

В штабе отряда давно разрабатывали план уничтожения главного палача украинского народа рейхскомиссара Эриха Коха и его заместителей. После поражения фашистских войск под Сталинградом Кох отдал свой пресловутый циркуляр об обращении с украинским народом как с рабами — при помощи кнута. В нем он, в частности, писал: «Я требую, чтобы принципом управления украинцами были твердая рука и справедливость. Не верьте, что условия, которые сложились в настоящее время, вынуждают нас быть менее твердыми. Наоборот: кто верит, что может добиться у славян благодарности за мягкое обращение, тот формировал свои взгляды не в НСДАП... а в каких-то интеллигентских клубах. Славянин будет

[1] Ныне в этом доме — улица Партизан-разведчиков, 55 — устроен мемориальный музей-квартира Н. И. Кузнецова.

рассматривать мягкое отношение к себе как признак слабости».

Вот так. Яснее не скажешь, да и чего другого можно было ожидать от рабовладельца XX века? Когда Гитлер в 1933 году пришел к власти, он приказал оставить в его личном распоряжении членские билеты нацистской партии с номерами от 1 до 100. Эрих Кох был обладателем билета НСДАП за № 90. Первое, что он заявил, явившись в Ровно, — никакой Украины не существует, и немцы, на ней оказавшиеся, не должны ни на минуту забывать, что они являются расой господ.

Даже рейхсминистр восточных оккупированных территорий Розенберг перепугался таких откровенных заявлений Коха и поспешил написать начальнику личной канцелярии фюрера Ламмерсу: «Если украинцы повернутся против немцев, это будет результатом политической деятельности рейхскомиссара Коха». Однако Гитлер целиком поддержал своего наместника. Выполняя установки фюрера, Кох обрушил на Украину волну неслыханного террора и повального грабежа.

Первоначально планировалось уничтожить рейхскомиссара вместе с верхушкой РКУ 20 апреля 1943 года — намечалось выступление Коха на большом митинге в центре Ровно по случаю дня рождения Гитлера. На площадь пришли Николай Кузнецов, Михаил Шевчук, Жорж Струтинский, другие вооруженные разведчики. Они должны были под командованием Кузнецова ликвидировать Коха и его приближенных, забросав трибуну гранатами, а затем скрыться. План был продуман Медведевым в деталях. Однако Коха в этот день в Ровно не было.

Затем разведчики сообщили Медведеву, что в ближайшие дни ожидается приезд в город «теоретика» нацистской партии и рейхсминистра Розенберга, которого Кох встретит на аэродроме. Появилась возможность одним ударом уничтожить сразу двух гитлеровских палачей. Маршрут следования Розенберга был установлен. Совершение акта возмездия Медведев поручил двум группам разведчиков — Кузнецова и Шевчука. Однако приезд Розенберга был отложен.

Все действия разведчиков Медведев и его штаб разрабатывали с учетом реальных условий, конкретные задания распределялись между участниками так, чтобы без особых потерь выходить из операции. Проекты, не отвечавшие этим требованиям, Дмитрий Николаевич решительно

отвергал. Медведев, оставляя за собой решающее слово, всегда внимательно прислушивался к предложениям разведчиков, которым предстояло осуществлять операции.

Дмитрий Николаевич пришел к выводу, что подходы к Коху следует искать сугубо оперативным путем. Были взяты на учет все перспективные в этом отношении знакомства ровенских разведчиков, проанализированы все возможности. В первых числах мая подходящая для осуществления комбинации зацепка была найдена.

...Все началось с того, что обер-лейтенант Пауль Вильгельм Зиберт обратил внимание, что в ресторан «Дойчегофф», куда вход нижним чинам был запрещен, постоянно и беспрепятственно ходил обедать обер-ефрейтор по фамилии, как он выяснил, Шмидт. Привилегия объяснялась просто: Шмидт был дрессировщиком собак рейхкомиссара Коха. Офицер Зиберт сам познакомиться с обер-ефрейтором не мог. Он стал искать окольные пути и нашел. Оказалось, что пассия Шмидта, хорошенькая и не слишком строгих правил полька по имени Ядвига, была соседкой Каминских и почти каждый день забегала поболтать к жене Яна Эмме. Она-то в конце концов и познакомила Зиберта со Шмидтом. Слабое место обер-ефрейтора Николай Иванович нащупал быстро — деньги. Содержание красавицы Ядвиги могло бы разорить и более состоятельного человека, нежели Шмидт. Зиберт выручил дрессировщика — договорился с ним о приобретении и последующей выучке щенка немецкой овчарки. Под аванс, разумеется. В конечном счете Шмидт оказался в полной финансовой зависимости от щедрот обер-лейтенанта.

Зиберт стал прощупывать возможности обер-ефрейтора и выяснил, что тот, хотя и числился в какой-то части, фактически подчинялся капитану войск СС фон Бабаху — адъютанту Коха и своему земляку. Между ними в силу уз землячества были довольно тесные отношения. Дальнейшее было, как говорится, делом техники. Через посредничество Шмидта Бабах и Зиберт вначале познакомились, а вскоре и сблизились. Знакомство было чрезвычайно ценным с точки зрения тех возможностей, которые открывали перед Зибертом для получения важной информации непосредственно из центрального аппарата РКУ, но и опасным.

— Учтите и ни на миг не забывайте, — повторял Дмитрий Николаевич Кузнецову, — фон Бабах не только сам проверенный эсэсовец, он, без сомнения, находится

под наблюдением фашистской службы безопасности. Наверняка все его знакомства берутся на заметку. Будьте крайне осторожны...

Выяснилось, что капитан фон Бабах имел возможность устроить любому человеку, которому симпатизировал или в ком был заинтересован, аудиенцию у рейхскомиссара. Медведев и Кузнецов оба сразу загорелись возникшей у них одновременно идеей, но где взять убедительный предлог, чтобы даже при содействии фон Бабаха столь высокопоставленная особа, как рейхскомиссар и гаулейтер, принял обыкновенного пехотного обер-лейтенанта? Предлог нашелся...

В середине мая Валя Довгер, как и сотни ровенских девушек, получила повестку о мобилизации на работу в Германию. Первым побуждением командования было немедленно отозвать Валю в отряд. Но тут Медведеву пришла в голову мысль — а что если это та самая возможность, удача, которая изредка выпадает в разведке как бы сама собой?

Его план был таков... Валя Довгер имеет документы фольксдойче. Этого недостаточно, чтобы избежать мобилизации, правда, это обеспечит Вале сносные по сравнению с украинскими и русскими девушками условия существования в Германии. Зато это «немецкое» происхождение дает обер-лейтенанту Зиберту основание объявить Довгер своей невестой и обратиться к рейхкомиссару за получением разрешения на брак и отменой в этой связи мобилизационного предписания. Утвердив в Центре этот план проникновения к Коху и получив дополнительные указания, Медведев поручил Кузнецову начать его осуществление.

Фон Бабах охотно согласился помочь своему приятелю. Сказал, что, поскольку повестка уже вручена, он, Бабах, ничего предпринять не может (это Медведев и Кузнецов знали и именно на это рассчитывали), в его власти лишь оттянуть на две недели отъезд фрейлейн Валентины. Отменить мобилизацию может только рейхскомиссар. Сейчас его в Ровно нет (этого в отряде не знали), он срочно выехал в Берлин на похороны рейхслейтера Виктора Лютце, начальника штаба штурмовых отрядов СА, погибшего в автомобильной катастрофе. Днями Кох вернется, и фон Бабах немедленно включит Зиберта и Довгер в лист на личный прием.

Кох вернулся в Ровно 25 мая, на следующий день фон Бабаху было передано формальное заявление Вали

Довгер, а уже вечером 30 мая пришло уведомление, что рейхскомиссар Эрих Кох примет обер-лейтенанта Зиберта и фрейлейн Довгер на следующий день.

К двум часам дня 31 мая 1943 года к мощной изгороди, отгораживавшей здания РКУ и резиденции Коха от улицы, подъехал извозчичий экипаж с пассажирами: пехотным офицером, кавалером двух Железных крестов, и худенькой сероглазой девушкой. Офицер со своей спутницей прошел во двор, а извозчик, погоняемый охранниками, должен был тотчас вернуться в город — останавливаться в этом районе разрешалось только машинам с номерами РКУ. Кучером был Николай Гнидюк, под козлами у него лежали снаряженный автомат и гранаты. Где-то неподалеку находились и другие вооруженные разведчики: Михаил Шевчук, Василий Галузо, Николай Куликов, Жорж Струтинский, еще несколько человек. Они должны были прикрыть отход Кузнецова и Довгер в случае, если им удастся после совершения акта возмездия вырваться живыми на улицу.

Кузнецов хорошо понимал, что его выстрел прогремит по всей Украине громче любого взрыва, поднимет на борьбу новые тысячи патриотов. Что же касается Вали Довгер, то она не верила, что они уйдут из резиденции Коха живыми, но готова была достойно встретить смерть и думала только об одном — успешном выполнении задания.

В точно назначенное время обер-лейтенант Зиберт вошел в кабинет рейхскомиссара. Зиберт разговаривал с Кохом пятнадцать минут и не смог осуществить свое намерение. Охрана рейхскомиссара оказалась столь тщательно продуманной, что исключала даже малейшую возможность совершить акт возмездия.

Вначале сухой, неулыбчивый, Кох постепенно разговорился, стал проявлять интерес к собеседнику. А потом вообще произошло маленькое «чудо»: узнав, что Зиберт родился в Восточной Пруссии и вырос в имении князя Шлобиттена, Кох... «узнал» его! То есть он вспомнил, что «встречал» его подростком, когда приезжал охотиться в гости к князю.

Заметив, что Кох явно удовлетворен, что его земляк Зиберт столь хорошо проявил себя на фронте, Николай Иванович стал тонко подыгрывать своему опасному собеседнику. Когда Кох высказал недоумение, почему кадровый офицер связывает свою жизнь с девушкой сомнитель-

ного в расовом отношении происхождения, Зиберт, почтительно, но твердо возразил: фрейлейн Довгер — чистокровная немка, ее отец оказал большие услуги рейху и германской армии, за что и был убит партизанами. Коха этот ответ удовлетворил. Он отменил мобилизацию Валентины Довгер и тут же отдал распоряжение о направлении ее на работу в РКУ в чрезвычайно важный для советской разведки отдел учета и сводок промышленных предприятий Украины.

Кох спросил, за что Зиберт получил кресты и где был ранен. Услышав, что второе ранение получено под Курском, рейхскомиссар совершенно уж неожиданно стал рассказывать обер-лейтенанту, что вскоре он будет отомщен за эту рану, поскольку фюрер именно в районе Курска готовится в ближайшем будущем — в пределах двух месяцев — нанести мощный удар, который, по его словам, «переломит Ивану хребет». Далее он стал рассказывать в упоении о новых сверхтяжелых танках и штурмовых орудиях, равных которым еще не имела ни одна армия в мире...

Услышав это сообщение, Медведев даже разволновался. В самом деле, в беседе с рядовым офицером один из самых высокопоставленных сановников фашистской Германии разгласил сразу несколько военных тайн! Наблюдательные посты отряда и в Ровно, и в Здолбунове, и на других станциях уже несколько недель отмечали усиленное передвижение войск и боевой техники в сторону фронта, причем примерно в направлении Курска и Орла. Без сомнения, немцы действительно готовили крупное наступление в этом районе. Так оно и было. Речь шла о подготовке гитлеровцами пресловутой операции «Цитадель». Какое значение придавало ей высшее германское командование, видно из приказа Гитлера: «Я решил, как только позволят условия погоды, провести наступление «Цитадель» — первое наступление в этом году.

Этому наступлению придается решающее значение. Оно должно завершиться быстрым и решающим успехом. Наступление должно дать в наши руки инициативу на весну и лето текущего года...»

Все результаты наблюдений за передвижениями войск в район Курска, а также итог разговора Зиберта с Кохом Медведев передал в Центр. Как отмечал в номере, посвященном двадцатилетию разгрома фашистской Германии, журнал «Вопросы истории», весной 1943 года группа «Победители» дала сведения о переброске нескольких пе-

хотных и танковых дивизий из Франции, Африки и из-под Ленинграда на курское направление.

Маршал Советского Союза А. М. Василевский в своих воспоминаниях писал, что в результате разведки сил и намерений противника в районе Курской дуги «советскому командованию стали достаточно точно известны сроки начала вражеского наступления, которое трижды переносилось Гитлером». И далее: «Как ни стремился враг держать в тайне планы своего наступления, как ни старался отвлечь внимание советской разведки от районов сосредоточения своих ударных группировок, нашей разведке удалось определить не только общий замысел врага на летний период 1943 года, направление ударов, состав ударных группировок и резервов, но и установить время начала фашистского наступления».

Своевременно разгадав план врага, Советское Верховное Главнокомандование сосредоточило в районе Курской дуги еще более крупные силы и 5 июля нанесло по противнику удар неслыханной, всесокрушающей силы. Невиданное в истории сражение длилось пятьдесят дней и ночей. В его ходе действительно был переломлен хребет, но не «русскому Ивану», как хвастливо предсказывал Кох, а гитлеровскому зверю. В ходе Курской битвы было разгромлено 30 немецких дивизий, в том числе 7 танковых. Враг потерял более полумиллиона солдат и офицеров, до 1500 танков, 3000 орудий и свыше 3700 самолетов.

В исторической победе на Курско-Орловской дуге есть доля ратного труда и отряда «Победители», его славных разведчиков и их командира Д. Н. Медведева. Впрочем, надо заметить, их вклад не ограничился разведкой.

В дни грандиозного сражения приобрел особое значение большой двухколейный железнодорожный мост через реку Горынь на магистрали Здолбуново — Киев. Как установила разведка, каждые десять минут по мосту проходил в сторону фронта воинский эшелон из Германии, Чехословакии и Польши. Через него же от фронта уходили составы с поврежденной в боях техникой и ранеными.

Гитлеровцы превосходно понимали стратегическое значение моста и придавали его охране исключительное значение. Непосредственную охрану несла рота солдат. Со стороны обоих въездов в небо уставились угрожающе стволы зенитных орудий. Там же разведчики определили наличие нескольких замаскированных минометных батарей и до двух десятков пулеметных гнезд. После наступ-

ления темноты каждые несколько минут над мостом взлетали и опускались на парашютиках осветительные ракеты, заливая окрестности мертвенным белым светом. Пулеметчики то и дело выпускали в сторону леса предупредительные очереди. Из Москвы пришел приказ — мост уничтожить. Между тем подобраться к нему не было, казалось, никакой возможности.

Медведев со своими ближайшими помощниками стал искать решение. Вскоре был сделан вывод: единственный способ уничтожить проклятый мост — это сбросить на него снаряд большой разрушительной силы (по расчетам минеров, такой должен весить 40—50 килограммов) с проходящего поезда. Самый простой путь — «воткнуть» в проходящий эшелон своего человека — отпадал. Система пропусков у немцев была поставлена строго, к тому же «багаж» пассажира — пятидесятикилограммовый чемодан неизбежно привлек бы внимание охраны. Стали искать окольные пути. Медведев полагал, что подходящая возможность скорее всего откроется в Здолбунове, крепко связанном с железной дорогой, поэтому особенно теребил Николая Гнидюка. И оказался прав.

Николай Гнидюк имел тесные контакты с группой польских патриотов, в их числе был Владек Пилипчук и его шестнадцатилетняя сестра Ванда. В их доме на Длугой улице Гнидюк иногда останавливался. Придя однажды к Пилипчукам, Гнидюк неожиданно застал там человека лет сорока пяти в черном мундире. Не растерявшись, Николай отрекомендовался двоюродным братом панны Ванды Яном Багинским. Неизвестный оказался Генеком Ясневским, сотрудником... отдела СД по охране железнодорожных объектов!

По случаю знакомства Гнидюк напоил гитлеровца и установил, что того снедают две страсти: влюбленность в Ванду (они были соседями) и ненасытная жадность к деньгам. И еще — поляк по национальности, Ясневский разбирался в сложившейся обстановке и уже сильно сомневался в непобедимости армии фюрера, на которого до сих пор добросовестно работал.

Дмитрий Николаевич наметил Гнидюку линию поведения по отношению к Ясневскому. В пьяном откровении охранник неоднократно упоминал о своей преданности в глубине души Речи Посполитой, видимо, он принял Багинского за эмиссара лондонского эмигрантского правительства. Что ж, пускай так и думает дальше. Очень точно дозируя последующие разговоры с Яснев-

ским, подкармливая его денежными подачками, Гнидюк стал выуживать из Генека даты облав, планы охраны железнодорожных объектов, расположение секретных постов, имена и адреса осведомителей СД и т. п. Когда Ясневский увяз в своей «бескорыстной откровенности» достаточно глубоко, Гнидюк потребовал от него помочь взорвать мост через Горынь.

Ясневский согласился и сказал, что один из его секретных осведомителей, проводник Михаль Ходаковский из фольксдойче, горький пьяница, готов за деньги пойти на что угодно. По поручению Гнидюка Ясневский переговорил с Ходаковским, и тот за две тысячи немецких марок согласился при переезде через мост сбросить мину на полотно с тамбура своего вагона.

В 14 часов 12 августа 1943 года, когда эшелон проходил сквозь гулкий пролет железнодорожного моста через Горынь, проводник сбросил на рельсы фанерный чемодан, с какими обычно отправляются в дальний путь крестьяне. Оглушительный взрыв сбросил в воды реки то, что еще полминуты назад было мостом, вместе с хвостовыми вагонами эшелона, следовавшего на Восточный фронт с живой силой.

В течение двух недель гитлеровцы растаскивали обломки моста и вагонов, а потом восстанавливали переправу. Соответственно на этот срок было прервано по кратчайшему пути и обеспечение Восточного фронта в решающие дни Курской битвы.

Тогда же по распоряжению Медведева нанесла — для паники и хаоса на железной дороге — несколько чувствительных ударов по оккупантам и здолбуновская группа. К примеру, Леонтий Клименко с несколькими товарищами вывел из строя поворотный круг. Из-за этого часть паровозов вынуждена была ходить только задним ходом, что сказалось на скорости маневрирования и движения поездов. Авраамий Иванов с помощью магнитной мины замедленного действия сжег в районе Шепетовки состав с бензином. Через несколько дней были взорваны два эшелона, которые везли на фронт выпуск нескольких военных училищ — новоиспеченных лейтенантов вермахта.

И по-прежнему продолжалась, даже, пожалуй, с большей интенсивностью, в эти дни, недели и месяцы разведывательная работа. Скромный комсомолец, сельский учитель Авраамий Иванов, вырвавшийся из окружения и теперь работавший станционным уборщиком, сумел привлечь к сотрудничеству с советской разведкой фельдфе-

беля Йозефа — оператора железнодорожной администрации. Йозеф, чех из Судет, был по убеждениям антифашистом. Он стал передавать Иванову копии сводок прохождения через Здолбунов всех воинских эшелонов, в том числе и тех, которые миновали станцию без остановки и потому не могли быть «обследованы» местными разведчиками. Отрядным радистам после этого сразу добавилось работы. 15 августа в Центр ушла такая радиограмма: «...За последние десять дней очень сильное движение эшелонов противника на восток. На запад — только лом и порожняк. Вчера и сегодня прошло пять эшелонов СС с танками и автомашинами».

Ночью из Москвы был принят ответ командования: «Сведения о поездах через Здолбуново весьма ценны. Спасибо товарищам. Продолжайте интенсивную разведку».

Интенсивная разведка означала предельно напряженную работу многих десятков людей, находившихся под началом Медведева. Люди выматывались до предела, о риске уже никто не думал, и в этом тоже крылась определенная опасность. Командир недосыпал, нервничал вместе со всеми, как они, а в чем-то и больше. Но даже в эти дни он не терял своей выдержки, привычного для всех внешнего спокойствия и даже юмора.

ПАРТИЗАНСКИЙ КРАЙ

Летом 1943 года партизанское движение охватило даже самые глухие уголки Волыни и Подолии. Просчитались гитлеровцы, полагая, что на Ровенщине им будет житься вольготнее, нежели в других местах. По словам С. А. Ковпака, Ровенщина, как ни одна область на Украине, была центром, где концентрировались соединения, здесь начинались рейды по глубоким тылам противника. Каждый партизан, говорил Дед, всегда с чувством глубокой благодарности будет вспоминать ее леса, помощь, которую оказывали ему ровенчане.

Для усиления партийного руководства народной борьбой в западноукраинском Полесье нелегальный ЦК КП(б)У принял решение о создании Ровенского подпольного обкома партии. 26 января 1943 года самолеты доставили на Полесье оперативную группу ЦК, которую возглавил представитель Украинского штаба партизанского движения полковой комиссар Василий Андреевич Бегма, до войны — первый секретарь Ровенского обкома партии.

17 февраля в селе Озерск Высоцкого района был создан подпольный обком КП(б)У и областной штаб партизанского движения. В. А. Бегма был утвержден первым секретарем обкома и начальником штаба. За короткое время подпольный обком создал 9 подпольных райкомов партии и райкомов комсомола, регулярно стала выходить газета, типография для которой была прислана из Москвы. К лету в области действовало 165 организаций и групп коммунистического подполья, объединивших свыше 1600 человек. В распоряжении областного штаба к концу 1943 года находилось 25 партизанских отрядов и две группы подрывников, сведенных в три партизанских соединения. Примечательно, что третье, под командованием Р. Сатановского, состояло из двух отрядов — имени Костюшко и Ванды Василевской, сформированных из польских антифашистов.

Наконец, много местных жителей воевало в составе отрядов и соединений, не подчиненных областному штабу: Д. Медведева, А. Бринского, С. Каплуна, В. Карасева, Е. Мирковского, Н. Прокопюка и других. Всего в отрядах, сражавшихся на ровенской земле, насчитывалось свыше 13 тысяч бойцов. Территория партизанского края Ровенщины, где фактически существовала Советская власть, включала около тысячи сел и хуторов с населением свыше 300 тысяч человек. В селах имелись вооруженные группы местной самообороны, скрытно создавались и готовились партизанские резервы.

Через Ровенщину пролегали маршруты крупнейших рейдовых партизанских соединений Украины под командованием С. Ковпака, А. Федорова, А. Сабурова. В планировании боевой и разведывательной деятельности отряда «Победители» Медведев учитывал развернувшееся на Ровенщине массовое партизанское движение, опирался на него, черпал в нем новые силы. Он помогал местным и рейдовым отрядам в налаживании разведки, кадрами, оружием, боеприпасами. По его предложению стали собираться регулярные совещания партизанских руководителей. Со многими из них у него были налажены прочные связи. Лишь с В. А. Бегмой ему довелось встретиться только в последние дни пребывания отряда на Ровенщине.

В самом Ровно в описываемое время независимо друг от друга действовали три сильные подпольные патриотические организации. Одну возглавлял старый член КПЗУ Терентий Федорович Новак, сумевший войти в

доверие к оккупантам и стать директором фабрики валенок на Хмельной улице. Его заместителем был работник этой же фабрики бесстрашный подпольщик Иван Иванович Луць. Активную роль в организации играла жена Луця Настка Кудеша. Две другие организации создали люди, в городе новые, — Павел Мирющенко и Николай Остафов.

Со всеми тремя подпольями разведчики медведевского отряда установили тесные связи с соблюдением, естественно, правил жесткой конспирации. В подполье работали замечательные советские люди, настоящие патриоты, готовые отдать свою жизнь за свободу и независимость Родины. Многие из них рисковали не только собой, но и семьями, в том числе малыми детьми. Некоторые подпольщики обладали значительными связями. Они стали полезными и надежными помощниками советских разведчиков.

К сожалению, в подавляющем большинстве подпольщики не обладали навыками конспирации, тем более опытом разведывательной работы. Медведев и его сотрудники тщательно отбирали таких товарищей, проводили с ними возможную в условиях оккупации работу, передавали им свои профессиональные знания и опыт, тщательно инструктировали перед каждым конкретным заданием. В ряде случаев это удавалось сделать в отряде, где подпольщики, привлекаемые к разведывательной деятельности, проводили какое-то время. Но чаще обучать людей премудростям разведки приходилось прямо на месте, то есть в Ровно и других населенных пунктах. Медведев и сам наставлял новых разведчиков, это делали также его ближайшие помощники — Лукин, Кочетков, Фролов, делились своим опытом с товарищами Кузнецов, Шевчук, Гнидюк и другие ветераны отряда.

Павел Михайлович Мирющенко был до войны секретарем Ленинского района ЛКСМУ во Львове, его хорошо знала по этой работе Марина Ких. В тылу врага его оставил ЦК Компартии Украины. В Ровно Мирющенко удалось устроиться на хорошую должность — директора техникума. Мирющенко во всех отношениях — и в духовном и в физическом — соответствовал своему псевдониму Могутный. Медведев в «Сильных духом» характеризовал его как незаурядного организатора, человека неистощимой энергии, застрельщика ряда замечательных патриотических дел. Мирющенко выдал встреченный им случайно односельчанин, сын кулака, ставший прислужни-

ком оккупантов. После долгих пыток Мирющенко казнили в тюрьме.

Николай Максимович Остафов также был незаурядной личностью. Талантливый ученый, кандидат физико-математических наук, сотрудник обсерватории, он перед войной был избран секретарем Сталинского райкома партии в Киеве. На строительстве оборонительных сооружений под стенами столицы республики он был тяжело ранен, попал в плен, откуда с помощью советских патриотов вырвался на свободу. Остафов несколько раз бывал в отряде и произвел на Дмитрия Николаевича исключительно благоприятное впечатление своим мужеством и высокими душевными качествами. Он также был схвачен гитлеровцами, подвергся пыткам и в январе 1944 года повешен на одной из центральных площадей города с группой своих товарищей. Медведев писал о нем: «Остафов умирал как победитель. Палачей бросало в дрожь от презрительной улыбки, которой он отвечал на пытки, от всего его облика, исполненного сознания неизменного превосходства над палачами».

После гибели Марфы Ильиничны связь с луцким подпольем не прервалась, а, наоборот, окрепла. Луцкое подполье, как и сарненское и здолбуновское, успешно выполняло многие важные задания штаба отряда. Постоянным связным с луцкими товарищами стал, приняв эстафету от матери, Николай Струтинский.

Подпольная организация в Луцке сложилась еще до появления в Подолии и на Волыни специального отряда «Победители». Возглавили ее старший лейтенант пограничных войск Виктор Измайлов, бывший военнопленный Николай Петров (Громов) и комсомолка Прасковья Савельева, приехавшая за год до войны в Луцк из Москвы на работу в местный банк.

Организация оказалась действенной. Ее участники были люди решительные, смелые, они успешно занимались и боевой, и диверсионной, и разведывательной работой. В этом отношении очень ценной оказалась для советской разведки скромная должность кассира банка, которую занимала Паша Савельева, поскольку через ее руки проходили финансовые документы всех военных и административных учреждений оккупантов.

В свое время Ф. Э. Дзержинский, характеризуя своего ближайшего соратника В. Р. Менжинского, отмечал, что Вячеслав Рудольфович обладал исключительными способностями к оперативной работе. В частности, по кро-

хотному листку бумаги, коротенькому сообщению, попавшему в его руки, он мог безошибочно определить, стоит ли дело того, чтобы им занимались, или это пустышка. В разной степени этим качеством обладали многие старые чекисты школы Дзержинского и Менжинского. Талантлив в этом отношении был и Медведев. Уже по первым сведениям, которые ему доставили Марфа Ильинична, а затем Николай Струтинский, он сразу понял, что луцкая организация имеет очень большие возможности для развертывания разведывательной работы. Так оно и оказалось на самом деле.

К сожалению, рано погиб Николай Петров. Этот поразительно храбрый человек, лично истребивший (для этого он переодевался в немецкую офицерскую форму) несколько видных военных и чиновников, сумел проникнуть в обреченное на уничтожение луцкое гетто и поднял там вооруженное восстание. В бою Петров был ранен и контужен, в бессознательном состоянии попал в плен. Его привезли в Ровно, подлечили и подвергли пыткам. Пробыв в тюрьме неделю, Николай сумел сколотить из заключенных группу храбрецов и 8 марта 1943 года поднял восстание в ровенской тюрьме! В отчаянной попытке вырваться на свободу Петров был убит.

7 июля 1943 года погиб и Виктор Измайлов. Он доставил на партизанский «маяк» очередное донесение, вручил его дежурному — Владимиру Ступину, а на обратном пути в Луцк наткнулся на сторожевую заставу бандеровцев. Неравная схватка длилась считанные мгновения... Измайлов пал, прошитый автоматной очередью сразу с нескольких сторон.

После гибели Петрова-Громова и Измайлова тяжесть руководства разведывательной группой легла на хрупкие плечи Паши Савельевой, которой было тогда всего двадцать три года. Осенью 1943 года Паша Савельева и еще несколько товарищей выполнили особо ответственное задание командования. Они проникли на секретный, строго охраняемый склад, куда из Германии доставили партию снарядов, снаряженных сильнодействующим отравляющим веществом нового, нервно-паралитического типа. Более того, они сумели похитить со склада образец снаряда (точнее, его начинку), которая затем была доставлена в штаб отряда.

Не разворачивая, Медведев положил сверток, врученный ему связником Василием Неудахиным, на стол и долго смотрел на него... Внутри таилась смерть. Мгно-

венная, невидимая и неслышимая, загадочная и неотвратимая... Не верилось, что содержимое обернутого какой-то домотканой тряпкой пакета размером с пачку соли способно оборвать жизнь тысяч людей. Оружие обреченных человеконенавистников, способных в агонии совершить и это преступление — развязать химическую войну.

Дмитрий Николаевич понимал — ценная добыча должна быть немедленно переправлена в Москву, чтобы Советское правительство получило в свое распоряжение неопровержимое свидетельство разработки гитлеровцами химического оружия, запрещенного международной Женевской конвенцией 1925 года. И не только разработки, но и подготовки его к боевому использованию — иначе чего ради снаряды с ОВ доставлены уже к недалекой линии фронта? Да, нужно спешить и для того, чтобы специалисты-химики побыстрее разобрались в смертоносной начинке секретных снарядов и предприняли необходимые меры защиты бойцов Красной Армии.

Увы, погода в те дни, как назло, стояла нелетная, улучшения ее, по данным московских метеорологов, не предвиделось, и принять самолет оказалось невозможным. И Медведев твердо взял на себя ответственность за тщательно продуманное и взвешенное, но все же рискованное решение — переправить заряд через линию фронта в Москву своими силами.

Штаб подобрал группу бойцов: Серафим Афонин, Владимир Малашенко и Василий Таланов, разработал самый безопасный и по возможности кратчайший маршрут. Старшим Медведев назначил Серафима Афонина, ровенского разведчика из числа бежавших из плена красноармейцев. Афонин уже дважды выполнял важные задания командования, был смел, выдержан и рассудителен, к тому же прекрасно ориентировался в лесу, что также имело большое значение.

Фронт к тому времени довольно близко подошел к месту, где дислоцировался отряд, но тем не менее разведчикам предстояла трудная и опасная дорога, включавшая переправу через реку Горынь. Обговорив с Серафимом все детали предстоящего похода, командир вручил ему пакет, обшитый холстиной. Наблюдая, как разведчик зашивает его в «пузырь» галифе, приказал:

— Задание не только секретное, но особо ответственное. Поэтому никаких вооруженных столкновений, никаких приключений!

Дмитрий Николаевич хорошо знал боевой нрав своих

бойцов, поэтому, чтобы быть до конца уверенным в их «миролюбивом» поведении на маршруте, распорядился выдать им оружие только ближнего боя: пистолеты, гранаты, кинжалы.

...О содержимом пакета, переданного им из рук в руки одному из руководителей Центра в Москве, Серафим Гаврилович Афонин узнал только через десять лет. Разведчик рассказывал впоследствии, что вручал ему сверток и отдавал последние наставления Дмитрий Николаевич, лежа в постели. Медведев от всех скрывал, что в последнее время он сильно болел. Дала о себе знать травма позвоночника, полученная при не совсем удачном приземлении с парашютом. Обострились и остальные болезни — жизнь в лесу, зачастую в холоде и сырости, тому способствовала. Только несколько самых близких людей в штабе знали, чего стоит Дмитрию Николаевичу выглядеть как всегда подтянутым, быть обязательно гладко выбритым, в начищенных сапогах, всегда сохранять ровный тон в каждом, даже не слишком приятном разговоре... О своих хворобах Дмитрий Николаевич распространяться не любил.

Все сослуживцы Медведева отмечали, что, как разведчик, он всегда очень здраво оценивал — не преувеличивая, но и не преуменьшая — силы, возможности и упорство вражеских спецслужб. Он знал, что во всех звеньях фашистского карательного аппарата: полиции безопасности, тайной полевой полиции, абвере — работают квалифицированные, опытные специалисты, располагающие к тому же и техническими средствами. Поэтому он лично следил за поддержанием во всех подразделениях отряда должных мер безопасности, воспитывал подчиненных в духе здравой и зоркой бдительности.

Медведев понимал, что гитлеровцы не просто постараются, но будут настойчиво, пользуясь самыми коварными методами, засылать в отряд своих агентов, провокаторов, убийц. И действительно, с достаточной регулярностью в отряде разоблачали и обезвреживали лазутчиков врага. Иногда это происходило достаточно «просто». Так, появился молодой человек, который отрекомендовался сотрудником особого отдела воинской части, оказавшейся в окружении. Ему якобы удалось скрыться, теперь же, узнав о появлении в округе партизан, он решил к ним присоединиться. Медведев подробно расспросил новичка о прохождении службы. Тот отвечал с готовностью, не сбиваясь. Рассказ внешне выглядел вполне правдиво. До того

момента, пока «особист» не сказал, что некоторое время служил в чекистском органе под командованием капитана госбезопасности... Лукина, при этом разговоре присутствовавшего!

Был и такой случай, более сложный. В самые первые недели нахождения отряда во вражеском тылу с группой военнопленных, бежавших из Шепетовского лагеря, пришли и окруженцы: капитан-летчик и майор-артиллерист. У майора к гимнастерке был привинчен орден Ленина. Он рассказал, что награжден за бой с немецкими танками на мосту через реку Березину.

Рассказы обоих командиров выглядели вполне достоверно и убедительно. Но Медведев все-таки нащупал в них какие-то мелкие шероховатости, чутким ухом уловил внешне неприметную фальшь.

За несколько дней до этого получил повреждение при посадке самолет, доставивший из Москвы группу разведчиков и радистов. Самолет пришлось сжечь. Экипаж некоторое время — до следующего самолета — находился в отряде. Медведев, справедливо не полагавший себя знатоком авиации, поручил командиру старшему лейтенанту Ивану Николаевичу Владимирцеву поговорить с коллегой. Через полчаса Владимирцев явился к Дмитрию Николаевичу и с полной ответственностью заявил, что «капитан» не летчик и не командир. Однако кое-что в авиации понимает, видимо, служил младшим специалистом, скорее всего мотористом в бомбардировочном полку.

Однако этот факт еще ни в коей мере не бросал тень на майора, как и на других людей в этой группе. Они могли и не подозревать о том, что к ним умело подброшен враг. Но Медведеву показалось, что орден майора выглядит «старше», чем следовало для награды, полученной год назад. По приказу Дмитрия Николаевича ночью, когда майор спал, орден от гимнастерки отвинтили. Он оказался настоящим, на обратной стороне был выгравирован номер — 889. Но такого быть не могло! Номер ордена Ленина, принадлежавшего самому Медведеву и полученного им в начале 1942 года, всего двумя-тремя месяцами позже, был 7854!

Дмитрий Николаевич пригласил к себе капитана РККА М. А. Фортус.

— Мария Александровна, — спросил он, — когда вы были награждены орденом Ленина?

— В декабре 1938 года, за участие в боях в Испании.

— Вы помните его номер?

— Конечно, — мгновенно ответила Фортус, — номер 3529!

Медведеву все стало ясно. Орден Ленина, которым козырял «майор», конечно же, был вручен человеку, удостоенному этой награды задолго до начала войны. В конце концов «артиллерист» сознался, что, как и «летчик», является агентом СД, где вместе с легендой и фальшивыми документами получил для убедительности настоящий советский орден [1].

Впоследствии Медведев и его разведчики изобличили множество фашистских лазутчиков, пытавшихся внедриться в отряд. Правда, одному фашистскому агенту удалось проникнуть в расположение «Победителей» и пробыть среди партизан несколько дней. Немцы затем использовали его в качестве проводника карательной экспедиции. Однако благодаря постоянно поддерживаемым в отряде мерам бдительности ему не удалось установить точную численность партизан, их вооружение, расположение сторожевых постов. Карательная экспедиция была разгромлена в бою.

Успешному противоборству с вражескими спецслужбами способствовало то, что Медведев не дожидался, пока в его поле зрения появится очередной подозрительный субъект. Разведчики получили от него указание собирать информацию о деятельности, адресах, фамилиях руководящих лиц, резидентах, осведомителях фашистских спецслужб. Эти данные собирались не один день, но в конечном счете Медведев знал о врагах достаточно много, чтобы исключить возможность внезапного нападения на отряд. Более того, к ряду фашистских учреждений он сумел подобрать и кое-какие ключи, что также способствовало успеху его собственной разведывательной деятельности.

Самым опасным для советских разведчиков в Ровно было управление полиции безопасности и СД «генерального округа Волынь и Подолия», дислоцированное на Дойчештрассе, 25. Возглавлял СД в Ровно штурмбаннфюрер СС доктор Пютц. В функции СД входила борьба с диверсиями и саботажем на предприятиях и транспорте, контрразведывательная работа среди населения по выявлению «антинемецких элементов», массовые обыски и

[1] После войны М. А. Фортус выяснила, что орден Ленина за № 889 был вручен 22 марта 1935 года Леониду Захаровичу Корытному, парторгу одного из золотых приисков. Он пропал без вести, видимо погиб, в первые дни войны.

облавы, истребление евреев. В СД была специальная группа по борьбе с советскими партизанами, парашютистами, а также подпольными антифашистскими организациями.

В Ровно (на Кенигсбергштрассе и в парке Любомирского), а также в Здолбунове находился разведывательный орган абвера «Абверштелле Украина». В Ровно и в Здолбунове он маскировался под обычную воинскую часть. Возглавлял абверштелле полковник абвера Науман.

На улице Сенкевича базировалось немецкое учреждение Веркдинст, которым командовал генерал Фиглер. Его служащие использовались в карательных экспедициях против партизан, массовом уничтожении евреев, демонтаже и вывозе в Германию оборудования фабрик и заводов. Перед отступлением немецких войск команды Веркдинст производили взрывы промышленных предприятий и мостов. Из их личного состава готовилась агентура для диверсионной деятельности в тылу советских войск.

На Почтовой улице располагалась немецкая шупполиция. Ее личный состав размещался в общежитии по Дойчештрассе, 92. Помимо ведения чисто уголовных дел и поддержания «порядка» в городе, состав шупполиции принимал непосредственное участие в массовых репрессиях против антифашистов, а также еврейского населения — особенно в 1942 году.

Была в Ровно и фельджандармерия, и некоторые другие карательные учреждения, не столь значительные по масштабам деятельности, но достаточно важные по характеру отправляемых ими функций.

Всю получаемую информацию о деятельности этих организаций Медведев после проверки отправлял в Москву как особо важную. Эти данные оказали большую помощь Центру в обезвреживании вражеской агентуры, успешной борьбе с фашистской разведкой в других местах, иногда отделенных от Ровно тысячами километров. Случалось, естественно, и обратное — иногда Медведев получал из Центра информацию, поступившую в Москву из иных источников, но представляющую огромную ценность именно для «Победителей».

Все это вместе взятое обеспечило высокую точность и надежность работы созданной Дмитрием Николаевичем разведывательной сети в Ровно, сохранило жизнь мно-

гим советским разведчикам, уберегло их от столь обычных в разведке провалов и серьезных неудач.

На Украине, как и на других оккупированных ими территориях, гитлеровцы создали видимость «самоуправления». Были образованы городские, областные управы, во главе которых оккупанты поставили своих прислужников: бургомистров, городских голов, в селах — старост. В Ровно тоже был посажен некий Самьюк. Никакой самостоятельностью эти учреждения не обладали, были лишь исполнителями приказов немецких властей. Однако по отношению к местным жителям они обладали достаточно большими правами, неприятностей способны были доставить много. В одной из инструкций оккупантов прямо говорилось: «Необходимо иметь в виду, что служащие городской управы не являются служащими населения, а только немецкого командования. Какое-либо самостоятельное действие запрещается».

Еще в бытность командиром отряда «Митя» Медведев пришел к убеждению о целесообразности использования этих органов, точнее работающих в них лиц, в интересах советской разведки, партизан и местного населения. В самом деле, не так уж много находилось откровенных предателей, махровых врагов Советской власти, готовых служить оккупантам не за страх, а за совесть. Иные шли на службу в те же управы на технические должности переводчиков, делопроизводителей, курьеров из-за малодушия, небходимости прокормить хоть таким незавидным образом семью, а то и по прямому принуждению. У этих людей при соответствующей работе с ними могли пробудиться патриотические чувства, стремление загладить вину перед народом. И такие люди находились. Медведев ориентировал разведчиков, разумеется, соблюдая все меры предосторожности, подбирать себе надежных помощников среди персонала оккупационных учреждений. Результаты всегда оправдывали и усилия, и определенный риск. Конечно, все эти люди проходили серьезную проверку, равно как и поступающая от них информация.

Опытнейший чекист, Медведев прекрасно понимал, что оккупанты не доверяют до конца даже самым закоренелым предателям и что гитлеровская служба безопасности держит «под колпаком» каждого своего прислужника. Поэтому он требовал от разведчиков при контактах с этими людьми соблюдать строжайшую дисциплину, дабы избежать возможных тяжких последствий. Без ве-

дома командования никто из разведчиков на свой страх и риск не должен был заводить опасных знакомств со служащими оккупационных властей, а при поддержании таковых — сохранять предельную бдительность и скрупулезно придерживаться инструкций, полученных от Медведева.

В результате разведчикам и связанным с ними отдельным подпольщикам порой удавалось добиться хороших результатов. Так, весной 1943 года руководитель здолбуновской группы Красноголовец познакомился с секретарем местной управы Павлом Ниверчуком. Поначалу Ниверчук не произвел на Красноголовца хорошего впечатления, это был хмурый, всегда насупленный, неразговорчивый человек. Но однажды, проникнувшись к Дмитрию Михайловичу доверием, он признался, что ненавидит оккупантов и служит в управе только из-за страха за семью. Красноголовец усомнился в искренности Ниверчука. Тот, почувствовав, что ему не верят, дал понять Красноголовцу, что он, к примеру, знает, но скрывает от всех в управе, что тот до войны служил в милиции.

Красноголовец сообщил об этом разговоре в отряд. Медведев принял меры, чтобы навести справки о секретаре управы, а Красноголовцу передал, чтобы тот на время прекратил встречаться не только с Ниверчуком, но и с участниками своей группы, а также убрал из дома все, что в случае ареста могло бы стать уликами против него. Проверка показала, что ничего плохого о Ниверчуке не известно, нашлись люди, которым Павел Васильевич, рискуя своим положением, оказал существенные услуги. Только тогда Красноголовцу было поручено пойти на откровенный разговор с Ниверчуком. Секретарь городской управы оказался полезным для разведчиков человеком. Он мог снабжать их подлинными документами — различного рода удостоверениями личности, справками, пропусками и т. п. Кроме того, он своевременно предупреждал разведчиков о некоторых известных ему мероприятиях оккупантов, в том числе о предстоящих облавах, обысках и т. п.

С ведома командования Ниверчук вовлек в подпольную деятельность своего шурина, чеха по национальности, Секача, который работал секретарем местного гебитскомиссара и тоже ненавидел гитлеровцев. Секач также снабжал разведчиков информацией о планах оккупантов, доставал документы, в том числе чистые бланки

гебитскомиссариата. В Ровно, в ортскомендатуре, у разведчиков тоже был надежный помощник — старший переводчик Александр Хасан (Фукс), обеспечивавший их информацией, документами и оружием. В частности, Хасан добывал бланки командировочных удостоверений, путевые листы для использования автомобилей и т. п.

К этому времени в отряде уже было налажено изготовление документов, которые имели хождение на оккупированной территории. Текст на подлинных бланках печатали на трофейной машинке. Николай Струтинский, в детстве увлекавшийся резьбой по дереву, с помощью всего лишь циркуля и отточенного сапожного ножа мастерски вырезал из подошвенной резины требуемую печать. Ну а подпись любого немецкого или местного должностного лица с двух-трех проб неотличимо от оригинала воспроизводил Лукин.

Впоследствии разведчики отряда не только привлекали к подпольной деятельности уже работающих служащих, но и сами научились внедряться в оккупационные учреждения. Некоторые разведчики и подпольщики по планам, разработанным командованием отряда, проникали на службу даже в полицию и иные учреждения подобного рода.

Документы разведчиков (а их было заготовлено за полтора года многие сотни) неоднократно проверялись полицейскими, патрулями, различными служащими и ни разу не вызвали подозрения. Многие нужные записи, печати, штемпели в документах Пауля Зиберта также делались в отряде. Здесь же для него изготовлялись вспомогательные бумаги — командировочные предписания, справки, путевые листы на автомобиль и т. п. За время работы Кузнецова во вражеском тылу ему приходилось их предъявлять около семидесяти раз, в том числе весьма квалифицированным лицам — например, офицерам безопасности РКУ, и все сходило благополучно. Документы выглядели безукоризненно и по форме, и по содержанию. Соблюдалась принятая в канцеляриях вермахта лексика, условные сокращения и т. п.

Один лишь раз над документами некоторых разведчиков, действовавших в Ровно, нависла серьезная угроза. Случилось такое из-за неопытности и излишнего рвения подпольщицы Ларисы Мажуры. Эту девушку с большими хлопотами удалось устроить на малоприметную, но очень важную для разведки должность уборщицы в один из органов службы безопасности в Ровно. В ее

обязанности входила и уборка кабинета шефа. Лариса регулярно передавала в отряд листки использованной копировальной бумаги, которые она иногда находила среди мусора, содержание подслушанных разговоров, приметы посетителей и т. п. Из одной копирки, в частности, стала известна секретная директива Берлина о тайном уничтожении с целью сокрытия следов преступлений десятков тысяч уже захороненных останков советских граждан. Эти данные передали в Москву. Впоследствии они были использованы в ноте Народного комиссариата иностранных дел о зверствах немецко-фашистских захватчиков на территории нашей страны. Эта нота, в свою очередь, была принята в качестве официального документа СССР на процессе главных немецких военных преступников в Нюрнберге.

Однажды случилось нечто невероятное: шеф отдела, уходя со службы домой, забыл вынуть ключ из ящика-сейфа письменного стола. Так его торчащим в замочной скважине и нашла Лариса, когда вечером пришла убирать кабинет. Девушка приняла решение совершенно импульсивно, не раздумывая, к чему это может привести, — она похитила из ящика все, что там обнаружила: печать, штемпельную подушку со специальной мастикой, книжку незаполненных ордеров на обыск и арест с подписями и печатями, бланки и другие важные документы.

Все это богатство она вместе с Николаем Струтинским доставила в отряд (к этому времени соединение в очередной раз сменило лагерь и теперь располагалось всего в сорока километрах от Ровно).

Мажура и Струтинский, видимо, ожидали поощрения. А Медведев буквально схватился за голову...

Теоретически это могло быть и ловушкой: допустим, гитлеровцы заподозрили Мажуру в работе на советскую разведку и подбросили ей уже недействительную печать, документы со своими целями. В таком случае появление Ларисы на работе было сопряжено для нее со смертельным риском. Однако иного выхода у Медведева и командования не было. В городе действовали уже десятки разведчиков с отличными документами. Но как только гитлеровцы обнаружат пропажу (если, конечно, имело место ротозейство владельца стола, а не ловушка), то они сразу отменят все старые документы. Затем непременно последуют облавы, обыски и проверки. Незамедлительно будут введены новая печать, новые бланки и т. п. Достать их

образцы быстро не удастся, и ровенские разведчики сразу окажутся в тяжелейшем положении со своими уже утратившими силу документами.

Ларисе Мажуре было приказано немедленно вернуться в город, прийти на работу пораньше и до прихода шефа все положить на место.

К счастью, обошлось... Шеф, установив, что ничто из его стола не пропало, видимо, ограничился тем, что выругал сам себя за рассеянность. Раздувать дело было не в его интересах.

Медведев это происшествие очень переживал. Волновался за Ларису, нервничал и тревожился за дело, которое бы сильно пострадало, если бы пришлось отзывать всех разведчиков в отряд, наконец, корил себя за то, что, видимо, недостаточно внимания уделил подготовке девушки. Но, с другой стороны, кто бы мог представить, что профессиональный разведчик, каковым, без сомнения, являлся руководитель фашистского учреждения, совершит столь непростительную оплошность! К слову сказать, с документов за то недолгое время, что они пробыли в штабе, копии снять успели, так что «самодеятельность» Мажуры в конечном счете была не столь уж бесплодной.

Обер-лейтенант Пауль Зиберт, кроме обычных документов, положенных офицеру вермахта, и водительских прав, имел еще один, редкий и ценный необычайно: подлинный гестаповский жетон. Он представлял собой овальную пластинку из тяжелого металла, который крепился к одежде цепочкой. На одной стороне жетона был изображен орел со свастикой в когтях, на другой выбита надпись «Государственная тайная полиция» и номер 4885. Этот документ предоставлял его обладателю огромные полномочия, и пользоваться им Кузнецов мог только в исключительных случаях.

Летом 1943 года в орбиту действий отряда «Победители» вошла и Винница. В этом городе сложилось трудное положение. Первый руководитель подполья Иван Васильевич Бэлз, оставленный обкомом партии, и ряд его сподвижников погибли. Их заменили по доброй воле патриоты, которых никто специально для этой цели не готовил и никаких поручений не давал. В частности, видную роль в винницком подполье стали играть бывший работник ЦК партии и НКВД республики Трофим Корнеевич Кичко (Самсонов) и местная комсомолка, студентка Московского университета Ляля Ратушная. Как

писал в книге «На берегах Южного Буга» Медведев, к тому времени, когда его отряд установил связь с коммунистическим подпольем Винницы, «...это была уже сильная, многочисленная, широко разветвленная организация советских патриотов. Она работала в условиях особо суровых и опасных, бок о бок со ставкой Гитлера, в обстановке свирепейшего фашистского террора, потерпела ряд жестоких провалов, теряя десятки людей, в том числе и руководителей, но из всех этих испытаний выходила боеспособной. Чем ближе мы знакомились, чем теснее соприкасались с винницким подпольем, тем большим уважением проникались к его участникам. Простые советские люди — мужчины и женщины, старики и молодежь, даже дети, люди разной судьбы, разного культурного уровня, различных национальностей — все они были спаяны одним общим интересом, общим стремлением помочь освобождению родной советской земли, и это стремление они безоговорочно поставили выше собственной жизни. Никто не мог обязать их делать то, что они делали, никто и ничто, кроме веления сердца. Предоставленный сам себе, оставшись наедине со своей совестью, каждый из них сделал для себя именно этот выбор — какова же сила советского патриотизма, как высоко поднимает он человека!».

Но не только оккупанты угрожали каждодневно жизни каждого подпольщика: в Виннице под эгидой гитлеровских властей орудовали беззастенчиво буржуазные националисты.

Остро нуждаясь в помощи извне, подпольщики послали в Ровно для установления связей с партизанами и советскими разведчиками свою представительницу — Полину Ивановну Козачинскую. Храброй женщине удалось не только добраться до Ровно, но и разыскать отряд Медведева. Проверив с помощью Центра рассказ Козачинской, Дмитрий Николаевич направил в Винницу для оказания помощи местному подполью и координации его действий в качестве полномочного представителя Григория Филипповича Калашникова (Полищука), в прошлом работника ЦК КП(б)У, успешно с заданием справившегося.

Примечательно, что, кроме Козачинской, из Винницы в отряд добрался пешком мальчик, сын секретаря парторганизации действовавшего близ города, в Черном лесу, партизанского отряда имени Ленина. Звали его Володя Саморуха. Даже вроде бы все уже повидавший Медве-

дев был потрясен подвигом этого почти ребенка, сумевшего за пятнадцать дней пройти свыше четырехсот километров по оккупированной территории и доставить письмо от командования, зашитое в одежду. Дмитрий Николаевич восхищался и мужеством мальчика, преодолевшего множество препятствий па полном опасностей пути, и мужеством его отца, пославшего родного сына на такое задание...

В письме командир отряда имени Ленина просил сообщить в Москву, что такой отряд существует, действует, но не имеет связи с Центром. Он давал координаты, назначал дни и часы, условные сигналы, чтобы из Москвы прислали самолет и сбросили им груз с рацией. Разумеется, Дмитрий Николаевич выполнил просьбу винницких партизан.

Володя Саморуха стал вторым юным разведчиком, находившимся некоторое время в отряде, а первым был Коля Маленький — Николай Янушевский, выполнявший не раз поручения Николая Кузнецова.

Ровенские, здолбуновские, сарненские, луцкие, винницкие подпольщики оказали разведчикам отряда «Победители» огромную, поистине бесценную помощь. Однако война есть война, она не обходится без жертв. В неравном противоборстве с врагом погибли, кто в открытом бою, кто в застенках СД, кто на виселице, многие славные патриоты: Иван Иванович Луць и его жена Настка Кудеша, Николай Поцелуев, Федор Шкурко, Виталий Поплавский, Маруся Жарская, Мурад Фидаров, Авраамий Иванов, Дмитрий Баланюк, Антонина Кулаковская, другие герои. Настоящий бой в свой последний час дали эсэсовцам, окружившим дом на Хмельной улице, где они скрывались, разведчики Василий Галузо и Николай Куликов. В день освобождения Винницы Красной Армией погибла Ляля Ратушная, посмертно удостоенная звания Героя Советского Союза.

Уже став писателем, Дмитрий Николаевич много размышлял о корнях, природе героизма советских людей, сумевших противостоять небывало сильному, жестокому и далеко не трусливому врагу. Он писал:

«Гитлеровцы, оккупировавшие огромпую территорию, держались на ней при помощи жесточайшего, беспримерного в истории террора. Но все живое на этой земле сопротивлялось врагу, и не было такой силы, которая могла бы подавить это сопротивление, бесстрашие и непобедимую волю к жизни...

Д. Н. Медведев. Фото 1946 года.

Разведчица
Паша Савельева.

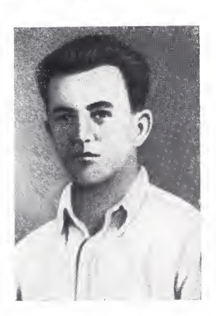

Разведчик М. М. Шевчук.

Разведчик Мечислав Стефаньский.

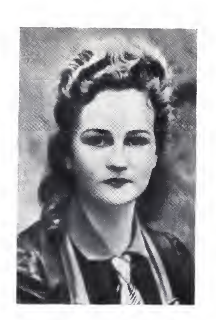
Разведчик Ян Каминский.

Разведчица
Лидия Лисовская.

Последний водитель
Кузнецова-Зиберта —
Иван Белов.

Разведчица Мария (Майя) Микота.

Один из руководителей ровенского подполья П. М. Мирющенко (Могутный).

А. Ф. Федоров, А. А. Лукин и Д. Н. Медведев рассматривают новый тип трофейного снаряда Ноябрь, 1943 год.

Д. Н. Медведев перед микрофоном Всесоюзного радио. 1947 год.

Среди писателей. *Слева направо:* В. Попов, М. Пришвин, Д. Медведев, В. Вишневский.

Некоторые издания книг Д. Н. Медведева.

Д. Н. Медведев. 1949 год.

1. Организация отряда, национальный состав, дисциплина, быт. Боевое крещение.

2. Задачи отряда, разведчик Кузнецов, подвижная засада, первые шаги в Ровно, парад.

3. ~~Два покушения на Ильгена~~ На приеме у Наместника Гулера-Эриха Коха.

4. Два покушения на генерала Даргеля.

5. Убийство генерала Кнута.

6. Убийство главного „судьи" — Функа.

7. Похищение генерала Ильгена.

План выступления Д. Н. Медведева перед слушателями.

Д. Н. Медведев читает боевым друзьям главы из новой книги. Слева направо: А. Цессарский, В. Довгер, Д. Медведев, Л. Шерстнева (Мухина), Вал. Семенов, В. Соловьев. 1950 год.

Обстановка рабочего кабинета Д. Н. Медведева. Ныне экспонируется в музее Д. Н. Медведэва в г. Брянске.

Т. И. Медведева у стенда, посвященного деятельности отряда «Победители», в Центральном музее Вооруженных Сил СССР.

Значок в честь Д. Н. Медведева.

Значок по поводу спуска на воду танкера «Дмитрий Медведев», Херсон, 1983 г.

Почтовый конверт и марка, посвященные памяти Д. Н. Медведева.

Танкер «Дмитрий Медведев» Латвийского морского пароходства.

Памятник на могиле Д. Н. Медведева в Москве.

Встреча ветеранов. Слева направо: Н. А. Гнидюк, Н. В. Струтинский, А. А. Лукин.

Дворец имени Д. Н. Медведева в г. Брянске.

Значок ветеранов спецотряда Д. Н. Медведева.

Встреча ветеранов отряда «Победители» и их близких в дер. Лопатень (место стоянки отряда «Победители») в честь 40-летия первого боя. 1982 год.

Был органический порок и в самих фашистских разведчиках. Все они словно были расчитаны на то, что в странах, где они действуют, их встретит немая покорность, что они станут «работать» на побежденной земле. Но они попали в страну, которая не хотела, не могла быть побежденной! И самонадеянные, самовлюбленные гитлеровские разведчики терпели одно поражение за другим...

Да, успехи нашей работы были не случайны.

Мы опирались на могучее партизанское движение народных масс. Наши люди, простые советские люди, превосходили хваленых фашистских разведчиков во всем. Продажным агентам Гиммлера, людям без моральных устоев, без совести и чести, противостояли пламенные патриоты своей Родины, готовые на самопожертвование во имя ее освобождения, люди высокого человеческого подвига. Эти качества сочетались в наших партизанах-разведчиках с их замечательной находчивостью, неистощимой фантазией и изобретательностью, с той самой природной сметкой, которая является одним из лучших качеств даровитых советских людей».

К осени 1943 года благодаря настойчивым усилиям многих людей Дмитрий Медведев стал руководителем крупной, широко разветвленной разведывательной организации, охватывавшей несколько городов, важных населенных пунктов и транспортных узлов Западной Украины.

О некоторых новых разведчиках отряда следует сказать особо... Товарищи, работавшие в Ровно, уже давно обратили внимание на официантку лучшего в городе ресторана «Дойчегофф» Лидию Лисовскую — пани Лелю, как ее называли знакомые. Это была лет тридцати яркая, очень красивая блондинка, вдова польского офицера, погибшего в немецком плену. Лисовская занимала трехкомнатную квартиру в доме № 15 по улице Легионов. В молодые годы Леле прочили карьеру актрисы, она была музыкальна, хорошо танцевала, прекрасно ездила верхом и метко стреляла. И в ресторане, и в доме вокруг Лидии всегда увивался рой поклонников, в основном немецких офицеров и чиновников. Большим успехом пользовалась и ее двоюродная сестра Мария (для друзей — Майя) Микота. Майе было всего восемнадцать лет. Внешне она совсем не была похожа на Лидию — хрупкая, зеленоглазая шатенка.

Николай Гнидюк, осторожно прощупавший настрое-

ния Лисовской, установил, что оккупантов она ненавидит и готова оказать подпольщикам и советским разведчикам любую помощь. Взгляды сестры полностью разделяла и Майя. Вышло так, что Пауль Зиберт самостоятельно познакомился с Лидией и за хорошую плату снял в ее квартире комнату. Это устраивало Лидию. Зиберт был очень удобный жилец — хотя бы потому, что не торчал в доме постоянно, а жил наездами. В то же время его присутствие освобождало Лисовскую от вселения по ордеру комендатуры постоянного жильца-офицера, к тому же бесплатного.

Через несколько недель Лисовская уже люто ненавидела Зиберта, которого считала причастным к карательным акциям. По жестким условиям конспирации Гнидюк не знал, что жилец Лисовской есть его боевой товарищ Грачев. Все это едва не завершилось трагедией: Лидия чуть было не отравила Зиберта. Только случай — неожиданный приход Гнидюка, увидевшего ненавистного Лелиного «немца», спас Кузнецова от гибели.

В ходе проверки Лисовской Дмитрий Николаевич узнал через Центр, что Лидия Ивановна еще до войны оказала советской разведке ряд серьезных услуг, женщине этой вполне можно было доверять. Только тогда он разрешил Кузнецову раскрыть перед Лисовской свое настоящее лицо.

Трудно передать реакцию Лидии, когда она услышала от своего жильца, обер-лейтенанта вермахта Зиберта, произнесенные им на чистом русском языке слова: «Привет от Попова». Это был пароль для связи советской разведки с Лисовской, установленный еще до войны.

С этого момента Лидия стала помощницей Грачева и одной из лучших разведчиц, какими только располагал в Ровно Медведев. Дом на улице Легионов Лисовская превратила в своеобразный салон, где постоянно звучала музыка, устраивались вечеринки с картами и танцами, здесь проводили весело время многие офицеры и чиновники. Из их болтовни пани Леля и Зиберт черпали массу ценной информации. Опасаться внимания карательных органов Лисовской не приходилось: дело в том, что с ведома советской разведки обе сестры были «завербованы» СД в качестве секретных осведомительниц.

На квартире Лисовской обер-лейтенант Зиберт сделал одно из самых важных, но в то же время и самых опасных знакомств за все время своей работы в Ровно. Штурмбаннфюрер СС Ульрих фон Ортель был еще срав-

нительно молодой человек — лет тридцати, внешне очень привлекательный, умный и образованный. Несмотря на молодость, фон Ортель имел большие заслуги перед гитлеровской разведкой, высоко котировался в ведомстве Вальтера Шелленберга, руководителя зарубежного отдела в Главном управлении имперской безопасности. Как узнал со временем Кузнецов, фон Ортель перед войной работал в СССР (он свободно владел русским языком), а также где-то на Востоке.

Фон Ортель выполнял в Ровно никому не ведомые функции, подчинен никому не был. Зиберту удалось сблизиться с эсэсовцем, войти к нему в доверие. Фон Ортель, сторонившийся своих коллег из местной СД, отводил душу во встречах с далеким от тыловых интриг фронтовиком.

Их регулярные беседы стали источником чрезвычайно важной информации для Кузнецова. Фон Ортель делился с ним сведениями, которых Николай Иванович не мог бы узнать в Ровно больше ни от кого.

Медведев очень ценил это знакомство Кузнецова, но при каждой встрече с разведчиком считал нужным повторить предупреждение:

— Только не зарывайтесь, Николай Иванович! Не бравируйте, бравада — это храбрость трусов. По-настоящему смелый человек, а я вас именно таким и считаю, всегда осмотрителен. С Ортелем не пройдет и крохотная ошибка. Помните: он подобен гремучей змее, его укус смертелен...

Кузнецов помнил об этом. Он прекрасно понимал, что в игре с Ортелем не имеет права на ошибку, а потому советовался с опытнейшим чекистом Медведевым при каждой возможности, обговаривал с командиром каждый свой шаг в развитии этой своеобразной «дружбы».

Видной фигурой в созданной Медведевым организации стал Мечислав Стефаньский. До осени 1939 года он служил подофицером в польской армии, участвовал в боях за Варшаву. После поражения Польши сумел перебраться на советскую территорию. По заданию нашей разведки Мечислав Стефаньский — «Гость из Варшавы» — совершил девять «ходок» на оккупированную гитлеровцами территорию своей родины. Не раз рискуя жизнью, он добирался до Варшавы, выполнял функции связника с советскими разведчиками, действовавшими в гитлеровских военных учреждениях и даже гестапо. Последний раз Стефаньский переплыл Буг в ночь на 22 июня

1941 года и успел предупредить встретивших его советских пограничников, что через несколько часов начнется война...

После оккупации гитлеровцами Украины Стефаньский по приказу командования осел в Ровно. Работал истопником в гебитскомиссариате. Мечислав с радостью встретил посланцев советской разведки, после вынужденного длительного перерыва восстановивших с ним связь. Очень скоро этот худой, внешне хмурый человек с глубоко запавшими глазами стал надежным соратником Кузнецова. Стефаньский от природы был наделен возбудимым, взрывчатым характером, но в опасной ситуации преображался, становился хладнокровным и четким. Медведев распознал в Стефаньском недюжинные способности разведчика. В дальнейшем Стефаньский привлекался почти ко всем боевым операциям Зиберта.

Загруженный, что называется, выше головы своей главной, разведывательной работой, Дмитрий Николаевич, однако, не упускал из сферы своего внимания и работу политическую. Тут у него был прекрасный помощник в лице комиссара Стехова. В отряде и его подразделениях активно функционировали партийная и комсомольская организации, проводились политинформации для бойцов и местных жителей, выпускались «стенгазеты» и листовки, проводились собрания и даже вечера самодеятельности. Как в любом советском трудовом или воинском коллективе.

Вот так жил отряд — уголок партизанской Малой земли, частица славного партизанского края. Меж тем с приближением осени назревали большие события. Не за горами был час освобождения Правобережной Украины от оккупантов. Это означало усиление всей разведывательной и боевой работы. Все чаще радисты приносили Медведеву расшифрованные радиограммы из Центра с новыми, всегда важными и срочными заданиями...

ВЫСТРЕЛЫ И ВЗРЫВЫ

К осени 1943 года стало очевидно, что дни фашистской оккупации на территории Украины сочтены. Красная Армия непрерывно наступала.

Отряд «Победители» действовал теперь вовсе не в таком уж глубоком тылу врага. Со дня на день можно было ожидать эвакуации из Ровно бесчисленных оккупационных и военных учреждений гитлеровцев, отъезда высоко-

поставленных чинов фашистской администрации. В этих условиях никак нельзя было допустить, чтобы преступники, на чьих руках была кровь сотен тысяч советских людей, ушли с украинской земли неотомщенными. И Центр разрешил отряду, не в ущерб основной разведывательной работе, осуществить несколько актов возмездия над особо ненавистными народу нацистскими сатрапами в Ровно.

Дмитрий Николаевич писал впоследствии об этом так: «Эрих Кох... Пауль Даргель... Альфред Функ... Герман Кнут... Эти имена были хорошо известны на захваченной гитлеровцами территории Украины. Главари гитлеровской шайки со своими подручными грабили, душили, уничтожали все живое на украинской земле. Одно упоминание этих имен вызывало у людей содрогание и ненависть. За ними вставали застенки и виселицы, рвы с заживо погребенными, грабежи и убийства, тысячи и тысячи погибших ни в чем не повинных людей.

«Пусть знают эти палачи, что им не уйти от ответственности за свои преступления и не миновать карающей руки замученных народов».

Эти слова мы знали наизусть. Они напоминали нам о нашем патриотическом долге, о долге перед теми, чья кровь вопиет о возмездии. Они служили нам программой нашей боевой работы. Настала пора переходить к активным действиям».

К сожалению, из списка, составленного в штабе, фактически выпало имя самого высокопоставленного гитлеровца на Украине — рейхскомиссара Эриха Коха. Наместник фюрера, напуганный размахом партизанского движения, предпочитал последние месяцы в Ровно не появляться. Он отсиживался в Восточной Пруссии, где пока еще мог чувствовать себя в безопасности. В отсутствие Коха на первое место выдвинулся его основной заместитель по политическим и партийным делам правительственный президент Пауль Даргель. Население ненавидело этого сатрапа даже больше, чем самого Коха, поскольку именно Даргель подписывал почти все приказы и постановления германских властей, за нарушение которых выносилось одно наказание — смертная казнь.

Под непосредственным руководством Медведева в штабе [illegible]ряда был [illegible] план ликвидации [illegible] В [illegible]нову было [illegible]
ств[illegible]
пр[illegible]

Даргель жил на той же улице — Шлоссштрассе (ныне улица Калинина), где располагался и рейхскомиссариат. Его двухэтажный особняк под № 18 отделяли от РКУ какие-нибудь триста метров. По городу Даргель разъезжал с большой скоростью на длинном черном «опель-адмирале» с номерным знаком Р-4, но обедать домой всегда ходил пешком — для моциона. Одно из зданий РКУ, в котором работала Валя Довгер, находилось почти на полпути этого маршрута, и девушка установила, что с работы Даргель выходит точно в 13.30. Установила она и ритуал, которым сопровождалась прогулка генерала. Вначале на улице появлялись личные телохранители — фельдфебель жандармерии и сотрудник службы безопасности в штатском. Они внимательно проглядывали Шлоссштрассе. Если все было в порядке, охранник возвращался в РКУ, и лишь тогда из ворот выходил Даргель и неторопливо шествовал к дому. За Даргелем всегда вышагивал его адъютант — майор с ярко-красной кожаной папкой в руке. Для Кузнецова это была хорошая примета.

Боевую группу Медведев утвердил в составе: Николай Кузнецов, Николай Струтинский и Иван Калинин. Бывшего пленного красноармейца Калинина Дмитрий Николаевич включил в группу потому, что только он мог достать необходимый для операции автомобиль. Он работал личным шофером ровенского гебитскомиссара доктора Беера и имел свободный вход в гараж. 20 сентября он по указанию Кузнецова взял в гараже гебитскомиссариата светло-коричневый «опель-капитан».

Ждать Даргеля непосредственно на Шлоссштрассе было рискованно, поэтому Николай Иванович поставил машину в прилегающем переулке с таким расчетом, чтобы видеть ворота рейхскомиссариата. Точно в 13.30 из ворот вышел сухопарый генерал со смуглым, загорелым лицом. За ним следовал рослый майор с ярко-красным портфелем. Они успели пройти лишь несколько десятков метров, как их нагнал светло-коричневый «опель», из него выскочил пехотный обер-лейтенант, и тут же хлопнули четыре выстрела.

К месту происшествия подоспели охранники. Возле убитых они нашли четыре гильзы и выпавший из кармана обер-лейтенанта бумажник.

Через четыре дня в отряд были доставлены из Ровно фашистские газеты. В черных рамках было напечатано сообщение об убийстве... имперского советника фи-

нансов доктора Ганса Геля и его помощника кассового референта Адольфа Винтера.

Оказывается, произошло совпадение. Имперский советник Гель, назначенный на пост руководителя главного отдела финансов РКУ, прибыл накануне из Берлина и остановился в особняке Даргеля. У обоих гитлеровцев были не только схожие фамилии, они и внешне походили друг на друга, и адъютанты носили одинаковые папки-портфели.

Уничтожение крупного фашистского чиновника в центре Ровно имело одно серьезное последствие. Зиберт обронил возле убитых бумажник вовсе не нечаянно. «Утеря» была отправной точкой некой комбинации, придуманной Медведевым и Лукиным. Сам бумажник с этикеткой дорогой берлинской фирмы незадолго до того был изъят у захваченного разведчиками видного эмиссара ОУН, прибывшего из Берлина. В нем находился паспорт с разрешением на поездку в Ровно, членский билет берлинской организации ОУН и директива (в виде личного письма) ее ответвлениям на Волыни и Подолии. В ней излагалось требование усилить борьбу с советскими партизанами.

По указанию Дмитрия Николаевича содержимое бумажника пополнили. Для убедительности в него вложили сто сорок рейхсмарок, двадцать американских долларов, пять английских фунтов стерлингов, несколько советских купюр по десять червонцев, а также три золотые царские десятки. Саму же директиву подменили другой, хотя и написанной «тем же самым» почерком. В ней содержалось прямо противоположное указание: в связи с явным проигрышем войны Гитлером взять другую линию и начать действовать против немцев, чтобы хоть в последний момент привлечь как-то симпатии населения.

Комбинация была рассчитана точно. Фашистская служба безопасности к националистическим главарям относилась с подозрением, поскольку прекрасно знала их способность и готовность продаться в подходящий момент более перспективному покупателю. В фашистских газетах появилось многозначительное сообщение, что, хотя покушавшийся был одет в немецкую военную форму, на самом деле он принадлежал к числу лиц, «не оценивших расположения германских властей и предавших фюрера». Далее газеты сообщали, что полиция безопасности уже напала на след преступников. Что ж, след, оставленный Кузнецовым, привел следователей СД именно туда, куда

наметил Медведев. За «причастность» к убийству Геля гитлеровцы арестовали, а затем и расстреляли тридцать восемь видных националистов и несколько сотрудников так называемого «Всеукраинского гестапо».

8 октября Кузнецов и Струтинский сделали вторую попытку уничтожить Даргеля. Но гитлеровцу опять повезло.

Через двенадцать дней, 20 октября обер-лейтенант Зиберт совершил третье покушение на Даргеля. Оно в точности повторяло первое. Медведев и Кузнецов правильно рассчитали, что гитлеровцы никак не будут ждать третьего нападения на том же самом месте и не предпримут дополнительных мер охраны. Так оно и оказалось. Вместо пистолета было решено применить гранату.

...Но... Даргелю опять повезло. В двух шагах от него граната ударилась о бровку тротуара и отскочила в сторону так, что взрыв ушел в другом направлении. Ручкой гранаты был наповал убит немецкий подполковник, стоявший на противоположной стороне улицы. А Даргель остался жив, хотя на сей раз был тяжело ранен и контужен.

Специальным самолетом заместитель Коха был отправлен в Берлин. Больше его на Украине не видели.

Некоторое время Кузнецов в Ровно не появлялся, и это было правильно, потому что в городе неистовствовала служба безопасности. Руководство ею было укреплено. В частности, на пост руководителя отдела по борьбе с партизанами из Житомира, где находилась полевая ставка рейхсфюрера СС Гиммлера, прибыл с большими полномочиями гауптштурмфюрер СС Ханке. Вскоре городские разведчики с тревогой сообщили Медведеву, что Ханке предпринял ряд энергичных мер. Так, он переписал население Ровно. Гауптштурмфюрер установил порядок, по которому на дверь каждого жилого дома в деревянной рамке под стеклом был вывешен листок с фамилиями всех жильцов. Последняя фамилия была подчеркнута и скреплена печатью и подписью Ханке. Ни одной лишней фамилии вписать в листок было уже нельзя — для нее попросту не было места. Населению объявили, что, если после комендантского часа в квартире будут обнаружены посторонние лица, вся семья подлежит расстрелу.

Положение городских разведчиков стало критическим, поскольку ежедневно, преимущественно по ночам устраивались облавы и обыски.

Требовалось немедленно предпринять эффективные контрмеры. И Дмитрий Николаевич нашел их. Решение оказалось простым. Проанализировав систему, придуманную Ханке, Медведев приказал доставить ему для образца один подобный листок. Приказ был выполнен, список был снят с дома, где жили только пособники оккупантов. Затем в штабе все, кто умел печатать, засели за пишущие машинки. На листе чистой бумаги печатали только первую фразу: «В этом доме проживают...» Далее оставалось пустое место, под которым ставилась печать отдела по борьбе с партизанами, штемпель «СС гауптштурмфюрер» и абсолютно идентичная оригиналу подпись «Ханке». За два дня было изготовлено несколько тысяч листков. Их распространили по всему городу. Идея Ханке была провалена. О каком контроле за жильцами могла идти речь, когда любой домовладелец мог теперь вписать в такой листок кого угодно и подменить им настоящий!

Немцам не оставалось ничего другого, как спешно отменить новый порядок регистрации населения по месту жительства. Городские разведчики могли по-прежнему спокойно пользоваться своими старыми квартирами.

Между тем уже с другой стороны нависла определенная угроза над Валентиной Довгер и, как выяснилось, Зибертом. Вале стал оказывать знаки внимания служивший в РКУ на какой-то хозяйственной должности майор Мартин Геттель. Когда Валентина пересказала Медведеву свои разговоры с майором, Дмитрий Николаевич встревожился. Ему с очевидностью стало ясно, что Геттель — офицер службы безопасности РКУ, более того — интересуется не самой Валей, а ее «женихом», обер-лейтенантом Зибертом. Неясно было только, какое ведомство представляет Геттель: контрразведку абвера или гехаймфельдполицай — тайную полевую полицию, военный вариант гестапо. Офицеры ГПФ носили не эсэсовскую, а обычную военную форму.

Во время одной из бесед с Валей Геттель попросил под каким-то предлогом познакомить его при случае с ее женихом, обер-лейтенантом Зибертом. Тут было над чем задуматься. С одной стороны, никаких признаков, указывающих, что Зиберт взят под наблюдение, вроде бы не было. Походило, что Геттель вел какую-то игру самостоятельно. Положение через несколько дней прояснилось, когда Геттель встретился с Лидией Лисовской, у которой Зиберт формально снимал комнату. Разговор был

официальным, более того, Геттель предупредил Лидию Ивановну о неразглашении и факта встречи, и разговора. Затем последовал настоящий допрос. Геттеля интересовало все о Зиберте. В частности, не говорит ли он иногда об Англии, не употребляет ли случайно в разговоре или во сне английских слов.

Тем самым Геттель раскрывал Медведеву свои карты. Видимо, профессиональная подготовка майора была достаточно высока — он единственный за все время работы Кузнецова во вражеской среде заподозрил в нем иностранного разведчика, правда, не русского, а английского. Факт конфиденциальной встречи с Лисовской подтверждал косвенно, что майор действовал на свой риск. Дело в том, что Лисовская числилась секретной осведомительницей СД, имела в этом ведомстве своего непосредственного начальника и без его ведома и приказа не должна была давать каких-либо показаний никому. Но отсюда следовало, что Геттель, о связи Лидии с СД не знавший, не поставил в известность об этой встрече и свое начальство. По всем расчетам Медведева выходило, что майор искал встречи с Зибертом по собственным соображениям, значит, пока Зиберту ничего не грозило.

Опытный чекист, Медведев разгадал мотивы Геттеля. Видимо, майор, понимая, что Германия войну проиграла, решил заранее войти в контакт с английской разведкой, чтобы вовремя переметнуться на ее сторону, сохранить тем самым свою жизнь и обеспечить будущее. Отсюда вытекало, что Геттель не только не причинит ни малейшего вреда «английскому разведчику» Зиберту, но, наоборот, будет всячески обеспечивать его безопасность, чтобы тот оценил по достоинству эту заботу в том недалеком будущем, когда разлетится и «третий рейх», и его спецслужбы.

Тщательно все взвесив, Медведев разрешил встречу Кузнецова с Геттелем, чтобы использовать сложившуюся ситуацию в интересах советской разведки.

Встреча произошла 29 октября на квартире Лидии Лисовской. Продолжился разговор на той же улице Легионов в доме № 53, где жил сотрудник «Пакетаукциона» Хуберт Глаас. Шеф «Пакетаукциона», один из заместителей Коха, Курт Кнут, конечно, не мог и подозревать, что его исполнительный служащий является голландским антифашистом, через Зиберта-Кузнецова связан с советской разведкой и выполняет ее задания. К моменту при-

езда Зиберта и Геттеля на квартире Глааса находился еще один разведчик — Иван Корицкий, работавший в «Пакетаукционе» грузчиком. До войны Иван был секретарем ячейки ЛКСМУ в селе Березно Ровенской области, потом служил в армии, оказался в плену, откуда бежал, попал в отряд Медведева и стал одним из городских разведчиков.

Поначалу разговор с Геттелем развивался в направлении, которое вполне устраивало Николая Ивановича. Но затем произошло непредвиденное... Геттель догадался, что имеет дело не с агентом британской «Сикрет интеллидженс сервис», а с советским разведчиком. Рука майора рванулась к кобуре... Пришлось его обезоружить, а дипломатические переговоры сменить дотошным допросом.

Пытаясь спасти свою жизнь, Геттель откровенно отвечал на все задаваемые ему вопросы. Единственное, чего он не знал, — кто такой штурмбаннфюрер фон Ортель. Ему, Геттелю, известно лишь одно: Ортель имеет большие полномочия от руководителя VI отдела Главного управления имперской безопасности бригаденфюрера СС Вальтера Шелленберга, ему дозволено связываться с ним в любое время по прямому проводу. Отдел Шелленберга ведал разведкой СД за границей. Значит, фон Ортель действительно птица большого полета. Дополнительно Геттель сообщил, что у штурмбаннфюрера есть нечто вроде собственной конторы на Дойчештрассе, 272, замаскированной под зуболечебницу.

...Майор Геттель не вернулся ни в свой служебный кабинет в РКУ, ни на квартиру. Никто из сослуживцев вообще о нем больше никогда даже не слышал.

Между тем встречи фон Ортеля с Зибертом участились. По-видимому, эсэсовец проникся к своему другу-фронтовику не только симпатией, но и доверием, потому что однажды сделал ему прямо-таки ошеломляющее предложение: бросить службу в армии и стать разведчиком, чтобы работать непосредственно под его, фон Ортеля, началом. Фон Ортель сообщил Зиберту, что в случае согласия им предстоит важное дело, которое принесет обоим и высокие награды, и настоящие деньги. А «настоящими деньгами» Ортель называл не рейхсмарки, а только доллары, фунты стерлингов и, конечно, золото.

— Постарайтесь выяснить, — сказал Медведев Кузнецову при его очередном докладе, — в какое конкретно дело он хочет вас втянуть. И предупредите Майю, что-

бы она также была очень внимательной при разговорах с Ортелем. Может, он что-нибудь обронит...

Дмитрий Николаевич словно в воду глядел.

Мария Микота как «секретная осведомительница» СД носила кличку «Семнадцать». Когда фон Ортель появился в Ровно, агент Семнадцать была передана в его распоряжение. Ортель нашел ее очень способной к разведывательной работе, занимался ее обучением. Встречались они на конспиративных квартирах СД на Немецкой площади и во 2-м Берестянском переулке. О каждой такой встрече Майя отчитывалась перед командованием отряда. Фон Ортель доверял девушке и однажды поделился с нею секретной информацией о том, что он лично заслал в советский тыл двух террористов с целью убийства немецкого генерала Зейдлица-Курцбаха, плененного советскими войсками в Сталинграде. Находясь в плену, генерал Зейдлиц осознал, что Гитлер и его клика ведут страну к близкой и неминуемой катастрофе. Он стал президентом антифашистского «Союза немецких офицеров» и деятельным участником Национального комитета «Свободная Германия».

После очередной встречи с фон Ортелем Майя рассказала Кузнецову, что ее шеф готовится к отъезду в связи с каким-то порученным ему очень важным делом. Памятуя указание Медведева, Николай Иванович настойчиво просил девушку восстановить в памяти все подробности ее разговора с эсэсовцем. Это очень важно!

Девушка припомнила, что, во-первых, фон Ортель собирался куда-то не один, а во главе целой команды, во-вторых, обещал ей, когда вернется, привезти в подарок... персидский ковер.

Так Николай Иванович и доложил Медведеву. Дмитрий Николаевич несколько минут размышлял, потом медленно сказал:

— Персидский ковер, конечно, можно привезти откуда угодно. Но, скорее всего, такая мысль может прийти в голову человеку, который собирается в Персию. Теперь мы говорим: в Иран...

Кузнецов предложил уничтожить фашиста. Медведев ответил категорическим запретом. Объяснил свое решение так: ликвидация Ортеля оборвет выходы на группу террористов, явно предназначенных для организации в Тегеране какого-то террористического акта. Понимая, что установить состав группы не удастся, как не удастся и выкрасть Ортеля из города живым, Медведев приказал

Кузнецову изложить приметы Ортеля и все полученные от него сведения.

Кузнецов взял бумагу и, тщательно обдумывая каждое слово, создал словесный портрет своего «приятеля». Подробная радиограмма немедленно была передана в Москву.

Больше Зиберт никогда не видел своего несостоявшегося шефа. Когда он вернулся в город, Лисовская сообщила ему новость. По слухам, штурмбаннфюрер СС Ортель застрелился якобы в своей «зуболечебнице». Очевидцев или участников похорон, однако, не было. Медведев не сомневался, что никакого самоубийства тоже не было. Видимо, имела место симуляция для прикрытия какого-то весьма серьезного по задачам, а возможно, и последствиям, немедленного отбытия фон Ортеля из Ровно.

Лисовская видела фон Ортеля буквально накануне «самоубийства», между ними состоялся разговор, в ходе которого Лидия Ивановна зацепила кончик нити к очень важной информации. Кузнецов об этом так сообщил Медведеву: «...Лидия получила от него сведения, о достоверности которых судить не берусь. Фон Ортель рассказывал, что в Германии изобретена какая-то летающая бомба вроде самолета, которая будет с большой быстротой покрывать расстояния до четырехсот километров и производить огромные разрушения».

Эти первые сведения о самолетах-снарядах «Фау-1», которыми гитлеровцы через несколько месяцев стали варварски обстреливать Лондон, также были переданы в Центр. В этом же донесении Кузнецов сообщал о переброске некоторых немецких штабов в связи с приближением Красной Армии и о минировании ряда крупных зданий в Ровно.

...Направляя в Москву радиограмму о том, что один из асов фашистской разведки направляется в Иран со спецзаданием, Медведев, конечно, не мог знать, что в столице этой страны Тегеране с 28 ноября по 1 декабря 1943 года должна была состояться — и состоялась — конференция руководителей трех союзных держав: СССР (И. В. Сталин), США (Ф. Рузвельт) и Великобритании (У. Черчилль), на которой предстояло решить важнейшие проблемы о совместных действиях в войне против Германии и послевоенном сотрудничестве.

В Берлине узнали о готовящейся встрече «Большой тройки» и стали готовить заговор на жизнь руководителей стран — участниц антигитлеровской коалиции.

Еще до войны гитлеровские спецслужбы, и СД, и абвер, создали в Иране разветвленную сеть своей агентуры. Под видом, главным образом, технических специалистов и бизнесменов в эту страну проникли десятки фашистских разведчиков и террористов. Особо крупные роли играли представители немецкой фирмы «Крупп», директор представительства фирмы «Сименс» известный шпион фон Раданович, его заместитель Кевкин, служащий конторы «Иранэкспресс» в Пехлеви Вольф и другие, в том числе и Ульрих фон Ортель.

Часть этой агентуры была обезврежена еще в 1941 году, когда в страну на основе существовавших тогда международных соглашений были введены временно союзные советские и английские войска. Другая часть ушла в подполье и продолжала вести оттуда свою подрывную и шпионскую деятельность. Она и послужила базой, на которой СД и абвер начали готовить покушение на «Большую тройку», которое получило кодовое наименование операция «Слон». В Тегеран были заброшены группы террористов, которыми командовали фашистские шпионы Роман Гамота, Винфред Оберг и Ульрих фон Ортель. Связь с Берлином они поддерживали через жившего в Иране на нелегальном положении под видом муллы бывшего германского генерального консула в Тавризе, а на самом деле резидента абвера Шульце-Хольтуса. В преступной акции должен был принять участие и шеф эсэсовских террористов в ведомстве Шелленберга штурмбаннфюрер Отто Скорцени.

Советская разведка получила вполне достоверные сведения о готовящемся заговоре из нескольких источников и предприняла необходимые меры, чтобы надежно обезопасить жизнь И. В. Сталина, Ф. Рузвельта и У. Черчилля от нацистских убийц.

Один из советских дипломатов, участвовавших в работе конференции, В. М. Бережков, через много лет писал: «В то время в Тегеране мало кто знал, что важные сведения о готовящейся диверсии против глав трех держав поступили также из далеких ровенских лесов, где в тылу врага действовала специальная группа под командованием опытных советских чекистов Дмитрия Медведева и Александра Лукина. В эту группу входил и легендарный разведчик Николай Кузнецов...»

Примерно через месяц в отряд поступила очередная посылка с московскими газетами. В номере от 19 декабря «Правда» напечатала «Заявление Рузвельта на пресс-

конференции». Дмитрий Николаевич не отказал себе в удовольствии прочитать Николаю Ивановичу следующее сообщение ТАСС: «По сообщению вашингтонского корреспондента агентства Рейтер, президент Рузвельт на пресс-конференции сообщил, что он остановился в русском посольстве в Тегеране, а не в американском, потому что Сталину стало известно о германском заговоре.

Маршал Сталин, добавил Рузвельт, сообщил, что, возможно, будет организован заговор на жизнь всех участников конференции. Он просил президента Рузвельта остановиться в советском посольстве, с тем чтобы избежать необходимости поездок по городу. Черчилль находился в британском посольстве, примыкающем к советскому посольству.

Президент заявил, что вокруг Тегерана находилась, возможно, сотня германских шпионов. Для немцев было бы довольно выгодным делом, добавил Рузвельт, если бы они могли разделаться с маршалом Сталиным, Черчиллем и со мной в то время, как мы проезжали бы по улицам Тегерана. Советское и американское посольства отделены друг от друга расстоянием примерно в полтора километра...»

Примечательно, что в предыдущем номере — за 18 декабря — газета поместила еще одно сообщение ТАСС, правда, коротенькое, также имевшее прямое отношение и к Медведеву, и к Кузнецову...

В числе лиц, на которых должен был обрушиться меч возмездия, был генерал Ильген. Он командовал так называемыми «Остентруппен» — «Росточными войсками», укомплектованными из числа бывших русских белогвардейцев, буржуазных националистов, прочих изменников. В эти войска входили «украинские казаки», «легионеры» из уроженцев Кавказа, Средней Азии и т. п. Одним из заместителей Ильгена, к примеру, был известный еще по гражданской войне петлюровский генерал Омельянович-Павленко. На фронте эти части, ввиду их низкой боеспособности, почти не использовались. Зато они широко применялись оккупантами для проведения карательных экспедиций против мирного населения.

Медведев полагал, что казнь генерала Ильгена непременно внесет панику в ряды не очень-то сплоченного разношерстного воинства, покажет изменникам неизбежность праведного возмездия за свои преступления перед родным народом. Кроме того, Дмитрий Николаевич рассчитывал, что кое-кто из рядовых солдат и младшего ком-

состава найдет в себе силы и мужество порвать с гитлеровцами, искупить кровью тяжкую вину перед Отечеством.

План уничтожения Ильгена был утвержден Центром. Его ключевым моментом стало то обстоятельство, что в доме генерала — большом угловом одноэтажном особняке на Млынарской улице, 3, советская разведка располагала своим человеком. Дело в том, что к этому времени по приглашению самого Ильгена Лидия Лисовская оставила должность старшей официантки в ресторане «Дойчегофф» и стала экономкой командующего «Остентруппен». Служба безопасности, не доверявшая до конца даже генералам вермахта, охотно санкционировала это перемещение своей «секретной осведомительницы».

Ильген имел обыкновение проводить совещания с узким кругом подчиненных не в штабе, а дома. В обязанности Лисовской входило подавать присутствовавшим кофе, иногда и ужин. В результате Медведев был осведомлен о некоторых мероприятиях, направленных против партизан.

В числе важных учреждений оккупантов в Ровно был штаб высшего руководителя СС и полиции Украины, обергруппенфюрера СС и генерала полиции Ганса Адольфа Прютцманна (в последние месяцы войны он был руководителем пресловутого «Вервольфа»). Постоянно Прютцманн жил в Берлине, в Ровно только наезжал. Однако за его ровенской квартирой на Кенигсбергштрассе, 21, разведчики Медведева вели постоянное наблюдение. Они-то и сообщили, что в конце октября здесь происходило строго охраняемое важное совещание, в котором, кроме самого Прютцманна, участвовали командующий войсками армейского тыла генерал авиации Китцингер, его заместитель генерал Мельцер, командующий «Остентруппен» генерал Ильген и новый человек — полковник войск СС Пиппер. Пиппер руководил рядом карательных экспедиций в оккупированных европейских странах, проявил при этом энергичность и чрезвычайную жестокость. За это получил прозвище «майстертодт» — «мастер смерти». О важности совещания говорил тот факт, что проводил его даже не Прютцманн, а прибывший специально вместе с ним из Берлина сам «шеф дер банденкампф фербанде» — «руководитель по борьбе с бандами» обергруппенфюрер СС Эрих фон дем Бах-Залевский, будущий палач восставшей Варшавы.

В распоряжении генерала авиации Китцингера на тер-

ритории рейхскомиссариата «Украина», кроме охранных батальонов, находился 12-й резервный корпус в составе 143-й и 147-й резервных дивизий, некоторые другие части. Разведка на железной дороге сообщила Медведеву, что некоторые из этих частей и подразделений начали перебрасываться в район цуманских лесов. Несомненно, немцы готовились к крупной карательной акции.

О чем шла речь на совещании у Прютцманна, узнать не удалось. Но через два дня совещание на своем уровне провел Ильген, и Лидии Лисовский удалось узнать достаточно многое из того, что на нем говорилось. Ильген сообщил подчиненным, что принято решение о полной ликвидации партизанских отрядов, действующих в волынских и ровенских лесах. В первую очередь подлежал уничтожению «отряд Медведя». Операция назначена на 8 ноября 1943 года. Общее руководство ею возложено на «мастера смерти» Пиппера.

Информацию Лисовской подтвердили Кузнецов и Довгер. Обер-лейтенант Зиберт узнал о предстоящей «охоте на Медведя» от офицера фельджандармерии Ришарда, Валентина — от своего шефа доктора Круга.

Дата — 8 ноября — была выбрана немцами с определенным расчетом. Они полагали, видимо, что накануне партизаны будут праздновать годовщину Октябрьской революции и это каким-то образом отразится на их бдительности, несении караульной службы.

Партизаны действительно отметили 26-ю годовщину Великого Октября, прослушали передачи Московского радио, с воодушевлением и радостью встретили весть об освобождении от немецко-фашистских захватчиков Киева. Настроение у всех было по-настоящему праздничное. Но это ни в малейшей степени не отразилось ни на их бдительности, ни на готовности дать отпор врагу.

Вечером в лагере был устроен большой самодеятельный концерт, на котором присутствовали и гости — партизаны соседних отрядов и их командиры, будущие Герои Советского Союза Виктор Карасев, Николай Прокопюк, Григорий Балицкий из соединения А. Ф. Федорова.

Один из федоровцев, знаменитый подрывник, впоследствии Герой Советского Союза Всеволод Клоков (ныне член-корреспондент Академии наук УССР, профессор, доктор исторических наук, заслуженный деятель науки и лауреат Государственной премии УССР), так описал через много лет свои тогдашние впечатления: «Лагерь отряда Дмитрия Медведева даже в сумерках производит солид-

ное впечатление, особенно землянка самого командира. Просторная, с огромным окном-фонарем, выложенная внутри тончайшими березовыми стволами, она вся как бы светится в бликах заходящего солнца. В правом углу пружинная кровать, под окном небольшой письменный стол. Посередине землянки стол побольше, вокруг пахнущие смолой небольшие скамьи. Под стать чистоте и уюту землянки и внешний облик самого хозяина — сверкающий белизной подворотничок аккуратно заправленной гимнастерки, отутюженные галифе, до блеска начищенные сапоги».

Когда гости после праздничного концерта стали разъезжаться, к Медведеву подошел сильно взволнованный Стехов и шепнул ему:

— Прибыли разведчики из Берестян. Там разгружаются немцы с минометами и пушками. В Киверцах тоже разгружается воинский эшелон.

Дмитрий Николаевич взглянул на часы:

— Что ж, все сходится. Один концерт заканчивается, будем готовиться к следующему...

Дело обстояло именно так. Предупрежденный своевременно о карательной экспедиции, Медведев разработал уже свой план ее разгрома. Он знал, что на сей раз немцы бросят против отряда крупные силы. Уходить нельзя — имея приказ уничтожить партизан, Пиппер начнет преследование и, обладая большим превосходством, может во время марша обрушить мощный удар и добиться своего. Значит, нужно принять бой, используя то обстоятельство, что Пиппер убежден во внезапности своего нападения. Медведев изучил тактику карателей, знал, что их самое уязвимое место — командный пункт и связь. Соответственно он решил: отразить наступление гитлеровцев, нанести им ощутимые потери, сбить атакующий порыв, а потом силами резерва — ротой старшего лейтенанта Виктора Семенова — нанести неожиданный удар с тыла по штабу и узлу связи. Расчет командира оказался верным, что и подтвердили последние часы.

Как выяснилось, немцы бросили против «Медведя» 1-й и 2-й Берлинские полицейские полки, эсэсовцев из укомплектованной уголовниками бригады Дирливангера, части дивизии СС «Галичина» и другие подразделения при поддержке тяжелых минометов, пушек и даже авиации. Всего у Пиппера было две с половиной тысячи солдат, в то время как численность отряда «Победители» не превышала семисот пятидесяти человек. Бой с экспедици-

ей Пиппера — самый тяжелый из девяноста двух боев, проведенных отрядом, — был единственным, который Дмитрий Николаевич описал подробно:

«Дождавшись конца очередного номера, я вышел на помост.

— Товарищи! — сказал я. — Получены сведения, что завтра с утра на нас пойдут каратели. Уходить не будем. Останемся верными своему принципу: сначала разбить врага, а потом уходить!

— Правильно! Ура! — подхватили партизаны.

Я поднял руку, призывая к вниманию.

— Праздник будет продолжаться!

Несколько человек запели «В бой за Родину». Песню пели все.

Вечер длился еще час.

Спать улеглись в полной боевой готовности...

На рассвете прискакал из-под Берестян Валя Семенов.

— Из села к лагерю движется большая колонна фашистов! — запыхавшись, выпалил он.

И почти в тот же момент донеслась пулеметно-автоматная стрельба. Стреляли километрах в десяти, приблизительно в районе лагеря Балицкого.

...Первая рота под командованием Базанова вышла навстречу противнику, наступавшему из Берестян. Вторая рота во главе с Семеновым направилась в обход с задачей незаметно нащупать, где находится артиллерия, минометы и командный пункт карателей, чтобы ударить по ним с тыла.

Когда вторая рота вышла из лагеря, с постов сообщили, что и с другой стороны на нас идет вражеская колонна. Навстречу ей я направил часть четвертой роты. Другая часть этой роты охраняла правый фланг. Третья рота находилась на постах вокруг лагеря.

Итак, все наши силы были в расходе. В резерве оставались группа разведчиков и комендантский взвод.

Часов в десять начался бой. Каратели открыли бешеный огонь из пулеметов и автоматов по первой роте. Враги продвигались плотной колонной, во весь рост. Ответный огонь наших станковых и ручных пулеметов лишь на время заставлял их останавливаться и ложиться. Затем снова слышалась немецкая команда, солдаты поднимались и шли в атаку.

Мы знали, что длительного боя нам не выдержать...

Артиллерия противника стала пристреливаться к лагерю. Но снаряды рвались за его чертой.

Из первой роты дали знать, что патроны на исходе, что станковый пулемет уже молчит. Послали им группу из комендантского взвода. Через некоторое время снова сообщают: патронов почти нет, присылайте, иначе не выдержим...

Прошло уже четыре часа, как выступила рота Семенова, а никаких ее дел не видно. Где она, что с ней?

А фашисты нажимают.

...Стрельба приблизилась к самому лагерю. Вступили в бой последние наши резервы — комендант Бурлатенко с группой в пятнадцать человек легкораненых.

Мины рвутся в самом лагере. Фашисты подступают все ближе.

...В шестом часу вечера отдаю приказ: готовить обоз, грузить тяжелораненых и штабное имущество. Из раненых, способных держать оружие, с трудом удалось набрать четырнадцать человек. Цессарский и остальные врачи должны были прикрывать раненых и обоз. Я с остатком комендантского взвода направился на центральный участок распорядиться об отступлении с боем...

Было ясно, если нам не удастся продержаться дотемна, уйти мы не сможем. Каратели обступали кругом.

И вдруг с той стороны, с какой стреляли вражеские пушки и минометы, отчетливо послышалось «ура!».

Еще не смолкло «ура!», как орудийная стрельба прекратилась.

Через пять минут снова заговорили вражеские минометы, но теперь они били уже по гитлеровцам... Растерянность и паника охватили карателей. Побросав оружие, они стали разбегаться. Партизаны устремились в погоню.

Что за чудо?

Чуда, конечно, не было. Это вступила в бой рота Семенова. Зайдя в тыл противнику, Семенов произвел тщательную разведку. Роту он поделил на две группы. Одна навалилась на артиллерию и минометы врага, сразу же после их захвата повернув стволы на гитлеровцев. Другая овладела командным пунктом и радиостанцией, через которую шло управление боем. Девятнадцать офицеров штаба, в том числе и командующий экспедицией Пиппер, были убиты. Это и решило дело...

Я был уверен, что каратели завтра с новыми силами пойдут на нас и начнут бомбить лагерь с воздуха. Стало

известно, что со станции Киверцы продвигается новая фашистская колонна. Было принято решение: до рассвета уйти на новое место.

В бою мы потеряли двенадцать человек убитыми и тридцать ранеными. Похоронив убитых, стали собираться в поход...

Трофеи были огромные. Мы отбили у карателей весь их обоз из ста двадцати повозок, груженных оружием, снарядами, минами и обмундированием. Были взяты три пушки, три миномета, много автоматов, винтовок, патронов.

...В два часа ночи партизаны впервые за сутки поели. А в три часа отряд уже покинул лагерь...

Мы решили отойти к северной границе Ровенской области, чтобы здесь привести в порядок отряд и попытаться самолетом отправить в Москву раненых. В цуманских лесах осталась небольшая группа под командованием Бориса Черного. Ему вменялось в обязанность маневрировать, скрываться от карателей и принимать наших людей, которые будут приходить из Ровно».

Итоги боя с превосходящими силами врага уже сами по себе говорят о способностях Медведева как командира, тонкого и опытного тактика партизанской войны. В бою с группировкой «мастера смерти» Пиппера он не только умело командовал подразделениями в крайне сложных, порой отчаянных условиях, но проявил мужество и храбрость, был примером стойкости и воинской доблести для подчиненных.

Между тем ровенская группа разведчиков в соответствии с утвержденным Медведевым планом продолжала наносить удары по высшим чинам фашистской администрации. В сложившихся условиях эти действия приобретали еще одно важное значение — они отвлекали внимание гитлеровских спецслужб от партизанского соединения.

10 ноября Николай Кузнецов, Николай Струтинский, Хуберт Глаас и Иван Корицкий забросали гранатами и обстреляли из автоматов автомобиль шефа «Пакетаукциона» Курта Кнута.

15 ноября Николай Кузнецов, Ян Каминский, Мечислав Стефаньский и Николай Струтинский при участии Лидии [illegible]совской и М[illegible]ии Микоты похитили из собственного [illegible] генерала [illegible]ена. Операция [illegible]а разрабо[illegible]а тща[illegible] В [illegible] было учтено, что обедал И[illegible]ь-ген [illegible] и [illegible] только [illegible]. Свое[illegible]ство

успеху и то обстоятельство, что оба личных адъютанта генерала и денщик-немец отбыли на неделю в Германию. В дневное время охрану особняка нес только один часовой из «казаков», в самом доме находился временный денщик — тоже «казак».

Все участники операции (кроме, разумеется, Лидии и Майи) были одеты в немецкую форму. В условленное время Лисовская впустила в дом группу захвата. Оба «казака» были обезоружены. Наконец приехал генерал. Он был еще молод — около сорока лет, — силен и хорошо тренирован. Скрутить его после ожесточенной схватки стоило немалого труда. К этому времени разведчики уже обыскали квартиру и захватили все найденные в ней документы, карты и т. п. В последний момент Кузнецов снял со стены великолепное охотничье ружье генерала. Это ружье — подарок Николая Ивановича — как единственный фронтовой трофей Медведев привез в Москву...

Когда Ильгена вывели на улицу и стали усаживать в машину, он вырвался, вытолкнул кляп изо рта и закричал:

— Хильфе! Хильфе! (На помощь! На помощь!)

Кузнецов, Струтинский и Стефаньский едва успели схватить генерала, снова заткнули ему рот (при этом Ильген прокусил Струтинскому ладонь) и затолкнуть в «адлер».

Струтинский не успел включить мотор, как раздался тревожный голос:

— Что здесь происходит?

Кузнецов резко обернулся. К машине, расстегивая кобуры, спешили четыре немецких офицера. В суматохе схватки никто не успел заметить, откуда они появились. Это был решающий момент операции, когда на карту была брошена сама жизнь разведчиков. Кузнецов сумел мгновенно принять единственно верное решение. Он козырнул офицерам и отрекомендовался:

— Я офицер службы безопасности. Мы только что захватили русского террориста, одетого в нашу военную форму. Прошу удостовериться в моих полномочиях. — С этими словами он протянул офицерам металлический номерной жетон сотрудника гестапо. Реакция была соответствующей... Офицеры застегнули кобуры пистолетов, ответили на приветствие. Но роль нужно было доиграть до конца, и Зиберт попросил их предъявить удостоверения личности. Просмотрев при свете фонарика доку-

менты немцев, он обнаружил, что один из четверых является... личным шофером рейхскомиссара Коха.

— А вас, господин капитан, — обратился к нему Зиберт, — я попрошу проехать с нами. Ваши показания могут иметь значение.

Пожав плечами, Гранау спокойно уселся в машину, в которой вместе с «казаками» уже находилось семь человек. Восьмому — Яну Каминскому — пришлось втискиваться в багажник, где он едва не задохнулся, пока автомобиль не домчал до надежного убежища — хутора Валентина Тайхмана вблизи сел Новый Двор и Чешское Квасилово. Владелец хутора, бедный польский крестьянин, отец девятерых детей, давно уже предоставил свой дом в распоряжение советской разведки.

Исчезновение генерала было замечено только в шесть часов, когда новый караул не обнаружил на крыльце часового, а саму квартиру нашел перевернутой вверх дном. На ноги были поставлены и военная контрразведка, и тайная полевая полиция, и служба безопасности, и фельджандармерия. Все дороги из города были перекрыты. Начались поиски, которые продолжались несколько недель — безуспешно.

Дерзкая операция была не только актом возмездия — она дала советской разведке большое количество военной информации.

Всю ночь Кузнецов вел допросы и разбирал захваченные документы, а утром вернулся в город, чтобы ликвидировать Альфреда Функа. Этот старый нацист (он обладал золотым партийным значком) занимал множество постов. Оберфюрер СА Функ был президентом верховного немецкого суда на Украине, руководителем отдела права РКУ, сенатспрезидентом верховного суда в Кенигсберге, чрезвычайным комиссаром Мемельской области, главным судьей штурмовых отрядов группы «Остланд», председателем «Национал-социалистического союза старшин» и пр. Но главная его обязанность заключалась в «узаконении» массового уничтожения советских граждан. Это по приговорам, вынесенным или утвержденным Функом, по всей Украине вешали и расстреливали тысячи патриотов. Примечательно, что верховный судья был единственным высшим чиновником РКУ, которого Кузнецов знал лично. В принципе, уничтожить Функа можно было (причем сделать это было бы даже легче) в любом ином месте, но Медведев и Кузнецов решили, что акт возмездия получит особый отзвук у населения, приобретет символи-

ческую окраску, если будет произведен именно в здании суда.

Наблюдение показало, что Функ, отличавшийся пунктуальностью, ежедневно брился в парикмахерской на Дойчештрассе, расположенной почти напротив суда, причем всегда у одного и того же мастера Анчака. Функ, конечно, не подозревал, что этот худой, с глубоко посаженными глазами услужливый мастер на самом деле майор польской армии, участник боев за Варшаву, антифашист, связанный с советской разведкой.

Операция была рассчитана по минутам. В восемь тридцать утра Зиберт, Каминский и Струтинский подъехали к зданию на Школьной улице. А в восемь часов пятьдесят девять минут главный палач Украины уже был уничтожен прямо в помещении суда.

На этом акте возмездия завершилась деятельность обер-лейтенанта Зиберта в Ровно. Больше ему появляться в городе не стоило — слишком много немцев видели его при выполнении боевых действий.

Одновременно с этими действиями кузнецовской группы по единому плану командования отряда и приказу Медведева несколько ударов по оккупантам нанесли и другие ровенские разведчики. В частности, группа под командованием Михаила Шевчука, в которую входили также Василий Борисов, Павел Серов и Петр Будник, осуществила взрыв на железнодорожном вокзале с помощью мощной мины, упакованной в чемодан.

Пройти на вокзал было нелегко. После освобождения Красной Армией Киева и других украинских городов десятки семей немецких офицеров и чиновников спешили покинуть город. Началась массовая эвакуация, порой носившая панический характер. Чтобы навести хоть какой-то порядок, вокзал был плотно оцеплен фельджандармами. Прорваться через их цепь Шевчуку не удалось. Опытный разведчик, Михаил Макарович не стал лезть на рожон. Он нашел более надежный и безопасный путь. На боковой улочке Шевчук, располагавший пролеткой, выглядел попутчика — пожилого подполковника, с трудом волокущего два тяжелых чемодана. Шевчук предложил немцу подвезти его до вокзала, тот не знал, как и благодарить. Дальше все было просто. Шевчук подкатил к главному входу, а Серов и Будник вместе с чемоданами подполковника внесли в здание и третий — свой... Патрули, приняв их за носильщиков при немецком офицере, беспрепятственно пропустили их и в вокзал, и в

зал ожидания для пассажиров первого класса. Подполковника усадили на свободную скамью, рядом поставили его чемоданы, а свой незаметно затолкнули под сиденье. После чего покинули вокзал.

Мина сработала в два часа тридцать минут ночи. Мощный взрыв обрушил потолок зала ожидания первого класса. Свыше двадцати старших офицеров были убиты на месте, около ста тридцати получили ранения и контузии. Поднялась паника. Слились в невыразимом шуме крики, стоны раненых, пистолетные выстрелы, грохот обваливающихся перекрытий. Заслышав стрельбу и взрыв, солдаты из подошедшего в это время к Ровно эшелона решили, что вокзал захвачен советскими парашютистами. Они высыпали из вагонов, залегли вдоль путей и открыли интенсивный огонь по станции. В свою очередь, находящиеся на вокзале немцы приняли за советских десантников солдат из эшелона и открыли ответный огонь. Ожесточенная перестрелка прекратилась только с рассветом.

Связанные с отрядом подпольщицы Лиза Гельфонд, Галя Гниденко и Ира Соколовская, проявив исключительное самообладание, устроили взрыв в офицерском казино, где работали официантками. Отважные девушки сумели пронести в помещение и разместить под столами два мощных заряда. Взрывами было убито много офицеров (это случилось в обеденное время), в том числе полковник и генерал.

Фактически этими операциями завершилась боевая деятельность в Ровно не только Николая Кузнецова и его товарищей, но и остальных групп медведевских разведчиков.

Достойной оценкой этой героической и самоотверженной работы стала длинная радиограмма из Москвы. Центр поздравлял личный состав «Победителей» с боевыми успехами и сообщал, что свыше ста пятидесяти командиров, разведчиков и бойцов отряда Указом Президиума Верховного Совета СССР удостоены правительственных наград. Высокое звание Героя Советского Союза было посмертно присвоено Николаю Приходько. Кавалерами высшей награды Родины — ордена Ленина стали повторно Дмитрий Медведев, а также Николай Кузнецов, Сергей Стехов, Ян Каминский, Мечислав Стефаньский и Николай Струтинский. Орденом Отечественной войны I степени были награждены посмертно Асен Драганов и Анатолий Капчинский.

Сын видного деятеля коммунистических партий Бол-

гарии и Румынии, Асен Драганов был добровольцем-омсбоновцем. Он отличился еще в боях под Москвой и первый свой орден Красной Звезды принял в Кремле из рук М. И. Калинина. В отряд «Победители» он прилетел всего лишь в октябре, а через месяц погиб в бою 8 ноября, прикрывая командира — Медведева...

Еще 2 февраля 1943 года Президиум Верховного Совета СССР учредил медаль «Партизану Отечественной войны» двух степеней для награждения лиц, проявивших храбрость, мужество и стойкость в партизанской борьбе за Советскую Родину в тылу против немецко-фашистских захватчиков. Теперь свыше двухсот медведевцев были отмечены этим новым почетным знаком отличия. Серебряной — первой степени — медалью «Партизану Отечественной войны» был награжден и командир «Победителей» Дмитрий Николаевич Медведев.

НА ЗАПАД!

Глубокой осенью 1943 года по бездорожью, через леса и незамерзшие топи отряд совершил тяжелейший стопятидесятикилометровый переход к большому селу Вельки-Целковичи, ставшему на короткое время очередной партизанской столицей. Чтобы не подвергать ненужным тяготам и риску раненых, их решили по рекомендации Центра оставить в соединении Героя Советского Союза А. Ф. Федорова. Медведев направился в лагерь Федорова и познакомился со знаменитым партизанским генералом.

В этот день находившийся в отряде Федорова фотокорреспондент запечатлел группу партизанских военачальников. Это одна из четырех (если не считать вариантов) фотографий Медведева, сделанных за все время его пребывания в фашистском тылу. Как правило, Дмитрий Николаевич запрещал делать съемки в расположении отряда.

Раненые, конечно, были приняты федоровцами как братья. Примечательно, что по выздоровлении они образовали свой небольшой партизанский отряд. Оставлены были у Федорова и присоединившиеся за последнее время к партизанам мирные жители, в том числе семьи некоторых ровенских подпольщиков. Над ними нависла угроза быть схваченными гитлеровцами, и по приказу Медведева их отозвали из города. Среди них было много детей, вплоть до новорожденных. Дмитрий Николаевич всегда очень любил детей и теперь весьма был озабочен тревогой

за судьбу детей, оказавшихся на его попечении. Грубая партизанская пища не очень-то подходила малышам, и для начала Медведев приказал разведчикам где угодно раздобыть дойную корову. Приказ был выполнен, но одним молоком не обойдешься. Тогда командир послал в Москву радиограмму с просьбой прислать самолетом наряду с боеприпасами... манную кашу. Мужчина есть мужчина. Дмитрий Николаевич так и написал: не манную крупу, а именно манную кашу.

В книге «Последняя зима» Алексей Федорович Федоров писал: «Последний раз я виделся с Медведевым в январе 1944 года, перед уходом его отряда из Волынской и Ровенской областей дальше на запад, ко Львову...

С первых минут той последней встречи бросилось в глаза, что Медведев мрачен, неразговорчив. Я подумал, что его самочувствие вызвано какими-нибудь досадными пустяками, и попытался настроить Дмитрия Николаевича на другой лад. Вздохнув, он взял меня за локоть и отвел немного в сторону.

— Случилась беда, Алексей Федорович! — сказал он. — Вторично арестована Савельева и еще кто-то... О том, кто именно, данных пока не имею, связи разом оборвались, но что Савельеву взяли, это точно...»

Паша Савельева была арестована в своем доме на Хлебной улице. Схватили и несколько подпольщиков. После первых допросов девушку выпустили. Но это было не освобождение, а тактический ход следователя СД. Он рассчитывал, что, оказавшись на свободе, Савельева наведет его на след еще не выявленных немцами подпольщиков. Но Паша это прекрасно понимала и вела себя так, чтобы больше никто не пострадал. Вторично ее арестовали 24 декабря. На сей раз с девушкой не церемонились. Ее подвергли жесточайшим пыткам. Гитлеровцы уже знали об ее причастности к похищению секретного химического снаряда. Какая-либо игра со следователем в наивность была бессмысленна. Вопрос стоял однозначно: выдержит Савельева неописуемые муки или сломается. Паша выдержала все... Даже когда пытали в ее присутствии мать, Евдокию Дмитриевну. Молчала и мать, когда у нее на глазах терзали дочь. Паша не могла спасти себя, но она сумела отвести беду от многих своих товарищей по борьбе. Истерзанная озверевшими мучителями, Паша в последнюю ночь своей жизни чем-то острым нацарапала на стене камеры номер четырнадцать луцкой тюрьмы: «Приближается черная, страшная мину-

та! Все тело изувечено — ни рук, ни ног. Но умираю молча. Как хотелось жить! Во имя жизни будущих после нас людей, во имя тебя, Родина, уходим мы... Расцветай, будь прекрасна, родимая, и прощай. Твоя Паша».

Утром 12 января 1944 года, всего за три недели до освобождения Луцка войсками Красной Армии, во дворе луцкой тюрьмы фашисты сожгли заживо на костре разведчицу медведевского отряда комсомолку Пашу Савельеву. Теперь на этом месте — памятник героине[1].

Тревожила Медведева и судьба Вали Довгер. Ее не успели отозвать в отряд, как других разведчиков. Гитлеровцы арестовали Валю, подвергли пыткам, добиваясь показаний о «женихе» — обер-лейтенанте Зиберте. Валя твердо стояла на своем: знает, дескать, только одно, что ее близкий знакомый Пауль — боевой офицер, преданный фюреру и рейху, удостоенный высоких наград. О своих служебных делах он ей ничего не рассказывал, куда и насколько выбыл — ей не известно.

На допросы в СД вызывали также Лидию Лисовскую и Марию Микоту. Хотя сестры и были «секретными сотрудницами» СД, все же на них пало в какой-то степени подозрение в причастности к похищению генерала Ильгена. К тому же все знали, что Зиберт снимал у Лисовской комнату. Сестры твердо придерживались заранее разработанной для них Медведевым и Лукиным легенды. Ничего путного следователи от них не добились, хотя полностью от подозрений не отказались[2].

...В Вельках-Целковичах отряд простоял всего несколько дней. Фашистская авиация установила, что именно сюда перебазировались партизаны, и начала бомбить село. Чтобы не подвергать опасности мирное население, Медведев снова увел отряд в лес. Здесь подразделения продолжали приводить себя в порядок, переформировыва-

[1] Посмертно П. Савельева удостоена высшей награды Родины — ордена Ленина. Ее имя носит бывшая Хлебная улица Луцка. Мемориальные доски укреплены на доме, где она жила, и на здании банка, где работала.

[2] О судьбе В. Довгер Д. Медведев узнал только после войны. Гитлеровцы вывезли ее из Ровно во Львов, где продолжали жестоко допрашивать. Потом ее направили в тюрьму в Мюнхен. Лишь после долгих мытарств девушка сумела вернуться на Родину. В. К. Довгер награждена орденом Ленина. Л. Лисовская и М. Микота также были вывезены во Львов, где гитлеровцы надеялись с их помощью опознать Зиберта. Уже после освобождения Львова Л. Лисовская и М. Микота были предательски убиты оуновцами. Посмертно они награждены орденами Отечественной войны.

лись, наконец, бойцы просто отдыхали после колоссального напряжения последних боев и перехода. Однако отдых, пускай и трижды заслуженный, явно тяготил партизан, особенно разведчиков. В конце декабря возобновили наступательные действия все три Украинских фронта. Медведевцы хорошо понимали, что в эти решающие дни они могут и должны внести свой вклад в освобождение Ровенщины. Маневренная группа разведчиков под командованием Бориса Черного, оставленная в цуманских лесах, конечно, не могла заменить целый отряд. Между тем вернуться всему соединению сразу было невозможно. Еще не устроены были все раненые, кроме того, отряд остро нуждался в отечественных боеприпасах, а также батареях питания к рациям, которые предстояло получить с самолетами из Москвы.

Медведев принял оптимальное решение: послать в цуманский лес группу разведчиков, связных и радиста под сильным прикрытием. Наверняка, полагал он, немцы, убедившись, что партизаны ушли отсюда, и сами убрались восвояси. Так оно и оказалось на самом деле.

Группа разведчиков под общим командованием Александра Лукина под прикрытием роты Льва Ермолина выступила в обратный путь. На свою беду, с ней столкнулась тоже рота — выпуск школы старшин «Украинской повстанческой армии». Из допроса пленных выяснилось, что она совершала ночной марш в качестве... одного из выпускных экзаменов! Партизаны разбили националистов и взяли хорошие трофеи, в том числе тяжелый пулемет и миномет. Но главное — было захвачено около сотни новеньких, еще не заполненных старшинских дипломов, украшенных печатями с трезубцем и витиеватыми подписями командующего группы УПА «Заграва» Дубового и начальника штаба «Бористена». Вожаки оуновцев очень любили присваивать себе пышные, многозначительные имена — Бористеном в древности называли Днепр.

Вскоре, получив разрешение из Москвы, вернулся в цуманский лес и весь отряд, за исключением, как уже было сказано, раненых.

Фронт приближался с каждым днем. Ветер с востока отчетливо доносил до лагеря звуки канонады. Поток фашистского отступления захлестывал все дороги. Рейхскомиссар Кох так спешил убраться из Ровно в Кенигсберг, что даже рождественский прием в РКУ устроил на два дня раньше, чем полагалось по календарю.

Медведеву было очевидно, что очень скоро отряду

придется перебазироваться ко Львову. Именно туда перемещались многие учреждения оккупантов, там же находился и центр националистов. Информация из этого города приобретала первостепенное значение для советской разведки и командования Красной Армии. Все тщательно взвесив, Дмитрий Николаевич решил заслать во Львов группу разведчиков. Они должны были выяснить обстановку в городе, подобрать квартиры, выявить расположение казарм, складов, штабов, узлов связи, лиц, которых немцы и националисты оставят для шпионской и диверсионной деятельности в тылу Красной Армии. Наконец, разведчики должны были достать схему минирования Львова, чтобы воспрепятствовать варварскому разрушению старинного и красивейшего украинского города. В случае потери связи с отрядом группа должна была установить контакт с передовыми частями Красной Армии и передать им собранную военную информацию.

6 января 1944 года группа в составе двадцати одного человека отправилась в далекий путь по маршруту Ровно (цуманский лес) — Львов (гановический лес). По плану Медведева три пары разведчиков (в их числе были люди, хорошо знавшие Львов) и должны были действовать в городе, а остальная часть группы, в том числе радист Бурлака, служить им как бы базой в гановическом лесу. Две девушки должны были выполнять функции связников между разведчиками и базой.

Командиром группы Медведев назначил лейтенанта Бориса Крутикова. Выбор был обоснован. Во-первых, Крутиков зарекомендовал себя за прошедший год как один из самых боевых командиров взводов. Во-вторых, он прекрасно знал обычаи и порядки националистов. Это имело особое значение. Дело в том, что по замыслу Медведева группа должна была пройти от Ровно до Львова под видом отряда оуновцев, выполняющих особо важное задание руководства и командования УПА. Это обусловливалось тем, что местность, по которой пролегал маршрут, находилась под контролем УПА. Все бойцы группы получили соответствующие документы, в том числе те самые дипломы школы старшин, что были взяты как трофеи в недавнем бою.

Дорога на Львов оказалась гораздо более трудной, нежели представляли Медведев и Лукин. На всем протяжении долгого пути группе приходилось вступать в вооруженные схватки. Она понесла тяжелые потери, в частности были убиты радист Бурлака и всеобщая любимица

Наташа Богуславская. Пули разбили рацию. В итоге вместо трех пар во Львове смогли приступить к работе только три разведчика: Степан Пастухов, Михаил Кобеляцкий и Борис Харитонов.

15 января самостоятельно во Львов был направлен Кузнецов. Николай Иванович должен был продолжить в этом городе разведывательную работу «гауптмана Зиберта» (его «повысили» в чине) и в качестве запасного варианта уничтожить губернатора Галиции бригаденфюрера СС Вехтера или вице-губернатора Бауэра.

Вместе с Кузнецовым отбыли на задание Ян Каминский и шофер Иван Васильевич Белов. Иван был красноармейцем, попал в плен, сумел вырваться на свободу, осел в Ровно и связался здесь с группой Шевчука. Он был проверен в нескольких боевых эпизодах и не вызвал у Медведева никаких сомнений. К предстоящей поездке Белов был облачен в немецкую форму и снабжен документами солдата вспомогательных войск Ивана Власовеца.

Кузнецов следовал во Львов через Луцк, где группа местных польских подпольщиков под командованием Вицента Окорского приготовила для него новый автомобиль, ранее принадлежавший местному гебитскомиссару.

«Мы условились, — вспоминал Медведев, — что, если Кузнецову, Каминскому и Белову не удастся встретиться с отрядом, они должны разыскать группу Крутикова и остаться с ней. Не выйдет и это — перейти самим линию фронта. Если же и тут неудача — уйти в подполье и ждать прихода Красной Армии...

— Ну, прощайте, Дмитрий Николаевич! — сказал он.

Мы обнялись и по русскому обычаю трижды расцеловались».

Больше два легендарных чекиста никогда не виделись...

10 января отряд, насчитывавший примерно тысячу четыреста человек, уже снялся с места и приступил к двухсоткилометровому переходу тоже в сторону Львова. Идти пришлось с боями. Несколько дней потребовалось только для того, чтобы прорваться через усиленно охраняемую железную дорогу Ровно — Луцк. Ждать нападения приходилось на каждом километре пути. И не только со стороны немцев, но и отрядов УПА, активизировавших свою деятельность. Как правило, в населенные пункты входить удавалось только после боя. Нередко случалось, что, пока одно подразделение отдыхало или гото-

вило обед, другое вело бой, отвлекая на себя внимание и силы врага. Плохо совсем обстояло дело с боеприпасами к отечественному оружию. Тогда Дмитрий Николаевич буквально на ходу произвел переформирование и создал две ударные роты, вооруженные исключительно трофейными пулеметами, автоматами и карабинами, патронов к которым было предостаточно.

Лишь в конце января наконец-то пришли холода. Выпал снег, прикрывший замерзшую грязь, доставлявшую столько бед бойцам. Санный путь принес облегчение и самому Медведеву. Болезнь донимала его как никогда раньше. Только один человек в полной мере понимал, каково приходится Дмитрию Николаевичу, — доктор Альберт Цессарский. Теперь уже не просто врач отряда, а начальник всей медико-санитарной части, в которой был даже настоящий профессор — Феодосий Михайлович Гуляницкий (его помогли переправить к Медведеву винницкие подпольщики). Одним из ведущих хирургов стала парашютистка-доброволец доктор Вера[1] — дочь видного деятеля болгарского и международного коммунистического движения, философа-марксиста Тодора Павлова, в те годы узника фашистской каторжной тюрьмы.

Медведев лично следил за тем, чтобы раненым и больным отдавалось все в первую очередь и самое лучшее. О них заботился каждый партизан и все вместе. В общей сложности за два года в отряде было двести пятьдесят собственных раненых. Из них умерло только трое, а двести тридцать восемь вернулись в строй полноценными бойцами.

В своей книге «Записки партизанского врача» А. Цессарский так писал об этих днях: «Командир... болен. Он почти не встает с повозки, командует лежа. Во время остановок лечим его массажем, грелками — у него воспаление корешков спинного мозга. Уже потом, в Москве, на рентгене мы установили, что воспаление вызывает костная мозоль на месте старой трещины в позвонке».

Последняя стоянка — большое село Нивицы. Отсюда до Львова по прямой всего шестьдесят километров. Здесь решили заночевать. Эта ночевка могла оказаться последней в жизни Дмитрия Николаевича. Староста села, немецкий прислужник и оуновец, сумел дать знать «в лес»

[1] Ныне профессор В. Т. Павлова крупный ученый. Живет в Софии. Ей присвоены высокие звания Героя Социалистического Труда и народного врача НРБ.

и навел на партизан крупный отряд из дивизии СС «Галичина».

Конечно, как всегда, при стоянке в селе были выставлены сторожевые посты. И все же могла случиться большая беда.

Произошел короткий, но жестокий бой...

Противник бежал, оставив около тридцати трупов. В этом бою был смертельно ранен ветеран обоих медведевских отрядов, колхозный тракторист из Казахстана Дарпек Абдраимов, заслонивший Медведева грудью от фашистской пули.

Последними словами Дарпека, обращенными к Медведеву, зашедшему к нему в медчасть, были:

— Командир, ты живой? Не ранен?

Через несколько минут он умер на руках Медведева. Действительно, каким-то чудом Дмитрий Николаевич был даже не ранен. Хотя насчитал в своей шинели двенадцать, а в шапке две пулевые пробоины.

На первом привале после боя командир радиовзвода Лидия Шерстнева приняла сообщение Совинформбюро, которое все бойцы приветствовали дружным и радостным «ура!»: диктор Юрий Левитан прочитал приказ Верховного Главнокомандующего о том, что 2 февраля войска 13-й армии 1-го Украинского фронта под командованием генерала Н. П. Пухова при активном содействии партизан освободили города Ровно и Луцк. В ходе последовавшего затем сеанса связи с Центром та же Шерстнева приняла приказ Москвы о выводе отряда в ближайший тыл Красной Армии. Это был первый приказ за полтора года. До сих пор командование все директивы отдавало только в виде запросов.

Отряд двинулся в обратный путь. Пятого февраля близ железной дороги Ровно — Луцк он в последний раз дрался с гитлеровцами — прорывавшейся на запад мотомеханизированной группировкой, в составе которой были и танки. По сути дела, отряд «Победители» уже находился в тылу стремительно наступавшей Красной Армии.

А потом, похоронив восьмерых товарищей, павших в этом последнем бою, партизаны увидели советских солдат. Так завершилась война в тылу врага для Дмитрия Медведева и его боевых друзей. Многих из них еще ждали другие походы, другие бои. Но то была уже другая часть их воинской биографии.

...Через много лет в числе выдающихся партизанских военачальников — С. А. Ковпака, С. В. Руднева,

А. Ф. Федорова, П. П. Вершигоры и других Маршал Советского Союза Г. К. Жуков назовет имя и Д. Н. Медведева.

Последним боем Дмитрий Николаевич командовал, лежа в повозке, через связных. А потом пришла радиограмма... Медведеву предписывалось передать командование Стехову и немедленно выехать в Москву. Потом прибыла и «коломбина» — военная грузовая машина с плотным брезентовым тентом. Вместе с несколькими ранеными Дмитрий Николаевич выехал в столицу.

...Смоленская площадь, Арбат, знакомые ворота, темно-кирпичный двухэтажный дом в глубине двора. Сам выйти из кабины Дмитрий Николаевич не мог. Помогли спутники. Но когда нажал на кнопку звонка, попросил, чтобы его не поддерживали за локти. Не хотел пугать жену...

Лишь через несколько лет Медведев узнал, откуда командованию стало известно о его болезни. Созналась Лидия Шерстнева — это она вопреки всем служебным предписаниям отправила в Центр радиограмму о тяжелом состоянии Медведева.

ЧАСТЬ IV

«ОСТАЮСЬ ЧЕКИСТОМ...»

КАВАЛЕР ЗОЛОТОЙ ЗВЕЗДЫ

Впервые за год и восемь месяцев после жизни, полной борьбы и опасностей, Медведев оказался в тишине и покое. Дома ему позволили пробыть лишь два дня. Потом отвезли в госпиталь.

Отдельная палата. Удобная кровать, мягкие подушки, легкое теплое одеяло. Тумбочка с цветами. И тишина... Только изредка зайдет в палату врач или сестра. Иногда навещал начальник госпиталя. Обследования, лекарства, лечебные процедуры.

Дмитрий Николаевич попробовал навести справки о родных. Сына Кима, рядового солдата Великой Отечественной, Медведев увидит только после Победы. Узнал, что жив брат Алексей. Он воевал рядовым бойцом на Калининском фронте, потом стал политруком взвода полковой разведки. Десятки раз Алексей Медведев пересекал линию вражеской обороны. Был ранен и контужен, награжден орденами Красного Знамени и Красной Звезды.

Михаил Медведев воевал комиссаром лыжного батальона. В одном из боев в районе Курска его ранило в ноги. Во время гитлеровского наступления летом 1943 года госпиталь подвергся бомбардировке, и Михаил Медведев погиб. И не мог тогда знать Дмитрий Николаевич, что как раз в апреле 1944 года, когда врачи наконец поставили его на ноги и он вернулся на Арбат, далеко от Москвы скончался старший брат Александр Медведев.

Дмитрия Николаевича очень угнетало, что в Москву не поступало никаких сведений ни о группе Бориса Крутикова, ни о Николае Кузнецове. Впрочем, вскоре его достигла первая косвенная весточка о гауптмане Зиберте. Разбирая пачку газет за последние два месяца, он прочитал в «Правде» от 15 февраля коротенькую заметку: «Стокгольм. По сообщению газеты «Афтенбладет», на улице Львова среди бела дня неизвестным, одетым в немецкую военную форму, были убиты вице-губернатор Га-

лиции доктор Бауэр и высокопоставленный чиновник Шнайдер. Убийца не задержап».

Медведев ни секунды не сомневался, что «неизвестный» — это Кузнецов.

— Не задержан! Не задержан! — радостно повторял он.

Составление подробного отчета о всей проделанной работе оказалось делом непростым и небыстрым. Но в сжатом виде Медведев набросал его еще в госпитальной палате. «Целыми днями во всех мелочах и подробностях я вспоминал нашу жизнь в тылу врага. И странно — насколько тогда, в ходе борьбы, мне казалось все недостаточным, мелочным, теперь, когда я мысленно составлял отчет командованию, все представлялось значительным, заслуживающим серьезного внимания», — писал он впоследствии.

Самое главное — в Москву переданы многие сотни радиограмм, содержащих ценнейшие сведения о переброске вражеских войск и боевой техники, работе железных дорог, дислокации штабов, мероприятиях военных и оккупационных властей, положении на оккупированной территории. Эта информация учитывалась командованием Красной Армии при подготовке и проведении многих успешных операций, начиная с осени 1942 года и вплоть до самого победоносного завершения Великой Отечественной войны.

Внушительно выглядели итоги и боевой деятельности партизан. В многочисленных боях и стычках уничтожено около двенадцати тысяч вражеских солдат и офицеров, а также вооруженных пособников оккупантов. Ликвидировано одиннадцать немецких генералов и приравненных к ним высших государственных чиновников на Украине. Отряд же потерял за все время убитыми сто десять человек.

Подрывные и диверсионные группы отряда взорвали 81 эшелон с живой силой, техникой и военными грузами. Кроме того, было взорвано, сожжено, выведено из строя большое число железнодорожных мостов, складов, железнодорожных депо, электростанций, механических мастерских, немецких фольварков и других предприятий.

В отчете говорилось и о большой работе, проведенной «Победителями» по развертыванию партизанского движения в тылу врага: организовано десять новых отрядов, активизирована деятельность еще тридцати местных отрядов и подпольных организаций. Проводилась большая

пропагандистская работа среди населения. Медведев подчеркнул особо восстановление Винницкой подпольной организации, которая, в частности, сожгла отдел пропаганды немецких войск на Украине.

Свой отчет Дмитрий Николаевич подписал новым званием: «полковник государственной безопасности Медведев», поскольку к этому времени специальные звания аттестованных сотрудников чекистских органов были приравнены к общевоинским. Прямо в госпиталь Медведеву была доставлена и офицерская форма с новыми, введенными в его отсутствие знаками различия — погонами.

Еще находясь в госпитале, Дмитрий Николаевич начал строить планы нового ухода во вражеский тыл с отрядом, сформированным, разумеется, на базе «Победителей».

В Центре уже сложились определенные виды на дальнейшее прохождение службы Медведевым.

Став сотрудником центрального аппарата НКГБ СССР [1], Медведев по-прежнему считал себя ответственным и за судьбу «Победителей». Формально отряд, насчитывавший в последние месяцы до 1400 человек, прекратил свое существование летом 1944 года. Значительная часть бывших партизан вернулась в родные места. Раненые и больные лечились в госпиталях. Многие молодые партизаны были призваны в Красную Армию. Большую группу медведевцев по рекомендации Дмитрия Николаевича направили на работу в органы государственной безопасности во Львов, Ровно и другие города Западной Украины. Некоторые разведчики после переподготовки были снова засланы во вражеский тыл для выполнения заданий командования. Так, отправился в Польшу с Валентином Семеновым и еще несколькими бойцами Александр Лукин.

В судьбе многих бойцов Медведев принял личное участие. В частности, он проследил, чтобы устроили на лечение (кому требовалось), а потом определили в детские дома или на учение всех детей и подростков, находившихся в отряде. О своих бывших командирах, разведчиках и бойцах Дмитрий Николаевич заботился до последнего дня жизни. Помогал с трудоустройством, жильем, если кто попадал в беду — поддерживал в тактичной, деликатной форме и материально. И уж, конечно, каждый мог обратиться к нему непосредственно или письмом за советом,

[1] Народный комиссариат государственной безопасности СССР был образован весной 1944 года.

поделиться радостями или горестями, которых хватало у каждого в трудное послевоенное время.

27 июля 1944 года войска 1-го Украинского фронта под командованием Маршала Советского Союза И. С. Конева завершили ликвидацию окруженной группировки противника в районе Львова и освободили областные центры Западной Украины Львов и Станислав[1], а также ряд других городов и населенных пунктов. Тем самым был завершен первый этап Львовско-Сандомирской наступательной операции, в ходе которой было нанесено поражение немецкой группе армий «Северная Украина».

Вскоре после освобождения Львова в этот город выехала группа ответственных сотрудников Центра, в числе их и Д. Н. Медведев. Им предстояла большая работа — нужно было помочь львовским чекистам очистить город и область от оставленных гитлеровцами и оуновцами агентов. Кроме того, Дмитрий Николаевич и его товарищи надеялись найти какие-то следы Николая Кузнецова, выяснить его судьбу.

Во Львове Медведев узнал все подробности трагического во многом перехода группы Крутикова, ознакомился с большой, как оказалось, работой в городе Пастухова и Кобеляцкого. Эти разведчики за время своего нахождения во Львове установили дислокацию многих военных объектов врага, особенно складов, штабов и скоплений войск. Они успешно произвели несколько диверсий, а во время бомбардировок города советской авиацией подавали летчикам сигналы с помощью фонариков, наводили самолеты на цели. Пастухов и Кобеляцкий уничтожили около двадцати гитлеровских офицеров, агентов СД и даже застрелили на вокзале, воспользовавшись вспыхнувшей при воздушной тревоге паникой, немецкого генерала. Они также установили личности нескольких крупных националистов, оставленных руководством ОУН в городе для ведения террористической борьбы против Советской власти. Наконец, им удалось частично выведать план минирования Львова — тут помогло то обстоятельство, учтенное Дмитрием Николаевичем, что Пастухов до войны работал во Львове инженером коммунального хозяйства и прекрасно знал систему городских подземных коммуникаций, водоснабжения, канализации и т. д. По одной из них они провели к центру города группу советских автоматчиков. Пастухов и Кобеляцкий, встретив передовую часть Крас-

[1] Ныне Ивано-Франковск.

ной Армии, явились в ее Особый отдел и передали добытую ими важную информацию.

Пастухов и Кобеляцкий сообщили, что в начале февраля они видели Кузнецова. Он проехал в автомобиле мимо них в центре Львова. Видел Николая Ивановича и Харитонов, работавший в городе самостоятельно. Более того, Кузнецов тоже заметил его, но своим поведением дал понять Борису, чтобы тот к нему не подходил.

Дальнейшая судьба Николая Ивановича прояснилась после разбора захваченных Красной Армией во Львове немецких документов, в том числе СД и фельджандармерии. Так, во всех деталях были выяснены обстоятельства, при которых 9 февраля Кузнецов уничтожил вице-губернатора Галиции доктора Оттона Бауэра и шефа правительства дистрикта, начальника канцелярии президиума, губернатора, советника юстиции Гейнриха Шнайдера. Стало также известно, что 31 января Зиберт в доме военно-воздушных сил на Валовой улице, 11а, уничтожил подполковника люфтваффе Ганса Петерса и ефрейтора Зайделя.

Последним достоверным свидетельством о пребывании Кузнецова во Львове стал рапорт фельджандармерии, из которого следовало, что 12 февраля при попытке покинуть город Зиберт вступил в вооруженную схватку в селе Куровицах с усиленным патрулем фельджандармов. Уже тот факт, что патрулем командовал не фельдфебель, как обычно, а майор Кантер, доказывал Медведеву, что гитлеровцы перекрыли выезды из города для задержания именно Кузнецова: фельдфебель не имел права арестовать офицера. При этом столкновении на КПП майор Кантер и несколько фельджандармов были убиты.

Затем Кузнецов и его спутники бросили подбитую машину и ушли в лес, где через несколько дней натолкнулись на землянки, в которых скрывалась группа евреев. Здесь же они встретились с разведчиками из группы Крутикова — Василием Дроздовым и Федором Приступой. И евреи, и Дроздов с Приступой были больны сыпным тифом. Поэтому оставаться с ними Кузнецов никак не мог. Николай Иванович сказал Дроздову, что, учитывая сложившуюся ситуацию, он решил идти к фронту, навстречу наступающим войскам Красной Армии.

Больше Кузнецова, Каминского и Белова не видели...

...И вот Дмитрий Николаевич стоит у богатого особняка почти напротив Дома-музея Ивана Франко, в котором жил вице-губернатор Галиции Оттон Бауэр. Решетка,

калитка... Он отчетливо представил события, разыгравшиеся на этом месте 9 февраля. В кармане Медведева лежало запечатанное письмо с надписью на конверте: «Вскрыть после моей гибели. Колонист»[1]. Оно хранилось у Дмитрия Николаевича с весны 1943 года, Николай Иванович написал его, направляясь в Ровно на митинг, во время которого он рассчитывал уничтожить Эриха Коха... Стоя у места еще одного подвига Кузнецова, Медведев не нашел в себе решимости вскрыть конверт. Для него это было равнозначно примирению со страшной мыслью о гибели разведчика. Увы, скоро исчезла последняя надежда...

В архивах СД были найдены документы о секретных переговорах, которые в обстановке строгой конфиденциальности вели в марте 1944 года во Львове начальник полиции безопасности и СД дистрикта Галиции штурмбаннфюрер СС доктор Витиска и комиссар полиции безопасности гауптштурмфюрер СС Паппе с представителем центрального провода ОУН и УПА Герасимовским. За этим псевдонимом скрывался видный бандеровец, доверенное лицо митрополита Щептицкого в гестапо, бывший капеллан батальона «Нахтигаль» Иван Гриньох.

В ходе переговоров с гестаповцами Герасимовский заявил, что «ОУН готова сотрудничать с немцами против большевизма на всех участках борьбы», в том числе подпольной борьбы в советском тылу. Для этого УПА просила немцев при отступлении оставить для нее секретные склады с оружием, боеприпасами, взрывчаткой. Это вооружение националистических банд должно осуществляться с соблюдением строгой конспирации, «чтобы не дать большевикам козырь, что украинские националисты в их тылу — это немецкие союзники и агенты».

В соответствии с достигнутой договоренностью УПА обязалась передать полиции безопасности все разведывательные материалы о большевиках-коммунистах, которыми располагала. Бандиты сами предложили выдать немцам захваченных ими в разное время на территории Галиции двадцать советских парашютистов, в том числе нескольких радисток.

В ворохе бумаг Дмитрий Николаевич нашел документы, от которых учащенно забилось, а потом оборвалось сердце... В них сообщалось, что в первых числах

[1] Один из псевдонимов Кузнецова, которым он пользовался в отряде.

марта 1944 года при столкновении с подразделением УПА погиб советский разведчик, одетый в форму немецкого офицера с документами на имя Пауля Зиберта, и два его спутника.

Тогда же чекисты приступили к выяснению обстоятельств гибели Николая Кузнецова, Яна Каминского и Ивана Белова, но при жизни Медведева ничего существенного, помимо уже установленного, выяснено не было.

Только после этих находок Медведев вскрыл конверт и прочитал письмо-завещание Кузнецова, ныне широко известное.

«...В этот вечер, — вспоминал Медведев, — мы, боевые товарищи Николая Ивановича, вскрыли его письмо. Мы долго бродили по затемненным улицам Львова, повторяя прямые и мужественные слова, прочитанные нами и отныне навсегда запавшие в душу.

В те часы впервые возникла мысль о памятнике, о бронзовом монументе герою, который должны воздвигнуть два города — Ровно и Львов. Но никто из нас не мог отчетливо представить себе фигуру Кузнецова в бронзе, торжественно застывшую над площадью.

...С этой неподвижной бронзовой фигурой никак не вязался тот живой Кузнецов, которого мы знали, который и сейчас незримо присутствовал среди нас — простой, скромный, обаятельный человек, наш дорогой товарищ.

И мы поклялись в ту ночь увековечить его память своими делами, своим служением тому идеалу, ради которого жил и умер он.

Я же еще острее осознал свой долг рассказать людям моей Родины историю жизни и гибели Николая Кузнецова».

...Прошло несколько недель после возвращения Медведева в Москву. 5 ноября 1944 года Указом Президиума Верховного Совета СССР за геройский подвиг, проявленный при выполнении специальных заданий в тылу противника, Дмитрию Николаевичу Медведеву было присвоено звание Героя Советского Союза. В тот же день звание Героя Советского Союза было присвоено и Николаю Ивановичу Кузнецову. Пройдут года... И в докладе, посвященном 50-летию органов ВЧК — ОГПУ — КГБ СССР, Ю. В. Андропов, говоря о чекистах, особо отличившихся в годы Великой Отечественной войны, первым из разведчиков назовет Николая Кузнецова, первым из командиров чекистских отрядов — Дмитрия Медведева.

17 ноября Медведеву и еще нескольким командирам оперативных чекистских соединений, отрядов и групп были вручены в Кремле ордена Ленина и медали «Золотая Звезда». Большая группа бойцов отряда «Победители» была награждена тогда же орденами Ленина, Красного Знамени, Отечественной войны, Красной Звезды, медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги». Орденами Отечественной войны I степени были награждены посмертно товарищи Николая Кузнецова по его последнему заданию Иван Белов и Ян Каминский.

Получение высших наград Родины было отмечено скромным торжеством дома в кругу самых близких людей из числа тех, кто находился тогда в Москве. Поздравлений было не так уж много — указ в газетах не публиковался, и некоторые старые друзья Дмитрия Николаевича, одноклассники, сослуживцы по Старобельску и Одессе, Донбассу и Северу узнали о том, что Медведев кавалер Золотой Звезды, спустя несколько лет, кое-кто — лишь после выхода в свет книг «Это было под Ровно» и «Сильные духом».

Поздравления за столом тоже были сдержанными. Еще шла война. И все, кто был в этот день в квартире Медведевых на Арбате, прекрасно понимали, что впереди еще не один месяц боев и с каждым может случиться всякое...

Меж тем Медведев по-прежнему рвался на фронт. Так уж вышло, что его собственный ратный путь в этой войне пролегал только за линией фронта, а ему хотелось повоевать и непосредственно в войсках. Коль скоро партизанская война уже завершилась, Дмитрий Николаевич просил командование направить его в военную контрразведку СМЕРШ. Уж очень хотелось ему дойти с Красной Армией до Берлина.

И вот он пришел, День Победы... Советские люди ждали его почти четыре года. Но только после салюта в честь Красного флага, водруженного на куполе рейхстага, все вдруг сразу осознали, сколь близок он, этот миг. 9 мая 1945 года ЦК ВКП(б) и СНК СССР поздравили советский народ с победой над фашистской Германией. Впервые за 1418 дней и ночей Юрий Левитан произнес не «Победа будет за нами!», а «Мы победили!».

На московские улицы вышли не тысячи, не сотни тысяч, а миллионы людей. Они смеялись и плакали, пели и обнимались. И все стремились к Красной площади, к Кремлю, ждали салюта Победы из тысячи орудий. Воен-

ных качали. День выдался пасмурный, то и дело начинал накрапывать мелкий холодный дождик.

Еще в начале мая Дмитрий Николаевич получил возможность отправить серьезно заболевшую Татьяну Ильиничну на лечение в Гагры. В одном из писем к ней он сообщал, что включен в группу, на которую возложена подготовка к Параду Победы. В частности, он писал: «Вся Москва готовится к Параду. Вообще ожидается много хорошего, радостного для всего народа. Да и пора уже! Весь наш народ заслужил себе большую радость». И далее: «Для меня будет большой честью присутствовать на таком Параде».

В парадном строю сводных полков от всех фронтов и Военно-Морского Флота не было специального полка разведчиков, действовавших на протяжении всей войны в тылу врага. Но некоторые из них стояли в тот день, 24 июня 1945 года, на гостевых трибунах Красной площади и мысленно так же проходили чеканным победным маршем перед Мавзолеем В. И. Ленина. Среди них был и Герой Советского Союза полковник Д. Н. Медведев.

Переживая каждое мгновение Парада, Медведев не мог не задуматься о природе советского патриотизма, который помог нашему народу выстоять в жестокой схватке с самым страшным врагом за всю историю нашей молодой страны, да и всей, пожалуй, истории России. Позднее он напишет: «Героическое начало, способность к подвигу заложены в самой природе советского человека, любящего свою Родину. Иногда человек и не подозревает, каким могучим и величавым может он стать в драматические моменты своего бытия, в суровую годину, требующую от него мужественных решений. Во время войны и, пожалуй, особенно в условиях оккупации, когда каждый оставался наедине со своей совестью, эта сила и величие духа раскрылись в тысячах, десятках тысяч людей, наверно, и не подозревавших, что они могут стать героями».

Через несколько дней после Парада Победы Медведев уже летел на Кавказ. По решению врачей его послали в Цхалтубо, в военный санаторий. Ему предстояло пройти основательный курс лечения. Уже через две недели Медведев затосковал. Он вообще-то недолюбливал санаторное времяпрепровождение, а теперь, после нескольких лет наполненной событиями и опасностями жизни, оно ему было и вовсе невмоготу.

Не дождавшись срока окончания путевки, он вернулся в Москву и тут же получил приказ выехать в Литву,

в городок Таураге. Ему пришлось проработать в Литве почти полгода. В задачу Медведева входила координация действий органов государственной безопасности на большой территории. Немецкому населению этих районов была предоставлена возможность вернуться на собственно германские земли. Однако здесь затаилась многочисленная фашистская агентура, которой вменялось заниматься шпионской, диверсионной и террористической деятельностью в тылу Красной Армии. Многие немецкие агенты, проживавшие здесь долгие годы, владели литовским языком и могли при наличии документов, изготовленных гитлеровскими спецслужбами или просто изъятых у настоящих владельцев, сойти за литовцев и получить на «законных» основаниях советское гражданство. Всех этих людей предстояло разыскать и обезвредить. Скрывались среди новых жителей и военные преступники литовской национальности, лица, сотрудничавшие с оккупантами, принимавшие участие в массовых убийствах советских граждан. Их тоже надобно было выявить и отдать под суд.

Развернули подпольную деятельность литовские националисты. Еще в период оккупации в Литве были созданы (помимо существовавших до 1940 года) националистические организации фашистского толка, вроде «Партии литовских националистов» или «Верховного литовского комитета». Из членов этих организаций (даже после их формального роспуска немецкими властями) вербовались шпионы и террористы, их главари были руководителями полицейских охранных батальонов, участвовали в кровавых расправах над советскими патриотами.

Подобно ОУН на Украине, здесь также создавались лжеподпольные организации для обмана населения. Таковой, к примеру, была «Армия освобождения Литвы», отрядами и группами которой на самом деле руководили гитлеровцы. Последыши оккупантов и националисты, прибегая к террору и угрозам, мешали литовскому народу строить новую жизнь на возрождаемых землях. В их методах, подлых и коварных, было много общего с методами бандеровцев, мельниковцев и бульбашей, и опыт Дмитрия Медведева в этом отношении был очень полезен для сотрудников государственной безопасности Литовской ССР.

Дмитрий Николаевич ничего в жизни не делал вполсилы. Он не отделял своих основных обязанностей от единовременных заданий, в том числе и связанных с этой

командировкой. С первого же дня по приезде в Таураге Медведев с головой ушел в работу.

27 сентября 1945 года он лаконично писал жене: «Сейчас начали разворачивать свою работу. Уже есть первые результаты». 18 ноября Медведев предупреждает ее: «Командировка очень затягивается. Работы много. Я весь растворился в работе. Но я не унываю, надеюсь, что найду решающее звено и добьюсь должного перелома».

Дмитрию Николаевичу не раз пришлось выезжать с оперативными работниками и на отдаленные хутора, и в Вильнюс, и в Клайпеду, и в Калининград. Не раз он оказывался на волосок от гибели. Так, однажды Медведева обстреляли из ручного пулемета в тот момент, когда он выходил из подъезда дома, в котором жил.

Одним из самых активных формирований националистов была банда под командованием ставленника гестапо Мисюнаса по кличке Зеленый черт. После того как гитлеровцев изгнали из Литвы, Мисюнас переориентировался, установил связи с эмигрантским литовским «правительством», а также американской и шведской разведками. Мисюнас располагал несколькими рациями, что позволяло ему координировать действия банд.

Долгое время Зеленый черт считался неуловимым. Несколько месяцев ушло только на то, чтобы определить места его пребывания. Это Медведеву удалось сделать благодаря кропотливой работе с местными жителями, а также налаживанию службы радиоперехвата. Ему удалось внедрить в банду нескольких чекистов. Дело дошло до того, что одному из них Зеленый черт поручил наладить издание подпольной антисоветской газеты. С грехом пополам вышло только шесть номеров, после чего типографская машина безнадежно сломалась.

Шаг за шагом банда изолировалась от тех людей, которые ей поначалу помогали, отрезалась от своих баз. Инструкции и приказы, передаваемые ей по радио из-за рубежа, своевременно становились известными чекистам. В конце концов чекисты в наиболее подходящий момент перешли в решительное наступление и несколькими ударами разгромили все группы Зеленого черта.

Подобным образом были ликвидированы и другие банды, находившиеся в данном оперсекторе. В последующие месяцы Медведев еще несколько раз выезжал в командировки, в том числе и в Ровно.

Вернувшись в Москву, Дмитрий Николаевич продол-

жил работу в центральном аппарате Министерства государственной безопасности СССР. Круг его обязанностей был широк. Чекистам предстояло проделать огромную работу по обеспечению государственной безопасности страны в условиях первого послевоенного года. Требовалось, в частности, обезвредить и покарать предателей и военных преступников. Ни один бывший староста, бургомистр, полицай, каратель не должен был скрыться от возмездия за черную измену, пролитую кровь советских людей.

То была трудная работа. Миллионы людей война сорвала с насиженных мест, разметала по белу свету. Возвращались на Родину бывшие советские военнопленные, мирные жители, насильно угнанные на каторжные работы в Германию, демобилизованные воины Советской Армии. У многих из них были утрачены личные документы, меж тем как архивы ряда учреждений погибли в военных пожарищах. Это облегчало бывшим пособникам оккупантов возможность забиться в щели, выдавать себя за других, ничем не скомпрометировавших себя лиц.

На Западной Украине продолжали бесчинствовать оуновские бандиты, в буквальном смысле слова ушедшие в глубокое подполье — схроны, замаскированные подземные укрытия. Зверскими убийствами партийных, советских, комсомольских работников, учителей, колхозных активистов они хотели запугать местных жителей, помешать им, тогда зачастую еще малограмотным и темным, строить новую жизнь.

Обострилась международная обстановка. Наступала эра «холодной войны», политики «с позиции силы». Начало ее принято датировать 5 марта 1956 года, когда Черчилль произнес свою фултонскую речь. Она была санкционирована президентом США Трумэном и британским премьером Эттли и фактически излагала согласованную антисоветскую программу обеих стран, вплоть до поджигательского призыва применить атомную бомбу, пока ее не имеет СССР. С легкой руки Черчилля тогда же было пущено в оборот выражение «железный занавес», якобы опущенный правительством Советского Союза между Востоком и Западом. До сих пор не все знают, что этот термин, изрядно избитый за десятилетия западными политиканами и борзописцами, принадлежит, увы, не Черчиллю. Сэр Уинстон позаимствовал его без ссылки на первоисточник у гроссмейстера лжи и антисоветской клеветы Геббельса.

Апологеты «холодной войны» заимствовали у нацистов не только антисоветскую терминологию. Они взяли под крылышко немецких военных преступников, изменников Родины, бывших карателей и прочих выродков, приняли на свое иждивение и старую фашистскую агентуру. Чекисты знали об этом задолго до того, как Черчилль разразился пресловутой речью. Еще не просохли чернила подписей президента США и премьер-министра Великобритании под решениями Потсдамской конференции, как началась тайная война спецслужб США и Великобритании против СССР, вынесшего на своих плечах главную тяжесть войны.

Под сенью «западной демократии» укрылись тысячи предателей и палачей советского народа, в том числе злейшие враги Украины Степан Бандера, Ярослав Стецько, Владимир Кубийович, Микола Лебедь, Тарас Боровец-Бульба, активные белорусские, латышские, литовские, эстонские националисты, недобитки из власовской РОА. И стало обычным явлением, когда концы нитей, схваченные чекистами в схроне бандеровского боевика где-нибудь в Прикарпатье, вели к шпионским гнездам в Мюнхене или во Франкфурте-на-Майне.

Как ни странно, именно в эти напряженные месяцы у Медведева зрело желание, усиливалась потребность написать книгу об отряде, о боевых подвигах советских разведчиков и партизан, в первую очередь — Николая Кузнецова. Он знал, что взялись за перо многие видные партизанские командиры: Ковпак, Сабуров, Козлов, Вершигора. Отрывки их воспоминаний стали появляться в газетах и журналах, звучать по радио.

Тогда же у Дмитрия Николаевича стали завязываться новые знакомства — в среде писателей, деятелей литературы и искусства. Однажды в узком кругу он рассказал немного о Николае Кузнецове, в частности, о том, как Зиберт похитил из собственного особняка генерала Ильгена. Слушали его с нескрываемым изумлением и жадным вниманием. Разговор имел неожиданный результат. Один из присутствовавших на этой встрече литераторов настолько загорелся рассказом Медведева, что положил его в основу киносценария. А вскоре по экранам страны совершил триумфальное шествие снятый по этому сценарию фильм «Подвиг разведчика». Главную роль — советского чекиста, действовавшего под видом немецкого офицера, блистательно сыграл Павел Кадочников.

Между тем здоровье Дмитрия Николаевича, пошедшее

было на поправку, снова резко сдало. В конце 1946 года стало ясно, что со службой придется расстаться. По состоянию здоровья полковник государственной безопасности Д. Н. Медведев был демобилизован.

Его заслуги уже в этот период оценили высоко. Дмитрий Николаевич был удостоен четвертого ордена Ленина и ордена Красного знамени.

ПРИНЯТЫ НА ВООРУЖЕНИЕ...

Новый, 1947 год Дмитрий Николаевич встретил в хлопотах. Медведевы ждали ребенка. Мальчик по странному совпадению родился в Татьянин день — то есть 25 января. Назвали сына Виктором —в честь Победы.

Радость по поводу рождения сына не заслонила, однако, от Медведева всех других дел и забот, связанных с переходом на гражданские рельсы. Он не решил еще, пойдет ли куда-нибудь работать, или останется военным пенсионером. Но одно знал твердо: будет писать книгу. Как получится, что получится — не представлял. Точно знал только одно — о чем будет книга.

Из записки от 26 января, адресованной жене в роддом: «Хочу писать о «малой войне»... Это дело меня заинтересовало».

В Киевском райкоме партии, куда пришел Дмитрий Николаевич, ему посоветовали после того, как узнали его планы, стать на учет в партийной организации Литературного музея. В особняке на Моховой поначалу очень удивились, когда там появился впервые полковник с Золотой Звездой на груди. Но приняли доброжелательно. Более двух лет Медведев был членом партийной организации Литературного музея и всегда с благодарностью вспоминал его работников. Он считал, что обязан им многим: и приобретенными здесь литературными познаниями, и завязавшимися связями в писательской среде. Дмитрий Николаевич активно участвовал в общественной жизни музея, его избирали председателем участковой комиссии по выборам в Верховные Советы, давали поручения, которые он аккуратно выполнял.

Однажды Дмитрия Николаевича пригласили прочитать лекцию о партизанском движении. Несколько публичных выступлений, организованных сугубо в общественном порядке, вдруг отдались неожиданно громким резонансом. О них стали говорить в Москве. На «медведевские вечера» пробивались с боем. Как раз в 1947 году

было образовано Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний. Медведева пригласили в правление, расположившееся в хорошо известном москвичам здании Политехнического музея, и предложили целый цикл выступлений на московских предприятиях, в воинских частях, высших учебных заведениях, наконец, в открытых аудиториях. Он охотно согласился.

Затем последовали поездки по стране, которые не прерывались до 1951 года. Тысячи людей во всех уголках СССР, в больших и малых городах, на фабриках, заводах, в воинских частях и институтах прослушали рассказы Медведева о героических делах советских разведчиков и партизан в годы Великой Отечественной войны.

Потом он получил письмо с просьбой написать очерк о деятельности отряда для ровенской газеты. Его пригласили выступить на Всесоюзном радио. Так Дмитрий Николаевич начал писать. Сохранилось несколько папок с газетными вырезками той поры. Первые очерки Д. Н. Медведева печатали журналы «Смена» и «Огонек», газеты «Тревога», «На страже», «Правда Украины», «Горьковская коммуна», «Вечерняя Москва», «Ленинское знамя», «Молодь Украины», «Волжская коммуна».

Медведева стали приглашать в клубы творческой интеллигенции: Центральный Дом литератора, Дом кино, Центральный Дом работников искусств. На одной из таких встреч Дмитрий Николаевич познакомился с кинорежиссером Пырьевым. Услышав рассказ о Николае Кузнецове, темпераментный Иван Александрович загорелся идеей: делать фильм! Немедленно снимать картину о Кузнецове! Сценарий должен написать сам Медведев. Он, Пырьев, берется пробить эту идею на Мосфильме.

Дмитрия Николаевича энтузиазм именитого режиссера заразил, тем более что он с детства любил кинематограф. Он направился в свое бывшее министерство и получил «добро» от руководства. Затем приступил к работе и параллельно к переговорам со студией. Пырьев действительно оказал Медведеву поддержку всем весом своего громкого имени. Но они оба опоздали. Их опередил «Подвиг разведчика», снятый превосходным режиссером Б. В. Барнетом.

Тогда Медведев решил написать пьесу. Сделав первые наброски, он понял, что не владеет секретами драматургии как жанра, недостаточно знает специфику сцены, театрального действа. Однажды его познакомили с начинающим драматургом и сценаристом Анатолием Гребневым.

Молодой выпускник ГИТИСа понравился Дмитрию Николаевичу энергией, серьезным отношением к творчеству. В свою очередь, Медведев произвел на Гребнева огромное впечатление.

Медведев и Гребнев начали работать над пьесой вместе и написали ее всего за несколько месяцев. Пьесу принял к сценическому воплощению один из лучших театральных коллективов Украины. 24 февраля 1948 года, в тридцатилетний юбилей Советской Армии, во Львовском украинском драматическом театре имени М. Заньковецкой состоялась премьера пьесы Д. Медведева и А. Гребнева «История одного подвига». Этот и последующие спектакли прошли с огромным успехом. В театре перебывал, как принято говорить в таких случаях, весь город. Львовские газеты — русские, украинские, польские — поместили восторженные рецензии.

По окончании спектакля Медведеву преподнесли громадный букет, из-за которого, по собственным словам, его почти не было видно. А по дороге в гостиницу в Дмитрия Николаевича стреляли... Это было первое напоминание от бандеровцев. Вскоре последовало и второе: в театр пришло подметное письмо. Националисты угрожали взорвать сцену вместе с артистами, если спектакль не будет снят с репертуара. Дмитрий Николаевич удивлен не был: пьеса рассказывала не только о героических подвигах советских людей в войне с фашистской Германией, она открывала зрителям глаза на омерзительный облик оуновцев, жалких приспешников гитлеровцев.

Первоначально Медведев и Гребнев назвали пьесу «История одного подвига», поскольку основным действующим лицом в ней был Николай Кузнецов. Чисто интуитивно они дали ей подзаголовок для афиши и програмки — «Сильные духом». И само собой получилось, что подзаголовок сразу и окончательно вытеснил основное название. Пьеса стала называться «Сильные духом».

Уже под этим названием пьеса была поставлена в 120 драматических театрах страны. Ее видели зрители Москвы, Ровно, Луцка, Кишинева, Житомира, Сталинграда, Ульяновска, Уфы, Омска, Читы, Воронежа, Ленинграда, Свердловска, Иркутска, Новосибирска, Челябинска, Тюмени, Днепропетровска, Херсона.

Вернувшись из Львова в Москву, Дмитрий Николаевич с головой ушел в работу. На его письменном столе уже лежал черновой вариант документальной повести.

Еще в 1947 году Медведева пригласили в Детгиз и

предложили написать книгу. Не будучи уверен в своих силах, он смутился, сказал, что рассказывать вроде бы научился, но сомневается, что сумеет так же успешно написать. В Детгизе почему-то обрадовались и сказали:

— Вот и прекрасно! Вы будете рассказывать, а мы записывать.

Медведев стал работать с издательской стенографисткой. Он диктовал, а затем обрабатывал расшифрованные записи, превращая их постепенно в главы будущей книги. Отрывки стали появляться в газетах и журналах.

В то время на Всесоюзном радио передачами для детей и юношества занималась детская писательница Софья Виноградская. Ее внимание привлекли первые публикации из книги, которой Дмитрий Николаевич дал название «Это было под Ровно», и она с его согласия составила на их основе литературную композицию для радио. Всего в эфире прозвучало четырнадцать передач. Они произвели огромное впечатление. Не только подростки, но и взрослые, затаив дыхание, слушали день изо дня рассказы о подвигах разведчиков и партизан, восхищались их мужеством и отвагой, переживали за судьбы Николая Кузнецова, Вали Довгер, Николая Приходько...

В радиокомитет на имя Д. Н. Медведева стали приходить тысячи писем. В подавляющем числе они содержали искренние, теплые слова благодарности автору и создателям передач. Но попадались и другие... Злобные, отравленные ядом ненависти. Без подписи и обратного адреса. Из почтовых штемпелей следовало, что их опустили в почтовые ящики во Львове, в Ровно и других городах Западной Украины. После каждой передачи в квартире Виноградской раздавались телефонные звонки. В трубке звучали угрозы и грязная брань. Знакомый почерк бандеровцев и прочих антисоветских недобитков...

Когда рукопись была готова, Медведев принял участие в конкурсе на лучшую художественную книгу для детей, проводимом Министерством просвещения РСФСР. В мае 1948 года были подведены итоги конкурса. Рукопись книги «Это было под Ровно» получила поощрительную премию. Это было большим успехом начинающего автора, поскольку в конкурсе принимали участие признанные мастера советской детской литературы. Одновременно Дмитрий Николаевич подготовил небольшую книжку под названием «Отряд идет на Запад», которую попросило у него львовское издательство.

В августе 1948 года Дмитрий Николаевич совершил

большую поездку по республикам Закавказья, курортам Черноморского побережья и Минеральных Вод. Послушать рассказы полковника Медведева приходило в летние театры до двух с половиной тысяч человек. Каждое выступление состояло из двух отделений и занимало до трех часов. В гостиницу Дмитрий Николаевич возвращался в рубашке, мокрой от пота.

Заявок на выступления поступило столько, что для их полного удовлетворения Дмитрий Николаевич должен был бы задержаться на Кавказе до конца года. Он уставал, но получал от каждой встречи большое моральное удовлетворение. «Я вижу, что делаю большое, полезное дело», — писал он жене. И далее: «Я вкладываю в них (выступления) всю душу».

Эта поездка надолго осталась в памяти Дмитрия Николаевича. Он побывал в Сочи, Гаграх, Сухуми и Хосте, Орджоникидзе и Тбилиси, Ереване и Баку. После одной лекции в Сухуми он с изумлением обнаружил, совершив несложные арифметические подсчеты, что на его выступлениях побывало уже более полумиллиона слушателей!

Наконец во Львове в издательстве «Вильна Украина» вышла первая книжка Медведева «Отряд идет на Запад». Дмитрий Николаевич писал в ней: «Вернувшись в мыслях к славному тысяча девятьсот сорок четвертому году, я ощутил все величие подвига, совершенного нашими людьми, и мне захотелось, чтобы мои читатели увидели сегодня в наших тогдашних будничных делах подлинный героизм советских партизан».

В том же 1948 году, в самом конце его, на прилавках книжных магазинов появилась книга «Это было под Ровно». Весь тираж распродали мгновенно. И в этом не было ничего удивительного. После цикла радиопередач, бесчисленных устных выступлений автора перед разнообразной аудиторией выхода книги повсюду ожидали с нетерпением и интересом.

Медведев написал документальную повесть. В ней не было ни одного вымышленного лица или события. Жизненный материал, которым он располагал, был столь ярок и драматичен, что автор просто не нуждался в домысле. И это понял читатель. Понял и по достоинству оценил.

Герой Советского Союза писатель Петр Вершигора писал об успехе повести: «Маленькая книжечка, предназначенная для юношества, облетела страну. Но ее читали и взрослые. Она была принята народом, особенно пылкой молодежью, и как увлекательный «приключенческий» рас-

сказ, и как неприкрашенное свидетельство очевидца. Смелые, самоотверженные герои ее... стали известны всей стране».

Медведев получил тысячи писем. Среди его корреспондентов были и партизаны отряда, в том числе такие, связь с которыми он по разным житейским обстоятельствам после войны утратил. Боевые соратники сообщали ему массу подробностей, деталей, фактов. Подчас Медведев узнавал о настоящих подвигах, совершенных разведчиками, от их товарищей, которые те по скромности в свое время не считали нужным включать в отчеты. Новый бесценный материал поступал к нему словно снежная лавина. Стало совершенно очевидно, что нужна новая книга. Уже для взрослого читателя, гораздо более объемная и серьезная.

Военное издательство предложило договор, и Дмитрий Николаевич приступил к работе над такой книгой. Название придумывать не пришлось. Оно уже существовало — «Сильные духом» — как единственно возможное. П. Вершигора, хорошо знавший Медведева и поддерживавший с ним в Москве тесные отношения, писал об этом периоде жизни Дмитрия Николаевича: «Писатель продолжал работу. Упорно и настойчиво трудился он над книгой, вводя в повествование новые факты, эпизоды, упущенные или только бегло упомянутые в первой книге; изобразительная палитра писателя становилась богаче, образы патриотов-партизан ярче и живее. Такой труд — это тоже подвиг. Литературная работа была для Д. Н. Медведева новой, непривычной, и тем большая заслуга автора, что он, преодолев немалые трудности, стоящие перед начинающим литератором, написал патриотическую, правдивую книгу, тема которой — главная в произведениях Д. Н. Медведева — мужество, моральная стойкость, незабываемые героические подвиги советских людей».

Да, Вершигора точно и верно определил главную тему всей короткой литературной жизни Медведева: советский патриотизм. Это высокое чувство было движущей силой всей многогранной деятельности Медведева — красноармейца гражданской войны, чекиста, партизана. По сути дела, литературное поприще стало лишь иной сферой приложения сил и способностей человека, для которого единственной целью жизни было служение Родине, народу, Коммунистической партии, их защите. Именно это имел в виду Дмитрий Николаевич, когда однажды на вопрос: «Кто вы?» — ответил лаконично: «Был и остаюсь чекистом!»

Работая над «Сильными духом», Медведев не прекратил, однако, полностью своих выступлений. Да он и не смог бы этого сделать при всем желании, поскольку его буквально одолевали просьбами со всех уголков страны. Встречи с читателями стали необходимы Медведеву как свежий воздух, без которого для него были невозможны сугубо литературные занятия. Кроме того, он использовал поездки, особенно на Украину, для встреч с бывшими своими партизанами и разведчиками, изучения архивных и музейных материалов. По просьбе Медведева многие партизаны засели за письменные столы и потом добросовестно присылали ему толстые тетради.

Особенно часто выезжал Дмитрий Николаевич во Львов, Ровно, Луцк, иные места, тесно связанные с боевым путем «Победителей». Здесь его встречали очень горячо, каждая встреча с писателем становилась заметным и важным явлением в общественной жизни города. Это понимали не только советские люди, друзья Дмитрия Николаевича, но и враги. Обреченные на гибель, отвергнутые украинским народом, оуновские террористы, выполняя приказы новых хозяев на Западе, пытались пакостить из-за угла. 24 октября 1949 года бандеровские выродки зверски зарубили топором выдающегося писателя-коммуниста Ярослава Галана. Доподлинно известно, что убийцы подбирались и к Дмитрию Медведеву. Об одной попытке расправиться с ним рассказал очевидец, известный советский писатель Владимир Павлович Беляев:

«В один из приездов Медведев пригласил меня послушать его выступление о боевых делах отряда в студенческом клубе.

Была весна. Вовсю цвели каштаны на склонах Львовской цитадели и на Высоком замке. Несмотря на то что всех в этот прекрасный теплый вечер тянуло на улицы, зал клуба был буквально набит молодежью. Сидели на подоконниках, заполнили все проходы и, затаив дыхание, слушали рассказ Дмитрия Николаевича о необыкновенных делах отряда. Слушал и я, понимая, что такие вот выступления перед молодежью, которые проводил Медведев, разъезжая по многим городам необъятной нашей страны, по сути дела, есть продолжение воспитания мужества, которому он, отец сильных духом, учил молодежь в лесах Брянщины, а затем — под Ровно и Луцком. Выступление закончилось бурными аплодисментами, студенты обступили Медведева, просили у него автографы, но

постепенно слушатели разошлись, и мы вышли на крыльцо.

— Фу... Жарко. Умаялся! — сказал Медведев, утирая платком свой высокий лоб.

В это время в темном переулке напротив вспыхнул огонек, и мы услышали свист пули над головой. Как тигр бросился Медведев в темноту, под каштаны, откуда раздался выстрел. Я услышал какую-то возню, потом раздался очень спокойный голос Медведева:

— Владимир Павлович! Подойдите сюда!..

То, что я увидел, запомнилось на всю жизнь. Недавний докладчик, который так импозантно выглядел на трибуне, ладный и стройный, с четырьмя орденами Ленина и Золотой Звездой Героя на мундире, сейчас сидел верхом на каком-то человеке, прижатом лицом к тротуару, и умелыми движениями самбиста заворачивал ему за спину руки.

— Владимир Павлович, у вас есть пояс? Дайте, пожалуйста!

Я машинально выдернул из брюк пояс и протянул его Медведеву. Он стал связывать им руки бандита и бросил мне:

— Поднимите, будьте любезны, пистолет...

Я бросился к пистолету, а Медведев поднял бандита, как поднимают куль с мукой, ударил его коленкой под зад и сказал тихо:

— Давай вперед, падлюка бандеровская!»

Летом 1951 года в Воениздате вышла главная книга Медведева «Сильные духом». Успех ее был бесспорным и вполне заслуженным. В предисловии к посмертному изданию П. Вершигора писал: «Народ полюбил эту книгу. Советский читатель — строгий ценитель правды в литературе, правды суровой и прямой. И в этом успех книги Дмитрия Медведева...

Очень жаль, что из скромности Д. Н. Медведев скупо пишет о себе самом, о своих думах, борьбе, поисках и взлетах мысли, которыми так богата военная жизнь командира. Все внимание, все душевные силы он отдает людям своего отряда. И в этом тоже есть своя прелесть лепки образа. Ибо автор — в то же время и персонаж книги, действующее лицо описываемых событий. Весь в боевых замыслах, он живет в исполнителях его командирской воли, в боевых товарищах. Он неотъемлем от своих помощников, разведчиков, командиров, бойцов, от всего боевого коллектива, который ему поручила партия.

Литературная обстановка, в которой Медведеву пришлось работать, была крайне неблагоприятной. Ему нелегко было рассказать обо всем, что он видел, чувствовал, пережил. Он испытывал огромное сопротивление материала, что всегда сопутствует литературному труду, — особенно в начале писательского пути. Но все усилия Дмитрия Николаевича были потрачены не напрасно. Он написал книгу, которую принял на свое моральное вооружение советский читатель.

...Дело писателя тогда достигает цели, когда оно живет в народе. Оно, как отборные семена, падающие в почву, дает свои всходы».

Дмитрий Николаевич писал честную книгу только о том, что пережил и видел сам. Это уже читатель назвал его произведения художественной хроникой партизанской войны и подпольной борьбы против фашизма.

Следует отметить, что Д. Медведеву пришлось считаться с одним специфическим обстоятельством. Интересы соблюдения государственной и военной тайны не позволяли в ту пору, вскоре после окончания войны, написать обо всем, в чем он участвовал, что совершил лично или что было совершено его разведчиками. В частности, никак нельзя было тогда рассказать, что Николай Кузнецов был не только замечательным советским патриотом, добровольно направившимся на смертельно опасное задание во вражеский тыл, но подготовленным профессиональным разведчиком. Это сделали уже после кончины Дмитрия Николаевича другие писатели в других книгах, когда само время позволило приоткрыть некоторые тайны минувшей войны...

Труднее всего давались Медведеву строки, которыми открыл и завершил он свою рукопись. Первый абзац первой главы уже здесь цитировался. Слова Дмитрия Николаевича о получении заданий партии как о минутах наивысшего подъема в биографии людей его поколения стали крылатыми. Жизнь продлила обозначенный автором срок, их прилагает к себе и нынешнее поколение советских людей, и сегодня молодому читателю близки, понятны и дороги заключительные слова книги «Сильные духом»: «Бессмертна память о павших товарищах. Что перед ней время! Ее... хранит предание народа, хранит все живое, все сущее на нашей земле... Как часто мы обращаемся мыслями к тем, кого нет с нами сегодня. «Вы с нами, — говорим мы им. — Мы были одним целым, одной великой армией патриотов; одна великая цель вела нас;

одни и те же радости были у нас с вами, одни и те же невзгоды печалили нас и не повергали в уныние, а лишь умножали наши силы. Одна судьба предстояла нам и в будущем — нам предназначено сделать его прекрасным. И если вы погибли, а мы остались жить, то не для того ли, чтобы претворить в дела то, что было вашими мечтами».

В короткий срок, еще при жизни Дмитрия Николаевича, книги «Это было под Ровно» и «Сильные духом» были переведены на украинский, азербайджанский, армянский, казахский, латышский, узбекский, грузинский и другие языки народов СССР. Потом последовали переводы на языки зарубежных стран: английский, арабский, финский, немецкий, польский, болгарский, венгерский, испанский, хинди, вьетнамский, французский, итальянский...

Медведев становится не просто известным — знаменитым человеком. К нему подходят на улице незнакомые люди, с ним ищут знакомства. Эта нежданная популярность отнюдь не вызывает у него восторга. Старый чекист, он не привык находиться на виду.

Однажды в дачной электричке какой-то мужчина, сидевший на скамье напротив, спросил:

— Простите, вы Медведев?

Тяжко вздохнув, Дмитрий Николаевич ответил:

— Нет, мы только очень похожи.

Попутчик с явным разочарованием отвернулся к окну.

Дмитрий Николаевич встал на учет в партийную организацию Московского отделения Союза советских писателей. Вскоре писатели-коммунисты избрали его членом партийного бюро. Теперь уже жизнь Дмитрия Николаевича заполнена не только собственным литературным творчеством, но и важными партийными поручениями. Он принимает активное участие в общественной жизни писательской организации, в ответственных собраниях, совещаниях, пленумах. Это забирает силы, энергию, время. Но Медведеву по душе снова оказаться в кипении общественных дел. Завязываются новые интересные знакомства в сферах творческой интеллигенции. Он встречается с Михаилом Пришвиным, Николаем Виртой, Всеволодом Вишневским, Сергеем Сергеевичем Смирновым, Петром Вершигорой, Виктором Сытиным, Яковом Шведовым, Владимиром Беляевым, Львом Никулиным. С. С. Смирнов однажды сам сказал, что идею выступлений по радио и телевидению в поисках «безвестных героев» ему подсказал опыт радиопередач Медведева.

Дмитрий Николаевич подружился с известным уже тогда скульптором П. И. Бондаренко (ныне народный художник СССР). Их сближению способствовало то обстоятельство, что в годы Великой Отечественной войны Павел Иванович и сам был партизаном в Ленинградской области. Скульптора не могла не привлечь внешность Дмитрия Николаевича, и он уговорил его позировать для мраморного портрета. Никто из них не мог, конечно, тогда и подозревать, что, оживленно беседуя во время сеансов о партизанском былом, они создают, того не ведая, будущий памятник Медведеву, который, вырубленный уже в граните, установят на могиле Дмитрия Николаевича на Новодевичьем кладбище...

В 1950 году Медведевы сменили квартиру — переехали с Арбата в дом № 16 по Старопименовскому переулку, который неподалеку от площади Маяковского соединяет улицу Горького с улицей Чехова. Почти напротив дома находилась средняя школа, в которой учился до войны и был даже секретарем комитета комсомола боец отряда «Победители» Асен Драганов. 1 сентября 1954 года в эту школу пошел учиться сын Медведева Витя.

В доме Медведевых постоянно люди, чаще всего — старые товарищи, приезжающие в столицу по разным делам. Иногда и не очень приятного свойства: кто-то заболел, и нужно срочно устроить человека в больницу или достать редкое лекарство, кому-то неверно определили пенсию, и он обратился к бывшему командиру за помощью, кого-то обошли наградой, и нужно восстановить справедливость. А пока — всяк вошедший в этот дом всегда может найти здесь и обильный стол, и диван для ночлега.

Между тем болезни Дмитрия Николаевича прогрессировали. Почти каждый год он вынужден ездить в Мацесту на санаторное лечение. Его мучают боли в спине, постоянный почти шум в голове. Развивается глухота. Это называется — отдаленные последствия ранений и контузий. Выражения «эхо войны» тогда еще не придумали. Врачи предпринимают все, что могут, но существенных успехов не достигают. Медведеву запретили выступления: они отнимали слишком много сил.

Остается только литературная работа, ну и, конечно, исполнение многочисленных партийных и общественных поручений. Почти одновременно он работает над двумя большими произведениями: повестью о винницких подпольщиках и романом «Астроном», главным героем ко-

торого должен был стать Остафов. Жизнь вносит свои коррективы и в спектакль. Вместе с Гребневым Медведев трижды переделывает пьесу. Спектакль стал острее, более динамичным и зрелищным.

В 1952 году Медведев опубликовал в трех номерах (7, 8, 9) львовского журнала «Жовтень» в сокращенном варианте на украинском языке документальную повесть «На берегах Южного Буга». В ней он рассказал, дав отпор клеветникам, о делах винницкого подполья.

Лето 1954 года выдалось жарким. Медведев чувствовал себя плохо, но никак не мог предположить, что это его последнее лето. И вновь сосредоточивается целиком на литературной работе — завершением повести «На берегах Южного Буга».

Он едет в Киев — его пригласили принять участие в торжествах по случаю большого праздника: трехсотлетия воссоединения Украины с Россией.

В Киеве Дмитрий Николаевич снова встретился со многими выдающимися украинскими партизанскими командирами, руководителями и знатными людьми республики. Участвовал в торжественном юбилейном заседании.

Потом он почувствовал себя плохо и был вынужден даже переехать из гостиницы на квартиру Трофима Корнеевича Кичко, где ему был обеспечен заботливый домашний уход. Медведев думал тогда, что его прихватил острый приступ радикулита.

Вылежавшись, Дмитрий Николаевич возвращается в Москву и отправляет семью на все лето в Евпаторию. Мечтает и сам «попляжиться» хоть недельку на пляже. Увы, дела не позволяют ему покинуть Москву.

Жаркое лето перешло в тихую, багрянолистную осень. 1 сентября Дмитрий Николаевич отвел сына Витю «в первый раз в первый класс». Прошло еще несколько недель. 26 сентября, утром, Медведев решил пройтись пешком до Смоленской площади, где у него были дела. Этот маршрут — по Старопименовскому до ресторана «Баку», оттуда небольшой отрезок по улице Горького до площади Маяковского, а там по Садовому кольцу до Арбата — был одним из самых любимых и нахоженных. Медведев сделал несколько десятков шагов — и едва не потерял сознание от пронзительной боли под лопаткой и в груди. Чтобы не упасть, прислонился спиной к стене дома. Потом боль отступила, и он вернулся домой.

Медведева госпитализировали. Месяц в постели. Курс

интенсивного лечения. Вроде бы дело пошло на поправку. Но врачи категорически запретили работать, и никаких волнений, никаких нагрузок. Из госпиталя его направили в подмосковный санаторий.

Только поздним вечером 11 декабря Дмитрий Николаевич наконец вернулся домой. Застал желанную гостью — это приехала из Воронежа с шестилетним сыном Костей Валентина Довгер.

На следующий день у Дмитрия Николаевича собралась небольшая компания — пришли Лукин, Фролов, Гребнев с женой Галиной... Перед тем как разойтись, пели партизанские песни.

13 декабря Дмитрий Николаевич из дома не выходил. Беспричинно испортилось настроение, на душе было тревожно. Возможно, потому, что заболел сын. Делать ничего не хотелось. Ограничился тем, что просмотрел газеты и прочитал несколько писем.

Утром 14 декабря Дмитрий Николаевич попросил собрать ему завтрак в кабинете, чтобы не тревожить сына, который спал в столовой. Валя Довгер вызвалась приготовить яичницу. В половине десятого она с подносом в руках вошла в кабинет. Командир был мертв...

На столе лежал разрезанный конверт с пригласительным билетом на открывающийся 15 декабря II съезд Союза советских писателей...

Прошло почти три года. В ноябре пятьдесят седьмого года в издательстве ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия» увидела свет повесть «На берегах Южного Буга».

Сегодня имя Д. Н. Медведева носят улицы советских городов, школы, пионерские дружины, спортивные состязания. Его облик запечатлен в бронзе памятников, барельефах мемориальных досок, на памятных значках и почтовых марках. Негасимый свет его прекрасной души, великого сердца патриота несут новому поколению советской молодежи страницы написанных им книг.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Д. Н. МЕДВЕДЕВА

1898 г., 22 августа — Родился в рабочей слободе Бежица близ Брянска Орловской губернии.

1911—1917 гг. — Учеба в Бежице в мужской гимназии. Участие в революционных событиях в Бежице и Брянске.

1917 г., октябрь — 1919 г., март — Работа в советских, профсоюзных и военных учреждениях Брянска. Участие в борьбе с бандитами и анархистами.

1919 г., март — 1920 г., май — Служба в Красной Армии. Участие в боях с белыми армиями Колчака и Юденича.

1920 г., май — 1921 г., январь — Работа в Брянской ЧК. Вступление в РКП(б).

1921 г., февраль — 1922 г., август — Работа в Донгубчека. Председатель Старобельской УЧК. Участие в ликвидации махновских и местных банд.

1921 г., 17 декабря — Первая награда — золотые часы от Коллегии ВУЧК.

1922 г., август — 1926 г., апрель — Работа в ГПУ Одессы.

1926 г., весна — 1935 г., осень — Работа в органах государственной безопасности в Харькове, Днепропетровске, Херсоне, Купянске, Бердичеве, Сталине, Лубнах, Киеве, Новоград-Волынском, Кировограде. Награждение двумя именными маузерами.

1932 г., декабрь — Награждение знаком «Почетный чекист».

1933 г., весна — Создание в Новоград-Волынском детской коммуны.

1935 г., осень — 1936 г., весна — Учеба в Москве на курсах руководящего состава НКВД СССР.

1936 г., весна — 1937 г., осень — Работа в Харькове.

1938 г., — 1939 г., 3 ноября — Работа в Медвежьегорске и Норильске. Выход на пенсию.

1939 г., ноябрь — 1941 г., июнь — Живет в дачном поселке Томилино под Москвой.

1941 г., июнь — сентябрь — Возвращается на службу в органы госбезопасности. Формирует чекистский отряд.

1941 г., 7 сентября — 1942 г., 12 января — Командует отрядом «Митя», действовавшим в тылу врага на Брянщине и в Белоруссии.

1942 г., январь — июнь — Работает в центральном аппарате органов госбезопасности. Формирование и подготовка чекистского партизанского отряда «Победители».

17 февраля — Награжден орденом Ленина.

20 июня — Вторично заброшен во вражеский тыл.

1942 г., июнь — 1944 г., март — Командует отрядом «Победители», действовавшим на территории Волыни и Подолии. Организует разведывательную работу в «столице» РКУ г. Ровно и других важных центрах Украины. Руководит партизанской войной в тылу врага на Ровенщине.

1943 г., октябрь — декабрь — Руководит осуществлением актов возмездия над высшими чинами фашистской администрации в Ровно.

26 декабря — Награжден вторым орденом Ленина.

1944 г., март — 1946 г., декабрь, — Возвращается в Москву. Работает в центральном аппарате органов госбезопасности СССР. Выясняет обстоятельства гибели Н. И. Кузнецова. Участие в Параде Победы. Командировка в Литву. Награждение орденом Красного Знамени и четвертым орденом Ленина. Демобилизация и выход на пенсию.

1944 г., 5 ноября — Присвоение Д. Н. Медведеву и Н. И. Кузнецову звания Героя Советского Союза.

1947 г. — 1949 г., лето — Партийная и общественная работа в Литературном музее. Начало лекционной и писательской деятельности. Работа над пьесой и первыми книгами.

1948 г., 24 февраля — Премьера во Львове спектакля «Сильные духом» по пьесе Д. Медведева и А. Гребнева.

Осень — Выход во Львове книги «Отряд идет на Запад» и в Москве в Детгизе повести «Это было под Ровно».

1949 г., осень — 1954 г., декабрь — Общественная и партийная деятельность в Московском отделении Союза советских писателей. Работа над новыми книгами.

1951 г., июнь — В Воениздате вышла книга «Сильные духом».

1954 г., 14 декабря — Смерть Д. Н. Медведева.

1957 г., ноябрь — В издательстве ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия» выходит книга Д. Медведева «На берегах Южного Буга», завершенная после его смерти А. В. Гребневым.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Медведев Д. Отряд идет на Запад.
Медведев Д. Это было под Ровно.
Медведев Д. Сильные духом.
Медведев Д. На берегах Южного Буга.
Афонин С. Г. Шаги над пропастью. Саранск, 1978.
Бычков Л. Н. Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны. М., 1965.
Гладков Т. К., Смирнов М. А. Менжинский. М., 1969.
Гладков Т. К., Лукин А. А. Девушка из Ржева. М., 1974.
Гладков Т. К., Лукин А. А. Прерванный прыжок. — В сб.: Чекисты рассказывают. М., 1972.
Гнидюк Н. А. Медведевцы в Ровно. — В сб.: Фронт без линии фронта. М., 1970.
Голинков Д. Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. М., 1978.
Даниленко С. Т. Дорогою ганьби і зради. Історична хроніка. Киев, 1972.
Дмитрук К. Е. Свастика на сутанах. М., 1976.
Из истории ВЧК. М., 1958.
Кочетков В., Толмач М. Неустрашимые. Куйбышев, 1963.
Кулаков Г. Н. Дневник комиссара. М., 1967.
Маймескулов Л. Н., Рогожин А. И., Сташис В. В. Всеукраинская чрезвычайная комиссия. Харьков, 1971.
Масловський В. І. Дорога в безодню. Львов, 1978.
На защите революции. Из истории Всеукраинской чрезвычайной комиссии. 1917—1922 гг. Киев, 1971.
Лукин А. А., Гладков Т. К. Николай Кузнецов. М., 1971.
Німецько-фашистский оккупаційний режим на Україні. Киев, 1963.
Партия во главе народной борьбы в тылу врага. М., 1976.
Семенов В. Г. Отряд особого назначения. Красноярск, 1981.
Софинов П. Г. Очерки истории Всероссийской чрезвычайной комиссии. М., 1960.
Стенанов Л. До історіі антифашистськоі боротьби на Ровенщині. Львов, 1966.
Стехов С. Т. Загін особливого призначення. Киев, 1979.
Тишков А. В. Дзержинский. М., 1974.
Харитонов Б. П. На исходе ночи. Львов, 1978.
Цессарский А. В. Жизнь Дмитрия Медведева. М., 1969.
Цессарский А. В. Записки партизанского врача. М., 1977.
Чередниченко В. Націоналізм проти нації. Киев, 1970.

Автор приносит глубокую благодарность родным и близким Д. Н. Медведева, чекистам, ветеранам-медведевцам, отдельным лицам и сотрудникам государственных учреждений, музеев и архивов Москвы, Брянска, Киева, Одессы, Донецка, Ровно, оказавшим ему содействие в работе над этой книгой.

СОДЕРЖАНИЕ

ИБ № 3955

Теодор Кириллович Гладков
МЕДВЕДЕВ

Редактор **В. Левченко**
Серийная обложка **Ю. Арндта**
Художественный редактор **А. Степанова**
Технический редактор **Н. Носова**
Корректор **И. Ларина**

Сдано в набор 16.04.85. Подписано в печать 21.08.85. А00874. Формат 84×108 1/32. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая. Усл. печ. л. 15,96 + +1,78 вкл. Усл. кр.-отт. 19,73. Учетно-изд. л. 19,2. Тираж 150 000 экз. (75 001—150 000 экз.). Цена 1 р. 50 к. Зак 2575.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

1 р. 50 к.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

ЖЗЛ
МЕДВЕДЕВ
Теодор Гладков